

**ВЕСТНИК
РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ**

**СЕРИЯ:
ИСТОРИЯ РОССИИ**

Том 18, № 3, Август 2019

**Научный журнал
Издается с 2002 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61173 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

**RUDN JOURNAL
OF RUSSIAN HISTORY**

VOL. 18, № 3, AUGUST 2019

Founded in 2002

Founder: Peoples' Friendship University of Russia

DOI: 10.22363/2312-8674-2019-18-3

<http://journals.rudn.ru/russian-history>

2312-8674 (Print); ISSN 2312-8690 (Online)

Published four times a year in February, May, August, November.

Languages: Russian and English.

Indexed in Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics), Russian Science Citation Index, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, DOAJ, Dimensions, EBSCOhost.

Aims and Scope

RUDN Journal of Russian History is a periodical international peer-reviewed scientific publication in the field of historical research. The journal publishes original articles and reviews about the historical identity of the Russian state, consisting primarily in its ethno-national and ethno-confessional composition, the processes of mutual influence and enrichment of cultures. The journal also publishes materials on history and current state of Russia's relations with the peoples of Europe, Asia, America, Africa as well as its efforts to promote its foreign cultural diplomacy. The journal is aimed at cooperation and scientific exchange in the field of historical knowledge, publication of the results of fundamental and applied researches of Russian and foreign scientists studying the process of objective development of the peoples of our country in the context of general pre-revolutionary, Soviet and modern history of Russia. The editorial board of the journal invites researchers working in line with the above areas to prepare special thematic issues.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>.

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues since 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/russian-history>.

E-mail: rushistj@rudn.ru.

Printing run 500 copies. Open price
Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
"Peoples' Friendship University of Russia" (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia
Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russia
Ph.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

2312-8674 (Print); ISSN 2312-8690 (Online)

4 выпуска в год: февраль, май, август, ноябрь.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Публикует статьи по двум научным специальностям согласно номенклатуре ВАК РФ: 07.00.02 – Отечественная история (исторические науки) и 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки).

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat, East View, Dimensions, Directory of Open Access Journal (DOAJ), Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics), EBSCOhost.

Цель и задачи

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России» – периодическое международное рецензируемое научное издание в области исторических исследований. Журнал публикует оригинальные статьи, рецензии и обзоры, в которых раскрывается историческое своеобразие России, состоящее, прежде всего, в ее этнонациональном и этноконфессиональном многообразии, процессах взаимовлияния и взаимообогащения культур. Журнал публикует также материалы по истории и современному состоянию транснациональных связей России с народами Европы, Азии, Америки, Африки и ее усилиям, направленным на развитие культурного диалога. Журнал нацелен на обеспечение сотрудничества в области исторического знания, публикацию результатов фундаментальных и прикладных научных исследований российских и зарубежных ученых, изучающих прошлое и настоящее народов нашей страны в контексте современных научных подходов. Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству исследователей, работающих в русле вышеуказанных направлений, для подготовки специальных тематических выпусков.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>.

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/russian-history>.

E-mail: rushistj@rudn.ru.

Подписано в печать 20.08.2019. Выход в свет 30.08.2019. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 20,15. Тираж 500 экз. Заказ № 1095. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

HONORARY EDITOR

Michael Kemper, *University of Amsterdam, Netherlands* (M.Kemper@uva.nl)

EDITOR-IN-CHIEF

Marina N. Moseykina, *RUDN University, Russia* (moseykina-mn@rudn.ru)

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Rafael A. Arslanov, *RUDN University, Russia* (arslanov-ra@rudn.ru)

EXECUTIVE SECRETARY

Gadilya G. Kornoukhova, *RUDN University, Russia* (kornoukhova-gg@rudn.ru)

EDITORIAL BOARD

Alexander Y. Bendin, *Belarusian State University, Belarus*

David L. Brandenberger, *University of Richmond, USA*

Vladimir P. Buldakov, *Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Stephen F. Cohen, *Princeton University and New York University, USA*

Michael David-Fox, *Georgetown University, USA*

Vladimir G. Datsyshen, *Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia*

Julie Hessler, *University of Oregon, USA*

Catriona Kelly, *University of Oxford, United Kingdom*

Oleg V. Khlevniuk, *National Research University Higher School of Economics, Russian Federation*

Alexander M. Martin, *University of Notre Dame, Notre Dame, USA*

Ivan O. Peshkov, *Adam Mickiewicz University in Poznań, Poland*

Olga S. Porshneva, *Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia*

David Schimmelpenninck van der Oye, *Brock University, Canada*

Rinat N. Shigabdinov, *Institute of History of The Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan*

Irena Vladimirsky, *Academic College of Ahva, Israel*

Review Editor Iu.A. Zaikina

Layout Designer Iu.A. Zaikina

Address of the Editorial Board:

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russia

Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the Editorial Board of RUDN Journal of Russian History:

10 Miklukho-Makhlaya St., bldg. 2, Moscow, 117198, Russia

Ph.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ПОЧЕТНЫЙ РЕДАКТОР

Кемпер Микаэль, *Амстердамский университет, Голландия (M.Kemper@uva.nl)*

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Мосейкина Марина Николаевна, *РУДН, Россия (moseykina-mn@rudn.ru)*

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Арсланов Рафаэль Амирович, *РУДН, Россия (arslanov-ra@rudn.ru)*

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Корноухова Гадиля Гизатуллаевна, *РУДН, Россия (kornoukhova-gg@rudn.ru)*

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Бендин А.Ю., *Белорусский государственный университет, Республика Беларусь*

Бранденбергер Дэвид, *Ричмондский университет, США*

Булдаков В.П., *Центр изучения новейшей истории России и политологии
Института российской истории РАН, Москва, Россия*

Владимирски Ирена, *Академический колледж Ахва, Израиль*

Дацьшен В.Г., *Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия*

Дэвид-Фокс Майкл, *Джорджтаунский университет, США*

Келли Катриона, *Оксфордский университет, Великобритания*

Коэн Стивен Ф., *Принстонский университет и Нью-Йоркский университет, США*

Мартин Александр М., *Нотрдамский университет, США*

Пешков И.О., *Университет имени Адама Мицкевича в Познани, Польша*

Поршнева О.С., *Уральский федеральный университет*

имени Первого президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Схиммельпэннинк ван дер Ойе Давид, *Брокский университет, Канада*

Хесслер Джули, *Орегонский университет, США*

Хлевнюк О.В., *Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики», Москва, Россия*

Шигабдинов Р.Н., *Институт истории Академии Наук Республики Узбекистан*

Литературный редактор Ю.А. Заикина

Компьютерная верстка: Ю.А. Заикина

Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов
115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии серии «История России»:

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.ru

CONTENTS

Julie Hessler , In this issue	488
--	-----

TRANSNATIONAL EXCHANGE

Stepan V. Dzhundzhuzov, and Sergey V. Lyubichankovskiy , Impact of the Russo-Turkish War of 1735–1739 on the construction of relations between the Russian Empire and nomadic peoples of the Southern Urals and Central Asia (based on materials from Orenburg Expedition) (<i>in Russ. & Eng.</i>)	494
Dmitry A. Khitrov , From Sloboda Province to Kharkov Governorate: the reform of administrative-territorial structure of Sloboda Ukraine in 1780	525
Denis V. Konkin , Crimea in the era of Napoleon: the “French trace” in regional politics	540
Zalina V. Kanukova, and Berta V. Tuaevea , The Persian community in Vladikavkaz: preserving ethnic identity in an alien cultural environment (<i>in Russ. & Eng.</i>)	560
Fedor L. Sinitsyn , Transboundary nomadism in the USSR in the 1920s	589
Lyudmila K. Ryabova, and Maria I. Kosorukova , Russian émigré life in France as covered by Soviet literary magazines of the first half of the 1920s	605
Igor Yu. Kotin, Nina G. Krasnodembskaya, Elena S. Soboleva , The First Russian Ethnographic Expedition to Ceylon and India (1914–1918) (<i>in Russ. & Eng.</i>)	619
Ranjana Devamitra Senasinghe , The geography of Nicholas Roerich’s travels in Ceylon (on the basis of the artist’s writings and paintings)	642

ARTICLES

Gadilya G. Kornoukhova , The role of the Russian government in the development of Caspian Sea trade with Persia in the second half of the 19 th – early 20 th century	661
Evgeniy A. Khapaev, and Ivan A. Chukanov , The training of production personnel at industrial enterprises of Ulyanovsk region during the Great Patriotic War	683

BOOK REVIEWS

Natalia G. Georgieva (reviewer), Brandenberger, David L. <i>Krizis stalinskogo agitpropa: propaganda, politprosveshcheniye i terror v SSSR, 1927–1941</i> [<i>Crisis of Stalin’s agitprop: propaganda, political education and terror in the USSR, 1927–1941</i>]. Moscow: Politicheskaya encyclopedia Publ., 2017. 367 p.	699
Demian G. Vaisman (reviewer), Gentshke, Valeria L., Sabennikova, Irina V., and Lovtsov, Alexander S. <i>The researchers of Russian Diaspora: biobibliographical reference book</i> . Moscow; Berlin: Direct-Media Publ., 2018. 396 p.	710
Svetlana N. Brezhneva (reviewer), Bekkin, Renat I. <i>A.E. Schmidt: biografiya, nauchnaya perepiska, izbrannyye trudy, bibliografiya</i> [<i>A.E. Schmidt: biography, scientific correspondence, selected works, bibliography</i>]. Moscow: Sadra Publ., 2018. 504 p.	714
Alexander V. Sidorov (reviewer), Korzun, V.P., Bychkov, S.P., and Alevras, N.N., eds., <i>Mir istorika: istoriograficheskiy sbornik</i> [<i>The world of the historian: a historiographic collection</i>]. Issue 12. Omsk: Omsk State University Publishing House, 2019. 512 p.	720

INFORMATION

Submission guidelines	726
Call for papers for the 2020 annual program	727

СОДЕРЖАНИЕ

Хесслер Дж. В этом номере 488

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЙ ОБМЕН

Джунджузов С.В., Любичанковский С.В. Влияние Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. на выстраивание отношений империи с кочевыми народами Южного Урала и Центральной Азии (по материалам Оренбургской экспедиции) *(на рус. и англ. яз.)* 494

Хитров Д.А. От Слободской губернии к Харьковскому наместничеству: реформа административно-территориального устройства Слободской Украины в 1780 г. 525

Конкин Д.В. Крым в наполеоновскую эпоху: «французский след» в региональной политике 540

Канукова З.В., Туаева Б.В. Персидская община во Владикавказе: механизмы сохранения этнической идентичности в инокультурной среде *(на рус. и англ. яз.)* 560

Синицын Ф.Л. Трансграничное кочевье в СССР в 1920-е годы 589

Рябова Л.К., Косорокова М.И. Русские эмигранты во Франции в отражении советских литературных журналов первой половины 1920-х годов 605

Котин И.Ю., Краснодембская Н.Г., Соболева Е.С. Первая русская этнографическая экспедиция на Цейлон и в Индию (1914–1918) *(на рус. и англ. яз.)* 619

Сенасингхе Р.Д. География путешествия Николая Рериха по Цейлону (версия, выстроенная по письменным источникам и картинам художника) 642

СТАТЬИ

Корноухова Г.Г. Роль российского правительства в развитии каспийской морской торговли с Персией во второй половине XIX – начале XX в. 661

Хапаев Е.А., Чуканов И.А. Подготовка производственных кадров на промышленных предприятиях Ульяновской области (округа) в годы Великой Отечественной войны 683

РЕЦЕНЗИИ

Георгиева Н.Г. (рецензент). Бранденбергер Д. Кризис сталинского агитпропа: пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927–1941 / пер. с англ. А.А. Пешкова, Е.С. Володиной. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 367 с. (Серия «История сталинизма») 699

Вайсман Д.Г. (рецензент). Гентшке В.Л., Сабенникова И.В., Ловцов А.С. Исследователи Русского зарубежья: биобиблиографический словарь = The researchers of Russian Diaspora: biobibliographical reference book. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2018. 396 с. *(на англ. яз.)* 710

Брежнева С.Н. (рецензент). Беккин Р.И. А.Э. Шмидт: биография, научная переписка, избранные труды, библиография. М.: Садра, 2018. 504 с. (Серия «Российское востоковедение») 714

Сидоров А.В. (рецензент). Мир историка: историографический сборник / редкол.: В.П. Корзун (отв. ред.), С.П. Бычков (отв. ред.), Н.Н. Алеврас и др. Вып. 12. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2019. 512 с. 720

ИНФОРМАЦИЯ

Правила оформления статей 726

Тематический портфель журнала на 2020 г. 727

Редакционная статья / Editorial article

В этом номере

In this issue

Джули Хесслер

1288 Орегонский университет, г. Юджин, OR 97403-1288, США; hessler@uoregon.edu

Julie Hessler

1288 University of Oregon, Eugene, OR 97403-1288, USA; hessler@uoregon.edu

В очередном номере *Вестника Российского университета дружбы народов. Серия: История России/RUDN Journal of Russian History* представлены материалы, посвященные проблемам транснационального обмена государств и народов на разных этапах их исторического развития. В связи с миссией журнала в нем анализируются усилия России и СССР по продвижению собственных геополитических интересов с использованием различных практик, культурной дипломатии, в том числе в отношении народов, которые в разные исторические периоды входили в состав Российской империи и СССР. В статьях выпуска рассматриваются взаимосвязи внутренних и внешнеполитических факторов развития страны, дается оценка роли международного влияния на развитие советской системы в годы ее становления и в позднесоветский период.

В статье *С.В. Джунджузова и С.В. Любичанковского* раскрывается сложившаяся в 1730-е гг. модель взаимоотношений Российской империи с кочевыми народами Южного Урала и Центральной Азии. В качестве фактора влияния на геополитическую обстановку в зоне юго-восточного фронта в рассматриваемый период авторы выделяют Русско-турецкую войну 1735–1739 гг. Привлечение новых архивных источников из истории организации и деятельности Оренбургской экспедиции позволило авторам раскрыть ее роль в регулировании конфликтных ситуаций между степными подданными империи и пресечении угроз в их адрес со стороны соседних государств. Приводимый в статье материал подтверждает вывод авторов о том, что Россия не только ставила задачу распространения собственного протектората на Казахскую степь, а позднее и Центральную Азию, но и в случае внешней угрозы выступала в роли союзника и миротворца, заставляя кочевников искать ее покровительства.

Статья *Д.А. Хитрова* посвящена анализу реализации губернской реформы 1775 г. на территории Харьковского наместничества, когда произошел отказ от старой, исторически сложившейся системы уездного деления, в пользу новой. В ее основе лежал принцип примерного равенства населения равных по статусу административных единиц и максимальной доступности административных центров. Автор убедительно показывает, какое значение данная реформа имела для так называемых контактных зон, территорий с неоднородным населением,

где одновременно проживали представители разных социальных групп и сосуществовали административные единицы различного происхождения. Примером служит территория Слободской Украины, где вплоть до открытия Харьковского наместничества в 1780 г. уездное деление (характерное для территорий, занятых русской колонизацией) сосуществовало с украинским полковым делением, возникшим еще во второй половине XVII в. Хорошим иллюстративным материалом для анализа реформы административно-территориального устройства Слободской Украины служат детально реконструированные автором карты административного деления территории Харьковского наместничества до и после реформы.

Исследованию «французского следа» в региональной политике Российской империи на примере Крыма в наполеоновскую эпоху посвящена статья *Д.В. Конкина*. Автор на солидной источниковой базе, включающей зарубежные (преимущественно французские) источники, показывает, какое внимание в наполеоновскую эпоху уделялось полуострову со стороны Франции. Приводятся аргументированные доказательства того, как в сложных внешнеполитических условиях наполеоновская Франция следила за ситуацией в регионе, пытаясь оказать давление на политику Османской империи в отношении этой российской провинции, населенной преимущественно мусульманским населением (для чего использовались обещания вернуть полуостров в сферу влияния Турции). Одновременно в статье нашла отражение позиция царских властей, которые противостояли подобным попыткам. Любопытно, что свою роль в этом, особенно во время русско-турецкого конфликта 1806–1812 гг., сыграли состоявшие на русской службе французы – новороссийский губернатор Э.О. Ришельё и глава черноморского флота И.И. Траверсе.

Известными специалистами в области этнографии и культуры народов Южной Азии, представляющими Музей антропологии и этнографии (Кунсткамеру) РАН, *И.Ю. Котиным*, *Н.Г. Краснодембской*, *Е.С. Соболевой* подготовлена статья, посвященная истории первой русской этнографической экспедиции на Цейлон и в Индию (1914–1918), которую осуществили супруги Мерварты. В контексте истории транснациональных контактов и научных связей России с зарубежным миром авторами с привлечением новых архивных и опубликованных материалов рассмотрены многие малоизвестные аспекты деятельности участников экспедиции, проанализирован ее маршрут, показана роль и трагическая судьба исследователей. Благодаря представленному в статье материалу читатель осознает значение собранных Мервартами коллекций и материалов для формирования индологии и этнографии Южной Азии в России 1920–1930-х гг.

Ранджана Д. Синасингхе продолжает тему «открытия русскими Южной Азии» в своей статье, посвященной малоизвестным страницам биографии Н.К. Рериха, в рамках которой реконструируется география и хронология путешествия известного русского мыслителя и художника по Цейлону во время его Центрально-Азиатской экспедиции 1923–1928 гг. Автор, опираясь на документальную базу, подкрепленную визуальными источниками, представленными картинами Н.К. Рериха из цикла «Ашрам», уточняет датировку пребывания художника на острове и конкретные места его посещения, в рамках которого были установлены личные

контакты и духовные связи русского путешественника с представителями религиозных и светских кругов этой страны.

Проблемам миграционных перемещений населения внутри Российской империи и СССР, а также истории российских диаспор за рубежом и их связям с родиной посвящены статьи З.В. Кануковой, Б.В. Туаевой, Ф.Л. Сеницына, Л.К. Рябовой, М.И. Косоруковой.

В статье *З.В. Кануковой* и *Б.В. Туаевой* на основе архивных источников и публицистических материалов показана история формирования персидской диаспоры в Осетии во второй половины XIX в., раскрыты особенности ее адаптации и механизмы внутриэтнической консолидации. Вызывают интерес представленные в статье материалы, раскрывающие вклад персидской диаспоры в экономическое развитие принимающего общества, позволяющие считать этническое предпринимательство персов в качестве основы их жизнеустройства. Авторами исследованы уровень сохранения традиционной культуры персов, праздничной и обрядовой сторон их повседневной жизни, а также формы манифестации общинного поведения и межкультурных коммуникаций с полиэтничным населением Владикавказа.

В статье *Ф.Л. Сеницына* в контексте истории миграционных процессов у кочевых народов раскрывается политика Советского государства 1920-х гг. в отношении трансграничного кочевья между СССР и сопредельными странами, включая Китай, Монголию, Туву, Афганистан и Персию. На богатой источниковой базе, прежде всего архивной, автором раскрывается стратегическая роль, которую играли в рассматриваемый период приграничные кочевые регионы, в частности Бурятия, Казахстан, Киргизия, Туркмения, через которые осуществлялись транснациональный обмен и международные контакты СССР с соседями. Одновременно приводимые в статье факты объясняют и важность для СССР минимизации или полной ликвидации трансграничного кочевья с целью установления в дальнейшем полного контроля за миграционными процессами.

Статья *Л.К. Рябовой* и *М.И. Косоруковой* посвящена отражению на страницах советских литературных журналов первой половины 1920-х гг. темы русской послереволюционной эмиграции во Франции. В основу анализа проблемы авторами положены материалы (рецензии, хроники событий, литературные обзоры, тематические подборки) таких известных журналов, как «Книга и революция», «Красная новь» и других, анализ которых позволил сделать вывод о сохранявшемся в первой половине 1920-х гг. диалоге между русской интеллигенцией во Франции и в Советской России. При этом, как убедительно показано в статье, подобные коммуникации реже были политизированы и чаще носили характер профессиональной дискуссии в области теории литературы и искусства, что продолжало традицию дореволюционной практики культурных связей двух стран.

Публикации тематического номера представляются значимыми для научной общественности и широкого круга читателей, особенно в условиях активизации современных миграционных процессов и транснациональных обменов. В статьях на основе впервые вводимых в научный оборот и опубликованных источников, а также последних достижений российской и зарубежной историографии поднимаются важные, в том числе дискуссионные, для исторической науки сюжеты,

которые привлекают внимание специалистов и тем самым обозначат новые аспекты в изучении столь актуальной сегодня в глобальном масштабе проблемы транснационального обмена.

ENG

This issue of the *RUDN Journal of Russian History* focuses on transnational exchanges between peoples and states. In connection with the journal's mission, the issue explores the ways that Russia and the USSR promoted their geopolitical interests in interactions with neighboring peoples, many of whom were eventually incorporated into the Russian or Soviet state, as well as the interactions of Russians with diaspora communities. The articles of the issue consider the relationship between domestic and foreign policy factors in the country's development, including international influences on the development of the Soviet system.

The article by S.V. Dzhundzhuzov and S.V. Lyubichankovskiy focuses on the Russian Empire's southeastern frontier zone in the 1730s. The authors investigate relations between Russia and nomadic peoples of the Southern Urals and Central Asia, highlighting the geopolitical impact of the Russo-Turkish war of 1735–1739. Using new archival sources, the authors show that the Orenburg Expedition intervened in conflicts between warring steppe peoples and helped curb threats against them from neighboring states. The authors conclude that while Russia used the Expedition to establish a protectorate over the Kazakh steppe, and later over Central Asia, it also acted as peacemaker and an ally against external forces, inducing nomadic peoples to seek its protection.

D.A. Khitrov analyzes the provincial reform of 1775 in the Kharkiv viceregency, which reorganized the territorial division of the province. In place of historically-established counties, it established administrative units on the basis of population equality, striving at the same time for maximum accessibility of administrative centers. The author shows the particular importance of this reform for so-called 'contact zones,' territories with heterogeneous populations and, in some cases, heterogeneous administrative structures. An example is the territory of Sloboda Ukraine, where, until 1780, the county division (characteristic of the territories occupied by Russian colonization) coexisted with the Ukrainian regimental division, which arose in the second half of the 17th century. Among other sources, the author uses reconstructed maps of the administrative division of the territory of Kharkiv vicegerency before and after the reform.

D.V. Konkin's article explores the French imprint on the regional policy of the Russian Empire in Crimea during the Napoleonic era. Using both Russian and French sources, the author highlights French interest in the peninsula, showing that Napoleonic France both observed the situation in Crimea carefully and attempted to influence the course of events there by promising the Ottoman Empire to restore Ottoman rule there. The article also analyzes the reaction of the tsarist authorities to these attempts, which posed a threat to Russian territorial integrity. Interestingly, two of the leading figures on the Russian side during the Russo-Turkish conflict of 1806–1812 were French men in the Russian service – E.O. Richelieu, the governor of Novorossiysk, and I.I. Traversay, the head of the Black Sea Fleet.

Two articles in the issue are devoted to interactions between Russia and South Asia. Three prominent specialists in the ethnography and cultures of South Asia from the Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAN, I.Iu. Kotin, N.G. Krasnodemskaia, and E.S. Soboleva, have prepared an article on the history of the first Russian ethnographic expedition to India and Ceylon, carried out by the Meerwarth husband-and-wife team in 1914–1918. The authors bring new archival and published sources to bear on this topic and place it in the context of the history of Russia's transnational contacts and scholarly ties with the outside world. They shed light on many lesser-known aspects of the expedition and the Meerwarths' activities and analyze their travel itinerary, highlighting the role and tragic fate of the Meerwarths themselves. Thanks to their research, the reader will appreciate the significance of the Meerwarths' collections and contributions to the development of Indian studies and ethnography of South Asia in Russia during the 1920s and 1930s.

The theme of 'Russians' discovery of South Asia' is also the focus of Ranjana Devamitra Senasinghe's article, centered on unfamiliar pages in the biography of the famous Russian thinker and artist N. K. Roerich. The author reconstructs the geography and chronology of Roerich's travels across Ceylon during his Central Asian expedition of 1923–1928. Drawing on written documentation as well as Roerich's paintings from the 'Ashram' cycle, the author identifies the dates of the artist's stay on the island and the specific sites that he visited as well as the personal and spiritual contacts that Roerich made with representatives of religious and secular circles in Ceylon.

Migration and diasporas are the subject of articles by Z.V. Kanukova, B.V. Tuaeva, F.L. Sinitsyn, L.K. Ryabova, and M.I. Kosorukova. Z.V. Kanukova and B.V. Tuaeva chronicle the history of the Persian diaspora in Ossetia in the second half of the 19th century, emphasizing specific features of its adaptation to the Ossetian setting and community building. Their article discusses the contribution of the Persian diaspora to the economic development of Vladikavkaz and the Terek region, based on ethnic entrepreneurship within specific economic niches, as well as intercultural interactions between Persians and other ethnic groups in Vladikavkaz. With respect to community building and cultural preservation, the authors describe the elements of traditional Persian culture, including holidays and ritual aspects of daily life, that were transplanted to the new setting, and observe that this diaspora's communal institutions differed from those of most other diaspora communities.

Articles by F.L. Sinitsyn and L.K. Ryabova and M.I. Kosorukova move forward in time to the early Soviet period. F.L. Sinitsyn's article centers on cross-border nomadism between the USSR and neighboring countries, including China, Mongolia, Tuva, Afghanistan and Persia, in the 1920s. Using a rich, primarily archival, source base, the author considers the strategic role played by the nomadic border regions (Buryatia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Turkmenistan), through which transnational exchange and international contacts between the USSR and its neighbors occurred. The article argues that the Soviet state sought to minimize or completely eliminate cross-border nomadism in order to establish full control over migration processes.

L.K. Ryabova and M.I. Kosorukova look westward to analyze cross-border communications between the Russian diaspora in France and the Soviet intelligentsia in

the first half of the 1920s. Focusing on the treatment of Russian émigré intellectuals in Soviet literary magazines, such as *The Book and the Revolution*, *Krasnaya Nov*, the authors show that a dialogue between the Russian intelligentsia in France and in Soviet Russia was preserved in the first half of the 1920s. Reviews, chronicles of events, literary reviews, and thematic collections devoted to the émigré intellectuals in the Soviet literary press suggest that these interactions were less politicized and more often had the character of professional discussion in the field of theory of literature and art than has sometimes been assumed. In this respect, literary interactions between Russian writers in France and in the USSR fostered continuity in the cultural relations of these two countries across the revolutionary divide.

We hope that readers will find the themes of this special issue topical in light the intensification of migration processes and transnational exchanges in today's world. Despite their chronological and thematic variety, all of the articles bring new sources to the attention of the scholarly community and discuss important dimensions of migration, diasporas, and transnational exchange between Russians and other peoples.

Информация об авторе / Information about the author

Хесслер Джули, доктор исторических наук (PhD), доцент кафедры истории Орегонского университета (США). **Julie Hessler**, Ph.D. in History, Associate Professor of History, University of Oregon (USA).

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-3-494-524>

Научная статья / Research article

**Влияние Русско-турецкой войны 1735–1739 гг.
на выстраивание отношений империи с кочевыми народами
Южного Урала и Центральной Азии
(по материалам Оренбургской экспедиции)**

С.В. Джунджужов^а, С.В. Любичанковский^а

^а Оренбургский государственный педагогический университет;
460844, Россия, Оренбург, ул. Советская, 19; kaf_rushistory@ospu.su

**Impact of the Russo-Turkish War of 1735–1739
on the construction of relations between the Russian Empire
and nomadic peoples of the Southern Urals and Central Asia
(based on materials from Orenburg Expedition)**

Stepan V. Dzhundzhuzov^а, Sergey V. Lyubichankovskiy^а

^а Orenburg State Pedagogical University; 19 Sovetskaya St., Orenburg, 460844, Russia;
kaf_rushistory@ospu.su

Аннотация: В статье рассматривается сложившаяся в 1730-е гг. модель взаимоотношений Российской империи с кочевыми народами Южного Урала и Центральной Азии. Авторы выделяют наименее изученный аспект данной проблемы – влияние Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. на геополитическую обстановку в зоне юго-восточного фронта и значение Оренбургской экспедиции (комиссии) в регулировании конфликтных ситуаций между степными подданными империи, а также в пресечении угроз в их адрес со стороны соседних государств. Источниковой базой исследования послужили материалы фондов Оренбургской комиссии и Оренбургской экспедиции Государственного архива Оренбургской области. Авторы не разделяют мнения о том, что Оренбургская экспедиция создавалась исключительно в качестве механизма имперской колониальной политики, но и не отрицают ее значения в распространении российского протектората на Казахскую степь, а позднее и на Центральную Азию. Во время войны усилия России были направлены на предотвращение казахских набегов на калмыцкие кочевья, отвлекавших калмыков от участия в походах против воевавших на стороне Турции крымских и кубанских татар. В статье показано, что Оренбургская экспедиция, немногочисленные войска которой были задействованы для подавления башкирского восстания, могла оказывать калмыкам в основном лишь дипломатическую поддержку. Установлению военной гегемонии казахских жузов в приуральских степях помешала агрессивная политика Джунгарского ханства, направленная на завоевание Казахстана. Только решительная позиция России, заявившей о готовности защитить своих казахских подданных, заставила джунгарского правителя Голдан-Цэрена отказаться от притязаний на Казахскую степь. Авторы приходят к выводу о том, что политика России в данном регионе заключалась в недопущении между степными народами продолжительных во-

© Джунджужов С.В., Любичанковский С.В., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

енных конфликтов и в то же время в нейтрализации любых попыток их военного объединения. Выступление в роли миротворца, а в случае внешней угрозы и надежного союзника, поднимало авторитет империи, заставляло кочевников искать ее покровительства и подчиняться ее воле.

Ключевые слова: власть, война, империя, колониальная политика, кочевники, Оренбургская экспедиция (комиссия), ханство

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01008), реализуемого в Оренбургском государственном педагогическом университете.

Для цитирования: Джунджузов С.В., Любичанковский С.В. Влияние Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. на выстраивание отношений империи с кочевыми народами Южного Урала и Центральной Азии (по материалам Оренбургской экспедиции) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2019. Т. 18. № 3. С. 494–524. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-3-494-524>

Abstract: The article considers the pattern of relationship between the Russian Empire and the nomadic peoples of the Southern Urals and Central Asia in the 1730s. The authors study the impact of the Russo-Turkish War of 1735–1739 on the geopolitical situation in the southeastern frontier zone, and review the significance of the Orenburg Expedition (Commission) to the settlement of conflicts among the steppe subjects of the empire as well as for preventing threats to them coming from neighboring states. The study is based on materials of the Orenburg Commission and the Orenburg Expedition preserved in the State Archive of the Orenburg region. The authors do not share the opinion that the Orenburg Expedition was founded exclusively as a mechanism of imperial colonial policy, but neither do they deny its role in expanding Russia's protectorate into the Kazakh steppe, and later into Central Asia. During the war, Russia aimed at preventing Kazakh raids against the Kalmyk nomads, for such raids prevented the Kalmyks from participating in the campaigns against the Crimean and Kuban Tatars who fought alongside Turkey. The article shows that the Orenburg Expedition, whose few troops were involved in suppressing the Bashkir uprising, were only able to provide the Kalmyks with diplomatic support. The aggressive policy of the Dzungar Khanate, aimed at the conquest of Kazakhstan, prevented the Kazakh Zhuzhes from establishing military hegemony in the Ural steppes. Only the firm stance of Russia, which declared its readiness to protect its Kazakh subjects, made the Dzungar ruler Goldan-Tseren renounce his claims to the Kazakh steppes. The authors conclude that the policy of Russia in this region was to prevent prolonged military conflicts among the steppe peoples while at the same time neutralizing any attempts at their military unification. Russia assumed the role of a peacemaker, and, in the case of external threat, of a reliable ally; this raised the authority of the empire and forced the nomads to seek its patronage and submit to its will.

Keywords: power, war, empire, colonial policy, nomads, Orenburg Expedition (commission), khanate

Acknowledgements: The research was carried out with the support of the Russian State Research Foundation (RFFI). Project No. 17-18-01008.

For citation: Dzhundzhuzov, Stepan V., and Lyubichankovskiy, Sergey V. "Impact of the Russo-Turkish War of 1735–1739 on the construction of relations between the Russian Empire and nomadic peoples of the Southern Urals and Central Asia (based on materials from Orenburg Expedition)," *RUDN Journal of Russian History* 18, no. 3 (August 2019): 494–524. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-3-494-524>

Введение

Заданный Петром I активный политический курс, направленный на завоевание черноморского побережья и расширение российской территории на кавказском и юго-восточном азиатском направлениях, продолжился и при его преемниках. Правительство Анны Иоанновны пыталось решать обе задачи одновременно.

Продолжавшаяся почти четыре года война с Турцией за владение Крымом и западной частью Северного Кавказа не привела к желаемым результатам. Единственным значимым для России «трофеем», согласно условиям подписанного в 1739 г. в Белграде мирного договора, стало возвращение Азова, лишенного крепостных укреплений. Товарищами по оружию русских солдат и казаков в этой войне были калмыки. В то же время и само Калмыцкое ханство, располагавшееся в междуречье Яика (Урала), Волги и Дона и имевшее весьма неопределенные степные границы, подвергалось частым грабительским набегам со стороны киргиз-кайсаков (далее – казахов). Серьезную угрозу также представляла подстрекательская деятельность крымских и турецких эмиссаров, призывавших башкир и казахов не подчиняться власти «белого царя». Нейтрализовать подрывную деятельность Порты и «подобрать ключи» к умиротворению исповедующих ислам воинственных кочевников была призвана посредническая дипломатия начальников Оренбургской экспедиции (комиссии) и губернаторов соседних Астраханской и Сибирской губерний.

В современной историографии проблематика включения кочевых народов в орбиту Российской империи подверглась пристальному изучению, причем явно выделяется линия на отказ от «колониального подхода» как чрезмерно узко понимающего особенности этого процесса¹. Однако применительно к деятельности Оренбургской экспедиции (комиссии) и аспекту влияния внешнего геополитического фактора на формирование политики Российской империи в отношении кочевых народов Центральной Азии данная проблема до сих пор остается одной из дискуссионных и малоизученных. Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы закрыть это белое пятно.

Оренбургская экспедиция, с 1737 г. – комиссия, была образована в 1734 г. Создание экспедиции определялось стремлением Российской империи укрепиться на вошедших в ее состав еще во второй половине XVI в., но слабо интегрированных территориях Заволжья, Башкирии и Зауралья, и добиться распространения российского протектората на Казахскую степь и Центральную Азию. Большинство дореволюционных историков рассматривали Оренбургскую экспедицию в качестве проводника имперской колониальной политики², поводом для которой

¹ *Дмитриев В.В., Любичанковский С.В.* Южные окраины Российской империи и проблема колониализма (на материалах внутренней политики России по отношению к крымским татарам в конце XVIII – начале XX в. // *Былые годы*. 2017. Т. 45. № 3. С. 1010–1024; *Джунджузов С.В., Любичанковский С.В.* Калмыки на Южном Урале в XVIII – начале XX в. // *Былые годы*. 2017. Т. 46. № 4. С. 1194–1206; *Джунджузов С.В., Любичанковский С.В.* Миссионерская деятельность Никодима Ленкеевича в Калмыцком ханстве (1725–1734 годы) // *Новый исторический вестник*. 2017. № 3. С. 172–191; *Васильев Д.В., Любичанковский С.В.* Казахи и русские: бытовая аккультурация в XIX в. // *Вопросы истории*. 2018. № 3. С. 151–165; *Избасарова Г.Б., Любичанковский С.В.* Приставства на окраинах Российской империи в XVIII – первой половине XIX в.: от административного лица к системе управления // *Российская история*. 2018. № 2. С. 13–21; *Любичанковский С.В., Аканов К.Г.* Оренбург в истории интеграции Казахской степи в состав Российской империи XVIII – начала XX в. // *Былые годы*. 2018. Т. 48. № 2. С. 484–495; *Джунджузов С.В., Любичанковский С.В.* Влияние имперской политики аккультурации на формирование и эволюцию властной элиты крещеных калмыков (1737–1842) // *Былые годы*. 2018. Т. 49. № 3. С. 970–979.

² *Рычков П.И.* История Оренбургская по учреждению Оренбургской губернии. Уфа, 2002. С. 2–76; *Черемшанский В.М.* Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859. С. 13; *Пекарский П.П.* Новые известия о

послужило последовавшее в 1730 г. прошение правителя Малого казахского жуза хана Абулхаира о вхождении в русское подданство³. Мнение о колониальном характере Оренбургской экспедиции продолжало доминировать и в советской историографии. Советские историки акцентировали внимание на национально-освободительном движении как ответной реакции на насаждаемый имперской администрацией порядок управления и отчуждение земельных угодий и природных богатств. Во взаимосвязи с созданием Оренбургской экспедиции и военно-хозяйственным освоением края рассматривались Башкирские восстания 1735–1739 гг.⁴ Расширение исследовательской проблематики и плюрализм мнений относительно деятельности Оренбургской экспедиции характерны для современной историографии. Основательное монографическое исследование, посвященное возникновению и деятельности экспедиции и заселению Заволжья, было проведено Ю.Н. Смирновым⁵. Негативная оценка роли первого начальника Оренбургской экспедиции И.К. Кирилова в деле колонизации Южного Урала представлена в книге оренбургского историка Д.А. Сафонова. Исследователь считает, что у Кирилова не было продуманной программы, а авантюренность его распоряжений подвергала жизнь членов экспедиции, солдат и казаков неоправданной опасности, голоду и невзгодам⁶.

В связи с обретением советскими среднеазиатскими республиками статуса суверенных государств и ростом национального самосознания народов России наблюдается активизация общественного и научного интереса к складыванию геополитической обстановки на Южном Урале и пограничных территориях в контексте регулятивного воздействия на нее Оренбургской экспедиции. Г.Б. Исбасарова объясняет возведение форпостов и крепостей военно-стратегическими целями, направленными, в том числе, и на недопущение совместных выступлений башкир и казахов⁷. Ю.Н. Смирнов справедливо указывает, что амбициозные планы первого начальника Оренбургской экспедиции по продвижению в Азию не были реализованы. Тем не менее то, что было сделано И.К. Кириловым и его приемниками по налаживанию дипломатических и торговых связей с азиатскими соседями, заслуживает внимания⁸.

Колониальной парадигмы вхождения Казахской степи в состав Российской империи, одним из проявлений которой и стало создание Оренбургской экспеди-

В.Н. Татищеве. СПб., 1864. С. 34; *Его же*. Жизнь и литературная переписка П.И. Рычкова. СПб., 1867. С. 8.

³ *Стариков Ф.М.* Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1891. С. 25.

⁴ *Титеев Ш.* Очерки по истории Башкирии. Уфа, 1930. С. 47; Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1737–1739 гг. М.–Л., 1950. С. 20; Акманов И.Г. Башкирское восстание 1735–1736 гг. Уфа, 1977.

⁵ *Смирнов Ю.Н.* Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30–40-е гг. XVIII в. Самара, 1997.

⁶ *Сафонов Д.А.* Начало Оренбургской истории. Оренбург, 2003. С. 10–55.

⁷ *Исбасарова Г.Б.* Российский фактор в казахско-башкирских отношениях в 1-й четверти XVIII в. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. № 5/2. С. 67.

⁸ *Смирнов Ю.Н.* Экстракт именных указов Оренбургской комиссии за 1734–1741 годы как источник по истории отношений с народами и странами Приуралья, Казахстана, Средней Азии // Внешнеполитические интересы России: история и современность: сборник материалов III Всероссийской научной конференции. Самара, 2016. С. 235.

ции, в настоящее время придерживаются многие казахстанские исследователи⁹. Так, А. Шаукиенов, изучая изменения в политической и правовой системах казахских жузов в процессе вхождения в состав Российской империи, пришел к выводу, что уже к 1740-м гг. деятельность царского правительства здесь стала принимать отчетливые колониальные формы. В то же время автор разделяет мнение дореволюционного исследователя А.И. Мокшеева, справедливо полагавшего, что казахи были лишь номинальными подданными России. Русские, обороняясь от них крепостями и войсками, не могли свободно появляться в казахских степях и идти через них в туркестанские ханства¹⁰.

Определенным недостатком в изучении истории Оренбургской экспедиции (комиссии) является невнимание к влиянию на ее деятельность Русско-турецкой войны 1735–1739 гг., на ведение которой были направлены основные людские и материальные ресурсы русской армии. В связи с этим возможности для осуществления активной наступательной политики у начальников Оренбургской экспедиции (комиссии) были ограничены. Согласно рапорту «Сколько в новых городках по оренбургской московской дороге казаков определено ныне по 1 число 1737 г.», в крепостных селениях, выстроенных по линии между Орском и Самарой, проживало 3040 человек¹¹. Осведомленные о малочисленности пограничной стражи казахские батыры и султаны, игнорируя мнение хана Абулхаира, нападали на новые селения, грабили и уводили в плен поселян, препятствовали торговле с азиатскими странами.

Суть неблагоприятной для российской стороны ситуации, сложившейся в русско-казахском пограничье, и «самый верный» способ к ее изменению указал в письме к генерал-лейтенанту князю Г.А. Урусову сам Абулхаир: «А я никакой худобы не делывал, но и других уговаривал к добру, так не слушают дикие братья. И пока сюда сила не прибудет, то наши дураки кайсаки не разумеют и не боятся. Всяк своих полоняников не отдаст. <...> И когда вы сами для строения города с великим войском прибудете, то все будет возвращено. Ежели бы соблаговолили куда и купцам приехать, в то же время туда и ограбленные их товары будут возвращены. А без того мы с ними управляться не можем»¹².

Однако фактор русско-турецкой войны сказывался на деятельности Оренбургской экспедиции (комиссии) не только опосредованно. Как отмечалось выше, ее начальникам вменялось в обязанность оградить Калмыцкое ханство от нападения казахов Малого жуза и тем самым обеспечить участие калмыцкого войска в походах против союзных Османской империи крымских и кубанских татар.

В фондах Оренбургской экспедиции и Оренбургской комиссии (фонды 1, 2) Государственного архива Оренбургской области сохранились материалы внешнеполитической направленности, содержащие переписку с правителями соседних

⁹ Мокшеев В.А. Джунгаро-казахские отношения в XVII–XVIII веках и политика России // Вестник Евразии. 2000. № 2. С. 25–30.

¹⁰ Shaikenov A. Changes in the political and legal system of Kazakhstan in the process of its incorporation into the Russian Empire from the second half of the 18th century to the end of the 19th century // Journal of Asian and African Studies. 2013. Vol. 22. No. 2. P. 283.

¹¹ ГАОО (Государственный архив Оренбургской области). Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. Л. 75 об. – 76.

¹² Там же. Д. 10. Л. 34 об. – 35.

народов и указания Коллегии иностранных дел по выстраиванию с ними дипломатических отношений. К числу таких документов относятся копии с переводов писем калмыцкого хана Дондук-Омбо, хана Младшего казахского жуза Абулхайра и джунгарского правителя Галдан-Цэрена. В указах Коллегии иностранных дел содержатся выписки из донесений начальников Оренбургской экспедиции (комиссии) И.К. Кирилова, В.Н. Татищева, Г.А. Урусова, И.И. Неплюева и подробные инструкции, составленные в коллегии, по ведению переговоров и дипломатической переписки.

Участие калмыков в русско-турецкой войне. Походы на Кубань 1736–1737 гг.

Решительным сторонником войны с Османской империей выступал будущий начальник Оренбургской комиссии, а с 1744 г. – первый губернатор Оренбургской губернии, Иван Иванович Неплюев. С 1721 по 1734 г. он в должности резидента возглавлял русскую миссию в Константинополе. И.И. Неплюев уверял правительство, что выдвижение к турецкой границе одного малого русского корпуса будет достаточно, чтобы султан запросил мира¹³. Большое значение русское командование придавало привлечению к участию в войне с Турцией и ее союзниками волжских калмыков.

Со времени принятия в 1609 г. торгоутского владельца Хо-Урлюка в российское подданство отношения между Россией и образовавшимся в низовьях Волги калмыцким ханством строились на договорной основе. Частые распри между представителями ханской династии и обращения калмыцких правителей к «белому царю» за поддержкой и посредничеством создавали благоприятные условия для вмешательства имперских властей во внутренние дела Калмыцкого ханства. После смерти в 1724 г. калмыцкого хана Аюки уже и сам вопрос о ханском престолонаследии стал решаться в Санкт-Петербурге. 22 февраля 1725 г. Черен-Дондук, сын от младшей, третьей жены хана Аюки, указом Екатерины I был утвержден наместником Калмыцкого ханства. Через шесть лет – 17 февраля 1731 г. – Анна Иоанновна жалует Черен-Дондука ханским титулом. С царским назначением не согласились внуки хана Аюки от старших сыновей. В 1731 г. крещеный владелец Петр Тайшин информировал императрицу и государственных сановников, что Черен-Дондук верховным калмыцким правителем назначен неправильно: «Нашей калмыцкой традиции первой жены первому сыну надлежало быть ханом». Следовательно, наследником должен был стать сын от старшей жены Аюки хана, его отец Чакдоржап, а после смерти отца – старший брат Петра – Дасанг, к тому времени уже умерший. Следующим в очереди на престол стоял внук от второй жены Аюки – Дондук-Омбо¹⁴.

¹³ *Государева М.Ю.* К вопросу о дипломатической подготовке русско-турецкой войны 1735–1739 гг. // Человек, образ, слово в контексте исторического времени и пространства: материалы Всероссийской научно-практической конференции, 23–24 апреля 2015 г., Рязанский университет имени С.А. Есенина. Рязань, 2015. С. 192–193.

¹⁴ АВП РИ (Архив внешней политики Российской империи). Ф. 119. Оп. 119/1. Д. 15. Л. 2–2 об.

Дондук-Омбо и Петр Тайшин решились на открытое неповиновение. Они договорилась после свержения Черен-Дондука разделить Калмыцкое ханство между собой. Против них был направлен генерал-поручик князь Иван Федорович Бярятинский с войском, состоявшим из 6 драгунских, 2 пехотных полков, отрядов донских и волжских казаков и небольших команд калмыков, сохранявших верность Черен-Дондуку. Единственным успехом предпринятого Бярятинским похода стало задержание в Красном Яре Петра Тайшина¹⁵. Дондук-Омбо удалось уйти на Кубань под покровительство Крымского хана и турецкого султана. Оставаясь недосягаемым для русской армии, мятежный владетель в течение трех лет продолжал совершать набеги на ханские улусы и переманивать на свою сторону влиятельных родственников. В итоге к 1735 г. во владении Дондук-Омбо и присоединившихся к нему владельцев оказалось до 28 тыс. кибиток (семей), из которых более 10 тыс. были им захвачены и присоединены к собственному улусу. У хана Черен-Дондука и немногочисленных его знатных сторонников оставалось не более 10 тыс. кибиток. При этом Дондук-Омбо не прекращал сношений с царским двором, но главным условием своего возвращения на Волгу называл передачу ему верховного управления калмыцким народом.

В свете грядущей войны с Османской империей и Крымским ханством и необходимостью приведения в повиновение калмыцкого народа, правительство Анны Иоанновны сочло целесообразным удовлетворить требования Дондук-Омбо. Во втором пункте грамоты, привезенной ему донским казацким старшиной Данилой Ефремовым, указывалось: «Когда он, Дондук-Омбо, к Волге придет и присягу верности учинит, и тогда повелено и главное правление над всеми калмыками ему поручить, которую команду иметь ему по прежним их правам и обыкновениям, как то было при Аюке-хане, и поступать со владельцами, не чиня никому из них обид, и принадлежащего им не отнимать». Присягу «о верном подданстве и послушании» Ее Императорскому Величеству Дондук-Омбо принял в присутствии астраханского губернатора Ивана Петровича Измайлова 14 ноября 1735 г. – менее чем за год до начала русско-турецкой войны¹⁶.

Одной из важнейших стратегических целей этой войны на кавказском направлении было взятие Азова, потерянного Петром I в результате несчастливой Прутского похода 1711 г. Помешать осаде и овладению Азовом могла Кубанская орда, входившая в состав Крымского ханства. Ее боевую мощь определяли часто враждовавшие с калмыками ногайцы как подданные Орды, именовавшиеся кубанскими татарами или кубанцами. Верный союзническому долгу наместник Калмыцкого ханства Дондук-Омбо в начале 1736 г. через свое посольство объявил войну Кубанской орде и Крымскому ханству и весной во главе 20-тысячного войска двинулся на Кубань.

В ходе кубанского похода, действуя самостоятельно и при поддержке казаков и кабардинских князей, калмыцкие конники нанесли кубанцам несколько чувствительных поражений, разорили покоренные улусы и увели пленных. Ве-

¹⁵ Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года. Элиста, 1995. С. 88.

¹⁶ Там же. С. 130, 150–151.

сенний поход калмыцкого войска отвлек от Азова значительные силы противника и содействовал успешному завершению азовской операции.

Добиться новых побед над деморализованным противником Дондук-Омбо помешали казахи, напавшие на остававшиеся без надежной защиты калмыцкие улусы. Калмыцкий правитель вынужден был возвратить свое войско с театра военных действий¹⁷.

Дондук-Омбо был поставлен перед трудным выбором. С одной стороны, русское командование требовало от него возобновления военных действий, с другой – хан Абулхаир предупреждал о готовности казахских батыров напасть на калмыцкие кочевья в зимнее время. Дипломатическое давление на наместника Калмыцкого ханства оказывалось и со стороны неприятелей. Крымский хан Фатих-Гирей напоминал Дондук-Омбо, что до своего утверждения в должности наместника Калмыцкого ханства, преследуемый русскими властями, он получил убежище в Крымском ханстве и присягал не чинить им, крымцам и кубанцам, никакой «противности». В ответном послании Дондук-Омбо не без цинизма заметил, что как тогда, так и теперь поступает «спасая живот свой»¹⁸.

19 ноября 1736 г. калмыцкий правитель уступил давлению русского правительства и снова отправился в поход на Кубань. Для калмыков он сложился более чем удачно и за две недели, действуя совместно с казаками, а чаще самостоятельно, они нанесли кубанским татарам ряд чувствительных поражений: заняли крепости Капыл и Темрюк, захватили более 10 тыс. пленных, отогнали 20 тыс. лошадей, большое количество рогатого скота и овец. В знак признания заслуг калмыцкого воинства 3 марта 1737 г. Анной Иоанновной был подписан указ об утверждении Дондук-Омбо в ханском достоинстве¹⁹. В указе начальнику Оренбургской экспедиции И.К. Кирилову пояснялось: «О подданном Ея императорского величества калмыцком владельце Дондук Омбе вам сведомо, как он от того времени, когда поручено ему главное правление над всем калмыцким народом, к Ея императорскому величеству верность свою и службы оказывает. И прошлого лета в два похода на Кубань показал многую ревность и прилежность и знатные поиски над теми кубанцы учинил»²⁰.

В 1737 г. пятитысячный отряд калмыков под командованием Галдан Нормо в составе армии генерала Ласси участвовал в походе на Крым. После побед над крымцами и янычарами в сражениях у рек Салгир и Шунгари, а также под крепостью Карасубазар калмыки с богатыми трофеями вернулись в свои кочевья. В декабре того же года калмыки совместно с донскими казаками участвовали в карательном походе против кубанских татар и черкесов, предпринятом в качестве ответной меры за разорение донских станиц, убийства и пленения их жителей.

¹⁷ Батырев В.В. Участие калмыков в Русско-турецкой войне 1735–1739 гг. // Востокведные исследования в Калмыкии. Элиста, 2006. С. 29–30.

¹⁸ Там же. С. 31.

¹⁹ Там же. С. 32.

²⁰ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5. Л. 31.

Миротворческая деятельность России по урегулированию казахско-калмыцких отношений и участие в ней начальников Оренбургской экспедиции (комиссии)

Незначительная численность калмыцкого контингента по сравнению с кампанией 1736 г. объяснялась враждебными действиями со стороны казахов, ущерб от которых был несопоставим с имуществом, отображенным у крымских и кубанских татар. В послании Анне Иоанновне, отправленном 4 февраля 1737 г., Дондук-Омбо сообщал о двух грабительских набегах, совершенных казахами Малого жуза на калмыцкие улусы. Первое нападение произошло 13 января 1737 г. с участием около 4 тыс. человек, захвативших в плен 500 калмыцких кибиток (семей). 22 января те же казахи, но уже численностью около 30 тыс. человек, совершили повторный набег, в ходе которого захватили 2 тыс. кибиток, в числе которых оказались «придворные люди» самого хана. Наиболее ценным трофеем степных разбойников была ханская кибитка с находившимися при ней особо почитаемыми калмыками предметами буддийского культа: одиннадцать собраний бурханов (скульптурных изображений будд) и книги. Отсутствие должного возмездия со стороны калмыков Дондук-Омбо объяснял участием его войска в войне за русские интересы. Калмыцкий правитель подчеркивал, что его воины всегда самостоятельно отбивали набеги казахов и в свою очередь брали в аманаты (заложники) их султанов. «А ныне, – пишет хан, – так как войска наши только из похода возвратились и лошади исхудали»²¹.

Для вторжения в калмыцкую степь казахские батыры со своими отрядами беспрепятственно переправлялись через Волгу. Предпочтение отдавалось зимнему времени, когда река сковывалась льдом и не требовались плавсредства для переправы. Об описанном Дондук-Омбо разорении калмыцких улусов говорится в донесении генерал-майора князя Н.В. Репнина. 19 января 1737 г. сбежавший из казахского плена калмык сообщил ему о нападении казахов «в немалом числе людей» на располагавшиеся ниже Царицына улусы. Репнин распорядился направить вверх по Волге для перехвата степных разбойников команды Псковского драгунского полка секунд-майора Мордвинова и Сальянского пехотного полка поручика Мечехина. Однако преследование оказалось запоздалым, и единственным его результатом стало пленение трех рядовых казахов. Из сбивчивых и противоречивых показаний пленных казахов следовало, что они в команде владельца Кашкара численностью до 6 тыс. человек пришли на Волгу для захвата в плен людей из калмыцких кочевий и русских селений. У Черного Яра в урочище Мазан они разделились на две команды. Исеть Батыр с 3-тысячным отрядом «для взятия калмык» пошел вверх по Волге по луговой стороне к Саратову. Телеп Батыр со своим отрядом остался у Черного Яра. Выше Черного Яра Телеп Батыром было взято в плен 30 русских и до 100 калмыков²².

Успешно завершившаяся вылазка нескольких тысяч казахов в калмыцкую степь свидетельствовала о неосведомленности астраханских властей о передви-

²¹ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3. Л. 39.

²² Там же. Д. 5. Л. 22 об. – 23.

жении неприятельских отрядов, слабой охране российских рубежей в Нижнем Поволжье, недостатке конных войск, способных преследовать и задерживать степных кочевников.

Для российского правительства необходимость наказания преступников была так же очевидна, как и осознание невозможности решить эту задачу собственными силами. В пространном указе, датированном 9 февраля 1737 г., Коллегия иностранных дел предлагала переложить ответственность за ее решение на хана Абулхаира. Собственно, предложения Коллегии сводились к трем вариантам: если участники набега – подданные хана Младшего жуза, то он сам должен назначить им наказание, заставить отпустить пленных и вернуть награбленное имущество. Если «воровские кайсаки» окажутся чужими подданными, то следовало убедить Абулхаира с союзными батырами пойти на них в поход и «отмщение учинить». В противном случае допускалось привлечь к возмездию башкир и «употреблять способы, чтоб таких воровских набегов кайсаков не было»²³.

В создавшейся ситуации Дондук-Омбо ищет способы поссорить русское правительство с ханом Младшего жуза и напомнить, что война с турками и их вассалами еще не закончилась. Дальнейшее участие в ней калмыков будет определяться содействием России в предотвращении казахских набегов. Для большей убедительности правитель Калмыцкого ханства решил поделиться некоторыми сведениями, содержащими угрозу новых конфликтов. В первом случае он ссылался на показания пленных казахов, из которых следовало, что между башкирами и киргизами как единоверцами достигнута договоренность о переходе башкир в казахскую степь. Совместными усилиями они предполагают освободить содержащегося при Оренбургской экспедиции в аманатах сына Абулхаира, а затем совершать совместные набеги на русские селения. Косвенным свидетельством складывавшегося союза Дондук-Омбо назвал женитьбу казахского хана на дочери башкира Откохорта. Также он сообщал русской императрице, что башкир Бердекеш пришел к хану Абулхаиру с 2 тыс. кибиток и вместе с казахскими султанами участвовал в нападении на калмыков. В связи с понесенными от казахского набега людскими и материальными потерями калмыцкий хан считал нужным предупредить об отказе от намерения весной отправиться с войском на Кубань²⁴.

Копия перевода письма Дондук-Омбо к Анне Иоанновне не случайно оказалось в собрании документов Оренбургской комиссии, так как именно на ее начальников возлагалась ответственность за сношения с ханами Младшего жуза.

Послание Дондук-Омбо не осталось без внимания. В указе Коллеги иностранных дел начальнику Оренбургской комиссии В.Н. Татищеву от 2 июня 1738 г. пояснялось, что в связи с продолжавшейся войной с Турцией интересы России требуют прекращения нападений казахов на калмыцкие улусы, в связи с чем В.Н. Татищев должен был «потрудиться», чтобы казахи возвратили все отобранное у калмыков имущество и освободили из плена всех знатных калмыков. Только при таком условии русское правительство могло удержать Дондук-Омбо от ответного похода на казахские кочевья.

²³ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 20 об.

²⁴ Там же. Д. 3. Л. 39 об. – 40 об.

В указе ничего не говорилось о башкиро-калмыцком союзе. Видимо на тот момент, в силу отсутствия согласия по этому вопросу между казахскими ханами и султанами, российскому правительству такой союзный тандем казался маловероятным. Куда более реальным представлялся переход казахов на сторону крымских и кубанских татар. Известия о контактах между ними периодически доходили до Петербурга. Так, один из казахов, плененных у Черного Яра в январе 1737 г., показал на допросе, что к их хану приезжали послы из Крыма и просили прислать войско. В документе сообщалось: «И по просьбе крымского хана хотел де хан их дать войско, а какое число не знает»²⁵. От Татищева требовалось найти способ не допустить сговора между ними²⁶.

В 1730-е гг. в отношении казахских жузов Российская империя придерживалась «политики умиротворения». Ее суть была четко изложена в пункте 6 Инструкции, данной И.К. Кирилову накануне отправки Оренбургской экспедиции: «Удерживать киргиз-казаков в повиновении, смотря по обстоятельствам, милостями и подарками или строгостию и страхом». А так как военных ресурсов для удержания кочевников в «строгости и страхе» у оренбургских начальников было явно недостаточно, допускалось, как это делалось колонизаторами во всем мире, «употреблять один народ против другого, сберегая русское войско»²⁷.

Усилия начальника Оренбургской экспедиции были сосредоточены на деятельности, направленной на усмирение башкирского восстания. Его реакция на известия о нападении казахов на улусы волжских калмыков ограничивалась письмами к хану Абулхаиру о «противности поступков» подвластных ему людей, разорявших подданных Ее Императорского Величества. В том же ключе выстраивали отношения с Абулхаиром преемники Кирилова. После описанного выше масштабного нападения на калмыков В.Н. Татищев сумел добиться согласия казахского хана на свидание, которое состоялось 3 августа 1738 г. Во время торжественной аудиенции Абулхаир, его сын Нурали и другие казахские старшины вновь дали присягу на верность российской короне. Во время этой и последующих встреч с начальником Оренбургской комиссии Абулхаир не скупился на обещания собирать, освобождать от неволи и доставлять в Россию всех русских подданных, причем не только из казахских жузов, но и из соседних стран. Автор первого фундаментального труда по истории казахского народа А.И. Левшин справедливо заметил, что обещание это Абулхаир при всем желании не имел возможности выполнить и «сам он, без сомнения, был уверен в невозможности оное сдержать»²⁸.

Естественно, в создавшихся условиях, как подчеркивает В.В. Батырев, Дондук-Омбо с большой неохотой отправился в марте 1738 г. в очередной поход на Кубань. Как и в предыдущие годы, калмыкам удалось нанести кубанским татарам и абазинцам ряд чувствительных поражений. В одном из боев в числе пленных оказался сын крымского хана Бакта Гирея, султан Селебек. Но уже в мае Дон-

²⁵ ГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 19 об.

²⁶ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3. Л. 45–45 об.

²⁷ Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Ч. 2: Исторические известия. СПб., 1832. С. 114, 116.

²⁸ Там же. С. 136.

дук-Омбо, узнав о новых нападениях казахов, свернул военные действия и вернулся в приволжские степи²⁹.

В конфликте между своими степными подданными Россия выступала в роли миротворца. В дипломатических сношениях с ханом Абулхаиром Коллегия иностранных дел прямо указывала, что ей известно о его непосредственном участии в организации набегов на русские и калмыцкие селения, но вместе с тем она давала понять, что Россия стремится сохранить с казахским ханом добрососедские, доверительные отношения. Такое заключение явствует из объявления коллегии, сделанного 30 июля 1739 г. сыну хана Абулхаира Кожа Ахмет султану. Ему было поставлено на вид, что «хотя с допросу пойманного знатного касаченина Есинбая Батыря показано, что те войска кайсацкие наряжены были и посланы на калмык отцом его Абулхаир ханом, однако то здесь за истину не принято, ибо отец его Абулхаир вступил в подданство Ее Императорского Величества и в верности присягал. <...> И войска кайсацкие на подданных Ее Императорского Величества калмык и нападение, и грабительство, и взятие людей чинить весьма с обнадеживанием его в верности несходствен»³⁰. Подтверждением тому, что хан Малого жуза к указанным преступлениям не причастен, должно было стать инициированное по его воле наказание виновных и возвращение в Оренбург всех оставшихся в плену русских подданных.

В свою очередь, неприятие Россией в отношении казахов мер силового воздействия рассматривалось Дондук-Омбо как уклонение от союзнических обязательств. В донесении от 29 апреля 1739 г. он в очередной раз напомнил, что частые походы калмыцкого войска на Кубань и в Крым изматывают людей и приводят к истощению лошадей. Казахи пользуются ситуацией, ежегодно нападают на калмыцкие улусы, грабят и возвращаются с добычей. Объявлением о желании быть в русском подданстве и отдачей в аманаты своих сыновей казахские правители лишь вводят в заблуждение российскую императрицу. Для заслуженного наказания врага хан Дондук-Омбо просил Анну Иоанновну разрешения снарядить против казахов совместную карательную экспедицию, для проведения которой калмыцкий хан надеялся получить от императрицы пятитысячное войско с сорока пушками³¹.

В ответной грамоте, датированной 19 июля 1739 г., Анна Иоанновна дала понять калмыцкому хану, что ее правительство разделяет его мнение о ненадежности присяг, даваемых казахскими старшинами: «Елико принадлежит до киргиз-кайсак, оные хотя в подданство наше вновь и вступили, но мы давно ведаем и ныне в самом деле усмотрели, что люди они не постоянные и ветреные». Соглашалась она и с мнением, что «за учиненную предерзость», казахи заслуживают «надлежащего отмщения». Однако далее шло напоминание о продолжавшейся войне с Турцией и, как следствие, – не в интересах России было превращать казахскую степь в театр военных действий и направлять туда свои войска. Отказаться от идеи карательного похода против казахов Младшего жуза настойчиво рекомендовалось и

²⁹ Батырев В.В. Участие калмыков в Русско-турецкой войне... С. 33.

³⁰ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5. Л. 7.

³¹ Там же. Л. 44–44 об.

самому Дондук-Омбо. В грамоте говорилось, что в том случае, если он решится на такой поход и задействует все свое войско, оставив калмыцкие улусы без необходимой охраны, может создаться благоприятная ситуация для нападения на них кубанских татар. Приведенные аргументы подкреплялись обещанием: «Того ради для удобного случая надлежит в том возыметь терпение, а при удобном случае за сие им сугубое отмщение учинено будет <...> и в том тебе на нашу императорскую милость быть благонадежным». Тем не менее ряд мер для защиты калмыцких кочевий все же был принят. От Астрахани вверх по Волге учреждалось постоянное наблюдение и защита. В степь направлялись объезжие караулы. Для охраны самого калмыцкого хана и членов его семьи было обещано определить «знатного человека с частью военных людей»³².

Очевидно, непредставление более действенной, военной помощи калмыкам в их вражде с казахскими жузами объяснялось еще и желанием России обеспечить «баланс сил» между степными подданными, снизить интенсивность и мощь их вторжений в российское приграничье. Так, 23 июня 1740 г., уже после окончания русско-турецкой войны, Анна Иоанновна извещала Дондук-Омбо о набегах калмыков на русские селения. По содержанию письмо императрицы напомнило приведенные выше грамоты, адресованные хану Абулхаиру. Для осуществления следствия, суда и наказания над пойманными «воровскими калмыками» калмыцкому хану предлагалось направить в Царицын своих представителей – одного владельца или нескольких зайсангов. Заканчивалось письмо неизменным предупреждением о том, чтобы «и впредь всем калмыкам накрепко запретить, дабы они на российские жилища набегать, обиды чинить и скот угонять не дерзали». «А с теми, кто попадется», обещали «поступать как с ворами и злодеями»³³.

В отношениях с кочевниками начальники Оренбургской экспедиции также находили полезной тактику «разделяй и властвуй». Ее суть была изложена в составленном И.К. Кириловым проекте освоения Оренбургского края, где отмечалось, что постоянные распри между башкирами, казахами и калмыками Россия может и должна использовать в своих интересах. Для убедительности он ссылаясь на опыт использования в 1734 г. войска Абулхаира против влиятельного калмыцкого владельца Доржи Назарова, улус которого кочевал по берегам Яика и Эмбы. Доржи Назаров участвовал в мятеже против поддерживаемого в то время Россией калмыцкого хана Церен-Дондука. После разорения калмыцких кочевий Доржи Назаров вынужден был прекратить враждебные действия и, как полагал Кирилов, затаить на казахов злобу. Той же внешнеполитической линии начальник Оренбургской экспедиции призывал придерживаться и впредь: «Буде киргиз-кайсаки что делают, то на них калмык и Башкирцев послать, и так друг друга смирять и к лучшему послушанию приводить без движения Российских войск»³⁴. Временное отступление от предложенной тактики в отношении калмыков объяснялась исключительно их участием в войне с Османской империей и ее вассалами.

³² ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5. Л. 44 об. – 45.

³³ Там же. Л. 88 об. – 89.

³⁴ Пистоленко В. Из прошлого Оренбургского края. Чкалов, 1939. С. 33.

Деятельность России по регулированию отношений казахских жузов с Ираном и их защите от джунгарской агрессии

Нейтрализация военного потенциала казахов, заряженного на внешнюю агрессию, или его направление в нужное для России русло не ограничивались регулированием одних лишь казахско-калмыцких взаимоотношений. В качестве возможного союзника в войне с Турцией Петербург рассматривал Иран, существенно укрепившийся с приходом к власти Надир-шаха. Персидский шах и правитель Малого жуза стремились овладеть Хивой и возвести на хивинский престол своих ставленников. Коллегия иностранных дел сочла за лучшее не допускать войны между ними, справедливо посчитав, что с переброской персидских войск на северо-восток они будут удалены от турецкой границы. В документах коллегии отмечалось, что «... интересы того требуют, чтобы персияне, будучи от других народов в покое и безопасности, против Порты войну восприняли»³⁵.

В 1730-е гг. заметно обострились отношения России с Джунгарским ханством. Поводом для этого служили неопределенность государственных границ в Сибири и нежелание Голдан-Цэрена признать законность вхождения казахских жузов в состав России. Заключение в 1734 г. перемирия, а через три года и мира с цинским Китаем обеспечили условия для переброски джунгарских войск на юг Казахской степи. За два года джунгары покорили Старший жуз и в 1739 г. развернули военные действия против Среднего жуза. В сложившихся обстоятельствах хан Среднего жуза Абилмамбет решил последовать примеру Абулхаира и в 1740 г. перешел под покровительство российской короны. В 1741 г. в Коллегии иностранных дел было получено известие о требовании Голдана-Цэрена к ханам Среднего и Малого жузов стать его подданными, прислать своих детей со знатными старшинами в аманаты и выплачивать дань, установленную джунгарским правительством. Их удовлетворению воспрепятствовала жесткая позиция, занятая Россией в отстаивании интересов казахского народа. Начальнику Оренбургской комиссии И.И. Неплюеву было поручено объявить направленным к Абулхаиру джунгарским послам следующее: «Ему, зенгорскому владельцу, оных ханов с их ордами в подданство к себе призывать, а паче принуждать и подати с них требовать не надлежит». В случае нарушения казахами границы и причинении вреда джунгарским улусам, «по доброму соседству», прежде следовало донести ко двору Ее Императорского Величества или в Оренбургскую комиссию И.И. Неплюеву³⁶.

О мирном договоре, заключенном между Россией и Турцией 18 сентября 1739 г. в Белграде, Голдан-Цэрен, видимо, узнал с большим опозданием. Такой вывод следует из письма, адресованного Анне Иоанновне. Полученная в Оренбургской комиссии копия, датированная 31 марта 1742 г., сопровождалась заголовком: «Перевод с письма зенгорского владетеля Галдан Цереня, поданного послом его Лама Дашой великому канцлеру и кавалеру князю Алексею Михайловичу Черкасскому».

³⁵ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 54 об.

³⁶ Там же. Д. 10. Л. 49–50.

Голдан-Цэрен сетовал, что в нарушение прежних договоренностей русские люди на его земле строят крепости, охотятся, добывают золото и медь. Джунгарский правитель просил императрицу вывезти своих подданных из Джунгарии, завуалировано заметив, что России в противном случае придется вести сразу две войны: «У вас с турками война, и ежели мне при таком случае оное произвестъ в действо, то могу за бессовестного причтен быть»³⁷.

Большие опасения в правительственных кругах России вызывало налаживание дипломатических контактов Джунгарии с Калмыцким ханством. Их последствия могли проявиться как в откочевке значительной части волжских калмыков в пределы Джунгарского ханства, так и в заключении между ними договора об образовании военного союза. Для военной администрации приграничных губерний юго-востока это означало всячески препятствовать, а по возможности задерживать посланников и курьеров, перевозивших корреспонденцию из Джунгарии в ставку калмыцкого хана и обратно. Одно из таких посольств в 1741 г. направлялось с письмами к Дондук-Омбо. 27 августа в канцелярии Оренбургской комиссии было принято решение о задержании посольства под благовидным предлогом. В соответствии с инструкцией послу следовало заявить, что хан Дондук-Омбо умер, а его преемник еще не назначен, следовательно, и ехать не к кому. К тому же, как подданные Российской империи, калмыки без высочайшего на то указа на письма отвечать не могли: «А какие от зенгорцев до объявленных калмык потребности [имеются], о том чинить зенгорскому владельцу у двора [Ее Императорского Величества]». Посла и его прислугу, чтобы они не ушли в степь и не встречались с находившимися в Самаре калмыками, предписывалось «под добрым и искусным присмотром иметь». Перед чиновниками также была поставлена задача перехватить письма, адресованные калмыцкому хану. Чинить препятствий выезду посольства в калмыцкую степь не пришлось. По приезду в Самару джунгарский посол тяжело заболел и вскоре скончался. Требования руководства Оренбургской комиссии были выполнены, в связи с чем заявлялось: «Всякие вымыслы через переводчика употреблены были, чтоб имеющиеся у него листы к хану Дондук Омбо посмотреть». С писем были сняты копии и отправлены в Коллегию иностранных дел³⁸.

Выводы

В 1730-е гг. российское правительство сформировало определенную модель взаимоотношений со своими степными подданными, которая заключалась в недопущении между ними продолжительных военных конфликтов и в то же время в нейтрализации любых попыток их военного объединения. Выступление в роли миротворца, третейского судьи, а в случае внешней угрозы и надежного союзника, поднимало авторитет Российской империи, заставляло кочевников искать ее покровительства и подчиняться ее воли. Проводником политики утверждения российской государственности в степях Южного Урала и Урало-Каспийского региона, а в перспективе и всей Средней Азии, была призвана Оренбургская экспедиция (комиссия). Через ее начальников осуществлялись прямые контакты с казахскими

³⁷ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 54–54 об.

³⁸ Там же. Л. 82 об. – 83.

и каракалпакскими ханами, правителями других соседних народов. Некоторые временные коррективы в сложившийся порядок поддержания «баланса сил», подразумевающий недопущение усиления ни одного из государственно-кочевых образований, внесла русско-турецкая война. Выступление в ней на стороне России Калмыцкого ханства и участие его войска в Кубанском походе дало повод казахам Младшего жуза совершать опустошительные набеги на калмыцкие улусы. Оренбургская экспедиция, немногочисленные войска которой были задействованы для подавления башкирского восстания, могла оказывать калмыкам в основном лишь дипломатическую поддержку. Установлению военной гегемонии казахских жузов в приуральских степях помешала агрессивная политика Джунгарского ханства, направленная на завоевание Казахской степи. Лишь решительная позиция России, заявившей о готовности защитить своих казахских подданных, заставила джунгарского правителя Голдан-Цэрена отказаться от притязаний на нее.

ENG

Introduction

The political course set by Peter the Great, primarily aimed at the conquest of the Black Sea coast and the expansion of the Russian territory into the Caucasus and South-East Asia, continued under his successors. The government of Empress Anna Ioannovna tried to solve both problems simultaneously. She launched a war against Turkey for the possession of Crimea and the western part of the North Caucasus, which went on for almost four years, but failed to bring the desired effect. According to the terms of the peace treaty signed in 1739 in Belgrade, the only significant ‘trophy’ for Russia was the return of Azov fortifications. During the war, the Kalmyks were brothers in arms for the Russian soldiers and Cossacks. At the same time, the Kalmyk Khanate itself, located in the area between the Yaik River (nowadays known as the Ural), the Volga, and the Don, were subject to frequent plundering incursions from the Kazakhs. Moreover, the Crimean and Turkish emissaries, by urging the Bashkirs and Kazakhs not to submit to the power of the ‘white king’, posed a serious threat. It was only the diplomacy of the chiefs of the Orenburg Expedition (from 1737, Commission) and the governors of the neighboring Astrakhan and Siberian provinces that was able to neutralize the subversive activities of the Porte and to appease the militant Islamic nomads.

In modern historiography, the problem of the inclusion of nomadic peoples in the Russian Empire’s sphere of influence has been closely studied; and there has been a clear attempt to reject the ‘colonial approach’ as an excessively narrow understanding of the features of this process.¹ However, with regard to the activities of the Orenburg Expedition,

¹ V.V. Dmitriyev, S.V. Lyubichankovskiy, “The Southern periphery of the Russian Empire and the problem of colonialism (based on the materials of Russia’s National Policy towards the Crimean Tatars in the late 18th through the early 20th century),” *Bylyye gody* 45, no. 3 (2017): 1010–1024; S.V. Dzhundzhuzov, S.V. Lyubichankovskiy, “Kalmyks of Southern Ural in the 18th – early 20th century: Problems of assimilation, acculturation and preservation of ethnic identity,” *Bylyye gody* 46, no. 4 (2017): 1194–1206; S.V. Dzhundzhuzov, S.V. Lyubichankovskiy, “The Missionary Activity of Nicodemus Lenkeevich in the Kalmyk Khanate (1725–1734),” *Novyy istoricheskiy vestnik* no. 3 (2017): 172–191; D.V. Vasilyev, S.V. Lyubichankovskiy

the influence of the external geopolitical factor on the formation of the policy of the Russian Empire with respect to the nomadic peoples of Central Asia is still among the most debatable and little-studied imperial policies. The purpose of this article is to delete this ‘blank page’.

The Orenburg Expedition was set up in 1734. Its creation was determined by the desire of the Russian Empire to focus on the territories of the trans-Volga region (Bashkiria and the Urals, merged in the Empire in the second half of the 16th century, yet poorly integrated), as well as to expand the Russian protectorate into the Kazakh steppe and Central Asia. Most pre-revolutionary historians considered the Orenburg Expedition as an important source of influence over the Empire’s colonial policy,² as exemplified by the petition of Khan Abulkhair, the ruler of the Kazakh Junior Zhuz, for Russian citizenship in 1730.³ In the Soviet historiography, the supposedly colonial nature of the Orenburg Expedition was the dominant outlook. Soviet historians focused on the national liberation movements as a response to the rule imposed by the Imperial administration and the exploitation of land and natural resources under the Tsar. The classic illustration of this thesis was the 1735–1739 Bashkir uprising, which occurred in conjunction with the creation of the Orenburg Expedition and military-economic developments in the region.⁴ Modern historiography is characterized by the expansion of research problems and pluralism of opinions on the activities of the Orenburg Expedition. Orenburg historian D.A. Safonov has drawn attention to the weaknesses of I.K. Kirilov, the first chief of the Orenburg Expedition, in the colonization of the Southern Urals, arguing that Kirilov did not have a thought-out program and unnecessarily exposed the lives of the expedition’s participants, soldiers, and Cossacks, to danger, hunger, and adversity.⁵ By contrast, Yu.N. Smirnov, who conducted a thorough monographic study on the creation and activities of the expedition and the settlement of the trans-Volga region, views Kirilov and his successors as having made substantial progress toward establishing diplomatic and trade relations with Asian neighbors, even if his more ambitious plans regarding expansion into Asia failed to materialize.⁶

kiy, “Kazakhs and Russians: household acculturation in the 19th century,” *Voprosy istorii*, no. 3 (2018): 151–165; G.B. Izbasarova, S.V. Lyubichankovskiy, “Pristavstva on the outskirts of the Russian Empire in the 18th – first half of the 19th century: from a personal position to a management system,” *Rossiyskaya istoriya*, no. 2 (2018): 13–21; S.V. Lyubichankovskiy, K.G. Akanov, “Orenburg in the History of Integration of the Kazakh Steppe into the Russian Empire in the 18th through the 20th century,” *Bylyye gody* 48, no. 2 (2018): 484–495; S.V. Dzhundzhuzov, S.V. Lyubichankovskiy, “The Influence of the Imperial Policy of Acculturation on the Formation and Evolution of the Power Elite among the Stavropol Christened Kalmyks (1737–1842),” *Bylyye gody* 49, no. 3 (2018): 970–979.

² P.I. Rychkov, *Istoriya Orenburgskaya po uchrezhdenii Orenburgskoy gubernii* (Ufa: Ufimskiy NTS RAN Publ., 2002), 2–76; V.M. Cheremshanskiy, *Opisaniye Orenburgskoy gubernii v khozyaystvenno-statisticheskoy, etnograficheskoy i promyshlennom otnosheniyakh* (Ufa: Tipografiya Orenburgskogo Gubernskogo Pravleniya Publ., 1859), 13; P.P. Pekarskiy, *Novyye izvestiya o V.N. Tatishcheve* (Saint Petersburg: Academy of Sciences Publ., 1864), 34; P.P. Pekarskiy, *Zhizn' i literaturnaya perepiska P.I. Rychkova* (Saint Petersburg: Academy of Sciences Publ., 1867), 8.

³ F.M. Starikov, *Istorko-statisticheskoy ocherk Orenburgskogo kazach'yego voyska* (Orenburg: Tipolitografiya B. Breslina Publ., 1891), 25.

⁴ Sh. Tipeyev, *Ocherki po istorii Bashkirii* (Ufa: Bashkir State University Publ., 1930), 47; N.V. Ustyugov, *Bashkirskoye vosstaniye 1737–1739 gg.* Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ., 1950), 20; I.G. Akmanov, *Bashkirskoye vosstaniye 1735–1736 gg.* (Ufa: BGU Publ., 1977).

⁵ D.A. Safonov, *Nachalo Orenburgskoy istorii* (Orenburg: Orenburgskaya guberniya Publ., 2003), 10–55.

⁶ Yu.N. Smirnov, *Orenburgskaya ekspeditsiya (komissiya) i prisoyedineniye Zavolzh'ya k Rossii v 30–40-ye gg. XVIII v.* (Samara: Samara University Publ., 1997); Yu.N. Smirnov, “Ekstrakt imennykh ukazov

The growth of national consciousness of the peoples of Russia and Central Asia in connection with the new sovereign states of the region has brought new attention to the geopolitical context of the Orenburg Expedition in the Southern Urals. G.B. Isbasarova explains that the construction of outposts and fortresses for strategic military objectives was, among other things, aimed at preventing joint actions by Bashkirs and Kazakhs. Nowadays many Kazakh researchers adhere to the colonial paradigm of the annexation of the Kazakh steppe to the Russian Empire, one of the manifestations of which was the creation of the Orenburg Expedition.⁷ Thus, studying the process of changes in the political and legal system of the Kazakh Zhuzes during their accession to the Russian Empire, A. Shaukenov comes to the conclusion that the activities of the Tsarist government there took an evidently colonial shape in its activities as early as by the 1740s. At the same time, the author shares the opinion of pre-revolutionary researcher, A.I. Maksheyev, who rightfully believed that the Kazakhs' status as Russia's subjects was merely formal. The Russians, protecting themselves from Kazakhs by fortresses and troops, could not freely move through the Kazakh steppes or cross them to reach the Khanates of Turkestan.⁸

A shortcoming in the study of history of the Orenburg Expedition is the lack of attention to the impact of the Russo-Turkish War of 1735–1739 on its activities, as the war consumed most of the human and material resources of the Russian army. Due to this fact, the chiefs of the Orenburg Expedition had fewer opportunities for pursuing an active offensive policy. According to the report 'How many Cossacks there are in the new towns along the Orenburg – Moscow road by 1737,' the population of the fortress villages built along the line between Orsk and Samara was 3,040.⁹ Being aware of the small number of border guards, Kazakh batyrs and sultans, ignoring the opinion of Khan Abulkhair, attacked new villages, plundered and captured villagers, and prevented Russia's trade with Asian countries.

Abulkhair pointed out in a letter to Lieutenant General Prince G. A. Urusov the essence of the unfavorable situation for the Russian side in the Russian-Kazakh border area and the 'surest' way to change it:

I've done nothing wrong, and I've also persuaded others to do good, but wild people do not obey. As long as there are no troops, foolish Kazakhs do not understand, and they are not afraid. They will not give out their captives... But when you arrive with your great army for the construction of the city, then everything will be returned. If merchants come, their plundered goods will be immediately returned. Otherwise, we cannot cope with them.¹⁰

Orenburgskoy komissii za 1734–1741 gody kak istochnik po istorii otnosheniy s narodami i stranami Priural'ya, Kazakhstana, Sredney Azii," in *Vneshnepoliticheskiye interesy Rossii: istoriya i sovremennost'*. *Sbornik materialov III Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii* (Samara: Samara Academy of Humanities Publ., 2016), 235.

⁷ V.A. Moiseyev, "Dzhungaro-kazakhskiy otnosheniya v XVII–XVIII vekakh i politika Rossii," *Vestnik Yevrazii*, no. 2 (2000): 25–30.

⁸ A. Shaukenov, "Changes in the political and legal system of Kazakhstan in the process of its incorporation into the Russian Empire from the second half of the 18th century to the end of the 19th century," *Journal of Asian and African Studies* 22, no. 2 (2013): 283.

⁹ Gosudarstvennyy arkhiv Orenburgskoy oblasti (thereafter – GAOO), f. 2, op. 1, d. 1, l. 75 ob. – 76.

¹⁰ *Ibid.*, d. 10, l. 34 ob. – 35.

However, the Russo-Turkish War not only affected the activities of the Orenburg Expedition (Commission) indirectly. As noted above, the Orenburg Expedition chiefs were charged with the duty to protect the Kalmyk Khanate from the attacks of the Kazakhs of the Junior Zhuz and thereby ensure the participation of the Kalmyk army in campaigns against the Crimean and Kuban Tatars who were allies of the Ottoman Empire.

In the archives of both the Orenburg Expedition and the Orenburg Commission (Archives 1, 2) of the State archive of the Orenburg region, there are foreign policy materials containing correspondence with the rulers of neighboring peoples and instructions of the Collegium of Foreign Affairs, and on building diplomatic relations with them. These documents include copies of translations of the letters written by Kalmyk Khan Donduk-Ombo, Khan of the Kazakh Junior Zhuz Abulkhair, and Dzungarian ruler Galdan-Tseren. The decrees of the Collegium of Foreign Affairs contain extracts from the reports of the chiefs of the Orenburg Expedition I.K. Kirilov, V.N. Tatishchev, G.A. Urusov, I.I. Neplyuev, and the detailed instructions made by the Collegium on conducting negotiations and diplomatic correspondence.

Kalmyk effort during the Russo-Turkish war. Military campaigns to Kuban in 1736–1737

Ivan Ivanovich Neplyuev, the future chief of the Orenburg Commission, and from 1744 the first Governor of the Orenburg province, was a strong advocate of the war against the Ottoman Empire. In 1721–1734 he headed the Russian mission in Constantinople as the resident ambassador. I.I. Neplyuev assured the government that the advancement of just a small Russian corps to the Turkish border would be enough for the Sultan to sue for peace.¹¹ The Russian command attached great importance to the involvement of the Volga Kalmyks in the war against Turkey and its allies.

After Torgut chief Kho-Orluk acquired Russian citizenship in 1609, the relations between Russia and the Kalmyk Khanate, located in the lower reaches of the Volga, were built on a contractual basis. Frequent strife between the representatives of the Khan's dynasty and the appeal of the Kalmyk rulers to the 'white tsar' for support and mediation, created favorable conditions for the Imperial authorities to intervene in the internal affairs of the Kalmyk Khanate. After Ayuka Khan's death in 1724, successors to the Khan's throne were appointed by Saint Petersburg. On 22 February 1725, Cheren-Donduk, the son of the third wife of Ayuka Khan, was appointed Governor of the Kalmyk Khanate by the decree of Catherine I. 6 years later, on 17 February 1731 Empress Anna Ioannovna bestowed the title of Khan to Cheren-Donduk. The children of Ayuka Khan's elder sons disagreed with the royal appointment. In 1731, now baptized, Peter Tayshin informed the Empress and state noblemen that Cheren-Donduk should not have been appointed the Supreme Kalmyk ruler: 'According to our Kalmyk tradition, it is the first son of the first wife who is to be the Khan.' Therefore, the heir was to be the son of the

¹¹ M.Yu. Gosudareva, "K voprosu o diplomaticheskoy podgotovke rusko-turetskoy voyny 1735–1739 gg.," in *Chelovek, obraz, slovo v kontekste istoricheskogo vremeni i prostranstva: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 23–24 aprelya 2015 g., Ryazanskiy universitet imeni S.A. Yese-nina* (Ryazan: Kontseptsiya Publ., 2015), 192–193.

senior wife of Ayuka Khan, his father Chakdorzhap, and after the death of his father – Peter’s elder brother, Dusang, by that time already deceased. The next one in line for the throne was the grandson of Ayuka’s second wife – Donduk-Ombo.¹²

Both Donduk-Ombo and Peter Tayshin assumed an attitude of blatant defiance. They agreed that after Cheren-Donduk’s overthrow they would divide the Kalmyk Khanate among themselves. Lieutenant General Prince Ivan Baryatinskiy was sent to stop them. His army consisted of 6 dragoon regiments, 2 infantry regiments, troops of Don and Volga Cossacks and small squads of Kalmyks who remained loyal to Cheren-Donduk. The only success of Baryatinsky’s campaign was the arrest of Peter Tayshin in Krasny Yar.¹³ Donduk-Ombo managed to escape to Kuban to secure the patronage of the Crimean Khan and the Turkish Sultan. Remaining beyond the reach of the Russian army, for three years the rebellious chief continued to raid the Khan’s uluses and draw influential relatives over to his side. As a result, in 1735, Donduk-Ombo and the local leaders who joined him had up to 28 thousand families under his rule, more than 10 thousand of whom he had captured and made part of his own ulus. Khan Cheren-Donduk and his few noble supporters had no more than 10 thousand families. At the same time, Donduk-Ombo maintained the relations with the royal court, but he called the handover of supreme control over the Kalmyk people to him to be the main condition for his return to the Volga.

In light of the impending war against the Ottoman Empire and the Crimean Khanate, and the need to subdue the Kalmyk people, the government of Empress Anna Ioanovna considered it appropriate to meet the requirements of Donduk-Ombo. The second paragraph of the Charter, brought to him by the Don Cossack Chief Danila Efremov, stated: ‘When he, Donduk-Ombo, comes to the Volga and swears the oath of loyalty, he will rule all Kalmyks, and he should not offend other local leaders or take away their property.’ Donduk Ombo swore the oath of loyalty to Her Imperial Majesty in the presence of Astrakhan Governor Ivan Petrovich Izmaylov on 14 November 1735, less than a year before the Russo-Turkish War.¹⁴

One of the most important strategic goals of this war in the Caucasus region was the capture of Azov which had been lost by Peter the Great as a result of the unfortunate Prut campaign in 1711. The Kuban Horde, a part of the Crimean Khanate, had prevented the siege and conquest of Azov. The Nogais, the Horde subjects, called the Kuban Tatars or Cossacks, were the main fighting force which had feuded with the Kalmyks. In early 1736, the ruler of the Kalmyk Khanate Donduk-Ombo, faithful to the duty of an ally, through the local Russian Embassy, declared war on the Kuban Horde and the Crimean Khanate, and in spring moved to Kuban leading an army of 20 thousand soldiers.

During the Kuban campaign, acting independently and with the support of the Cossacks and Kabardian princes, the Kalmyk cavalry inflicted several heavy defeats to the Kubans, ravaged the conquered uluses and took numerous prisoners. The spring campaign of the Kalmyk troops distracted considerable enemy forces from Azov and contributed to the successful completion of the Azov operation.

¹² Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy imperii (thereafter – AVPRI), f. 119, op. 119/1, d. 15, l. 2 – 2 ob.

¹³ V.M. Bakunin, *Opisaniye kalmytskikh narodov, a osoblivo iz nikh torgoutskogo, i postupkov ikh khanov i vladel'tsev. Sochineniye 1761 goda* (Elista: Kalmyk Book Publ., 1995), 88.

¹⁴ *Ibid.*, 130, 150–151.

The Kazakhs who attacked the unprotected Kalmyk uluses prevented Donduk-Ombo from achieving new victories over the demoralized enemy. The Kalmyk ruler was forced to withdraw his army from the battleground.¹⁵

Donduk-Ombo faced a difficult choice. On the one hand, the Russian command demanded that he should resume hostilities; on the other hand, Abulkhair Khan warned that Kazakh batyrs were going to attack the Kalmyk nomad camps in winter. Enemies exerted diplomatic pressure on the Kalmyk Khanate ruler as well. Crimean Khan Fetih-Giray reminded Donduk-Ombo that before his confirmation as the ruler of the Kalmyk Khanate, while being persecuted by the Russian authorities, he had received asylum in the Crimean Khanate and swore not to inflict any damage to either the Crimeans, and the Kubans. In his reply, Donduk-Ombo cynically noted that both times his only intention was to save his own life.¹⁶

On November 19, the Kalmyk ruler yielded to the pressure of the Russian government and set out on another campaign to Kuban, and overall it was favourable for the Kalmyks. For two weeks – from 1 to 14 December – acting either with the Cossacks or more often independently, they inflicted a number of heavy defeats to the Kuban Tatars: they forced the fortresses of Kapyt and Temryuk to surrender, captured more than 10 thousand prisoners, 20 thousand horses, and a large number of cattle and sheep. In recognition of the merits of the Kalmyk army, on 3 March 1737 Empress Anna Ioannovna signed a decree appointing Donduk-Ombo the Khan.¹⁷ The decree to the chief of the Orenburg Expedition I. K. Kirilov stated:

You are well aware that the subject of Her Imperial Majesty Kalmyk ruler Donduk-Ombo, since the moment he was entrusted the rule over all Kalmyk people, he has shown his faithfulness to Her Imperial Majesty. Last summer in the two campaigns to Kuban, he showed a lot of zeal.¹⁸

In 1737, a Kalmyk detachment of 5,000 soldiers under the command of Galdan Normo as part of General Lassi's army participated in the Crimea campaign. After the victory over the Crimeans and janissaries in the battles at the rivers Salhir and Sungari as well as at the fortress Karasubazar, Kalmyks returned to their encampments with rich booty. In December of that year, Kalmyks together with the Don Cossacks participated in the punitive campaign against the Kuban Tatars and Circassians, a retaliatory measure for the devastation of the Don villages, murder and captivity of their inhabitants.

Russia's peacekeeping efforts with respect to Kazakh-Kalmyk relations and the participation of the leaders of the Orenburg Expedition in those efforts

The small number of Kalmyk troops in comparison with the campaign of 1736 was the result of hostile actions by Kazakhs, the damage being incomparable with the booty taken from the Crimean and Kuban Tatars. In the message to Empress Anna Ioannovna, sent

¹⁵ V.V. Batyrev, "Uchastiye kalmykov v Russko-turetskoy voyne 1735–1739 gg.," in *Vostokovednyye issledovaniya v Kalmykii* (Elista: Kalmyk University Publ., 2006), 29–30.

¹⁶ *Ibid.*, 31.

¹⁷ *Ibid.*, 32.

¹⁸ GAOO, f. 2, op. 1, d. 5, l. 31.

on 4 February 1737, Donduk-Ombo wrote about two plundering raids made by the Kazakhs of the Junior Zhuz against Kalmyk uluses. The first raid was launched on 13 January 1737, when up to 4 thousand Kazakh warriors captured 500 Kalmyk families. On 22 January, Kazakhs, this time up to 30 thousand warriors strong, made a second raid, capturing 2 thousand families, including some of the Khan's courtiers. The most valuable booty of the steppe robbers was the Khan's tent with Buddhist relics that were especially revered by Kalmyks, including 11 collections of effigies of Buddha and religious books. Donduk-Ombo explained the absence of Kalmyk revenge with the participation of his troops in the war fought for Russian interests. The Kalmyk ruler emphasized that his soldiers had always independently beat off raids of Kazakhs and, in turn, took their sultans as amanats (hostages). The Khan wrote: 'Now our troops have just returned from the campaign, and the horses are emaciated.'¹⁹

For the invasion of the Kalmyk steppe, Kazakh batyrs and their troops would cross the Volga unhindered. They usually did it in wintertime, when the river was frozen and no boats were necessary to cross it. Major General Prince Repnin wrote about Donduk-Ombo's devastation of Kalmyk uluses in his reports. On 19 January 1737, a Kalmyk who had escaped from Kazakh captivity told him about the attack of a considerable number of Kazakhs against the uluses located to the south of Tsaritsyn. Repnin sent a squad of the Pskov Dragoon regiment of Second Major Mordvinov and Salyan infantry regiment of Lieutenant Mechekhin up the Volga to intercept the steppe bandits. However, it was too late. The only result was the capture of three Kazakhs, one of whom soon died of his wounds. The captive Kazakhs gave inconsistent and contradictory testimony which indicated that they reported to the local leader of Kashkar, who had an army of up to 6 thousand, and they had come to the Volga to capture people from the Kalmyk nomad camps and Russian villages. At the Chorny Yar in the area of Mazan they split into two parts. Iset Batyr and a troop of 3,000 went up the Volga along the meadow side to Saratov in order to 'capture Kalmyks.' Telep Batyr and his troop stayed at Chorny Yar. To the north of Chorny Yar he captured 30 Russians and up to 100 Kalmyks.²⁰

The successful raid of several thousand Kazakhs into the Kalmyk steppe testified the ignorance of Astrakhan authorities of the enemy troops' advancement and of the weak protection of the Russian borders in the Lower Volga region due to the lack of cavalry capable of pursuing and detaining the steppe nomads.

The Russian government clearly understood both the necessity of punishing the criminals and the impossibility of solving this problem on its own. In the lengthy decree dated 9 February 1737, the Collegium of Foreign Affairs proposed to shift the responsibility for solving this issue to Khan Abulkhair. The proposals of the Collegium were reduced to three options: if the participants of the raid were the subjects of the Khan of the Junior Zhuz, then he himself was to punish them, force them to release prisoners and return the loot. If 'Kazakh thieves' were foreign nationals, then Russia would convince Abulkhair and the allied batyrs to launch a campaign to 'inflict vengeance' to the perpetrators. Otherwise, Bashkirs would be asked to step in and 'take measures to prevent Kazakh raids.'²¹

¹⁹ GAOO, f. 2, op. 1, d. 3, l. 39.

²⁰ Ibid., d. 5, l. 22 ob. – 23.

²¹ Ibid., d. 9, l. 20 ob.

In this situation, Donduk-Ombo sought to pit the Russian government against the Khan of the Junior Zhuz and to remind them the war against the Turks and their vassals was not over yet. Further Kalmyk participation in the war would be limited to assisting Russia in preventing Kazakh raids. In order to be more convincing, the ruler of the Kalmyk Khanate himself decided to share some information regarding the threat of new conflicts with the Russians. He referred to the testimony of the captured Kazakhs, who claimed that the Bashkirs and the Kyrgyz, being co-religionists, reached an agreement for Bashkirs to advance into the Kazakh steppe. Through joint efforts, they intended to release the son of Abulkhair, kept hostage by the Orenburg Commission, and then to launch joint raids against Russian villages. Donduk-Ombo pointed out the marriage between the Kazakh Khan and the daughter of Otkokhort the Bashkir as the indirect evidence of the emerging alliance. He also reported to the Russian Empress that Berdekesh the Bashkir had joined Khan Abulkhair with two thousand families and together with the Kazakh sultans were contemplating an attack against Kalmyks. Due to the human and material losses suffered from the Kazakh raid, the Kalmyk Khan considered it necessary to notify the Russian government saying he would not send troops to Kuban next spring.²²

It wasn't an accident that a copy of the translation of Donduk-Ombo's letter to Empress Anna Ioannovna was among the documents of the Orenburg Commission, as it was its chiefs who were responsible for the relations with the khans of the Junior Zhuz.

Donduk-Ombo's message was not left unnoticed. In the order of the Collegium of Foreign Affairs to the chief of the Orenburg Commission V.N. Tatishchev dated 2 June 1738, they explained that due to the ongoing war against Turkey, it was in the interests of Russia to demand that Kazakh attacks on Kalmyk uluses should be stopped. According to the order, V.N. Tatishchev was to do his best to force Kazakhs to return all the loot and release all noble Kalmyks from captivity. It was only under such a condition the Russian government could keep Donduk-Ombo from another campaign against the Kazakh nomads.

In the order, there was no reference to the Bashkir-Kalmyk alliance. Apparently, due to the lack of agreement on this issue between the Kazakh khans and sultans, the Russian government considered such an alliance unlikely at that time. The calculation that Kazakhs would come over to side with the Crimean and Kuban Tatars seemed much more feasible. From time to time, news of contacts between these groups would turn up. Thus, a Kazakh captured at Chorny Yar in January 1737, said during the interrogation that envoys from Crimea had come to the Kazakh Khan and asked him to send some reinforcement. 'At the request of the Crimean Khan, their Khan wanted to send them an army, but he found it difficult to estimate the number of troops needed.'²³ Tatishchev was to find a way to prevent such collusion.²⁴

In the 1730s, the Russian Empire pursued a 'policy of appeasement' towards the Kazakh Zhuzes. It was clearly stated in Paragraph 6 of the Instruction given to I.K. Kirilov just before sending the Orenburg Expedition: 'It is necessary to keep the

²² GAOO, f. 2, op. 1, d. 3, l. 39 ob. – 40 ob.

²³ Ibid., f. 1, op. 1, d. 5, l. 19 ob.

²⁴ Ibid., f. 2, op. 1, d. 3, l. 45 – 45 ob.

Kyrgyz and Kazakhs obedient, depending on the circumstances, with either favors and gifts, or rigor and fear.' As Orenburg's administrators did not have enough military resources for keeping the nomads in check, they were supposed 'to pit one people against the other, saving the Russian army [the burden],' a common tactic among colonizers around the world.²⁵

The leader of the Orenburg Expedition focused much effort on suppressing the Bashkir uprising. As a response to the news about the Kazakh attack on the uluses of the Volga Kalmyks, he sent letters to Khan Abulkhair expressing 'disgust of the acts' committed by people under Abulkhair's control who ravaged the subjects of Her Imperial Majesty. Kirilov's successors built relations with Abulkhair in the same vein. After the above large-scale attack on Kalmyks, V.N. Tatishchev held a meeting with the Kazakh Khan on 3 August 1738. During the solemn audience, Abulkhair, his son Nurali, and other Kazakh elders took another oath of allegiance to the Russian Empire. During this and subsequent meetings with the leader of the Orenburg Commission, Abulkhair kept promising to collect, release from captivity and deliver to Russia all Russian citizens, not only from the Kazakh Zhuzes, but also from neighboring countries. A.I. Levshin, the author of the first fundamental work on the history of the Kazakh people, rightfully noted that Abulkhair could not possibly keep his promise and 'no doubt, he himself was sure of the impossibility of keeping it.'²⁶

Naturally, in these circumstances, as V.V. Batyrev stressed, Donduk-Ombo set out on the next campaign to Kuban in March 1738 with reluctance. As in previous years, Kalmyks managed to inflict a number of heavy defeats to their opponents, the Kuban Tatars and Abazins. During one of them, the troops captured Sultan Selek, the son of the Crimean Khan Bakht Giray. But as soon as in May, after getting to know about the new attacks by Kazakhs, Donduk-Ombo ceased hostilities and returned to the Volga steppes.²⁷

In the conflict between its steppe subjects, Russia acted as the peacemaker. In the diplomatic relations with Khan Abulkhair, the Collegium of Foreign Affairs directly indicated that it was aware of his direct participation in organizing the raids on Russian and Kalmyk villages, but at the same time it made it clear that Russia sought to maintain a good neighborly trusting relationship with the Kazakh Khan. This conclusion is evident from the announcement of the Collegium on 30 July 1739 to Ahmet Sultan, the son of Khan Abulkhair. He was explained that

...although during the interrogation the captured noble man Yesinbay Batyr said that those troops had been sent against Kalmyks by his father Abulkhair Khan, it was not considered to be true, as his father Abulkhair had received citizenship from Her Imperial Majesty and had sworn allegiance. <...> Therefore, he could not possibly send the troops to attack the Kalmyks, the subjects of Her Imperial Majesty, in order to rob and capture them.

²⁵ A.I. Levshin, *Opisaniye kirgiz-kazach'ikh, ili kirgiz-kaysatskikh, ord i stepey. Ch. 2: Istoricheskoye izvestiye* (Saint Petersburg: Tip. Karla Krayya Publ., 1832), 114, 116.

²⁶ *Ibid.*, 136.

²⁷ V.V. Batyrev, *Uchastiye kalmykov v Russko-turetskoy voyne*, 33.

The punishment of those guilty, initiated at his will, as well as the return to Orenburg of all Russian citizens being in captivity, was to be the proof that the Khan of Junior Zhuz had nothing to do with the mentioned crimes.²⁸

In turn, Donduk-Ombo, seeing that Russia took no tough actions against Kazakhs, considered that to be evasion from allied obligations. In his report dated 29 April 1739, he once again reminded his Russian allies that the frequent campaigns of the Kalmyk army to Kuban and Crimea exhausted both his people and horses. Kazakhs made use of the situation by attacking Kalmyk uluses every year, plundering and taking booty. By announcing the desire to be Russian subjects and letting their sons be amanats, Kazakh rulers only misled the Russian Empress. In order to rightly punish the aggressor, Khan Donduk-Ombo asked Empress Anna Ioannovna for permission to equip a joint punitive expedition against the Kazakhs; the Khan hoped that the Empress would provide a troop of 5,000 soldiers and 40 cannons.²⁹

In the return letter dated 19 July 1739, Empress Anna Ioannovna made it clear to the Kalmyk Khan that her government shared the opinion of the unreliability of the oaths given by the Kazakh elders: ‘Although the Kyrgyz have become our subjects again, we have long been aware that they are unreliable.’ She also agreed with the opinion that for their ‘impudence,’ Kazakhs deserved ‘proper revenge.’ However, the letter also included a reminder of the ongoing war against Turkey, and an implication that it was not in the interests of Russia to turn the Kazakh steppe into a theater of war and send in Russian troops. It was strongly recommended to Donduk-Ombo to abandon the idea of a punitive campaign against the Kazakhs of the Junior Zhuz. The letter stated that in case he dared to take such a trip with all his forces, leaving the Kalmyk uluses without proper protection, this might invite an attack from the Kuban Tatars. These arguments were supported with a promise: ‘You should have patience, and when the opportunity occurs, you will take your revenge.’ Nevertheless, some measures to protect the Kalmyk nomad camps were still taken. The Russian government established surveillance and protection on the territory from Astrakhan up the Volga. Patrols were sent to the steppe. In order to protect the Kalmyk Khan and the members of his family, it was promised to send ‘a nobleman and some military.’³⁰

Obviously, the failure to provide more effective military assistance to Kalmyks in their conflict with the Kazakh Zhuzes was also explained by Russia’s desire to ensure a ‘balance of power’ between the steppe subjects and to reduce the intensity and gravity of their invasions in the Russian border areas. Thus, on 23 June 1740, the next year after the end of the Russo-Turkish War, Empress Anna Ioannovna informed Donduk-Ombo of Kalmyk raids on Russian villages. The content of the Empress’s letter resembled the above letters addressed to Khan Abulkhair. For the investigation, trial and punishment of the captured Kalmyks, it was proposed that the Kalmyk Khan should send to Tsaritsyn his representatives – one chief or several zaisangs. The letter ended with a usual warning:

It should be strictly prohibited to all Kalmyks to make raids on Russian houses, to hurt people or take away cattle. Those who get caught will be treated like thieves and villains.³¹

²⁸ GAOO, f. 2, op. 1, d. 5, l. 7.

²⁹ Ibid., l. 44 – 44 ob.

³⁰ Ibid., l. 44 ob. – 45.

³¹ Ibid., l. 88 ob. – 89.

In their relations with nomads, the chiefs of the Orenburg Expedition also used divide-and-conquer tactics, the essence of which was described by I.K. Kirilov in his proposal for the development of the Orenburg region. Kirilov stated that Russia could and should use the constant strife between the Bashkirs, Kazakhs, and Kalmyks to its own advantage. To be more persuasive, he referred to the experience of 1734 when the Russian government utilized the army of Abulkhair against the influential Kalmyk chief Dorzhi Nazarov, whose ulus nomadized along the banks of the Yaik and the Emba. During this conflict, Dorzhi Nazarov took part in the rebellion against Tseren Donduk, the Kalmyk Khan who was supported by Russia at that time. After the devastation of Kalmyk nomad camps, Dorzhi Nazarov was forced to stop hostile actions and, as Kirilov believed, to hold a grudge against the Kazakhs. The chief of the Orenburg Expedition urged to keep pursuing the same foreign policy:

Should Kyrgyz do wrong, Kalmyks and Bashkirs shall be sent against them so that all of them are kept humble and obedient without the participation of Russian troops.³²

The temporary retreat from the proposed tactics towards the Kalmyks was due solely to their participation in the war against the Ottoman Empire and its vassals.

Russia's efforts to normalize relations between the Kazakh Zhuzes and Iran and to protect Kazakhs from Dzungar aggression

The neutralization of the Kazakh military threat, whether aimed at external aggression or its direction in favor of Russia, was not limited to the improvement of the Kazakh-Kalmyk relations. Iran, significantly strengthened by the accession of Nadir Shah, was considered by Saint Petersburg as a possible ally in the war against Turkey. The Shah of Persia and the ruler of the Junior Zhuz sought to seize Khiva and put their protégée on the Khivan throne. The Collegium of Foreign Affairs considered it best to prevent a war between them, rightly believing that the transfer of Persian troops to the North-East would remove them from the Turkish border. In a letter they stated, 'Our interests require that the Persians, being secure and at peace with other peoples, should go to war against the Porte.'³³

In the 1730s, Russia's relations with the Dzungar Khanate became considerably more strained. This was due to ill-defined state borders in Siberia and the reluctance of Goldan-Tseren to recognize the legality of the Kazakh Zhuzes' accession to Russia. The conclusion of a truce in 1734 and, three years later, peace with Qing China made it possible to transfer the Dzungar troops to the south of the Kazakh steppe. Over two years, Dzungars conquered the Senior Zhuz, and in 1739 they launched a campaign against the Middle Zhuz. In these circumstances, Abilmambet, the Khan of the Middle Zhuz, decided to follow the example of Abulkhair and in 1740 acquired the citizenship of the Russian Empire. In 1741, the Collegium of Foreign Affairs received news of Goldan-Tseren's demand that the khans of the Middle and Junior Zhuzes become his subjects, send their children with noble elders as hostages, and pay tribute established by the Dzungar government. The satisfaction of the demand was prevented by the

³² V. Pistolenko, *Iz proshlogo Orenburgskogo kraia* (Chkalov: Chkalovsk regional Publ., 1939), 33.

³³ GAOO, f. 2, op. 1, d. 9, l. 54 ob.

tough stance taken by Russia on behalf of Kazakh interests. The leader of the Orenburg Commission I. I. Neplyuyev requested that the Dzungar ambassadors sent to Abulkhair should be advised as follows: ‘He, the Dzungar ruler, should give patronage to these khans and their hordes; but he should not demand any tribute from them.’ In case Kazakhs violated the border and harm Dzungar uluses, this was to be reported immediately to the court of Her Imperial Majesty or to I.I. Neplyuyev.³⁴

Goldan-Tseren apparently learned late about the Peace Treaty concluded between Russia and Turkey on 18 September 1739 in Belgrade. This delay is evident from a letter addressed to Empress Anna Ioannovna. The copy received in the Orenburg commission, dated 31 March 1742, was titled as ‘Translation of the letter of the Dzungar ruler Goldan Tseren, submitted by his Ambassador Lama Dasha to the great Chancellor and Prince Alexei Mikhailovich Cherkassky.’

Goldan-Tseren complained that in the violation of the previous agreements, Russians had built fortresses, hunted local wildlife, and mined gold and copper on his land. The Dzungar ruler asked the Empress to take her subjects away from Dzungaria, covertly noting that otherwise Russia would have to wage two wars at once: ‘You are waging a war against Turkey, and if during this time I take actions, I might be considered shameless.’³⁵

The establishment of diplomatic contacts between Dzungaria and the Kalmyk Khanate caused great concern in Russian government circles. These contacts could lead to both the migration of a large part of the Volga Kalmyks to the Dzungar Khanate and the conclusion of a treaty between them to form a military alliance. The goal of the military administration of the border provinces of the South-East, therefore, was to hinder and, if possible, detain the envoys and couriers carrying correspondence from Dzungaria to the headquarters of the Kalmyk Khan and back. In 1741, some envoys were sent with letters to Donduk-Ombo. On 27 August, the office of the Orenburg Commission resolved that those couriers should be detained under a specious excuse. In accordance with his instructions, the ambassador was to state that Khan Donduk-Ombo had died and his successor had not yet been appointed, and therefore there was addressee to turn to. In addition, being subjects of the Russian Empire, the Kalmyks were not allowed to answer letters without an Imperial Edict. In order to prevent the ambassador and his servants from going to the steppe and meeting the Kalmyks who were staying in Samara, the ambassador and his staff were to be kept ‘under close supervision.’ The officials also had orders to intercept any letters addressed to the Kalmyk Khan. However, there turned out to be no need to obstruct the envoys’ departure to the Kalmyk steppe. Upon arrival in Samara, the Dzungar ambassador got sick and died shortly thereafter. The demands of the Orenburg Commission leaders were met: ‘Every effort was made with the help of an interpreter to have a look at all the letters addressed to Khan Donduk-Ombo.’ The letters were copied and sent to the Collegium of Foreign Affairs.³⁶

³⁴ GAOO, f. 2, op. 1, d. 10, l. 49–50.

³⁵ *Ibid.*, l. 54 – 54 ob.

³⁶ *Ibid.*, d. 9, l. 82 ob. – 83.

Conclusion

Thus, in the 1730s, the Russian government formed a workable model of relations with its steppe subjects. It consisted of preventing long-term military conflicts between those subjects and, at the same time, neutralizing any attempts of forming a common military alliance. The Russian government performed the role of a peacemaker, arbitrator, and a reliable ally in case of an external threat and raised the authority of the Empire in order to force the nomads to seek its protection and submit to its will. It was the Orenburg Expedition (Commission) itself which was meant to pursue the policy of establishing the Russian statehood in the steppes of the Southern Urals and the Ural-Caspian region, and, in the future, the whole Central Asia. Its leaders established direct contacts with the Kazakh and Karakalpak khans, as well as rulers of other neighboring peoples. It was the Russo-Turkish War which made some temporary adjustments to the established order of maintaining the 'balance of forces', a policy aimed at preventing the strengthening of any unions between sovereign states and nomads. The Kalmyk Khanate's effort in the war on the Russian side and the participation of its troops in the Kuban campaign gave the Kazakhs of the Junior Zhuz the opportunity to launch devastating raids on Kalmyk uluses. The Orenburg Expedition, whose few troops were involved in the suppression of the Bashkir uprising, mainly provided the Kalmyks with only minimal diplomatic support. It was the aggressive policy of the Dzungar Khanate aimed at the conquest of the Kazakh steppe that prevented the establishment of the military hegemony of the Kazakh Zhuzes in the Ural steppes. And it was only the staunch stance of Russia, declaring its readiness to protect its Kazakh subjects, that forced Dzungar ruler Goldan-Tseren to abandon any claims to the Kazakh steppes.

Рукопись поступила: 20 февраля 2019 г.

Submitted: 20 February 2019

Библиографический список

- Акманов И.Г.* Башкирское восстание 1735–1736 гг. Уфа: БГУ, 1977. 85 с.
- Бакунин В.М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года. Элиста: Калмыцкое книжное изд-во, 1995. 153 с.
- Батырев В.В.* Участие калмыков в Русско-турецкой войне 1735–1739 гг. // Востокovedные исследования в Калмыкии. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2006. С. 29–30.
- Васильев Д.В., Любичанковский С.В.* Казахи и русские: бытовая аккультурация в XIX в. // Вопросы истории. 2018. № 3. С. 151–165.
- Государева М.Ю.* К вопросу о дипломатической подготовке русско-турецкой войны 1735–1739 гг. // Человек, образ, слово в контексте исторического времени и пространства: материалы Всероссийской научно-практической конференции, 23–24 апреля 2015 г., Рязанский университет имени С.А. Есенина. Рязань: Концепция, 2015. С. 192–193.
- Джунджузов С.В., Любичанковский С.В.* Миссионерская деятельность Никодима Ленкеевича в Калмыцком ханстве (1725–1734 годы) // Новый исторический вестник. 2017. № 3. С. 172–191.
- Джунджузов С.В., Любичанковский С.В.* Калмыки на Южном Урале в XVIII – начале XX в. // Былые годы. 2017. Т. 46. № 4. С. 1194–1206.
- Джунджузов С.В., Любичанковский С.В.* Влияние имперской политики аккультурации на формирование и эволюцию властной элиты крещенных калмыков (1737–1842) // Былые годы. 2018. Т. 49. № 3. С. 970–979.

- Дмитриев В.В., Любичанковский С.В. Южные окраины Российской империи и проблема колониализма (на материалах внутренней политики России по отношению к крымским татарам в конце XVIII – начале XX в. // *Былые годы*. 2017. Т. 45. № 3. С. 1010–1024.
- Избасарова Г.Б., Любичанковский С.В. Приставства на окраинах Российской империи в XVIII – первой половине XIX в.: от административного лица к системе управления // *Российская история*. 2018. № 2. С. 13–21.
- Избасарова Г.Б. Российский фактор в казахско-башкирских отношениях в 1-й четверти XVIII в. // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2016. № 5/2. С. 63–68.
- Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Ч. 2: Исторические известия. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1832. 304 с.
- Любичанковский С.В., Аканов К.Г. Оренбург в истории интеграции Казахской степи в состав Российской империи XVIII – начала XX в. // *Былые годы*. 2018. Т. 48. № 2. С. 484–495.
- Моисеев В.А. Джунгаро-казахские отношения в XVII–XVIII веках и политика России // *Вестник Евразии*. 2000. № 2. С. 25–30.
- Пекарский П.П. Новые известия о В.Н. Татищеве. СПб.: Акад. наук, 1864. 66 с.
- Пекарский П.П. Жизнь и литературная переписка П.И. Рычкова. СПб.: Акад. наук, 1867. 184 с.
- Пистоленко В. Из прошлого Оренбургского края. Чкалов: Чкаловское областное изд-во, 1939. 152 с.
- Рычков П.И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. Уфа: Уфимский НЦ РАН, 2002. 201 с.
- Стариков Ф.М. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска. Оренбург: Типолитография Б. Бреслина, 1891. 352 с.
- Сафонов Д.А. Начало Оренбургской Истории. Оренбург: Оренбургская губерния, 2003. 92 с.
- Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30–40-е гг. XVIII в. Самара: Самар. ун-т, 1997. 187 с.
- Смирнов Ю.Н. Экстракт именных указов Оренбургской комиссии за 1734–1741 годы как источник по истории отношений с народами и странами Приуралья, Казахстана, Средней Азии // *Внешнеполитические интересы России: история и современность: сборник материалов III Всероссийской научной конференции*. Самара: Изд-во Самарской гуманитарной академии, 2016. С. 227–237.
- Тупеев Ш. Очерки по истории Башкирии. Уфа: Башк. гос. изд-во, 1930. 222 с.
- Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1737–1739 гг. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 153 с.
- Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа: Типография Оренбургского губернского правления, 1859. 472 с.
- Shaukenov A. Changes in the political and legal system of Kazakhstan in the process of its incorporation into the Russian Empire from the second half of the 18th century to the end of the 19th century // *Journal of Asian and African Studies*. 2013. Vol. 22. No. 2. Pp. 283.

References

- Akmanov, I.G. *Bashkirskoye vosstaniye 1735–1736 gg.* Ufa: BGU Publ., 1977 (in Russian).
- Bakunin, V.M. *Opisaniye kalmytskikh narodov, a osoblivo iz nikh torgoutsogo, i postupkov ikh khanov i vladel'tsev. Sochineniye 1761 goda.* Elista: Kalmyk Book Publ., 1995 (in Russian).
- Batyrev, V.V. “Uchastiye kalmykov v Russko-turetskoy voyne 1735–1739 gg.” In *Vostokovednyye issledovaniya v Kalmykii*. Elista: Kalmyk University Publ., 2006 (in Russian).
- Cheremshanskiy, V.M. *Opisaniye Orenburgskoy gubernii v khozyaystvenno-statisticheskoy, etnograficheskoy i promyshlennom otnosheniyakh.* Ufa: Tipografiya Orenburgskogo Gubernskogo Pravleniya Publ., 1859 (in Russian).

- Gosudareva, M.Yu. “K voprosu o diplomaticheskoy podgotovke russko-turetskoy voyny 1735–1739 gg.” In *Chelovek, obraz, slovo v kontekste istoricheskogo vremeni i prostranstva: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 23–24 aprelya 2015 g., Ryazanskiy universitet imeni S.A. Yesenina, 192–193*. Ryazan’: Kontsepsiya, 2015 (in Russian).
- Dmitriev, V.V., and Lyubichankovskiy, S.V. “The Southern Periphery of the Russian Empire and a Problem of Colonialism (on materials of National Policy of Russia in Relation to the Crimean Tatars at the end of XVIII – the beginning of the 20th century).” *Bylye Gody* 45, no. 3 (2017): 1010–1024 (in Russian).
- Dzhundzhuzov, S.V., and Lyubichankovskiy, S.V. “The Missionary Activity of Nicodemus Lenkeevich in the Kalmyk Khanate (1725–1734).” *Novyy istoricheskiy vestnik*, no. 3 (2017): 172–191 (in Russian).
- Dzhundzhuzov, S.V., and Lyubichankovskiy, S.V. “Kalmyks of Southern Ural in the XVIII – early XX century: problems of assimilation, acculturation and preservation of ethnic identity.” *Bylye Gody* 46, no. 4 (2017): 1194–1206 (in Russian).
- Dzhundzhuzov, S.V., and Lyubichankovskiy, S.V. “The Influence of the Imperial Policy of Acculturation on the Formation and Evolution of the Power Elite among the Stavropol Christened Kalmyks (1737–1842).” *Bylye Gody* 49, no. 3 (2018): 970–979.
- Izbasarova, G.B., and Lyubichankovskiy, S.V. “Pristavstva on the outskirts of the Russian Empire in the 18th – first half of the 19th century: from a personal position to a management system.” *Rossiyskaya istoriya*, no. 2 (2018): 13–21 (in Russian).
- Isbasarova, G.B. “Rossiyskiy faktor v kazakhsko-bashkirskikh otnosheniakh v 1-y chetverti XVIII v.” *Historical and Social-Educational Idea*, no. 5/2 (2016): 67 (in Russian).
- Levshin, A.I. *Opisaniye kirgiz-kazach'ikh, ili kirgiz-kaysatskikh, ord i stepey. Istoricheskiye izvestiya*. Saint Petersburg: Karla Kravtza Publ., 1832 (in Russian).
- Lyubichankovskiy, S., and Akanov, K. “Orenburg in the History of Integration of Kazakh Steppe in the Russian Imperia XVIII – beginning of XX century.” *Bylye Gody* 48, no. 2 (2018): 484–495.
- Moiseyev, V.A. “Dzhungaro-kazakhskiy otnosheniya v XVII–XVIII vekakh i politika Rossii.” *Vestnik Yevrazii*, no. 2 (2000): 25–30 (in Russian).
- Pekarskiy, P.P. *Novyye izvestiya o V.N. Tatishcheve*. Saint Petersburg: Academy of Sciences Publ., 1864 (in Russian).
- Pekarskiy, P.P. *Zhizn' i literaturnaya perepiska P.I. Rychkova*. Saint Petersburg: Academy of Sciences Publ., 1867 (in Russian).
- Pistolenko, V. *Iz proshlogo Orenburgskogo kraya*. Chkalov: Chkalovsk regional Publ., 1939 (in Russian).
- Rychkov, P.I. *Istoriya Orenburgskaya po uchrezhdenii Orenburgskoy gubernii*. Ufa: Ufimskiy NTS RAN Publ., 2002 (in Russian).
- Safonov, D.A. *Nachalo orenburgskoy istorii*. Orenburg: Orenburgskaya guberniya Publ., 2003 (in Russian).
- Shaukenov, A. “Changes in the political and legal system of Kazakhstan in the process of its incorporation into the Russian Empire from the second half of the 18th century to the end of the 19th century.” *Journal of Asian and African Studies* 22, no. 2 (2013): 283.
- Smirnov, Yu.N. *Orenburgskaya ekspeditsiya (komissiya) i prisoyedineniye Zavolzh'ya k Rossii v 30–40-ye gg. XVIII v.* Samara: Samara University Publ., 1997 (in Russian).
- Smirnov, Yu.N. “Ekstrakt imennykh ukazov Orenburgskoy komissii za 1734–1741 gody kak istochnik po istorii otnosheniy s narodami i stranami Priural'ya, Kazakhstana, Sredney Azii.” *Vneshnepoliticheskiye interesy Rossii: istoriya i sovremennost'.* *Sbornik materialov III Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii*. Samara: Samara Academy of Humanities Publ., 2016 (in Russian).
- Starikov, F.M. *Istoriko-statisticheskiy ocherk Orenburgskogo kazach'yego voyska*. Orenburg: Tipografiya B. Breslina Publ., 1891 (in Russian).

Tipeyev, Sh. *Ocherki po istorii Bashkirii*. Ufa: Bashkir State Publ., 1930 (in Russian).

Ustyugov, N.V. *Bashkirskoye vosstaniye 1737–1739 gg.* Moscow – Leningrad: AN SSSR Publ., 1950 (in Russian).

Vasil'yev, D.V., and Lyubichankovskiy, S.V. “Kazakhs and Russians: household acculturation in the XIX century.” *Voprosy istorii*, no. 3 (2018): 151–165 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Джунджужов Степан Викторович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Оренбургского государственного педагогического университета.

Stepan V. Dzhundzhuzov, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Professor at the Russian History Department, Orenburg State Pedagogical University.

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Оренбургского государственного педагогического университета.

Sergey V. Lyubichankovskiy, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Professor and the Head of the Russian History Department, Orenburg State Pedagogical University.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-3-525-539>

Научная статья / Research article

От Слободской губернии к Харьковскому наместничеству: реформа административно-территориального устройства Слободской Украины в 1780 г.

Д.А. Хитров

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
119192, Россия, Москва, Ломоносовский пр., 27, корп. 4; dkhitr@yandex.ru

From Sloboda province to Kharkov governorate: the reform of administrative-territorial structure of Sloboda Ukraine in 1780

Dmitry A. Khitrov

Lomonosov Moscow State University;
27 Lomonosov Prospect, bldg. 4, Moscow, 119192, Russia; dkhitr@yandex.ru

Аннотация: В статье исследуется реализация Губернской реформы 1775 г. на территории Харьковского наместничества. Губернская реформа была соединена с глубочайшей перестройкой всей системы управления на местах. На смену старой системе уездного деления, складывавшейся исторически и восходящей к эпохе возникновения единого государства, пришла новая, ориентированная на принцип примерного равенства населения равных по статусу административных единиц и максимальной доступности административных центров. Особенное значение эти вопросы приобретают в тех случаях, когда речь идет о контактных зонах, территориях с неоднородным населением, на которых одновременно существовали социальные структуры и административные единицы различного происхождения. К ним относится территория Слободской Украины, где вплоть до открытия Харьковского наместничества в 1780 г. уездное деление, характерное для территорий, занятых русской колонизацией, сочеталось с украинским полковым, возникшим здесь во второй половине XVII в. В статье на основе карт и списков поселений 1770–1780-х гг. автором самостоятельно проведена реконструкция детальных карт административного деления территории Харьковского наместничества до и после реформы. Выяснилось, что до реформы здесь располагались земли четырех полков и семи уездов, причем все они имели ясно очерченные границы. При открытии наместничества было создано пятнадцать уездов, вследствие чего границы сильно изменились, но у каждого из уездных городов осталась значительная округа, связанная с ним ранее. Также показано, что если до реформы управленческие центры низшего уровня находились как на полковых, так и на уездных землях, а частично и вовсе за пределами региона, то из пятнадцати уездных центров наместничества тринадцать были быв-

© Хитров Д.А., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

шими полковыми городами и слободами. Данная ситуация отражает постепенный рост влияния слободской казачьей верхушки, которая к этому времени добивается признания своего дворянского статуса и становится доминирующей социальной силой в регионе.

Ключевые слова: Губернская реформа 1775 г., историческая картография, Харьковское наместничество, Слободская Украина, уезд

Для цитирования: Хитров Д.А. От Слободской губернии к Харьковскому наместничеству: реформа административно-территориального устройства Слободской Украины // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 3. С. 525–539. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-3-525-539>

Abstract: The present article investigates the implementation of the 1775 provincial reform on the territory of the Kharkiv *namestnichestvo* (viceroyalty). The provincial reform entailed a restructuring of the entire system of local government. These issues are of particular interest in contact zones, territories with heterogeneous populations, where social structures and administrative units of different historical origins coexisted. One of these is the territory of Sloboda Ukraine, where until the opening of the Kharkiv *namestnichestvo* in 1780, the *uezd* division, characteristic of territories occupied by Russian colonization, was combined with the Ukrainian regimental structure that dated back to the second half of the 17th century. On the basis of maps and lists of settlements dating from the 1770s–1780s, the author reconstructed the maps of the administrative division of the territory of Kharkiv *namestnichestvo* before and after the reform. Before the reform the lands were organized in four regiments (*polks*) and seven districts (*uezds*), all with clearly defined boundaries. At the opening of the *namestnichestvo*, 15 *uezds* were created; the boundaries changed greatly, but each of the *uezd* centers preserved a significant part of the land that had been associated with it earlier. The article demonstrates that after the reform, 13 of the 15 *uezd* towns were former regimental towns and villages. This seems to reflect the gradual increase in influence of the Sloboda Cossack elite, which by this time was seeking recognition of its noble status and becoming the dominant social force in the region.

Keywords: Gubernia reform of 1775, historical cartography, Kharkov province, Sloboda Ukraine, uезд

For citation: Khitrov, Dmitry A. “From Sloboda province to Kharkov governorate: the reform of administrative-territorial structure of Sloboda Ukraine in 1780,” *RUDN Journal of Russian History* 18, no. 3 (August 2019): 525–539. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-3-525-539>

Введение

Как известно, Губернская реформа 1775–1783 гг. была сопряжена с крупнейшей перестройкой системы административно-территориального деления России до-революционного периода. Существовавшая до нее система сложилась исторически и восходила в центре страны к периоду складывания единого государства, а на окраинах – ко времени их первоначального освоения. Основная часть территории государства делилась на уезды, которые были резко различны по размерам, численности населения, внутренней структуре¹; на окраинах могли существовать и другие единицы, в частности на Украине ими были полки. Изменения границ между ними случались, но это происходило эпизодически, в связи с сугубо местными условиями и обстоятельствами. На более высоком уровне состав губерний и провинций в течение XVIII в. неоднократно менялся, но эти перемены не затрагивали уездного уровня².

¹ Черников С.И. Власть и собственность: особенности мобилизации земельных владений в Московском уезде в первой половине XVIII в. // *Cahiers du Monde russe*. 2012. № 53 (1). С. 151; Камараули Е.В. Служилые группы в составе землевладельцев Воронежского уезда в первой трети XVII века: размещение по станам, особенности поместного и вотчинного владения // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2017. № 3. С. 47–52.

² Дедук А.В. К вопросу о границе между Владимирским и Рязанским уездами в XVII–XVIII вв. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2015. С. 390–396.

В ходе реформы почти на всей территории страны было введено единообразное двухуровневое деление на губернии и уезды, границы которых были определены заново на основе принципа примерного равенства населения. Это переустройство было связано с глубоким переформатированием сословных институтов: в сущности, заново формировались дворянские уездные и губернские сообщества, переопределялся статус городов, происходили серьезные изменения в положении многих групп военно-служилого населения³, таких как казаки. В известной степени оно оказало влияние даже на природопользование⁴. В силу этого большое значение имеют вопросы о том, как были реализованы принципы нового административного деления, определенные Учреждениями для управления губерниями, в какой степени новые административные границы были преемственными по отношению к старым, какие территории изменили свою административную подчиненность.

Хотя Губернская реформа 1775 г. – одно из самых важных и, безусловно, наиболее завершенных внутривластных предприятий Екатерины II, закономерно привлекает большое внимание специалистов (работы А.Д. Градовского, В.А. Григорьева, М.П. Павловой-Сильванской, Н.В. Середы и др.)⁵ та ее сторона, которая представлялась наиболее важной самим ее авторам, а именно глубокая перестройка всей системы административно-территориального деления страны, изученная существенно меньше. Чаще всего она характеризуется в нескольких словах как механическая реализация определенного Учреждениями для управления губерниями принципа – 400 тыс. душ в губернии, 30–40 тыс. душ – в уезде. Единственной работой, в которой специально затрагиваются интересующие нас вопросы, остается книга Ю.В. Готье, который, однако, сосредоточился на предпосылках реформы и не исследовал ход ее реализации⁶. Решение данной масштабной задачи требует последовательного рассмотрения изменений, произошедших в каждом из регионов страны, выявления общего и особенного в этих процессах.

Особенное значение обозначенные вопросы приобретают в тех случаях, когда речь идет о контактных зонах, территориях с неоднородным населением, на которых одновременно существовали социальные структуры и административные единицы различного происхождения. К ним относится Слободская Украина, где вплоть до открытия Харьковского наместничества в 1780 г. уездное деление, характерное для территорий, занятых русской колонизацией, сочеталось с полковым, возникшим здесь во время массового переселения выходцев с Украины во второй половине XVII в. Как известно, слободские полки (Харьковский, Сумский, Ахтырский, Изюмский и Острогожский) во время петровской административной

³ *Khistrov D.A.* Tributary labour in the Russian empire in the eighteenth century: Factors in development // *International Review of Social History*. 2016. Vol. 61. Pp. 49–70.

⁴ *Novenko E., Shilov P., Khistrov D., Kozlov D.* The last hundred years of land use history in the southern part of Valdai Hills (European Russia): Reconstruction by pollen and historical data // *Studia Quaternaria*. 2017. No. 2. Pp. 73–81.

⁵ *Градовский А.Д.* История местного управления в России. СПб.: Печатня В. Головина, 1868; *Григорьев В.А.* Реформа местного управления при Екатерине II. СПб., 1910; *Павлова-Сильванская М.П.* Социальная сущность областной реформы Екатерины II // *Абсолютизм в России (XII–XVIII вв.): сборник статей*. М., 1964. С. 460–491; *Середи Н.В.* Реформа управления Екатерины Второй. М., 2004.

⁶ *Готье Ю.В.* История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. 1–2. М., 1913–1941.

реформы вошли в состав Белгородской губернии. В 1765 г. они были выведены из ее состава и объединены в новую Слободско-Украинскую губернию с центром в Харькове, организованную «согласно общему в государстве правлению»⁷. Первоначально предполагалось, что полки в ее составе будут приравнены к уездам, однако позже было уточнено, что каждый из них составит отдельную провинцию⁸.

В литературе Слободская губерния обычно описывается как цельная историко-географическая область, очертания которой оформились еще в ходе первоначального заселения во второй половине XVIII в. Хотя в специальных работах говорится о присутствии здесь населения, подведомственного Белгородской губернии, и о чересполосном расположении полков и уездов, однако попыток выяснить их соотношение и уточнить размещение историками не предпринималось. Так, на исследовательских картах П. Головинского⁹ и А.Г. Слюсарского¹⁰, которые воспроизводятся и в современных обобщающих изданиях¹¹, территории полков изображаются как слитное, обведенное общей границей пространство. Между тем современники хорошо знали, что «Слободская Украинская губерния в 1765 г. при учреждении своем точных пределов не имела, а заключались оные по одному только чересполосному владению смежных Слободских и Великороссийских селений»¹².

25 апреля 1780 г. был издан манифест об открытии Харьковского наместничества, которое должно было включить в себя основные территории Слободской губернии (исключая расположенный восточнее Острогожский полк), а также «назначенные прежде от Белгородской губернии точного ее ведомства до 73 000 душ, да считающиеся по Слободской губернии по платежу подушных денег, а по жительству бывшие в ведомстве Белгородской губернии до 46 000 душ, да от Азовской до 200 душ»¹³.

Целью настоящей статьи является выяснение того, как были перераспределены земли между административными единицами на территории формирующегося Харьковского наместничества. Для этого необходимо создать детальные и точные карты административного деления до и после реформы и затем сопоставить их между собой.

Специфика поставленной задачи требует обращения к источникам, которые позволяют точно определить дореформенную и пореформенную принадлежность каждого из существовавших в то время поселений – без этого есть риск неточно реконструировать происходившие изменения.

К сожалению, дореформенное деление Слободжанщины плохо отражено на картах того времени: крупномасштабная русская картография в XVIII в. находилась в стадии становления¹⁴, и как количество, так и качество имеющихся в нашем

⁷ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1 (далее – ПСЗ). Т. XVI. СПб., 1883. С. 1004.

⁸ Там же. Т. XVII. СПб., 1832. С. 194.

⁹ Головинский П. Слободские Казачьи полки. СПб., 1864.

¹⁰ Слюсарский А.Г. Социально-экономическое развитие Слободжанщины XVII–XVIII вв. Харьков, 1964.

¹¹ Атлас Харьковской области. Киев, 1993.

¹² ПСЗ. СПб., 1849. Т. XXIV. С. 602.

¹³ Там же. СПб., 1845. Т. XX. С. 932.

¹⁴ Постников А.В. Развитие крупномасштабной картографии в России. М., 1989; Фролов А.А., Голубинский А.А., Кутаков С.С. Веб-ГИС «Чертежи Русского государства XVI–XVII вв.» // Историческая информатика. 2017. № 1. С. 75–84.

распоряжении материалов оставляют желать лучшего. Печатные атласы 1739 г. (Атлас И.К. Кирилова) и 1745 г. (Академический атлас) изображают интересующие нас территории в слишком мелком масштабе.

Основной массив рукописных карт дореформенного времени был выявлен В.М. Кабузаном¹⁵. Среди его находок – обобщенные схемы полковых земель, созданные в 1720–1730-х гг.¹⁶. Их дубли имеются в составе коллекции карт, вывезенных из России Ж.-Н. Делилем и хранящихся в Национальной библиотеке Франции. Несколько лет назад она была оцифрована и сейчас доступна исследователям в удаленном режиме¹⁷. К сожалению, эти карты не показывают границ полков и не обозначают смежных поселений, да и сама сеть населенных пунктов нанесена на них, видимо, не полностью, не говоря уже о том, что съемка проводилась почти за столетия до интересующего нас времени. Значительно большей ценностью обладает схематичная карта в Лесном атласе 1782 г.¹⁸, однако на ней не нанесены небольшие уезды, а например Чугуевский уезд объединен с Харьковском полком. Еще более приблизительное изображение интересующей нас территории можно наблюдать на Карте малороссийских и слободских полков 1764 г.¹⁹

В этих условиях приходится обратиться к спискам поселений, существовавших на этой территории, и проделать кропотливую работу по локализации каждого из них. Такой список, максимально приближенный по времени к реформе, имеется в нашем распоряжении. Это – «Ведомость, из каких именно городов и уездов Харьковское наместничество составлено и сколько было в них душ на 1779 год» (далее – «Ведомость»)²⁰, составленная при подготовке реформы. Опираясь на более поздние межевые карты, о которых будет сказано далее, нам удалось локализовать все упомянутые в ней поселения, кроме части хуторов, названия которых были слишком неустойчивы – общим счетом таких поселений оказалось 772²¹.

Реконструкция итогов реформы на основании «Ведомости» будет некорректной, поскольку в ней отражен только предварительный план ее проведения. В частности, «Ведомость» предполагала включить в Харьковское наместничество ряд юго-восточных поселений Изюмского полка, которые позже отошли к Новороссийской губернии, и некоторые поселения Путивльского уезда, которые в итоге остались в его составе, в Курском наместничестве; есть и отличия в составе уездов. Но по пореформенному времени в нашем распоряжении имеется

¹⁵ Кабузан В.М. Обзор историко-географических источников по административно-территориальному делению России в 1720–1770 гг. // Историческая география России XVIII в. М., 1981. С. 61–113.

¹⁶ БАН РО (Библиотека Академии наук. Рукописный отдел). Оп. 1. Д. 425–428, 455–457, 529–531, 539–541.

¹⁷ Bibliotheque Nationale de France. Catalogue Generale. URL: <http://catalogue.bnf.fr/ark:/12148/cb42369595k/> (дата обращения: 09.05.2019); Салищев К.А. Собрание русских карт первой половины XVIII в. в Париже (коллекция акад. Ж.Н. Делиля) // Известия АН СССР. Серия: География. 1960. № 4. С. 104–110; Постников А.В. Новые данные о российских картографических материалах XVIII – начала XIX в. во Франции // Вопросы истории естествознания и техники. 2005. № 3. С. 17–38.

¹⁸ Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Эрм. 610. Л. 53 об. – 54.

¹⁹ РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив). Ф. 846. Оп. 16. Д. 16194.

²⁰ Пирко В.О., Гуржий О.И. Описи Харьківського намісництва кінця XVIII ст. Київ, 1991. С. 137–168.

²¹ В том числе 28 поселений были локализованы приблизительно, по соседним населенным пунктам, поскольку их не удалось найти ни на одной из карт.

значительно больше картографических материалов. Сложность, однако, состоит в том, что на Слобожанщине границы уездов несколько раз корректировались в течение двух последних десятилетий XVIII в. Поэтому, скажем, административное деление, отраженное на рукописных уездных планах Генерального межевания из коллекции Российского государственного архива древних актов²², на карте из печатного Атласа Российского 1792 г. и на картах из «Топографического описания Харьковского наместничества» 1787 г.²³ не совпадают между собой.

Для реконструкции итогов реформы мы выбрали подробную карту, отражающую итоги размежевания уездов и максимально приближенную по времени к открытию наместничества, – «Геометрический план Харьковского наместничества с показанием всех селений, почтовых дорог и станций» 1784 г.²⁴ Основной целью создания этого памятника было именно «положение губернских границ» – в картушах у нее подробно описываются участки границы и поименно перечисляются «комиссионеры», заверившие своими подписями их расположение. Опиравшийся на планы Генерального межевания, которые были основаны на огромном объеме полевых измерений, план очень детален в изображении поселений и отрисовке границ. Хотя неточность основы сделала его привязку очень трудоемкой и потребовала определения более 400 контрольных точек, результат оправдал усилия, позволив реконструировать границы 1784 г. с большой точностью.

Для реконструкции изменений, произошедших в ходе губернской реформы, мы применили следующий алгоритм. Сначала на основе плана 1784 г. были реконструированы административные границы середины 1780-х гг. Затем на них были «наложены» сведения о дореформенной административной принадлежности поселений из «Ведомости», и на их основе были восстановлены дореформенные границы. В том случае, если поселения, принадлежавшие к разным уездам до реформы, остались по разные стороны границы и после нее, мы считали, что граница также не претерпела изменений. Если же изменения произошли, мы пытались провести примерную границу между хозяйственными ареалами соответствующих поселений. Таким образом, предлагаемая реконструкция является точной в том, что касается принадлежности поселений, и приблизительной – в части размежевания их владений. Полученные карты дореформенных полков и уездов Слобожанщины могут считаться самостоятельным результатом исследования и помещены в приложении к статье.

Соединение двух карт – полученной на основе карты 1784 г. пореформенной и реконструированной дореформенной – дает, как мы увидим далее, возможность детально восстановить картину перераспределения земель при формировании наместничества.

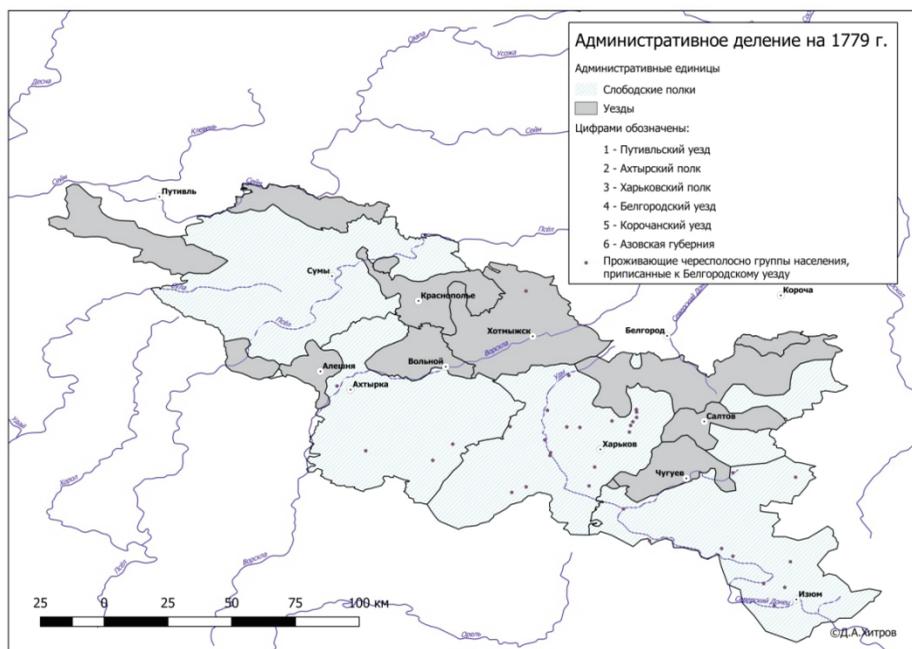
Административное деление накануне реформы

Территория Харьковского наместничества накануне реформы относилась ко множеству разнотипных административных единиц (рис. 1).

²² РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 1356. Оп. 1.

²³ Пирко В.О., Гуржий О.И. Описи Харьківського намісництва... С. 137–168.

²⁴ РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 1399. Оп. 1. Д. 232.

**Рис. 1. Административное деление региона в 1779 г. /
Figure 1. Administrative borders in 1779**

Источник / Source: Карта составлена автором / The map was compiled by the author.

Большая часть территории (67 %, то есть 22 из 33 тыс. км²) принадлежала четырем слободским полкам – Ахтырскому, Изюмскому, Сумскому и Харьковскому. Кроме них, здесь имелись шесть небольших уездов Белгородской губернии – Алешинский, Вольновский, Краснопольский, Салтовский, Хотмыжский и Чугуевский. В совокупности они занимали всего 19 % территории, никогда не относились к числу слободских земель и числятся по Белгородской губернии во всех ревизиях первой половины – середины XVIII в.²⁵ Имеются и карты того же времени по некоторым из них.²⁶ Наконец, в состав наместничества вошли территории, приписанные к уездам, центры которых остались в Курском наместничестве, к Белгороду, Путивлю и Короче; одно село на границе между Харьковским и Изюмским полками, которое по каким-то неясным для нас причинам ведалось в Азовской губернии. Всего – 14 % земель.

Анализ карты (рис. 1) не подтверждает распространенного представления об исключительной чересполосности административного деления в этом регионе. Два из четырех полков и все расположенные полностью на исследуемой территории уезды имеют слитные, хотя иногда и причудливо очерченные территории. Ахтырский полк имеет один небольшой анклав, и только территория Харьковского действительно разорвана – его Хотомлянское комиссарство расположено в отдалении от основной территории и само разделено землями Салтовского и Белгородского

²⁵ Бескровный Л.Г., Водарский Я.Е., Кабузан В.М. Переписи населения России. Итоговые материалы подворных переписей и ревизий. М., 1972. Вып. 2. С. 75; Там же. Вып. 3. С. 370–376.

²⁶ БАН РО. Оп. 1. № 422. Алешня. № 440. Вольной.

уездов. Переданные в 1780 г. Харьковскому наместничеству части северных уездов также примыкали к их основным территориям. Исключением были два путивльских анклава: один – на юго-западе, другой – на северо-востоке Сумского полка.

Не наблюдается, по крайней мере с точки зрения «Ведомости», опирающейся на данные ревизского учета, и массового проживания в полковых поселениях населения, ведомого в уездных администрациях. Подобные случаи зафиксированы, но они относятся только к одному уезду – Белгородскому и отмечены на карте (рис. 1). Как правило, это – небольшие группы численностью в пределах нескольких десятков душ, хотя бывают и исключения. Как видим, ареал этого рассеянного населения довольно широк и охватывает всю восточную часть Слобожанщины – Харьковский, Ахтырский и Изюмский полки.

В западной части региона имеется другой феномен, который следует рассмотреть особо. В Миропольском комиссарстве Сумского полка, согласно «Топографическому описанию» 1785 г., до 1780 г. было «два рода правительств, то есть воеводская канцелярия с подсудным уездом, зависима от Белгородской губернии, и сотенное, а после сего камисарское правление, зависевшее от Сумской провинции бывшей Слободской Украинской губернии»²⁷. В I–III ревизиях эта единица фигурирует как Миропольский уезд, однако в «Ведомости» она разделена: поселения ее северной части определяются как принадлежащие к Миропольскому комиссарству, без указаний на существование уезда, а южной – как относящиеся к «Краснопольскому уезду Миропольского комиссарства». В итоговых материалах I-й ревизии говорится также о существовании уезда с центром в Недрыгайлове, а в коллекции карт петровских геодезистов имеется его план²⁸. Однако к концу 1770-х гг. этот небольшой уезд, видимо, был поглощен Сумским слободским полком. Таким образом, сфера деятельности полковой администрации в течение XVIII в. постепенно расширялась. Механизмы и причины этого нуждаются в дополнительном исследовании.

Теперь обратимся к вопросу о том, как изменилось административно-территориальное устройство региона в итоге реформы. На карте (рис. 2) жирными линиями показаны границы уездов в 1784 г., а тонкими – в 1779 г.

Как следует из карты, на месте довольно разнородных и разномасштабных административных единиц теперь возникло пятнадцать уездов нового наместничества.

В числе пятнадцати уездных городов оказались все четыре старых полковых центра. Из старых уездных городов свой статус удержали крупные – Чугуев и Хотмыжск, а Салтов, Краснополье, Вольной и Алешня утратили его. Остальные девять городов ранее входили в состав полковых владений: шесть из них (Белополье, Лебедин, Краснокутск, Богодухов, Валки, Мирополье) были центрами комиссарств, а три (Недрыгайлов, Золочев и Волчанск) не обладали даже этим скромным статусом. Особо следует подчеркнуть, что все административные центры, как старые, так и новые, кроме Чугуева и Хотмыжска, располагались на полковых землях даже в тех случаях, когда основная часть территории уезда была не полкового происхождения (как, например, в Волчанске).

²⁷ Пірко В.О., Гуржій О.І. Описи Харківського намісництва... С. 89.

²⁸ БАН РО. Оп. 1. № 489. Недрыгайлов.

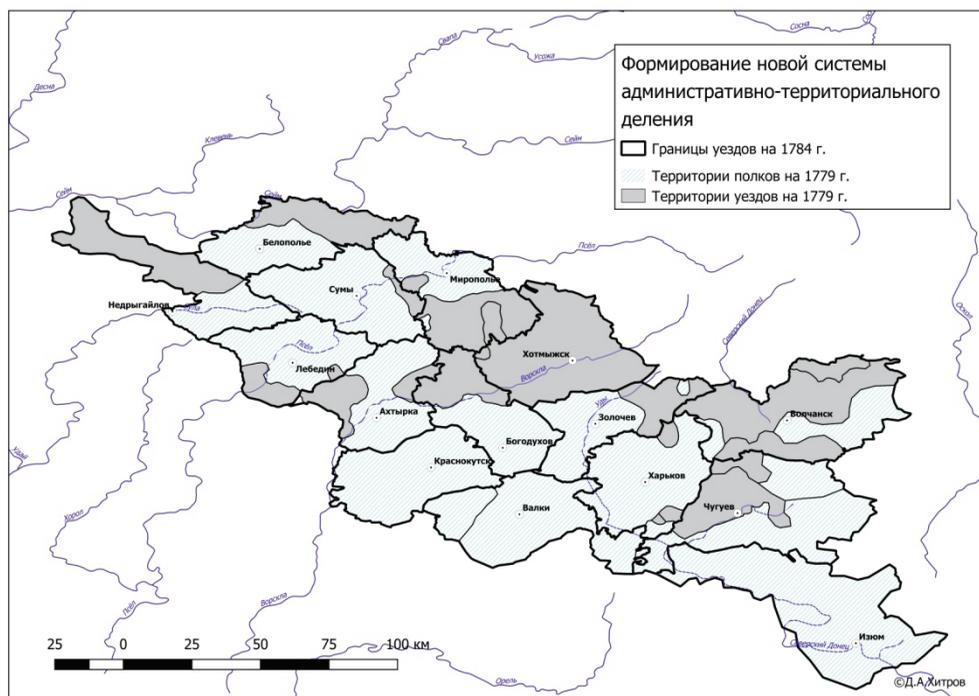

Рис. 2. Создание новой системы административно-территориального деления / Figure 2. The formation of the new system of administrative division

Источник / Source: Карта составлена автором / The map was compiled by the author.

Все новые уезды обладали слитными территориями. Город, как правило, был удобно расположен недалеко от географического центра подведомственных ему территорий. При этом только два уезда – Краснокутский и Изюмский – были составлены из земель только одной территориальной единицы. Все остальные включили в свой состав участки различных полков и уездов. Таким образом, авторы реформы ликвидировали небольшие анклавов, добивались слитности уездов и примерного равенства их населения. Как видно на карте (рис. 2), авторы реформы не стремились сохранить очертания границ и решительно меняли принадлежность как крупных, так и мелких участков.

Однако следует ли из этого, что существовавшая ранее система территориальных связей была полностью разрушена и собрана заново?

Для сельских жителей, как дворян, так и крестьян, при преобразованиях административно-территориального деления ключевым был вопрос о том, изменился ли для них административный центр. Уездный или ранее полковой город был не только управленческим и судебным центром, но и стягивал к себе экономическую и социальную жизнь – от дворянских собраний до ярмарок и торгов. При проведении реформы могло возникнуть три ситуации: поселение оставалось приписанным к тому же городу, отходило к новому центру, возникшему на территории того же уезда или полка, к которому оно принадлежало, или относилось к уезду, центр которого ранее принадлежал к иной административной единице.

В первом случае для данного поселения территориальные связи сохранялись полностью, во втором – частично, в третьем – разрывались²⁹. Распределение территорий изучаемого региона по данному показателю отражено на рис. 3.

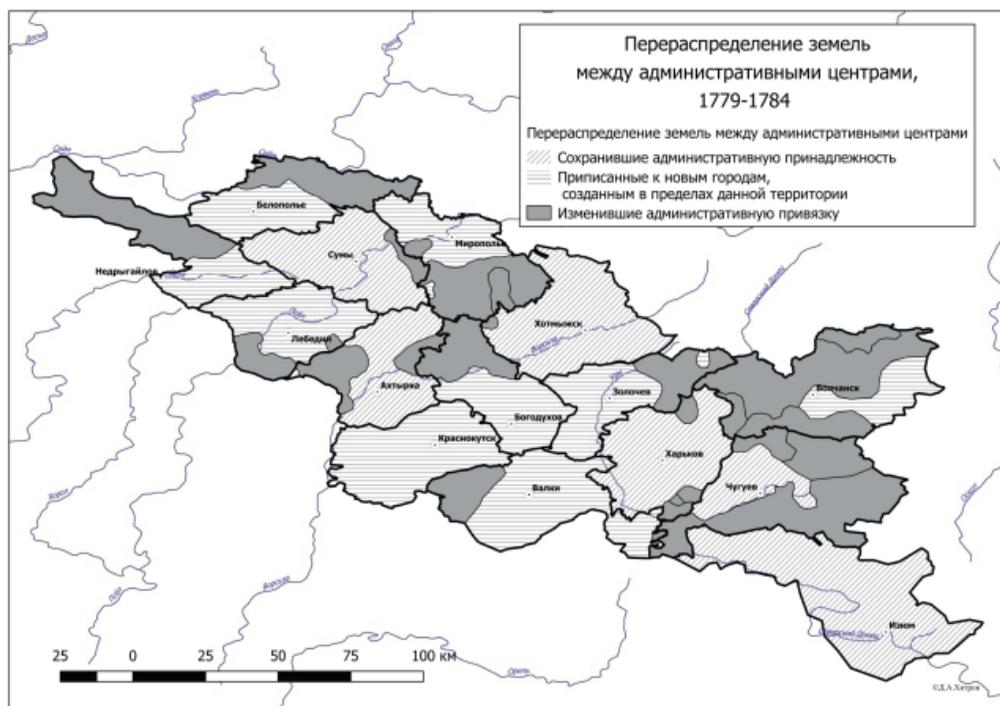

Рис. 3. Перераспределение территорий между административными центрами, 1779–1784 / Figure 3. The redistribution of territories among the administrative centers, 1779–1784

Источник / Source: Карта составлена автором / The map was compiled by the author.

Изучение карты показывает, что слом системы территориальных связей был куда менее решительным, чем может показаться на первый взгляд. Территории разделены между тремя категориями примерно поровну – 35, 33 и 32 %. Таким образом, более чем для двух третей земель территориальные связи не были разрушены. Стоит специально отметить, что в третьей категории преобладают земли, до реформы относившиеся к уездам, а не к полкам: их – 73 %. Вокруг каждого из новых уездных городов сохраняется значительное территориальное ядро, как правило, из полковых земель, в то время как уездные становятся объектом активного перераспределения между ними.

Выводы

На территории, которая в 1780 г. вошла в Харьковское наместничество, до этого существовало довольно сложное административное деление: слободские полки, относившиеся к созданной в 1765 г. Слободско-Украинской губернии, пе-

²⁹ Петрухинцев Н.Н. Структура, динамика и иерархия служилых «городов» в XVII веке // *Cahiers du Monde russe*. 2015. No. 1(56). P. 167.

ремежались с уездами или частями уездов, которые относились к Белгородской и Севской провинциям Белгородской губернии. В то же время представление о смешанном расселении и о повсеместном параллельном существовании полковых и уездных административных структур оказалось неверным, поскольку полки и уезды имели ясно очерченные границы. Исключения из этого правила имеют локальный характер и связаны с наличием небольшого количества приписанных к Белгородскому уезду людей на территориях Харьковского, Ахтырского и Изюмского полков, а также с существованием двойной администрации в пределах Миропольского комиссарства Сумского полка и Краснопольского уезда.

В ходе реформы 1780 г. административно-территориальное устройство региона было серьезно реорганизовано. Определяя границы новых уездов, правительство добивалось слитности их территорий и примерного соответствия численности населения указным нормам; задачи сохранить прежние границы при этом не ставилось. В то же время у каждого из новых уездов имелось своеобразное ядро – значительная территория, которая ранее была приписана к его центру, либо, если город учрежден вновь, ранее принадлежала к одной с ним административной единице.

Если до реформы управленческие центры низшего уровня находились как на полковых, так и на уездных землях, а частично и вовсе за пределами региона, то после нее ситуация изменилась. Из пятнадцати уездных центров наместничества тринадцать были бывшими полковыми городами и слободами. При этом четыре старых уездных города утратили свой статус, а территории их уездов были разделены между другими центрами. К ним же перешли и причисленные к наместничеству части расположенных севернее уездов. Таким образом, изменение существовавшей ранее системы территориальных связей коснулось полковых и уездных земель не в одинаковой степени. В большинстве новых уездов ядро составили полковые территории, и именно их землевладельцы должны были играть решающую роль в местном управлении. Как представляется, это не было случайным. Подобная ситуация отражала постепенный рост влияния слободской казачьей верхушки, которая к этому времени добивается признания своего дворянского статуса и становится доминирующей социальной силой в регионе.

Рукопись поступила: 11 мая 2019 г.

Submitted: 11 May 2019

Библиографический список

- Водарский Я.Е., Кабузан В.М.* Переписи населения России. Итоговые материалы подворных переписей и ревизий. Вып. 1–3. М.: Институт истории СССР, 1972. 256 с.
- Головинский П.* Слободские Казачьи полки. СПб.: Типография Н. Тиблена, 1864. 254 с.
- Готье Ю.В.* История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1913–1941. 492 с.
- Градовский А.Д.* История местного управления в России. Т. 1. СПб.: Печатня В. Головина, 1868. 567 с.
- Григорьев В.А.* Реформа местного управления при Екатерине II. СПб.: Типография и литография «Русская скоропечатня», 1910. 396 с.
- Дедук А.В.* К вопросу о границе между Владимирским и Рязанским уездами в XVII–XVIII вв. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М.: Исторический факультет МГУ, 2015. С. 390–396.

- Кабузан В.М. Обзор историко-географических источников по административно-территориальному делению России в 1720–1770 гг. // Историческая география России XVIII в. М.: Институт истории СССР, 1981. С. 45–56.
- Камараули Е.В. Служилые группы в составе землевладельцев Воронежского уезда в первой трети XVII века: размещение по станам, особенности поместного и вотчинного владения // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2017. № 3. С. 47–52.
- Павлова-Сильванская М.П. Социальная сущность областной реформы Екатерины II // Абсолютизм в России (XII–XVIII вв.): сборник статей. М.: Наука, 1964. С. 460–491.
- Петрухинцев Н.Н. Структура, динамика и иерархия служилых «городов» в XVII веке // *Cahiers du Monde russe*. 2015. № 56 (1). С. 137–174.
- Пірко В.О., Гуржий О.І. Описи Харьківського намісництва кінця XVIII ст. Київ: Наукова думка, 1991. 224 с.
- Постников А.В. Развитие крупномасштабной картографии в России. М.: Наука, 1989. 229 с.
- Постников А.В. Новые данные о российских картографических материалах XVIII – начала XIX в. во Франции // Вопросы истории естествознания и техники. № 3. 2005. С. 17–38.
- Салищев К.А. Собрание русских карт первой половины XVIII в. в Париже (коллекция акад. Ж.Н. Делиля) // Известия АН СССР. Серия: География. 1960. № 4. С. 104–110.
- Середа Н.В. Реформа управления Екатерины Второй. М.: Памятники исторической мысли, 2004. 450 с.
- Слюсарский А.Г. Социально-экономическое развитие Слобожанщины XVII–XVIII вв. Харьков: Харьковское книжное издательство, 1964. 460 с.
- Черников С.В. Власть и собственность: особенности мобилизации земельных владений в Московском уезде в первой половине XVIII в. // *Cahiers du Monde russe*. 2012. № 1 (56). С. 1–43.
- Фролов А.А., Голубинский А.А., Кутаков С.С. Веб-ГИС «Чертежи Русского государства XVI–XVII вв.» // Историческая информатика. 2017. № 1. С. 75–84.
- Khitrov D. A. Tributary labour in the Russian empire in the eighteenth century: Factors in development // *International Review of Social History*. Vol. 61. 2016. Pp. 49–70.
- Novenko E., Shilov P., Khitrov D., Kozlov D. The last hundred years of land use history in the southern part of Valdai Hills (European Russia): Reconstruction by pollen and historical data // *Studia Quaternaria*. 2017. № 2. P. 73–81.

References

- Chernikov, S.V. “Vlast’ i sobstvennost’: osobennosti mobilizatsii zemel’nyh vladeniy v Moskovskom uезде v pervoy polovine XVIII v.” *Cahiers du Monde russe*, no. 1 (2012): 1–43 (in Russian).
- Deduk, A.V. “K voprosu o granitse mezhdru Vladimirskim i Ryazanskim uездami v XVII–XVIII vv.” In *Rus’, Rossiya: Srednevekov’e i Novoe vremya*. Moscow: Istoricheskiy fakultet MGU Publ., 2015 (in Russian).
- Golovinskiy, P. *Slobodskie Kazach’i polka*. Saint Petersburg: Tip. N. Tiblena Publ., 1864 (in Russian).
- Got’e, Ju.V. *Istoriya oblastnogo upravleniya v Rossii ot Petra I do Ekateriny II*. Moscow: Tip. G. Lisnerna i D. Sobko Publ., 1913–1941 (in Russian).
- Gradovskiy, A.D. *Istoriya mestnogo upravleniya v Rossii*. Saint Petersburg: Pechatnya V. Golovina Publ., 1868 (in Russian).
- Grigor’ev, V.A. *Reforma mestnogo upravleniya pri Ekaterine II*. Saint Petersburg: Tipografiya i litografiya “Russkaya skoropechatnya” Publ., 1910 (in Russian).
- Frolov, A.A., Golubinskii, A.A., and Kutakov, S.S. “Veb-GIS Chertezhi Russkogo gosudarstva XVI–XVII vv.” *Historical Information Science*, no. 1 (2017): 75–84 (in Russian).
- Kabuzan, V.M. “Obzor istoriko-geograficheskikh istochnikov po administrativno-territorial’nomu deleniju Rossii v 1720–1770 gg.” In *Istoricheskaya geografiya Rossii XVIII v.* Moscow: Institut istorii SSSR Publ., 1981 (in Russian).
- Kamarauli, E.V. “Service group in the composition landowners of Voronezh county in the first third of the XVII century: placement on the mills, features of estate and patrimony tenure.” *Journal of Voronezh State University*, no. 3 (2017): 47–52 (in Russian).

- Khitrov, D.A. "Tributary labour in the Russian empire in the eighteenth century: Factors in development." *International Review of Social History* 61 (2016): 49–70.
- Novenko, E., Shilov, P., Khitrov, D., and Kozlov, D. "The last hundred years of land use history in the southern part of Valdai Hills (European Russia): Reconstruction by pollen and historical data." *Studia Quaternaria*, no. 2 (2017): 73–81.
- Pavlova-Sil'vanskaya, M.P. "Social'naya sushhnost' oblastnoy reformy Ekateriny II." In *Absolyutizm v Rossii (XII—XVIII vv.)*. Sbornik statey. Moscow: Nauka Publ., 1964 (in Russian).
- Petruhinets, N.N. "Struktura, dinamika i ierarhiya sluzhilyh 'gorodov' v XVII veke." *Cahiers du Monde russe*, no. 1 (56) (2015): 137–174 (in Russian).
- Pirko, V.O., and Gurzhiy, O.I. *Opisi Har'kivs'kogo namisnictva kincja XVIII st.* Kiiv: Naukova Dumka Publ., 1991 (in Ukrainian).
- Postnikov, A.V. *Razvitie krupnomasshtabnoy kartografii v Rossii*. Moscow: Nauka Publ., 1989 (in Russian).
- Postnikov, A.V. "Novye dannye o rossiiskikh kartograficheskikh materialakh XVIII – nach. XIX v. vo Frantsii." *Voprosy istorii estestvoznaniya i tehniki*, no. 3 (2005): 17–38 (in Russian).
- Salishchev, K.A. "Sobranie russkikh kart pervoi poloviny XVIII v. v Parizhe (kolleksiya akademika Zh. N. Delilya)." *Izvestiya AN SSSR. Seriya: Geografiya*, no. 4 (1960): 104–110 (in Russian).
- Sereda, N.V. *Reforma upravleniya Ekateriny Vtoroy*. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli Publ., 2004 (in Russian).
- Slyusarskiy, A.G. *Social'no-ekonomicheskoe razvitie Slobozhanshhiny XVII–XVIII vv.* Khar'kov: Khar'kovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1964 (in Russian).
- Vodarskiy, Ya.E., and Kabuzan, V.M. *Perepisi naseleniya Rossii. Itogovye materialy podvornyh perepisey i reviziy*. Moscow: Institut istorii SSSR Publ., 1972 (in Russian).

Приложение / Appendix

Карты слободских полков и прилегающих к ним территорий в 1779 г. / Maps of suburban regiments and adjacent territories for 1779

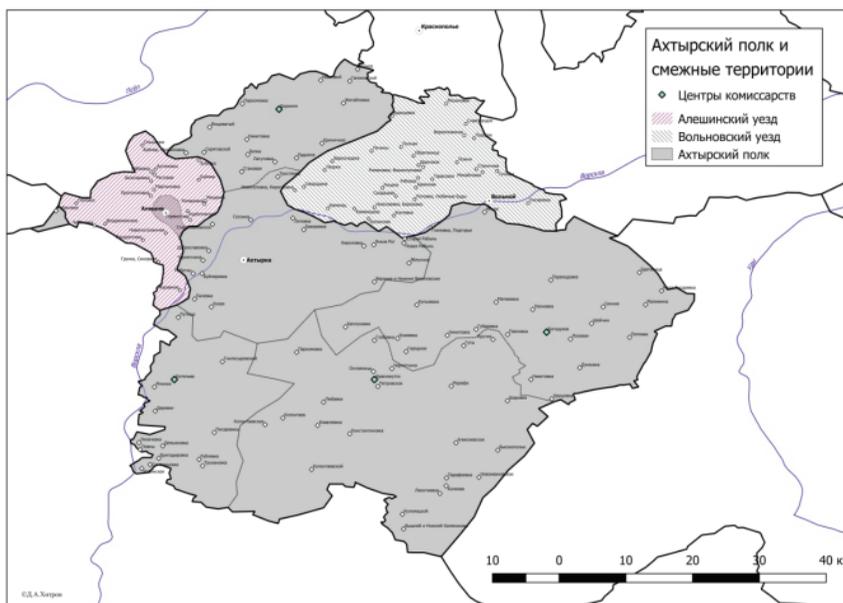
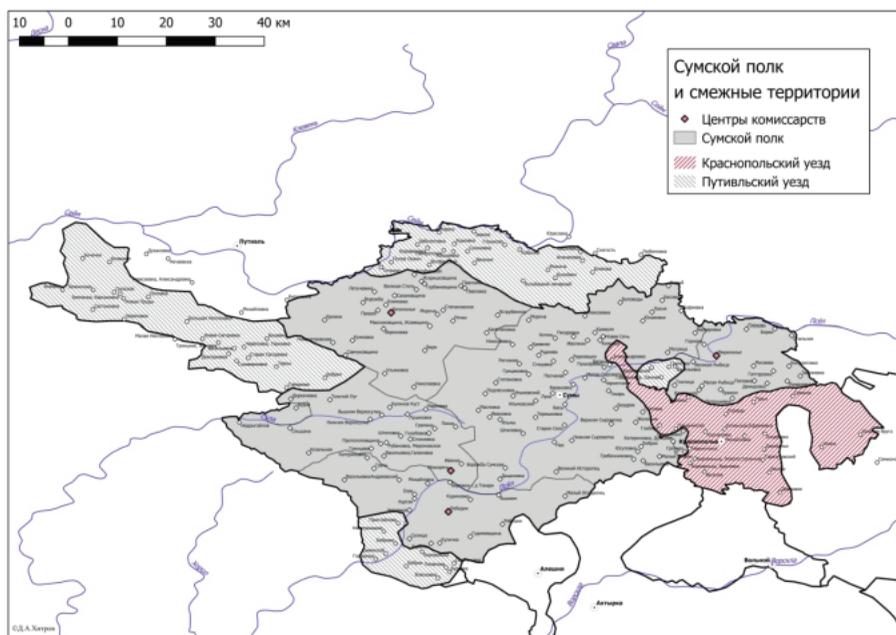

Рис. 1. Ахтырский полк и смежные территории в 1779 г. /
Figure 1. Akhtyrka regiment and surrounding territories, 1779

Источник / Source: Карта составлена автором / The map was compiled by the author.

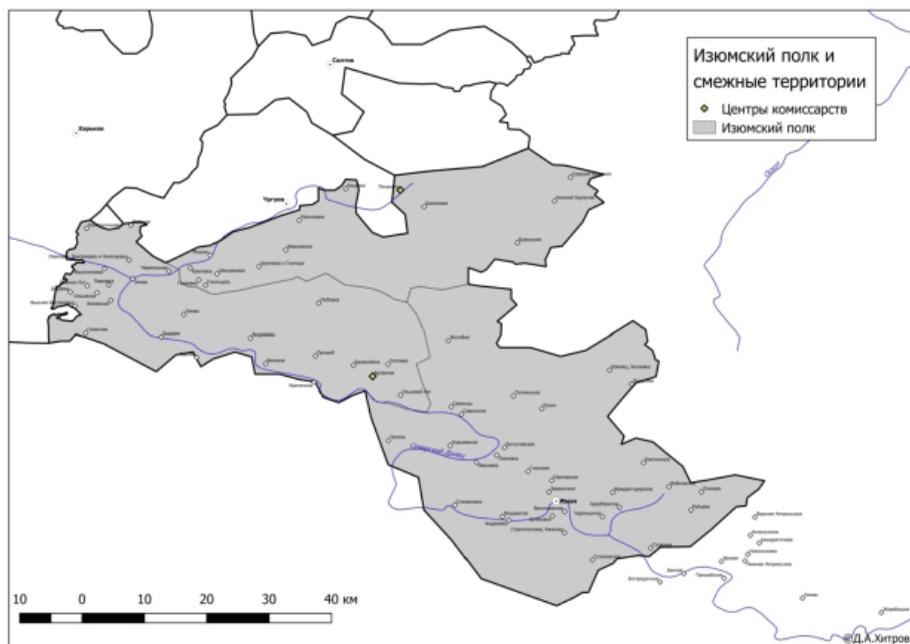
**Рис. 2. Сумской полк и смежные территории в 1779 г. /
Figure 2. Sumy regiment and surrounding territories, 1779**

Источник / Source: Карта составлена автором / The map was compiled by the author.

**Рис. 3. Харьковский полк и смежные территории в 1779 г. /
Figure 3. Kharkov regiment and surrounding territories, 1779**

Источник / Source: Карта составлена автором / The map was compiled by the author.

**Рис. 4. Изюмский полк и смежные территории в 1779 г. /
Figure 4. Izoum regiment and surrounding territories, 1779**

Источник / Source: Карта составлена автором / The map was compiled by the author.

Информация об авторе / Information about the author

Хитров Дмитрий Алексеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России до начала XIX века Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Dmitry A. Khitrov, Kandidat Istoricheskikh Nauk [Ph.D. in History], Associate Professor at the Department of Russian History until the 19th Century, Lomonosov Moscow State University.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-3-540-559>

Научная статья / Research article

Крым в наполеоновскую эпоху: «французский след» в региональной политике

Д.В. Конкин

Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма,
Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского; 295007, Россия,
Республика Крым, Симферополь, пр. академика Вернадского, 4; denis_konkin@mail.ru

Crimea in the Era of Napoleon: the 'French trace' in regional politics

Denis V. Konkin

Research Center for History and Archeology of Crimea,
V.I. Vernadsky Crimean Federal University; 4 Prospect Akademika Vernadskogo,
Simferopol, Republic of Crimea, 295007, Russia; denis_konkin@mail.ru

Аннотация: Крым после обретения в 1783 г. статуса российской территории формально стал одной из удаленных от Санкт-Петербурга «окраин» империи. При этом в геополитических устремлениях европейских держав и внутриполитических мероприятиях Российской империи периферией вовсе не являлся. Российское правительство последовательно стремилось привлечь в малонаселенный причерноморский регион иностранных колонистов. В статье одним из неудачных переселенческих проектов названа попытка организации в Приазовье сельскохозяйственных колоний, состоявших из французских роялистов-эмигрантов и военных корпуса Конде. В наполеоновскую эпоху особое внимание к полуострову было проявлено со стороны Франции, которая в сложных внешнеполитических условиях не упускала возможности разведать внутреннюю обстановку в потенциально нестабильной российской провинции, оказать влияние на турецкую позицию в отношении территории, населенной преимущественно мусульманами. Отмечается, что важным аспектом международной политики Наполеона являлась поддержка в Османской империи антироссийских настроений. Одним из наиболее очевидных средств для достижения этой цели стало педалирование крымского вопроса, обещание оказать помощь в возвращении полуострова в сферу влияния Турции. Такие попытки не оставались незамеченными российской властью, которая квалифицированно им противостояла. Автор приходит к выводу о том, что успехи внутренней политики России в Крыму во многом были связаны с французами, состоявшими на русской службе. Во время русско-турецкого конфликта 1806–1812 гг. грамотные военно-административные мероприятия, проводимые новороссийским губернатором Э.О. Ришельё и главой Черноморского флота И.И. Траверсе, стали одним из факторов сохранения стабильной ситуации внутри полуострова.

Ключевые слова: Крым, корпус Конде, французские шпионы, Александр I, Наполеон I, В.П. Кочубей, Э.О. Ришельё, И.И. Траверсе, С.А. Беклешов

© Конкин Д.В., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Благодарности: Исследование выполнено в рамках базовой части госзадания Министерства науки и высшего образования РФ № FZEG-2017-0013 по теме «Российская империя и Крым: основные проблемы, концепции, понятия».

Для цитирования: Конкин Д.В. Крым в наполеоновскую эпоху: «французский след» в региональной политике // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2019. Т. 18. № 3. С. 540–559. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-3-540-559>

Abstract: When the Crimea acquired the status of Russian territory in 1783, it became an imperial ‘borderland’ a long way from Saint Petersburg. However, in the geopolitical aspirations of European powers, and, also, from the viewpoint of the Russian Empire, the Crimea was not a remote periphery. The Russian government consistently sought to attract colonists from abroad to the thinly-populated Black Sea region. Several attempts to do so ended in failure; one of these was the organization of farming colonies at the Sea of Azov for French royalist emigrants and military men from Condé’s army. In the era of Napoleon, France paid particular attention to the peninsula; in the complicated foreign policy conditions, France did not miss any opportunity to reconnoitre the internal situation of this potentially unstable province of Russia, with the goal to influence the position of the Ottomans towards this territory which at that time was largely populated by Muslims. The author emphasizes that an important aspect of Napoleon’s foreign policy was supporting anti-Russian sentiment in the Ottoman Empire. One of the obvious means to achieve this goal was focusing on the Crimea issue and promising assistance for returning the peninsula into the Ottoman sphere of influence. The Russian authorities did not neglect these attempts and countered them skilfully. The author argues that the success of Russia’s policy in the Crimea was mainly related to certain Frenchmen in Russian service. During the Russian-Ottoman conflict of 1806–1812, the military and administrative measures conducted by Armand de Richelieu, the Governor of New Russia, and Jean de Traversay, the commander of the Black Sea Navy, became an important factor for providing a stable situation within the peninsula.

Keywords: Crimea, Condé’s corps, French spies, Alexander I, Napoleon I, V.P. Kochubey, A. Richelieu, J. Traversay, S.A. Bekleshov

Acknowledgements: The study was carried out within the framework of the basic part of the state mission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation No. FZEG-2017-0013 on the theme ‘Russian Empire and Crimea: main problems, concepts, ideas.’

For citation: Konkin, Denis V. “Crimea in the Era of Napoleon: the ‘French trace’ in regional politics.” *RUND Journal of Russian History* 18, no. 3 (August 2019): 540–559. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-3-540-559>

Введение

Присоединение Крыма к Российской империи в 1783 г. прошло удивительно спокойно с точки зрения краткосрочных внешнеполитических последствий. Благоприятная для России международная обстановка, сложившаяся в Европе в этот период, выверенная, блестяще проведенная юридическая процедура присоединения, обусловили признание Крыма российским не только европейскими великими державами, но и главным противником в регионе – османской Турцией. Однако при всем видимом благополучии не стоило надеяться, что внешние силы не попытаются разыграть «внутрикрымскую карту» или же не захотят со временем отнять полуостров у своего нового владельца. Крым в системе международных отношений, во внешнеполитических проектах, связанных с влиянием на внутрироссийскую обстановку, с этого момента занимает важное значение в европейской политике, привлекает усиленное внимание иностранных правительств. Цели были разные: узнать общую информацию о полуострове, его экономическом состоянии,

населении, определить количество и качество военных подразделений, дислоцированных в Крыму, оценить настроения местных (крымскотатарских) жителей, степень их лояльности к новым властям и готовность в случае возможных военных конфликтов поддержать силы интервентов; наконец, целью было прямое воздействие на крымских мусульман накануне и во время русско-турецких, русско-французских столкновений с призывами поднять вооруженный мятеж.

В силу устоявшейся сферы влияния в Европе в рассматриваемый период, помимо естественного присутствия и заинтересованности в регионе Турции, особый интерес к полуострову с его новым российским статусом был проявлен со стороны Франции. Тема французских интересов в регионе накануне и после присоединения Крыма в 1783 г. достаточно подробно изучена современными исследователями¹. Между тем такие аспекты, как шпионаж французов в Крыму, сбор засекреченной информации о полуострове, сравнительно недавно попал в орбиту внимания историков². Внутреннюю ситуацию в Крыму в период наполеоновских войн впервые детально исследовал еще в XIX в. А.И. Маркевич³. В тот же период проблемам военной службы крымских татар в составе российской армии, участия крымскотатарских боевых подразделений в сражениях против французов посвятили ряд работ И.М. Муфтийзаде и Г.С. Габаев⁴. Особенности управления южными провинциями герцогом Э.О. де Ришельё неоднократно описаны в биографических работах, посвященных знаменитому государственному деятелю⁵. Меньше внимания досталось другому французу, также занимавшему

¹ См.: *Черкасов П.П.* Франция и присоединение Крыма к России (1779–1783) // Россия и Франция: XVIII–XX века. Вып. 3 / отв. ред. П.П. Черкасов. М., 2000. С. 37–61; *Черкасов П.П.* Русско-французский торговый договор 1787 года // Россия и Франция: XVIII–XX века. Вып. 4 / отв. ред. П.П. Черкасов. М., 2001. С. 26–60; *Ададуров В.* «Наполеоніда» на Сході Європи: уявлення, проекти та діяльність уряду Франції щодо південно-західних окраїн Російської імперії на початку XIX століття. Львів, 2007; *Виноградов В.Н.* Русско-турецкая война 1806–1812 годов. Необъявленная и предгрозовая // Славяноведение. 2012. № 3. С. 3–19.

² См.: *Чудинов А.В.* Французские агенты о положении в Крыму накануне русско-турецкой войны 1787–1791 годов // Русско-французские культурные связи в эпоху Просвещения: материалы и исследования: сборник памяти Г.С. Кучеренко / отв. ред. С.Я. Карп. М., 2001. С. 202–243; *Чудинов А.В.* Многоликий Жильбер Ромм // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 2012. Т. 9. С. 199–200; *Храпунов Н.И., Гинькут Н.В.* Крым в 1784 г. по свидетельству французского путешественника барона де Бара // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2015. Вып. 20. С. 398; *Храпунов Н.И.* Крымская миссия Жана Рёйи // Французский ежегодник. 2017. Т. 50. С. 113–140.

³ *Маркевич А.И.* К столетию Отечественной войны. Таврическая губерния в связи с эпохой 1806–1814 годов. Исторический очерк // Известия Таврической ученой архивной комиссии (далее – ИТУАК). 1913. № 49. С. 1–100.

⁴ *Муфтийзаде И.М.* Очерк военной службы крымских татар // ИТУАК. 1899. № 30. С. 1–24; *Муфтийзаде И.М.* Очерк столетней военной службы крымских татар 1784–1904 гг. (по архивным материалам). Симферополь, 1905; *Габаев Г.С.* Крымские татары под русскими знаменами. Краткая историческая справка // Журнал Императорского Русского военно-исторического общества. 1913. № 3. С. 131–137; *Габаев Г.С.* Калмыки и татары под знаменем императора Александра I // Журнал Императорского Русского военно-исторического общества. 1913. № 10. С. 423–430; № 11. С. 506–519.

⁵ См., например: *Михневич И.* Биография герцога де-Ришелье. Одесса: Городская типография, 1849; *Стемпковский И.А.* О трудах Дюка Ришелье по части управления в полуденной России // Записки Одесского общества истории и древностей. 1877. № 10. С. 391–406; *Rimbaud A.* Le duc de Richelieu en Russie et en France // Revue des deux mondes. 1887. Vol. 84. Pp. 618–662; *Яковлев В.А.* Биографии Де-Рибаса, Ришелье и Воронцова. Одесса, 1894; *Waresquiel E.* Le Duc de Richelieu, 1766–1822. Paris, 1990; *Рей М.-П.* Герцог Ришелье на службе царя Александра I и Рестаурации: посредник между Францией и Россией // Quaestio Rossica. 2018. Т. 6. № 4. С. 1095–1109.

в России высшие военно-административные посты, – маркизу И.И. де Траверсе. В связи с чем следует отметить его фундаментальную биографию, подготовленную М. дю Шатне, где автор среди прочего подробно остановилась на деятельности адмирала в качестве командира Черноморского флота России⁶.

Глобальные территориальные приобретения Российской империи в Северном Причерноморье, масштабное хозяйственное и военное освоение южных провинций вынуждали Францию внимательно следить за событиями в регионе, используя все доступные средства. Французские шпионы в России во второй половине XVIII в. редкостью не являлись⁷. Даже в период мирных и внешне дружественных отношений с Францией, который наступил в 80-е гг. XVIII в., Версаль не упускал возможности вести неофициальную разведывательную работу в Российской империи⁸. Об этом, например, недвусмысленно говорилось в инструкции, составленной министром иностранных дел Франции Верженном для главы дипломатической миссии в Санкт-Петербурге графа Л.Ф. де Сегюра⁹. Не оставался в стороне от внимания секретных агентов Франции и Крым, где французов первоначально интересовали коммерческие возможности, открывавшиеся после присоединения полуострова к России, и собственные преференции в предстоящем торговом обмене¹⁰.

В этой связи небезынтересно проанализировать политику Российской империи по отношению к Франции и французам после свержения монархии в Париже, а также оценить внутреннюю политику государства касательно такого сложного и уязвимого региона, как Причерноморье, и, в частности, Крыма. Французы-роялисты, принятые на русскую службу, занимали видное место в управлении южными провинциями Российской империи. В условиях скрытой или явной конфронтации с наполеоновской Францией российская власть продолжала доверять французским чиновникам и военным, принявшим российское подданство. Впервые введенные в данной статье в научный оборот архивные документы, а также анализ уже опубликованных источников и литературы в ряде случаев позволил по-новому взглянуть на известные события и ключевых исторических персонажей эпохи наполеоновских войн.

«Кондейцы» в Причерноморье: несостоявшийся проект

После Французской революции происходит разрыв отношений между двумя государствами. Российское самодержавие выступило резко против революционных изменений в Париже. Вынужденных эмигрировать французских аристократов империя в большом количестве принимала у себя, предоставляла им российское подданство, поддерживала материально за рубежом.

⁶ Шатне М. дю. Жан Батист де Траверсе, министр флота Российского. М., 2003.

⁷ См.: Строев А. «Война перьев»: французские шпионы в России во второй половине XVIII века // Логос. 2000. № 3 (24). С. 18–43; Строев А. «Те, кто поправляет Фортуну». Авантюристы Просвещения. М., 1998. С. 330–331, 335–341.

⁸ Чудинов А.В. Жильбер Ромм о русской армии XVIII века // Россия и Франция: XVIII–XX века. Вып. 3 / отв. ред. П.П. Черкасов. М., 2000. С. 88–115.

⁹ Черкасов П.П. Екатерина II и Людовик XVI. Русско-французские отношения. 1774–1792. М., 2004. С. 262–264.

¹⁰ См.: Rambaud A. Recueil des instructions donnees aux ambassadeurs et ministres de France depuis les Traités de Westphalie jusqu'à Revolution francaise. Vol. 9: Russie (1749–1789) / ed. by A. Rambaud. Paris, 1890. Pp. 389–396, 401–402, 405–407.

Как известно, корпус принца Конде в течение 1798–1799 гг. квартировался на Волыни. Тогда же была предпринята попытка возродить проект о поселении французских роялистов в Приазовье¹¹, предложенный еще при жизни Екатерины II¹². При Павле I практической реализацией проекта было поручено заниматься главному новороссийскому начальнику, екатеринославскому военному и гражданскому губернатору Николаю Михайловичу Бердяеву. Указ о первоначальном осмотре предназначенной для французских колонистов территории между реками Берда и Молочные Воды император подписал 7 июня 1797 г.¹³, по-видимому, реагируя на просьбу Людовика XVIII о предоставлении убежища корпусу Конде¹⁴. Губернатор Бердяев лично исследовал указанные территории и в октябре 1797 г. представил примерный расчет необходимых средств и материалов для переселения французов. Для каждой семьи планировалось построить дом стоимостью 917 руб. 60 коп., выделить по две лошади по 30 руб. за каждую, 2 коровы также по 30 руб., 6 овец по 3 руб. и 15 руб. – на инструменты. В целом по 1070 руб. 60 коп. – на хозяина, к тому же наделив каждого по 30 дес. земли. Всего подобных хозяйств нужно было подготовить в расчете на 10 125 «душ». Таким образом, можно посчитать, что только на обустройство французов-эмигрантов российское правительство готово было потратить фантастическую сумму в 10 с лишним млн. рублей. Бердяев, по-видимому, и сам ужаснулся получившимся расходам и потому оговаривался в рапорте императору: «<...> По неизвестности мне, какое точно число их [то есть французских переселенцев. – Д.К.] к водворению следовать будет, не можно положить и числа таковых, а потому и суммы, сколько на все будет потребно»¹⁵.

Российский историк А.В. Ревякин в статье, посвященной пребыванию эмиграционного корпуса в России, сообщает, что в том же году для осмотра местности, предназначенной для будущей французской колонии, принцем Конде в Приазовье были направлены уполномоченные офицеры (так называемые комиссары)¹⁶. Прибыв «не позднее 27 ноября (8 декабря)» в Екатеринослав, они вручили «екатеринославскому губернатору П.И. Голенищеву-Кутузову» записку, в которой изложили собственные предложения по организации французских поселений в Новороссии. Примечательно, что среди этих предложений было и пожелание выделить 10 млн руб. для будущих колонистов путем дополнительной эмиссии русским правительством бумажных денег: то есть именно тот объем средств, который требовался согласно расчетам Бердяева. По мнению «комиссаров», данная сумма являлась «совершенно нечувствительной» для такой страны, как Россия, и могла

¹¹ Изначальное желание французских дворян поселиться в Крыму было отвергнуто Екатериной II в связи с отсутствием на полуострове достаточного количества свободных земель. См.: Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1886. Т. 54. С. 205.

¹² Ростиславлев Д.А. Французская контрреволюционная эмиграция и проекты колонизации Юга России в конце XVIII века // Франция и Россия XVIII–XX веков. М., 2000. С. 62–79; Майков П.М. Герцог Ришелье в России // Русская старина. 1897. Т. 91 (7). С. 37.

¹³ РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 111. Д. 59544. Л. 1; Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е (ПСЗРИ-1). СПб., 1830. Т. 24. С. 723.

¹⁴ Ревякин А.В. Французская республика, роялистская эмиграция и русская дипломатия в правление императора Павла I // Франция и Россия в начале XIX столетия. М., 2004. С. 56–57.

¹⁵ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 59544. Л. 3–3 об.

¹⁶ Ревякин А.В. Французская республика... С. 62–63.

вернуться сполна, правда, не ранее чем через двадцать лет¹⁷. Проанализировав содержание всей записки, А.В. Ревякин предположил, что «после многомесячных переговоров с российской стороной французским эмигрантам так до конца и не было ясно, из каких источников и в каких размерах должен был финансироваться колонизационный проект»¹⁸.

Но, как мы видим, к этому времени русское правительство осуществляло уже вполне конкретные шаги по организации и планированию поселений. Заметим также, что согласно биографическим и административным данным, П.И. Голенищев-Кутузов екатеринославским губернатором никогда не был, а служил в этот период в Екатеринославском кирасирском полку¹⁹. Поэтому записка была передана не по адресу, в связи с чем становится понятным замешательство ее получателя. «Я, не имея никаких повелений вступать с ними [французами. – Д.К.] в переговоры, ничего ответить им не мог...»²⁰, – сообщал в письме «начальству» Голенищев-Кутузов. Но внести ясность уже не мог и ответственный за подготовку французской колонизации губернатор Бердяев, поскольку 29 ноября 1797 г. был отправлен в отставку²¹.

В работе А.А. Митрофанова, посвященной волнениям в эмигрантском корпусе Конде во время его нахождения в России, указывается на ошибочность утверждения французских историков, что «в 1798 г. армии Конде было предложено, как и в 1793 г., основать колонии на берегах Черного моря»²². Между тем, вышеприведенный отчет губернатора Бердяева императору Павлу I, равно как и сведения, изложенные в статье А.В. Ревякина, позволяют утверждать, что русское правительство готовилось осуществить вполне конкретные шаги по организации французских поселений в Причерноморье. И колонизаторскому проекту не суждено было состояться прежде всего потому, что сами французы не горели желанием отправляться в такую глушь и заниматься сельским хозяйством на землях, которые не были даже в минимальной степени приспособлены для жизни и требовали неустанного культивирования²³. Действительно, современникам сложно было представить, чтобы французские военнослужащие или другие беженцы-роялисты («женщины, чиновники, старики и множество других несчастных») мирно возделывали приазовские поля, выпасали стада овец и коров в крымских степях, в окружении ногайских орд и крымскотатарских крестьян, вдали от своей родины и привычной культурно-ценностной обстановки²⁴.

¹⁷ Ревякин А.В. Французская республика... С. 64–67.

¹⁸ Там же. С. 65.

¹⁹ Федорченко Ф.И. Императорский дом. Выдающиеся сановники: энциклопедия биографий. Красноярск; М., 2003. С. 301.

²⁰ Ревякин А.В. Французская республика... С. 67.

²¹ Макидонов А.В. К светской и церковной истории Новороссии (XVIII–XIX вв.). Запорожье, 2008. С. 11, 23.

²² Митрофанов А.А. Волнения в эмигрантском корпусе Конде на русской службе в 1798 г. (по материалам РГАДА) // Известия УрФУ. Серия 2: Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 2 (151). С. 44.

²³ Pingaud L. Les Français en Russie et les Russes en France. L'Ancien régime – l'émigration – les invasions. Paris, 1886. P. 213.

²⁴ Ревякин А.В. Французская республика... С. 63.

При этом пока планировалось обустройство французов в Причерноморье, сам лагерь «кондейцев» на Вольни достаточно быстро превратился в глазах русской власти в рассадник «вольнодумства», источник критики внутрироссийского государственного устройства и лично своего «благодетеля» императора Павла I. Поэтому последний решил поскорее использовать французских роялистов по их боевому назначению и при первой возможности удалил из пределов империи. Уже осенью 1799 г. корпус Конде участвовал в военных действиях в Германии и в Россию больше не возвращался²⁵.

«Шпионские игры»: Беклешов против «гвардейцев» Ришельё

При новом российском императоре Александре I сложные и противоречивые взаимоотношения Российской империи и Франции, которая теперь полностью управлялась Наполеоном Бонапартом, продолжились. Не прекратилась практика принятия французских эмигрантов на русскую службу, назначения их на высокие посты, в том числе и на Юге империи. Так, руководителем сначала Одессы (1803 г.), а затем всей Новороссии (1805 г.) был назначен друг императора герцог Эммануил Осипович (Арман Эмманюэль) де Ришельё. В 1802 г. командиром черноморских портов и военным губернатором Севастополя и Николаева был назначен маркиз Иван Иванович (Жан Батист) де Траверсе, а граф Яков де Мезон с 1808 г. стал начальником ногайских орд в Причерноморье и т.д.²⁶

Не всем нравились эти административные решения. «...Хитрые французы, друзья между собой...», – отзывался о Ришельё и Траверсе таврический губернатор Д.Б. Мертваго²⁷. Обилие иностранцев, состоявших на русской службе, затрудняло поиск и выявление среди них агентов наполеоновской Франции. Тем более после подписания в 1801 г. Парижского договора Французская республика на время стала дружественной для России державой и формальных оснований для запрета посещения стратегически важных российских регионов французскими гражданами не оставалось. Естественно, что значительное количество французов, постоянно появлявшихся, а затем исчезающих из России, не могло не вызывать беспокойство, а порой и раздражение среди высокопоставленных гражданских лиц и офицеров, которые, по-прежнему, с недоверием относились к Франции и ее представителям.

К 1803 г. внешнеполитические игры до предела усложнились. Наполеоновские дипломаты стали энергично действовать в Турции, возрождая традиционное влияние в регионе²⁸. Важным элементом дипломатических маневров Франции в Стамбуле стали обещания помочь османам снова овладеть Крымом²⁹. Российские

²⁵ Васильев А.А. Корпус принца Конде в Российской империи (1798–1799 гг.) // Франция и Россия в начале XIX столетия. М., 2004. С. 79–115.

²⁶ Pingaud L. Les Français en Russie et les Russes en France. L'Ancien régime – l'émigration – les invasions. Paris, 1886. P. 335–336; Сергеев А. Ногайцы на Молочных водах (1790–1832). Исторический очерк // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1912. № 48. С. 31.

²⁷ Мертваго Д.Б. Записки (1760–1824). СПб., 2006. С. 142.

²⁸ Лависс Э., Рамбо А. История XIX века. Время Наполеона I. 1800–1815. М., 1938. С. 153–154; Станиславская А.М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798–1807). М., 1962. С. 245–246.

²⁹ Станиславская А.М. Русско-английские отношения... С. 255, 434–437, 469–470; Сироткин В.Г. Наполеон и Александр I: дипломатия и разведка Наполеона и Александра I в 1801–1812 гг. М., 2003. С. 113.

чиновники опасались, что добытая французами в Северном Причерноморье информация могла затем передаваться Турции, хотя и связанной с Россией союзными договором 1799 г., но к разрыву которого активно подталкивали османское правительство французские послы (Рюффен, Брюн, Себастиани)³⁰.

В мае 1803 г. николаевский военный губернатор, управляющий гражданской частью в Екатеринославской, Херсонской и Таврической губерниях (так называемый главный начальник Новороссии), генерал-лейтенант С.А. Беклешов писал министру внутренних дел В.П. Кочубею, что по поступившей к нему от русского посланника в Константинополе А.Я. Италинского информации «...со стороны Франции делается Оттоманской Порте против нас сильные внушения». Одновременно и из собственных источников губернатора доходили следующие сведения: «... О войне Турции с Россией разнеслись и подтверждаются слухи между черкесцами и др. горскими народами; о чем якобы анапский паша имеет уже и предварительное повеление вспомоществовать французам. Из всего сего по крайней мере можно некоторое иметь сомнение на Францию. Между тем французские офицеры вояжируют беспрепятственно в наших краях, и именно по Крымскому полуострову, получая на свободный проезд подорожные от г. генерал-лейтенанта Дюка де Ришелье, в то время как в паспортах данных им от наших министров означено, что они следуют только через Одессу в Константинополь или обратно»³¹.

Об одном из них, «по имени Рейи», Беклешов уже доносил в апреле в рапорте на имя императора Александра I. Речь шла о сотруднике французского посольства Жане Рёйи, который весной 1803 г. сопровождал новоназначенного градоначальника Одессы герцога де Ришелье в его ознакомительной поездке по месту службы. Затем, как писал сам Рёйи, «из любопытства», он решил поехать в Крым³². Разрешение на проезд (то есть «подорожную») сотруднику французской дипломатической миссии действительно выписал одесский градоначальник, который к Крыму в это время не имел ни малейшего отношения и, как было сказано ранее, впервые направлялся в Одессу для непосредственного вступления в должность. Такое вмешательство во внутренние дела, конечно, раздражало военного губернатора, который в первую очередь отвечал за безопасность и порядок в крае. К тому же подозрения в шпионаже французского дипломата, по-видимому, имели под собой некоторые основания. Англичанка Мэри Холдернесс, проживавшая в Крыму в 1816 г., сообщала о дошедших до нее разговорах, что Рёйи отправился в Крым по распоряжению Наполеона для изучения внутренней политической обстановки, в частности настроений крымских татар³³.

Результатом поездки Рёйи стало очередное подробное описание Крыма. При чем это не был обычный травелог, а полновесная аналитическая записка, в которой присутствовала информация о физической, исторической географии полуострова,

³⁰ *Гальберштадт Л.И.* Восточный вопрос // 1812–1912. Отечественная война и русское общество. М., 1911. С. 94–96; *Лависс Э., Рамбо А.* История XIX века... С. 154.

³¹ РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 1286. Оп. 1. Д. 219. Л. 125–125 об.

³² *Reuilly J.* Voyage en Crimée et sur les bords de la Mer Noire pendant l'année 1803. Paris, 1806. Pp. 11–12; *Храпунов Н.И.* Крымская миссия Жана Рёйи // Французский ежегодник. М., 2017. С. 114.

³³ *Holderness M.* Journey from Riga to the Crimea, with some account of the manners and customs of the colonies of New Russia. London, 1827. Pp. 105–106.

состоянии городов (подробно Севастополя), экономике Крыма, административных практиках новой власти и даже этнографические зарисовки³⁴. Описание Рёйи было опубликовано в 1806 г. во Франции, затем в Англии и стало доступно широкой публике, но нужно иметь в виду, что перед этим рукопись попала к французскому министру иностранных дел Талейрану, который в декабре 1803 г. собирался даже представить её Наполеону³⁵. К тому же неизвестно, какая еще информация, возможно, секретная, могла находиться в рукописи Рёйи и не вошла в опубликованный материал.

Но вернемся к письму Беклешова, в котором он, помимо Рёйи, жаловался еще на одного офицера. «Вчерашнего числа явился ко мне здесь [то есть в Николаев. – Д.К.] другой такой же офицер французской службы, эскадронный командир Людвиг Франсуа, который представил мне три паспорта, один от собственно его генерала Гедувиля³⁶, другой от министра иностранных дел Воронцова, а третий от пребывающего при турецком дворе министра Италинского, во всех трех сказано, что он следует через Одессу, а о Крыме ничего не упомянуто. Однако же г-н Франсуа имеет подорожную от Дюка де Ришелье до Ахтиара... [то есть Севастополя. – Д.К.]». По этой причине Беклешов был вынужден вежливо его принять и пропустить через Николаев «без всякого задержания». В связи с этим инцидентом он задался вопросом: или «г-н генерал-лейтенант Дюк де Ришелье <...> из одного благоприятия к иностранцам снабжает подорожными господ французских офицеров на проезд в такие места, куда им от нашего правительства не дано особого дозволения, или <...> он имеет особенное какое-либо по сему предмету повеление, которого я не имею». И далее просил объяснить Кочубея, каким образом поступать в подобных случаях «и не нужно ли принять каких осторожностей вообще противу французов...»³⁷.

По-видимому, чтобы не быть двусмысленно понятым относительно Ришелье и своих подозрений по поводу французских офицеров, Беклешов сопроводил донесение Кочубею отдельной запиской под грифом «Секретно». В ней губернатор заверил министра, что с Ришелье он знаком давно и имел к нему «все почтение, которого он действительно заслуживает», и искренне желал бы «не делать ему никакой неприятности». «Однако же не менее того усердие мое к службе и верность ко благу отечества, – писал Беклешов, – приводят меня в крайнее затруднение касательно таких людей, которых по доходящим до меня верным сведениям должен я всемерно остерегаться. Самим Вам, Милостивый Государь, известно расстроенное состояние Крымского полуострова, а особливо по внутренности; и для того не должно бы кажется было пускать туда шпионов, коими нельзя не почитать вояжирующих французских офицеров, которые оба из штата пребывающего в Петербурге французского министра, подают сомнение, что они нарочно от своего начальства к тому употреблены»³⁸.

³⁴ Храпунов Н.И. Крымская миссия Жана Рёйи... С. 113–140.

³⁵ Там же. С. 113.

³⁶ Гедувиль (Эдувиль) (Gabriel-Marie-Théodore-Joseph Hédouville) – французский министр (посол) в России в 1801–1804 гг.

³⁷ РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 219. Л. 126–126 об.

³⁸ Там же. Л. 129 а.

Ответ Кочубея последовал только 30 июня 1803 г., и в нем министр очень ясно описал сложную картину внешнеполитических обстоятельств, которые вынуждали правительство мириться с существующим положением и, по-видимому, не были видны Беклешову из Николаева, но были хорошо заметны государственному вельможе из Петербурга.

«По всем вероятностям, – писал В.П. Кочубей, – французские офицеры, о коих Вы упоминать изволите, если не могут названы быть шпионами, то по крайней мере путешественниками, имеющими от правительства своего поручение осмотреть все то, что у нас в Черноморских портах происходит или существует <...>. Таковой ход есть и был свойственен правительству французскому, и что сведения, г. Италинским Вам преподанные, показывают, что последнее не остается в Константинополе не деятельным в своих против нас внушениях. Но при всем том мирное наше с Францией положение не дозволяет, чтобы кто-либо из нации сей без гласных каковых причин встречал у нас препятствия в переездах своих <...>»³⁹. С учетом этих обстоятельств для нейтрализации негативных последствий от действий потенциальных шпионов Кочубей призвал Беклешова усилить полицейский надзор за каждым из пребывавших в южные провинции иностранцев и ограничить местным распоряжением проникновение их в наиболее секретные части. «На сем основании легко можете Вы, конечно, в рассуждении крепостей дать соответствующие предписания; а относительно портов условиться с г. адмиралом де Траверсе, который будучи сам во французской службе имел случай знать, сколь строгие распоряжения по сему предмету во французских гаванях существовали <...>»⁴⁰.

Как видим, никаких иллюзий в отношении французского проникновения в Крым высшие государственные деятели Российской империи не испытывали. В то же время обремененные договорными обязательствами в сложных внешнеполитических обстоятельствах 1803 г., когда начинался очередной англо-французский конфликт (по поводу Мальты), и все очевиднее становилась перспектива русско-французского конфликта, российская сторона старалась не давать ни малейшего повода к тому, чтобы война с Францией началась до окончания переговоров с Пруссией, которые продолжались в течение лета – осени 1803 г.⁴¹

В этот период южные провинции России действительно часто посещались французами. Это были не только офицеры, но и гражданские представители, коммерсанты, порой выполнявшие функции «двойного назначения» (как, например, Бургуен – в Санкт-Петербурге, Мюр – в Одессе, Ратэз – в Херсоне и Севастополе, Логорис – в Феодосии⁴²). Известно, что Наполеон любил организовывать

³⁹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 219. Л. 136 об.

⁴⁰ Там же. Л. 138. В качестве примера французской строгости можно указать на действия министра полиции Фушэ, который в 1806 г., в связи с наплывом иностранцев, запретил приезжим посещать Францию без его личного разрешения, даже если у них был в наличии паспорт МИДа. См.: Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1892. Т. 82. С. 354.

⁴¹ Сахаров А.Н., Орлик О.В. История внешней политики России. Первая половина XIX века. М., 1999. С. 43.

⁴² Ададуров В. «Наполеоніда» на Сході Європи: увялення, проекти та діяльність уряду Франції щодо південно-західних країн Російської імперії на початку XIX століття. Львів, 2007. С. 152–153, 242–246, 372, 426–427.

сбор разведанных под видом работы торговых миссий, коммерческих представителей⁴³. Россия обоснованно остерегалась подобных агентов и визитеров и была вынуждена уже в феврале 1804 г. (кстати, по инициативе француза Траверсе, на которого и ссылался Кочубей) ограничить доступ иностранным купцам в Севастополь, который был объявлен «главным военным портом»⁴⁴. А в январе 1807 г., в связи с началом очередной войны с Францией, из причерноморских портов были высланы все французские дипломатические представители⁴⁵.

«Восток – дело тонкое»: французско-турецкий союз и меры противодействия

Особую озабоченность российских властей вызывала возможность совместных турецко-французских акций на границах южных провинций империи. Об этих угрозах Кочубей высказывался еще до русско-турецкого конфликта, который начался в конце 1806 г. Министр призывал не бояться столкновения с османами на суше, а вот взаимодействия турок и французов на море считал необходимым остерегаться в первую очередь⁴⁶. В своих воспоминаниях таврический губернатор Мертваго писал, что во время Русско-турецкой войны 1806–1812 гг. он получал секретные данные о подготовке турецкого флота для высадки в Крыму при активном участии французских офицеров⁴⁷. О том, насколько серьезно власти империи были намерены пресекать возможные провокации, можно судить по инциденту, который произошел летом 1811 г., когда в Черном море российскими крейсерами были арестованы и препровождены в порт Феодосии шесть французских торговых судов по подозрению в перевозке оружия и военного снаряжения⁴⁸. Данный случай, кстати, прецедентом не являлся. Дважды десятилетиями ранее, в 1789 г., по приказу Г.А. Потемкина в Балаклаве было также задержано «шпионское» французское судно, что вызвало достаточно громкий дипломатический скандал⁴⁹.

Турецкая угроза Крыму оценивалась российскими высокопоставленными чиновниками как вполне реальная. В 1806 г. Ришельё, ставший к этому времени уже полновластным Новороссийским губернатором, а не градоначальником одной лишь Одессы, отмечал в письме к императору Александру I, что Крым являлся единственным пунктом империи, подверженным серьезному нападению со стороны Турции⁵⁰. В переписке между Ришельё и Кочубеем уже после начала войны с Османской империей 1806–1812 гг. чиновники неоднократно обсуждали необ-

⁴³ Ададуров В. «Наполеонида» на Сході Європи... С. 367–368, 371–372; Безотосный В.М. Разведка Наполеона в России перед 1812 г. // Вопросы истории. 1982. № 10. С. 87.

⁴⁴ ПСЗРИ-1. Т. 28. С. 148; Шатне М. дю. Жан Батист де Траверсе, министр флота Российской империи. М., 2003. С. 187; Иванов П. Из дел канцелярии Николаевского военного губернатора. Дело о восстановлении в Севастополе коммерческого порта // ИТУАК. 1891. № 12. С. 93.

⁴⁵ Ададуров В. «Наполеонида» на Сході Європи... С. 246.

⁴⁶ Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1892. Т. 82. С. 237.

⁴⁷ Мертваго Д.Б. Записки (1760–1824). СПб., 2006. С. 142–143.

⁴⁸ Государственный архив Республики Крым (далее – ГАРК). Ф. 16. Оп. 1. Д. 150; ГАРК. Ф. 16. Оп. 1. Д. 152; Ададуров В. «Наполеонида» на Сході Європи... С. 374.

⁴⁹ Черкасов П.П. Екатерина II и Людовик XVI. Русско-французские отношения. 1774–1792. М., 2004. С. 352–354.

⁵⁰ Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1886. Т. 54. С. 233–234.

ходимость укрепления обороноспособности полуострова. Кочубей также считал Крым единственным регионом России, где турки способны были нанести реальный ущерб государству⁵¹.

При этом в экспансионистских планах и дипломатических интригах Наполеона Крым действительно играл достаточно заметную роль. Известно, что один из советников французского императора, глава разведки⁵² польский генерал М. Сокольницкий в аналитическом меморандуме «О способах избавления Европы от влияния России...» предлагал создать на юго-западных окраинах Российской империи конфедеративные государства, в том числе полузависимую от Франции державу крымских татар и украинских казаков под общим наименованием «Наполеонида»⁵³. Данный меморандум был составлен по поручению французского Генштаба накануне кампании 1812 г. и прочитан Наполеоном⁵⁴. Схожие мысли высказывал и безызвестный французский чиновник Роландр⁵⁵, что свидетельствует об определенной устойчивости и целесообразности данной идеи в представлениях «геополитиков» того времени. С этим приходилось считаться царским властям, тем более что идея о «возврате» Крыма еще долго не оставляла турецких правителей разного ранга⁵⁶.

Начиная с 1803 г., рост активности французских эмиссаров в Турции не оставался незамеченным в Санкт-Петербурге. Об этом предупреждал константинопольский посол Италинский, а также сообщалось в письмах к командующему Черноморским флотом адмиралу Траверсе⁵⁷. Тема враждебных действий французских дипломатов в Турции, формирования ими образа России как главного врага османов, подстрекательства к развязыванию военных действий против Российской империи постоянно присутствовала в русской дипломатической переписке того времени⁵⁸.

В этой связи следует отметить, что, несмотря на сложную международную обстановку, связанную с недружественными действиями Франции, укреплять обороноспособность своих южных границ российские власти поручили именно французам: новороссийскому губернатору Ришельё и командующему Черноморским флотом Траверсе. При этом определенные подозрения в излишней лояльности Ришельё к соотечественникам-французам, по-видимому, все-таки сказались на административных решениях Александра I. Перед самым началом войны с Турцией, в октябре 1806 г., герцог был отстранен от командования войсками, дислоцированными в Крыму, которые были переданы в управление Траверсе. Сам Ришельё в послании к российскому императору данное распоряжение расценивал

⁵¹ Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1886. Т. 54. С. 242–245, 249–255.

⁵² *Безотосный В.М.* Наполеоновские разведывательные службы в военной кампании 1812 года // Новая и новейшая история. 2004. № 4. С. 199–200.

⁵³ *Сокольницкий М.* «Исполнено по высочайшему повелению...». Минск, 2003. С. 81–82.

⁵⁴ *Адауров В.* «Наполеонида» на Сході Європи... С. 283.

⁵⁵ Там же. С. 288–291.

⁵⁶ *Петров А.* Война России с Турцией 1806–1812 гг. СПб., 1885. Т. 1. С. 94–95.

⁵⁷ *Шатне М. дю.* Жан Батист де Траверсе... С. 193.

⁵⁸ Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1891. Т. 77. С. 350–351, 438–439, 490, 679; Там же. СПб., 1892. Т. 82. С. 10–11, 182, 200, 222, 237, 315–316, 391.

как «намеренное унижение» и проявление недоверия «в момент опасности» и даже просился в отставку⁵⁹. В ответ он получил письмо от Александра I с заверениями полнейшего доверия и уважения, но руководство армейскими подразделениями ему возвращено так и не было⁶⁰. Любопытно, что в мемуарах современников и позднейшей исследовательской литературе данное отстранение интерпретировалось как связанное с болезнью губернатора⁶¹. Но отставка от командования войсками в Крыму состоялась в октябре 1806 г., а обострение «нервной горячки» Ришельё, в результате которой он был вынужден прервать свое участие в Дунайской кампании, наступило только в конце декабря 1806 г.⁶² В ноябре же герцог активно (но не всегда удачно) командовал корпусом в составе армии И.И. Михельсона⁶³, а значит, октябрьское «крымское отстранение» с болезнью связано не было.

В итоге полномочия французов в Крыму оказались разграничены: Траверсе отвечал за военную обороноспособность полуострова, а Ришельё контролировал внутреннюю политику в сложном регионе, населенном преимущественно единоверными османам жителями. Адмирал Траверсе, кадровый морской офицер, придерживался жесткой позиции в отношении способов защиты Крыма от турецкой угрозы. Он предлагал полностью очистить полуостров от мусульманского населения, на побережье разместить отставных российских солдат, а внутренние территории полуострова заселить болгарами и жителями Молдавии. Таким образом, ставший полностью христианским Крым, по мнению адмирала, заставил бы турок навсегда отказаться от идеи по его захвату⁶⁴. В этой стратегии Траверсе радикально расходился с мнением Ришельё, который защиту полуострова увязывал в первую очередь с мерами внутреннего управления, налаживания контакта с местными жителями⁶⁵.

В результате в марте 1807 г. крымские татары все-таки были частично выселены из горных районов Крыма и с морского побережья во внутренние территории полуострова, вдобавок у них было изъято оружие⁶⁶. Но уже в мае в связи с улучшением политической обстановки и после ходатайства таврического дворянства, которое поддержал Ришельё, император позволил татарам вернуться в свои жилища⁶⁷. Тогда же новороссийскому губернатору под личные гарантии удалось удержать правительство от намерения переселить во внутренние губернии

⁵⁹ Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1886. Т. 54. С. 233–234.

⁶⁰ Там же. С. 234–235.

⁶¹ *Мертваго Д.Б.* Записки (1760–1824). С. 141; *Маркевич А.И.* К столетию Отечественной войны. Таврическая губерния в связи с эпохой 1806–1814 гг. Исторический очерк // ИТУАК. 1913. № 49. С. 11; *Шатне М. дю.* Жан Батист де Траверсе... С. 196, 198.

⁶² *Ланжерон А.Ф.* Записки гр. Ланжерона. Война с Турцией 1806–1812 гг. // Русская старина. 1907. Т. 130. С. 589–590; *Петров А.* Война России с Турцией 1806–1812... С. 119–120.

⁶³ *Петров А.* Война России с Турцией 1806–1812... С. 113–115; *Ланжерон А.Ф.* Записки гр. Ланжерона... С. 579–582.

⁶⁴ *Шатне М. дю.* Жан Батист де Траверсе... С. 225.

⁶⁵ Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1886. Т. 54. С. 233–234; *Rambaud A.* Le duc de Richelieu en Russie et en France // *Revue des deux mondes.* 1887. Vol. 84. Pp. 639–640.

⁶⁶ *Маркевич А.И.* К столетию Отечественной войны... С. 19–23.

⁶⁷ Там же. С. 25.

ногайских татар, кочевавших в причерноморских степях⁶⁸. Продолжая политику лояльности, в 1808 г. по просьбе Ришельё Александр I освободил крымских татар от повинности на поставку дров⁶⁹. Но уже через год, в мае 1809 г., когда возобновились боевые действия с Турцией, по приказу придерживавшегося «жесткой» линии Траверсе из Крыма в целях безопасности были угнаны 10 тыс. лошадей⁷⁰. Ришельё был резко против такой меры, в чем пытался убедить военного министра С.К. Вязмитинова: «Вы увидите, что это приведет к неизбежной гибели жителей полуострова и степей Перекопа и Днепра. Таким образом, мы окажемся в еще более неблагоприятном положении, чем то, которого мы хотим избежать. Я встаю на колени и умоляю вас не требовать от нас этой меры, которая приведет к несчастью страны»⁷¹. В конце концов в августе 1809 г. табуны были возвращены обратно, а татарское население крымского побережья на этот раз решили вовсе не тревожить, поскольку новороссийский губернатор был уверен в его преданности российской короне. И действительно, когда в июле 1810 г. турецкая эскадра в составе 18 кораблей появилась на внешнем рейде Севастополя и демонстративно прошла вдоль Южного берега, мусульмане Крыма оставались спокойны⁷².

Тем не менее за настроениями татарских жителей российские власти продолжали внимательно следить, но старались делать это незаметно, чтобы в условиях военного времени не вызывать лишних возмущений. Таврический губернатор Мертваго докладывал Траверсе в марте 1807 г., что использовал для этих целей возможности местной землеустроительной комиссии, куда внедрил двух офицеров «из греков»: «Сии люди по препоручениям земских исправников всегда находятся в посылках по уезду. Зная язык татарский, они удобнее примечают расположение людей»⁷³.

Комплекс превентивных мер, предпринятых французами, дал положительный результат, и в Крыму не было зафиксировано серьезных случаев недовольства за весь период русско-турецкого конфликта. Более того, во время вторжения французской армии в Россию в 1812 г. одни только крымскотатарские крестьяне добровольно пожертвовали около 230 тыс руб. на укрепление обороноспособности российского государства, не считая аналогичных жертвований мусульманского духовенства, дворян, городских жителей⁷⁴. Сформированные же из крымских татар регулярные боевые подразделения, начиная с 1808 г. активно участвовали в составе российской армии в европейских конфликтах эпохи Наполеона⁷⁵.

Деятельность французов по защите южных рубежей Российской империи была позитивно оценена императором Александром I. В июле 1809 г. Траверсе

⁶⁸ *Pingaud L.* Le duc de Richelieu en Russie et en France // *Revue des deux mondes.* 1887. Vol. 84. P. 335.

⁶⁹ *Маркевич А.И.* К столетию Отечественной войны... С. 26.

⁷⁰ Там же. С. 35.

⁷¹ *Rambaud A.* Le duc de Richelieu en Russie et en France // *Revue des deux mondes.* 1887. Vol. 84. P. 639.

⁷² *Маркевич А.И.* К столетию Отечественной войны... С. 34–35.

⁷³ Там же. С. 20.

⁷⁴ Там же. С. 46–49, 63–66; *Близняков Р.А.* Новороссийский край в Отечественной войне 1812 года (на примере Таврической губернии) // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.* 2013. Вып. 18. С. 517–519.

⁷⁵ *Сакович А.В.* Крымские татары на военной службе Российской империи. М., 2016. С. 39–73.

был отозван в Санкт-Петербург, где вскоре был назначен на должность морского министра. Ришельё же вернули командование сухопутными силами⁷⁶, и он оставался полновластным хозяином Новороссийской губернии вплоть до своего возвращения во Францию в 1814 г.

Выводы

Крым после обретения в 1783 г. статуса российской территории формально стал одной из удаленных от Санкт-Петербурга «окраин» империи. Но в геополитических устремлениях европейских держав, внутривнутриполитических мероприятиях Российской империи периферией вовсе не являлся. Российское правительство последовательно стремилось привлечь в малонаселенный причерноморский регион иностранных колонистов. Одним из неудачных переселенческих проектов стала попытка организации в Приазовье сельскохозяйственных колоний, состоящих из французских роялистов-эмигрантов и военных корпуса Конде. В период наполеоновских войн, перманентных русско-французских конфликтов Крым оставался объектом повышенного внимания иностранных правительств. С целью получения закрытой информации о дислокации, количестве российских войск и флота, настроениях местного мусульманского населения полуостров неоднократно посещался французскими агентами. Важным аспектом международной политики Наполеона являлась поддержка в Турции антироссийских настроений. Одним из наиболее очевидных средств для достижения этой цели стало педалирование крымского вопроса, обещание оказать помощь в возвращении полуострова в сферу влияния Турции. Все подобные действия французских секретных агентов, дипломатов становились известны царской власти, которая в условиях исключительно сложной и зыбкой внешнеполитической обстановки в целом умело реагировала на возникавшие вызовы. Во время Русско-турецкой войны 1806–1812 гг. грамотная внутренняя политика, проводимая в Крыму французами на русской службе Ришельё и Траверсе, стала одним из факторов сохранения спокойной обстановки внутри полуострова.

Рукопись поступила: 12 февраля 2019 г.

Submitted: 12 February 2019

Библиографический список

- Ададуров В.* «Наполеонида» на Сході Європи: уявлення, проекти та діяльність уряду Франції щодо південно-західних країн Російської імперії на початку XIX століття. Львів: Видавництво Католицького Університету, 2007. 560 с.
- Безотосный В.М.* Разведка Наполеона в России перед 1812 г. // Вопросы истории. 1982. № 10. С. 86–94.
- Безотосный В.М.* Наполеоновские разведывательные службы в военной кампании 1812 года // Новая и новейшая история. 2004. № 4. С. 190–202.
- Близняков Р.А.* Новороссийский край в Отечественной войне 1812 года (на примере Таврической губернии) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2013. Вып. 18. С. 515–522.

⁷⁶ *Шатне М. дю.* Жан Батист де Траверсе... С. 226–227.

- Васильев А.А.* Корпус принца Конде в Российской империи (1798–1799 гг.) // Франция и Россия в начале XIX столетия. М.: ГИМ, 2004. С. 79–115.
- Виноградов В.Н.* Русско-турецкая война 1806–1812 годов. Необъявленная и предгрозовая // Славяноведение. 2012. № 3. С. 3–19.
- Габаев Г.С.* Крымские татары под русскими знаменами. Краткая историческая справка // Журнал Императорского Русского военно-исторического общества. 1913. № 3. С. 131–137.
- Габаев Г.С.* Калмыки и татары под знаменем императора Александра I // Журнал Императорского Русского военно-исторического общества. 1913. № 10. С. 423–430; № 11. С. 506–519.
- Гальберштадт Л.И.* Восточный вопрос // 1812–1912. Отечественная война и русское общество. М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1911. С. 92–122.
- Иванов П.* Из дел канцелярии Николаевского военного губернатора. Дело о восстановлении в Севастополе коммерческого порта // ИТУАК. 1891. № 12. С. 93–100.
- Лависс Э., Рамбо А.* История XIX века. Время Наполеона I. 1800–1815. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1938. 583 с.
- Ланжерон А.Ф.* Записки гр. Ланжерона. Война с Турцией 1806–1812 гг. // Русская старина. 1907. Т. 130. С. 413–448, 577–615.
- Макидонов А.В.* К светской и церковной истории Новороссии (XVIII–XIX вв.). Запорожье: Просвіта, 2008. 140 с.
- Майков П.М.* Герцог Ришелье в России // Русская старина. 1897. Т. 91 (7). С. 33–49.
- Маркевич А.И.* К столетию Отечественной войны. Таврическая губерния в связи с эпохой 1806–1814 гг. Исторический очерк // ИТУАК. 1913. № 49. С. 1–100.
- Мертваго Д.Б.* Записки (1760–1824). СПб.: Русская симфония, 2006. 357 с.
- Митрофанов А.А.* Волнения в эмигрантском корпусе Конде на русской службе в 1798 г. (по материалам РГАДА) // Известия УрФУ. Серия 2: Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 2 (151). С. 42–56.
- Михневич И.* Биография герцога де-Ришелье. Одесса: Городская типография, 1849. 28 с.
- Муфтийзаде И.М.* Очерк военной службы крымских татар // ИТУАК. 1899. № 30. С. 1–24.
- Муфтийзаде И.М.* Очерк столетней военной службы татар 1784–1904 гг. (по архивным материалам). Симферополь: Тип. Тавр. губ. земства, 1905. IV+71 с.
- Петров А.* Война России с Турцией 1806–1812 гг. Т. 1. СПб.: Военная типография, 1885. 414 с.
- Ростиславлев Д.А.* Французская контрреволюционная эмиграция и проекты колонизации Юга России в конце XVIII века // Франция и Россия XVIII–XX веков. М.: Наука, 2000. С. 62–79.
- Ревякин А.В.* Французская республика, роялистская эмиграция и русская дипломатия в правление императора Павла I // Франция и Россия в начале XIX столетия. М.: ГИМ, 2004. С. 44–77.
- Рей М.-П.* Герцог Ришелье на службе царя Александра I и Реставрации: посредник между Францией и Россией // Quaestio Rossica. Т. 6. 2018. № 4. С. 1095–1109.
- Сакович А.В.* Крымские татары на военной службе Российской империи. М.: Фонд «Русские витязи», 2016. 316 с.
- Сахаров А.Н., Орлик О.В.* История внешней политики России. Первая половина XIX века. М.: Международные отношения, 1999. 448 с.
- Сергеев А.* Ногайцы на Молочных водах (1790–1832). Исторический очерк // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1912. № 48. С. 1–44.
- Сироткин В.Г.* Наполеон и Александр I: дипломатия и разведка Наполеона и Александра I в 1801–1812 гг. М.: Эксмо, 2003. 418 с.
- Сокольников М.* «Исполнено по высочайшему повелению...». Минск: ВГУ, 2003. 178 с.
- Станиславская А.М.* Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798–1807). М.: Изд-во АН СССР, 1962. 504 с.
- Стемковский И.А.* О трудах Дюка Ришелье по части управления в полуденной России // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1877. № 10. С. 391–406.
- Строев А.* «Война перьев»: французские шпионы в России во второй половине XVIII века // Логос. 2000. № 3 (24). С. 18–43.

- Строев А. «Те, кто поправляет Фортуну». Авантюристы Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 1998. 400 с.
- Федорченко Ф.И. Императорский дом. Выдающиеся сановники: энциклопедия биографий. Красноярск: Бонус; М.: Олма-Пресс, 2003. 670 с.
- Храпунов Н.И., Гинькут Н.В. Крым в 1784 г. по свидетельству французского путешественника барона де Бара // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь: Изд-во НИЦИАК КФУ имени В.И. Вернадского, 2015. Вып. 20. С. 395–430.
- Храпунов Н.И. Крымская миссия Жана Рёйи // Французский ежегодник. М.: ИВИ РАН, 2017. С. 113–140.
- Черкасов П.П. Екатерина II и Людовик XVI. Русско-французские отношения. 1774–1792. М.: Наука, 2004. 528 с.
- Черкасов П.П. Франция и присоединение Крыма к России (1779–1783) // Россия и Франция: XVIII–XX века. Вып. 3. М.: Наука, 2000. С. 37–61.
- Черкасов П.П. Русско-французский торговый договор 1787 года // Россия и Франция: XVIII–XX века. Вып. 4. М.: Наука, 2001. С. 26–60.
- Чудинов А.В. Жильбер Ромм о русской армии XVIII века // Россия и Франция: XVIII–XX века. М.: Наука, 2000. Вып. 3. С. 88–115.
- Чудинов А.В. Французские агенты о положении в Крыму накануне русско-турецкой войны 1787–1791 годов // Русско-французские культурные связи в эпоху Просвещения: материалы и исследования: сборник памяти Г.С. Кучеренко. М.: РГГУ, 2001. С. 202–243.
- Чудинов А.В. Многоликий Жильбер Ромм // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 2012. Т. 9. С. 179–208.
- Шатне М дю. Жан Батист де Траверсе, министр флота Российского. М.: Наука, 2003. 292 с.
- Яковлев В.А. Биографии Де-Рибаса, Ришелье и Воронцова. Одесса: Тип. Л. Кирхнера, 1894. 31 с.
- Holderness M. Journey from Riga to the Crimea, with some account of the manners and customs of the colonists of New Russia. London: Sherwood, Gilbert, and Piper, 1827. 317 p.
- Rambaud A. Recueil des instructions donnees aux ambassadeurs et ministres de France depuis les Traités de Westphalie jusqu'à Revolution française. Vol. 9 : Russie (1749–1789). Paris: F. Alcan, 1890. 623 p.
- Rambaud A. Le duc de Richelieu en Russie et en France // Revue des deux mondes. 1887. Vol. 84. Pp. 639–640.
- Reully J. Voyage en Crimée et sur les bords de la Mer Noire pendant l'année 1803. Paris: Bossange, Masson et Besson, 1806. 302 p.
- Pingaud L. Les Français en Russie et les Russes en France. L'Ancien régime – l'émigration – les invasions. Paris: Perrin, 1886. 482 p.
- Waresquiel, E. de. Le Duc de Richelieu, 1766–1822. Paris: Perrin, 1990. 498 p.

References

- Adadurov, V. “Napoleonida” na Skhodi Evropi: Uyavlennya, proyekti ta diyal'nist' uryadu Frantsii shchodo pivdenno-zakhidnikh okraïn Rosiys'koï imperii na pochatku XIX stolittya. Lvov: Catholic University Publ., 2007 (in Ukraine).
- Bezotosny, V.M. “Razvedka Napoleona v Rossii pered 1812 g.” *Voprosy istorii*, no. 10 (1982): 86–94 (in Russian).
- Bezotosny, V.M. “Napoleonovskiye razvedyvatel'nyye sluzhby v voyennoy kampanii 1812 goda.” *Modern and Current History Journal*, no. 4 (2004): 190–202 (in Russian).
- Bliznyakov, R.A. “Novorossiyskiy kray v Otechestvennoy voyne 1812 goda (na primere Tavricheskoj gubernii).” *Materialy po Arkheologii Istorii i Etnografii Tavrii*, vol. 18 (2013): 515–522 (in Russian).
- Cherkasov, P.P. *Ekaterina II i Lyudovik XVI. Russko-frantsuzskiye otnosheniya. 1774–1792*. Moscow: Nauka Publ., 2004 (in Russian).

- Cherkasov, P.P. "Frantsiya i prisoyedineniye Kryma k Rossii (1779–1783)." In *Rossiya i Frantsiya: XVIII–XX veka*, 37–61. Vol. 3. Moscow: Nauka Publ., 2000 (in Russian).
- Cherkasov, P.P. "Russko-frantsuzskiy trgovyy dogovor 1787 goda." In *Rossiya i Frantsiya: XVIII–XX veka*, 26–60. Vol. 4. Moscow: Nauka Publ., 2001 (in Russian).
- Chudinov, A.V. "Zhil'ber Romm o russkoy armii XVIII veka." In *Rossiya i Frantsiya: XVIII–XX veka*, 88–115. Vol. 3. Moscow: Nauka Publ., 2000 (in Russian).
- Chudinov, A.V. "Frantsuzskiy agenty o polozhenii v Krymu nakanune russko-turetskoy voyny 1787–1791 godov." In *Russko-frantsuzskiy kul'turnyye svyazi v epokhu Prosveshcheniya: Materialy i issledovaniya: Sbornik pamyati G. S. Kucherenko*. Moscow: RGGU Publ., 2001 (in Russian).
- Chudinov, A.V. "Mnogolikiy Zhil'ber Romm." *Kazus. Individual'noye i unikal'noye v istorii*, vol. 9 (2012): 179–208 (in Russian).
- Fedorchenko, F.I. *Imperatorskiy Dom. Vydayushchiyesya sanovniki: Entsiklopediya biografy*. Krasnoyarsk: Bonus Publ.; Moscow: Olma-Press Publ., 2003 (in Russian).
- Gabayev, G.S. "Kalmyki i tatory pod znamenem imperatora Aleksandra I." *Zhurnal Imperatorskogo Russkogo voyenno-istoricheskogo obshchestva*, no. 10 (1913): 423–430; no. 11 (1913): 506–519 (in Russian).
- Gabayev, G.S. "Krymskiye tatory pod russkimi znamenami. Kratkaya istoricheskaya spravka." *Zhurnal Imperatorskogo Russkogo voyenno-istoricheskogo obshchestva*, no. 3 (1913): 131–137 (in Russian).
- Gal'bershtadt, L.I. "Vostochnyy vopros." In *1812–1912. Otechestvennaya voyna i russkoye obshchestvo*. Moscow: I.D. Sytin Publ., 1911 (in Russian).
- Holderness, M. *Journey from Riga to the Crimea, with Some Account of the Manners and Customs of the Colonies of New Russia*. London: Sherwood, Gilbert, and Piper Publ., 1827.
- Ivanov, P. "Iz del kantselyarii Nikolayevskogo voyennogo gubernatora. Delo o vosstanovlenii v Sevastopole kommercheskogo porta." *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii*, no. 12 (1891): 93–100 (in Russian).
- Khrapunov, N.I. "Krymskaya missiya Zhana Reuilly." *Annual of French Studies* 20 (2017): 113–140 (in Russian).
- Khrapunov, N.I., and Ginkut, N.V. "Krym v 1784 g. po svidetel'stvu frantsuzskogo puteshestvennika barona de Bara." In *Materialy po arkheologii istorii i etnografii Tavrii* 20 (2015): 395–430 (in Russian).
- Langeron, A.F. "Zapiski gr. Lanzgerona. Voyna s Turtsiyey 1806–1812 gg." *Russkaya starina* 130 (1907): 413–448, 577–615 (in Russian).
- Laviss, E., and Rambaud, A. "Istoriya XIX veka." In *Vremya Napoleona I. 1800–1815*. Moscow: Gosudarstvennoye sotsial'no-ekonomicheskoye izdatel'stvo Publ., 1938 (in Russian).
- Makidonov, A.V. *K svetskoy i tserkovnoy istorii Novorossii (XVIII–XIX vv.)*. Zaporozh'ye: Prosvita Publ., 2008 (in Russian).
- Markevich, A.I. "K stoletiyu Otechestvennoy voyny. Tavricheskaya guberniya v svyazi s epokhoi 1806–1814 godov. Istoricheskiy ocherk." *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii*, no. 49 (1913): 1–100 (in Russian).
- Maykov, P.M. "Gertsog Rishel'ye v Rossii." *Russkaya starina*, vol. 91 (1897): 33–49 (in Russian).
- Mertvago, D.B. *Zapiski (1760–1824)*. Saint Petersburg: Russkaya simfoniya Publ., [1867] 2006 (in Russian).
- Mikhnevich, I. *Biografiya gertsoga de-Rishel'ye*. Odessa: Gorodskaya tipografiya Publ., 1849 (in Russian).
- Mitrofanov, A.A. "Unrest in the French Émigré Army of Condé in the Russian Military Service in 1798 (With Reference to Documents of the Russian State Archive of Ancient Acts)." *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*, no. 2 (2016): 42–56. <http://doi.org/10.15826/izv2.2016.18.2.025> (in Russian).
- Muftiyzade, I.M. *Ocherk stoletney voyennoy sluzhby krymskikh tatar 1784–1904 gg. (po arkhivnym materialam)*. Simferopol: Tavricheskoye gubernskoye zemstvo Publ., 1905 (in Russian).

- Muftiyzade, I.M. "Ocherk voyennoy sluzhby krymskikh tatar." *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii*, no. 30 (1899): 1–24 (in Russian).
- Petrov, A. "1806 i 1807 gg. Mikhel'son i Meyendorf." In *Voyna Rossii s Turtsiyey 1806–1812 gg.* Saint Petersburg: Voyennaya tipografiya Publ., 1885 (in Russian).
- Pingaud, L. *Les Français en Russie et les Russes en France. L'Ancien régime – l'émigration – les invasions.* Paris: Perrin Publ., 1886 (in French).
- Polovtsev, A.A. "Gertsog Armand-Emmanuel Richelieu. Dokumenty i bumagi o ego zhizni i deyatelnosti. 1766–1822." In *Sbornik imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshchestva.* Saint Petersburg: Tipografiya Stasyulevicha Publ., 1886 (in Russian and French).
- Rambaud, A. "Le duc de Richelieu en Russie et en France." *Revue des deux mondes* 84 (1887): 618–662 (in French).
- Rambaud, A. *Recueil des instructions donnees aux ambassadeurs et ministres de France depuis les Traités de Westphalie jusqu'à la Révolution française. Russie (1749–1789).* Paris: F. Alcan Publ., 1890 (in French).
- Rambaud, A., ed. *Russie (1749–1789).* Vol. 9 of *Recueil des instructions donnees aux ambassadeurs et ministres de France depuis les Traités de Westphalie jusqu'à la Révolution française.* Paris: F. Alcan, 1890 (in French).
- Reuilly, J. *Voyage en Crimée et sur les bords de la Mer Noire pendant l'année 1803.* Paris: Bossange, Masson et Besson Publ., 1806 (in French).
- Revyakin, A.V. "Frantsuzskaya respublika, royalistskaya emigratsiya i russkaya diplomatiya v pravleniye imperatora Pavla I." In *Frantsiya i Rossiya v nachale XIX stoletiya.* Moscow: GIM Publ., 2004 (in Russian).
- Rey, M.-P. "The Duke of Richelieu in the Service of Tsar Alexander I and the Restoration: a Mediator between Russia and France." *Quaestio Rossica* 6, no. 4 (2018): 1095–1109 (in Russian).
- Rostislavlev, D.A. "Frantsuzskaya kontrevolyutsionnaya emigratsiya i proyekty kolonizatsii yuga Rossii v kontse XVIII veka." In *Rossiya i Frantsiya: XVIII–XX veka.* Moscow: Nauka Publ., 2000 (in Russian).
- Sakharov, A.N., and Orlik, O.V. *Istoriya vneshney politiki Rossii. Pervaya polovina XIX veka (Ot voyny Rossii protiv Napoleona do Parizhskogo mira 1856 g.).* Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ., 1999 (in Russian).
- Sakovich, A.V. *Krymskiye tatory na voyennoy sluzhbe Rossiyskoy imperii.* Moscow: Russkiye Vityazi Publ., 2016 (in Russian).
- Sergeyev, A. "Nogaytsy na Molochnykh vodakh (1790–1832). Istoricheskiy ocherk." *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii*, no. 48 (1912): 1–144 (in Russian).
- Shatne, M. du. *Zhan Batist de Traverse, ministr flota Rossiyskogo.* Moscow: Nauka Publ., 2003 (in Russian).
- Sirotkin, V.G. *Napoleon i Aleksandr I: Diplomatiya i razvedka Napoleona i Aleksandra I v 1801–1812 gg.* Moscow: EKSMO Publ., 2003 (in Russian).
- Sokol'nitskiy, M. *Ispolneno po vysochayshemu povelению...': Raport, podannyi Napoleonu nachal'nikom ego kontrrazvedki, pol'skim generalom Mikhailom Sokol'nitskim, s rekomendatsiyami o sposobakh izbavleniya Evropy ot voiyaniya Rossii...'. Minsk: BGU Publ., 2003 (in Russian).*
- Stanislavskaya, A.M. *Russko-angliyskiye otnosheniya i problemy Sredizemnomor'ya (1798–1807).* Moscow: AN SSSR Publ., 1962 (in Russian).
- Stempkovskiy, I.A. "O trudakh Dyuka Rishel'ye po chasti upravleniya v Poludennoy Rossii." *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey*, no. 10 (1877): 391–406 (in Russian).
- Stroev, A. "'Voyna per'yev': Frantsuzskiy shpiony v Rossii vo vtoroy polovine XVIII veka." *Logos*, no. 3 (2000): 18–43 (in Russian).
- Stroev, A. *"Te, kto popravlyayet Fortunu". Avanturyisty Prosveshcheniya.* Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 1998 (in Russian).
- Trachevskiy, A., ed. *Diplomaticheskiye snosheniya Rossii s Frantsiyey v epokhu Napoleona I. T. 2. 1803–1804.* Vol. 77 of *Sbornik imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshchestva.* Saint Petersburg: Tipografiya Stasyulevicha Publ., 1891 (in Russian and French).

- Trachevskiy, A., ed. *Diplomaticheskiye snosheniya Rossii s Frantsiyey v epokhu Napoleona I*. Т. 3. 1805–1806. Vol. 82 of *Sbornik imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshchestva*. Saint Petersburg: Tipografiya Stasyulevicha Publ., 1892 (in Russian and French).
- Vasil'yev, A.A. “Korpus printsa Konde v Rossiyskoy imperii (1798–1799 gg.)” In *Frantsiya i Rossiya v nachale XIX stoletiya*. Moscow: GIM Publ., 2004 (in Russian).
- Vinogradov, V.N. “Russko-turetskaya voyna 1806–1812 godov. Neob'yavlenneya i predgrozovaya.” *Slavyanovedeniye*, no. 3 (2012): 3–19 (in Russian).
- Waresquiel, E. de. *Le Duc de Richelieu, 1766–1822*. Paris: Perrin, 1990 (in French).
- Yakovlev, V.A. *Biografii De-Ribasa, Rishel'ye i Vorontsova*. Odessa: L. Kirkhner Publ., 1894 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Конкин Денис Валериевич, кандидат исторических наук, заведующий отделом новой истории Крыма Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского.

Denis V. Konkin, Kandidat Istorycheskikh Nauk [PhD in History], Head of the Department of Modern History of Crimean History and Archaeology Research Centre, V.I. Vernadsky Crimean Federal University.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-3-560-588>

Научная статья / Research article

Персидская община во Владикавказе: механизмы сохранения этнической идентичности в инокультурной среде

З.В. Канукова^а, Б.В. Туаева^б

^аСеверо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
имени В.И. Абаева – филиал Владикавказского научного центра РАН –

СОИГСИ ВНЦ РАН; 362040, Россия, Владикавказ, пр. Мира, 10; z.kanukova@mail.ru

^бСеверо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова – СОГУ;
362025, Россия, Владикавказ, ул. Ватутина, 46; amaga@ru.ru

The Persian community in Vladikavkaz: preserving ethnic identity in an alien cultural environment

Zalina V. Kanukova^а, Berta V. Tuaeava^б

^аV.I. Abayev North-Ossetian Institute of Humanitarian and Social Studies of the the Russian
Academy of Sciences; 10 Prospect Mira, Vladikavkaz, 362040, Russian; z.kanukova@mail.ru

^бNorth Ossetian State University named after K.L. Khetagurov;
46 Vatutina St., Vladikavkaz, 362025, Russia; amaga@ru.ru

Аннотация: В представленной статье на основе архивных источников и материалов периодической печати исследована история персидской диаспоры в Осетии: определены причины миграции персов в Осетию со второй половины XIX в., особенности жизнеустройства, адаптационные процессы и механизмы внутриэтнической консолидации. Выявленные способы адаптации к экономике принимающего общества, в частности, формирование персидских национальных ниш в промышленности, ремесле, торговле, бытовом обслуживании, приобщение к новым хозяйственным формам городского образа жизни, позволяют считать этническое предпринимательство персов основой жизнеустройства диаспоры. В статье исследована созданная персидской общиной диаспорная инфраструктура, которая включала в себя персидское консульство, шиитскую мечеть, персидское новометодное училище «Навруз», благотворительное общество «Химмат» и другие учреждения. Как правило, основой внутриэтнической консолидации и сохранения национальной самобытности в инокультурном окружении становится храм, особенно когда речь идет не только об этнической, но и этноконфессиональной общности. В персидской общине основные регулятивные и коммуникационные функции выполняло консульство. Авторы приходят к выводу, что данная особенность жизнеустройства персидской общины связана с неопределенным статусом мечети, разной этнической принадлежностью ее прихожан-шиитов и конфликтной ситуацией между ними. Исследован уровень сохранности традиционной культуры, праздничной и обрядовой жизни, формы манифестации общинного поведения и связей с родиной. Выявлены механизмы инкорпорации персидской общины в об-

© Канукова З.В., Туаева Б.В., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

щественно-культурную среду Владикавказа, основанные на активных торгово-экономических, бытовых и других контактах с полиэтническим населением.

Ключевые слова: персы, Осетия, Владикавказ, адаптация, инфраструктура диаспоры, консульство, этнокультурная идентичность

Для цитирования: Канукова З.В., Туаева Б.В. Персидская община во Владикавказе: механизмы сохранения этнической идентичности в инокультурной среде // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2019. Т. 18. № 3. С. 560–588. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-3-560-588>

Abstract: On the basis of archival sources and materials taken from periodical press, the authors investigate the history of the Persian diaspora in Ossetia. The article discusses the causes of Persian migration to Ossetia, which began in the second half of the 19th century; their settlement and adaptation processes; and mechanisms of intra-ethnic consolidation. The authors identify the means Persians used to adapt to the economy of the host society, in particular by finding economic niches in industry, craft, trade, and domestic services, and analyze their integration into new economic forms of urban lifestyle. Ethnic entrepreneurship emerges as the foundation of Persian community life. The article investigates the diaspora's infrastructure, including the Persian Consulate, a Shiite mosque, the Persian school *Navruz*, the charitable society *Himmat*, and several other institutions. In general, for most minority communities the place of worship becomes the focus point of intra-ethnic consolidation and preservation of national identity, especially when the community is not simply ethnic but rather ethno-confessional. In the Persian community, however, the main regulatory and communicative functions were performed by the Consulate. The authors argue that the prominence of the Consulate resulted from the uncertain status of the mosque, from the fact that Shiite worshippers came from various nationalities, and from the conflicts among them. The authors examine the degree of preservation of traditional Persian culture in festive and ceremonial life, community behavior, and relations with the motherland. They identify how the Persian community integrated into the socio-cultural environment of poly-ethnic Vladikavkaz through trade relations, everyday contacts, and other means.

Keywords: Persians, Ossetia, adaptation to Vladikavkaz, diaspora infrastructure, Consulate, ethno-cultural identity

For citation: Kanukova, Zalina V., and Tuayeva, Berta V. "The Persian community in Vladikavkaz: preserving ethnic identity in an alien cultural environment." *RUDN Journal of Russian History* 18, no. 3 (August 2019): 560–588. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-3-560-588>

Введение

Проведение буржуазных реформ в Терской области, освобождение зависимых сословий, включение в систему всероссийского рынка, преобразование военных крепостей в города, урбанизационные процессы, масштабная интеграция территории области в российское экономическое, социально-политическое и культурное пространство сопровождалась изменением этнического состава населения. В большей степени эти процессы разворачивались в городах, в частности во Владикавказе – центре Терской области. Миграционная политика Российской империи, войны и природные катаклизмы, низкий уровень экономики в некоторых западно-европейских и восточных районах, а также в российских губерниях привели в 1860–1870-х гг. к появлению мощных переселенческих потоков, многие из которых проходили через Владикавказ. Географическое положение нового города, потребность его экономики в людских ресурсах, наличие железной дороги, благоприятный климат притягивали мигрантов и способствовали формированию диаспорных групп персов, армян, греков, немцев, поляков, азербайджанцев, евреев, грузин.

Успешность процессов жизнеустройства, адаптации к иноэтничному и инокультурному окружению зависела от численности диаспоры, наличия контактов с исторической родиной, специфики этнического предпринимательства. Эти характеристики во многом определяли возможности сохранения этнической идентичности, с одной стороны, и уровень интеграции в экономику, общественно-политическую и культурную жизнь принимающего общества, с другой.

Феномен диаспоры привлек исследовательское внимание в 1990-х гг. в условиях постсоветской реальности: политических, социальных и экономических трансформаций, межэтнических конфликтов и сопровождавших их тотальных миграций. Активная дискуссия с участием ведущих ученых по поводу самого термина, сущностных характеристик, перспектив развития как самой диаспоры, так и методологии ее исследования, подтверждает актуальность проблемы¹.

В российской гуманитарной науке объектом этнологического, социологического, культурологического, политологического, правоведческого анализа становились главным образом современные диаспоры, вызывающие интерес в качестве своеобразных моделей этнических процессов и межэтнического взаимодействия.

Однако проблемное поле диаспоры должно включать и исторический опыт жизнеустройства диаспорных групп, которые не сохранились или сохранились в другом качестве. Сохраняя свою этническую идентичность, выстраивая позитивные межнациональные отношения, они интегрировались в принимающее общество. Все они обустривали свою жизнь на новом месте, создавая комфортную среду обитания: церковь, благотворительные общества, национальные школы, культурно-просветительские организации, осваивали свои ниши в экономике.

В процессе изучения указанных групп нами исследованы причины и история их формирования, процессы адаптации к хозяйственной, социальной и культурной среде, механизмы обеспечения этнической идентичности, сохранности традиционного образа жизни и другие вопросы. В результате проведенных исследований З.В. Кануковой предложено следующее определение: «Диаспора – это часть этноса, которая проживает вне своей исторической родины или территории обитания основного этнического массива, сохраняет этническое самосознание, культурную самобытность и создает в ходе адаптации к принимающему обществу “диаспорную инфраструктуру”, то есть совокупность конфессиональных, благотворительных, культурно-просветительских, образовательных учреждений, хозяйственных объединений, мононациональных ремесленных цехов, торговых компаний и других»². Как правило, основой жизнеустройства диаспоры становился свой храм, вокруг которого со временем формировалась диаспорная инфраструктура.

В процессах исторического и культурного взаимодействия Ирана и России во второй половине XIX – первой трети XX в. значимую роль играли персидские

¹ Тишков В.А. Единство в многообразии. Оренбург, 2008; Арутюнов С.А. Диаспора – это процесс // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 74–78; Дятлов В. Диаспора: попытка определиться в понятиях // Диаспоры. 1999. № 1. С. 8–23.

² Канукова З.В. Диаспоры в Осетии: исторический опыт жизнеустройства и современное состояние. Владикавказ, 2009; Канукова З.В. Диаспора: функциональный анализ термина в российском историографическом контексте // Вестник Владикавказского научного центра. 2011. Т. 11. № 4. С. 23–28.

диаспоры Северного Кавказа. В отличие от других диаспор, персидская община Владикавказа имела существенные особенности, обусловившие специфику ее жизнеустройства в регионе.

Персидская община оказалась наименее исследованной, и на то есть свои причины. Если другие этнические группы, переживавшие в 1990-х гг. своеобразный «этнический ренессанс», инициировали изучение истории и культуры своих общин усилиями гражданских активистов, то у персов, естественно, таковых не оказалось.

Специальные исследования, посвященные персидской общине, не представляли научного интереса и потому долгие годы не проводились. К тому же такие исследования затруднены тем обстоятельством, что в российских источниках терминами «персы», «персы-шииты», «шииты» обозначали не только этнических персов, но и азербайджанцев. Ситуация осложняется еще и тем фактом, что азербайджанцы вместе с персами жили в Тавризе, и часть их вместе с персами впоследствии переселилась на Кавказ. Поэтому история «персидской общины» представлялась как единая, хотя и не была таковой. В частности, в работах, посвященных азербайджанцам, проживающим в Осетии, рассматриваются и персы, при этом не всегда корректно определяется принадлежность как отдельных лиц, так и этнических структур персидской или азербайджанской общин³. Рассматриваемая ситуация отразилась и на комплектовании некоторых архивных фондов, что еще больше затрудняет исследование персидской общины.

Некоторые вопросы истории общины персов затронуты в контексте изучения общественно-культурной среды городов Северного Кавказа. К примеру, в работах Б.В. Туаевой, посвященных национально-культурным учреждениям, рассмотрена деятельность благотворительных обществ, основанных во Владикавказе «персидско-подданными» и «русско-подданными персами»⁴. Немногочисленные, но важные сведения содержат и краеведческие работы Г.И. Кусова по Владикавказу⁵.

В новой «архитектуре» российско-иранского взаимодействия, направленного на активное вовлечение науки в решение социально-политических и гуманитарных вопросов, особое место занимают осетино-иранские отношения, имеющие стратегическое значение для укрепления межнационального и межрелигиозного мира в регионе Большого Кавказа, а также укрепления региональной безопасности. Осетию и Иран связывает историческая общность языка и культуры, общие исторические и культурные корни. Осетины являются ираноязычным народом, а осетинский язык, как и персидский (фарси), принадлежит к иранской группе индоевропейской семьи языков. Поэтому наметившееся в последние годы сотрудничество с иранскими учеными актуализировало анализ исторического опыта политических, экономических и культурных контактов народов Северного Кавказа и Ирана, в том числе изучение персидских общин на Кавказе. Новая парадигма российско-иранских от-

³ Айларов А.Э. Азербайджанцы в Республике Северная Осетия – Алания // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2014. Вып. 11. С. 216–220.

⁴ Туаева Б.В. Города Северного Кавказа: общественно-культурная среда во второй половине XIX – начале XX в. Владикавказ, 2008. (Серия «Первая монография»); Туаева Б.В. Локальная история: особенности культурной и общественной жизни городов Северного Кавказа во второй половине XIX – первой трети XX веков. Владикавказ, 2010.

⁵ Кусов Г.И. Встречи со старым Владикавказом. Владикавказ, 1998.

ношений несколько оживила интерес отечественных исследователей. Появились публикации о персидских памятниках культуры на Северном Кавказе⁶. В контексте демографических процессов конца XIX – начала XX в. исследованы группы персов, проживавших в Терской области⁷. Результаты исследований российских и иранских коллег были обсуждены в ходе международной научной конференции «Иран и Северный Кавказ: история и перспективы сотрудничества», где прошла презентация проекта совместной исследовательской программы, были предложены перспективные научные направления⁸. К числу приоритетных проектов следует отнести исследование исторических источников, в частности делопроизводственной документации Персидского консульства, которую отправляли из Владикавказа в Иран, в том числе и через Тифлис, где отложилась часть архивного материала. Иранские историки А. Калирад, К. Каземи ввели в научный оборот часть протоколов и докладов Персидского консульства, в которых отражены последствия Гражданской войны и их влияние на персидскую общину, условия пребывания дипломатических представителей и граждан Ирана во Владикавказе⁹.

В целом персидская община остается недостаточно изученной. Необходимо исследование миграционных передвижений, приведших к ее формированию в регионе, демографическая, социально-сословная, конфессиональная и профессиональная характеристики, изучение процессов адаптации к экономике и культуре, характера и результатов межэтнических контактов, места и роли персидских общин в российских общественно-политических процессах первой трети XX в.

В настоящей статье предпринята попытка изучения истории персидской общины, особенностей ее структуры и жизнеустройства. На основе выявленных источников из фондов Центрального государственного архива Республики Северная Осетия – Алания (далее – ЦГА РСО–А), материалов Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., периодики (газеты «Терские ведомости», «Приазовский край», «Кавказ») реконструируется история формирования персидской общины, особенности ее адаптации к местной среде, способы и инструменты сохранения своей этнической культуры и характер отношений с инокультурным окружением.

⁶ Туаллагов А.А. Дарьял – «Ворота алан» // Известия СОИГСИ. 2018. № 27 (66). С. 15–29.

⁷ Хубулова С.А., Хаблшева Л.Ч., Дзотцоева З.Е., Магомедов С.С. Персидско-подданное население Терской области в социально-экономических и культурных процессах второй половины XIX – начале XX веков // Былые годы. 2018. Вып. 49 (3). С. 1224–1236.

⁸ Канукова З.В. Презентация Программы научных исследований «Иран и Российский Кавказ: исторические параллели и современные тенденции» // Иран и Северный Кавказ: история и перспективы сотрудничества: материалы Международной научно-практической конференции. Владикавказ, 2018. С. 72–75; Крючков И.В. Экономические и миграционные связи Центрального Предкавказья и Северо-Западного Кавказа с Персией в конце XIX – начале XX вв. (на примере Ставропольской губернии, Черноморской губернии и Кубанской области) // Иран и Северный Кавказ: история и перспективы сотрудничества: материалы Международной научно-практической конференции. Владикавказ, 2018. С. 62–65.

⁹ Каземи К.Ш. Исследование роли Иранского консульства во Владикавказе в создании обстановки мирного сосуществования и развитии ирано-российского сотрудничества: культурно-цивилизационные рамки // Иран и Северный Кавказ: история и перспективы сотрудничества: материалы Международной научно-практической конференции. Владикавказ, 2018. С. 68–69; Калирад А. Поднятие красных флагов: гражданская война в России в докладах Консульства Ирана во Владикавказе // Иран и Северный Кавказ: история и перспективы сотрудничества: материалы Международной научно-практической конференции. Владикавказ, 2018. С. 66–67.

Объектом исследования стала Владикавказская персидская община, основанная в 1870-х гг. персидско-подданными переселенцами из Тавриза и его окрестностей. Впервые введенные в научный оборот разрешительные документы (прошения персидско-подданных о принятии в русское подданство и прошения персидско-подданных о выдаче водворительных свидетельств) дали возможность дифференцировать «персидско-подданных» и «русско-подданных персов» и показали ошибочность практики определения этнической принадлежности по написанию фамилий, основанной на характерном для русских фамилий окончании «ов» для азербайджанцев. Многие персы со временем принимали русское подданство и меняли написание своих фамилий.

Персы-переселенцы показали успешный исторический опыт адаптации к инокультурной среде, но при этом выработали свою, отличительную от других этнических групп, форму жизнеустройства, исследование которой вносит вклад не только в изучение ее истории, но и в теорию и историю диаспорного процесса.

История формирования и хозяйственные занятия персидской общины

Экономические, военно-политические и культурные контакты народов Северного Кавказа с Персией известны на протяжении многих веков, но после присоединения региона к Российской империи и особенно после завершения Кавказской войны они обрели новое качество, обусловленное развитием торговли и появлением трудовых мигрантов из персидских земель.

В 1860–1870 гг. в Иране происходило упрочение позиций иностранного капитала, представители которого пытались провести реформу местной хозяйственной системы, вытеснив традиционное ремесленное производство фабричным, используя наемный труд в национальных акционерных компаниях и обществах. Как правило, их инициативы не имели успеха из-за отсутствия предпринимательских традиций и дефицита капитала. Это привело к трудовой миграции населения. Наряду с указанными проблемами, причиной миграции стали засуха, запущенное состояние ирригационных сооружений, большие площади невозделанных земель, распад крестьянского хозяйства, утрата возможностей заработать на жизнь для ремесленников и наемных рабочих, которые становились отходниками.

В конце 1860-х гг. переселенцы из Тавриза (персы, армяне, азербайджанцы) стали прибывать на Северный Кавказ¹⁰. Приспосабливаясь к законам принимающего общества, прежде всего традиционно строгого регламента распределения земли в условиях малоземелья, персы обосновывались в городском пространстве.

Во Владикавказ они приезжали из Тавриза целыми группами. Объясняя причины своей миграции, переселенцы указывали на инфляцию, которая приводила к падению курса персидской монетной единицы – крана (в материалах периодической печати использовалось написание «гран»). Например, в 1894 г. три крана соответствовали одному рублю, а в 1898 г. – пяти рублям. Такой денежный курс обусловил прибыльность работы: заработав сто рублей, персидский рабочий менял их по возвращении на родину на 500 кран, и эта сумма позволяла приобрести небольшой дом с земельным участком¹¹. Численность персов неуклонно увеличи-

¹⁰ Мамедли А., Соловьева Л.Т. Азербайджанцы. М., 2017. С. 644.

¹¹ Приазовский край. 1898. № 45.

валась: в 1882 г. было зафиксировано 630 мигрантов, а по официальным данным за 1903 г. число переселенцев достигло 2 тыс. человек¹².

Это была самая крупная община персов на Северном Кавказе, о чем свидетельствуют данные, приведенные И.В. Крючковым по Ставропольской и Черноморской губерниям и Кубанской области. Так, самая крупная из этих трех регионов Центрального Предкавказья и Северо-Западного Кавказа персидская община сложилась в Черноморской губернии и составляла всего 300 человек. В начале XX в. численность персидской общины в этих регионах увеличилась. К 1914 г. она составила 1390 человек в Черноморской губернии и 168 человек – в Ставропольской¹³. Очевидно, аграрный характер и небольшое число городов снижали привлекательность этих территорий для персов, поэтому общины состояли преимущественно из мужчин среднего возраста и молодых людей – трудовых мигрантов, прибывавших без семей. Во Владикавказ первое время на заработки также прибывали только мужчины¹⁴, но в последующие годы численность общины увеличилась за счет женского и детского населения. В конце XIX – начале XX в. персы стали приезжать во Владикавказ со своими семьями, о чем свидетельствуют сохранившиеся в архивах водворительные свидетельства, выдаваемые для всех членов семьи¹⁵.

Во Владикавказе персы осваивали свободные ниши – торговлю, ремесленные промыслы, посредничество, бытовое обслуживание.

Согласно материалам Первой Всероссийской переписи населения, среди персов было много рабочих-строителей, которые могли производить кирпич и строить дома, а также сапожников, пекарей, мелких торговцев¹⁶. «Персидской» нишей в системе городского обслуживания стали бани, где они демонстрировали искусство «терщиков» и парикмахеров¹⁷. Среди персов встречались владельцы кирпичных заводов и крупных магазинов.

В ЦГА РСО–А отложились прошения персидско-подданных о принятии русского подданства и о выдаче водворительных документов. Форма прошений персидско-подданных предусматривала обязательное указание на вид хозяйственной деятельности, которым занимается подавший прошение. Этот источник позволяет извлечь из сохранившихся документов персидско-подданных информацию о видах их деятельности. Например, в прошениях персидско-подданных за 1908–1911 гг. Мирзы Хусейна Али-оглы, Мамеда Исмаил Хаджи Абдул-Али оглы, Асадулы Агаджанова, Джабар Афрасиаба-оглы, Мамед Ибрагима Мамед Хусейн-оглы, Хаджи Ага Хаджи-Магомед Хусейн-оглы, Мухтара Вали-оглы указано, что они занимаются торговлей, большей частью бакалейной¹⁸. В прошении Али Мамеда

¹² Канукова З.В. Диаспоры в Осетии... С. 114.

¹³ Крючков И.В. Экономические и миграционные связи... С. 62.

¹⁴ ЦГА РСО–А (Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания). Ф. 11. Оп. 17. Д. 98. Л. 11.

¹⁵ Там же. Оп. 15. Д. 887. Л. 43.

¹⁶ Тройницкий Н.А. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Терская область. Т. 68. СПб., 1905.

¹⁷ Терские ведомости. 1896. № 5.

¹⁸ ЦГА РСО–А. Ф. 11. Оп. 15. Д. 919. Л. 1; Д. 920. Л. 1; Д. 887. Л. 1; Д. 888. Л. 1; Д. 1416. Л. 1; Д. 1417. Л. 1; Д. 1191. Л. 1.

Таги-оглы в качестве вида деятельности была указана выделка и продажа детских игрушек, Машади Ахмеда Али Аскар-оглы – пчеловодство, в документах Хусейна Кули Решед-оглы указано, что он служил банщиком¹⁹. Другие источники подтверждают, что персы занимались разведением фруктовых садов и торговлей фруктами на базаре, готовили и продавали национальные кондитерские изделия.

В 1877 г. во Владикавказе отмечено наличие 15 персидских торговых заведений²⁰. Около трети подавших прошения о водворении и принятии русского подданства в период с 1908 по 1915 гг. имели персидские магазины и кирпичные заводы во Владикавказе²¹. О наличии бакалейных персидских лавок, монопольной торговли сахаром, сладостями, пряностями и сухофруктами, наличии чайных и харчевен неоднократно писали и местные газеты²². Во Владикавказе был основан Персидский дом, в котором располагался центр женского ремесла, цех по изготовлению престижно-знакового предмета культуры – персидских ковров. Ковры и ткани привозили в том числе на продажу.

Разнородная по социальному составу персидская община, представленная крестьянами, ремесленниками, разорившейся знатью, крупными торговцами и «кирпичными» магнатами, приобщалась к городской экономике и культуре, к новому образу жизни.

Шиитская мечеть во Владикавказе

Механизм структурирования всех диаспорных этнических групп был одинаковым: в начале адаптационного периода строился храм (церковь, мечеть, синагога, кирха, костел или молитвенный дом), затем при храме появлялись национальная школа, попечительское или благотворительное общество, театральный кружок и другие формы внутриэтнической коммуникации, сконцентрированные вокруг храма.

В персидской общине адаптационные процессы происходили иначе. Строительство своего религиозного храма – шиитской мечети – было одной из первых акций в адаптационном процессе персов. Как и другие этнические общины Владикавказа, они ходатайствовали в 1868 г. перед начальником Терской области графом М.Т. Лорис-Меликовым и владикавказским городским головой Е.Ф. Лебедевым о безвозмездном наделении земельным участком и разрешении построить на нем мечеть, чтобы иметь возможность «на своем родном языке молиться Богу». Как следует из Обращения Вице-Консула Его Императорского Величества Шаха Персидского Терской и Дагестанской областей Яхья-хана на имя Начальника Терской области Наказного Атамана Терской области Сергея Евлампиевича Толстого, датированного 8 февраля 1900 г., не ранее 1870 г. начальником Терской области графом Лорис-Меликовым было дано разрешение на строительство мечети²³. Данный факт подтверждается и другими архивными документами, в которых

¹⁹ ЦГА РСО–А. Ф. 11. Оп. 15. Д. 1119. Л. 2; Д. 1252. Л. 1; Д. 1189. Л. 2.

²⁰ *Кусов Г.И.* Встречи со старым Владикавказом... С. 75.

²¹ ЦГА РСО–А. Ф. 11. Оп. 15. Д. 1209. Л. 2; Д. 1419. Л. 1–2; Д. 141. Л. 2; Д. 1424. Л. 2–3.

²² Терские ведомости. 1909. № 5.

²³ ЦГА РСО–А. Ф. 11. Оп. 17. Д. 98. Л. 8.

городской голова А.Ф. Фролков указывал, что это было сделано по распоряжению М.Т. Лорис-Меликова в 1868–1869 гг.²⁴

Шиитская мечеть была построена, но она не стала национальным центром общины, потому что ее прихожанами оказались и другие шииты, «русско-подданные персы» – азербайджанцы. Мусульманское духовенство шиитского учения относилось к Оренбургскому духовному собранию, которое не могло осуществлять управление на столь далеком расстоянии. Поэтому российская администрация подчинила его Министерству внутренних дел, а областная администрация считала целесообразным собрать все шиитское население Владикавказа, персов и азербайджанцев, в одной мечети. Приход подчинялся Закавказскому шейх-уль-исламу, мулла избирался по Уставу духовных дел иностранного исповедания, но утверждался начальником Терской области.

Это решение было политическим: российская администрация считала необходимым держать под своим контролем деятельность мусульманского духовенства Северного Кавказа, что подтверждается официальными документами²⁵. Конфессиональная политика российского правительства не учитывала этнокультурных особенностей прихожан, и в результате такое объединение привело к расколу. Азербайджанцы жаловались на большие неудобства в исполнении религиозных обрядов: персидский мулла не знал их языка, не мог вести метрических книг, не совершал обрядов. Они просили образовать свой приход при мечети с муллой, знающим их язык и обычаи. На общеприходском собрании, где присутствовало 58 азербайджанцев и 148 персов, был образован один приход и избран мулла-азербайджанец из Елизаветпольской губернии Гаджи Мулла Исмаил Гасан-оглы. Под давлением городской администрации с этим решением согласились все присутствующие прихожане²⁶. Но уже через год, в мае 1902 г., проявилось протестное настроение персов, которые перестали платить деньги на содержание муллы и поставили вопрос о строительстве другой мечети. Персы отстаивали свои права как основатели и попечители мечети, к тому же составлявшие большинство прихода: по своей численности они превосходили азербайджанцев в несколько раз. Своей законной привилегией персы считали право на выбор муллы-перса, способного проводить молитвы на родном языке.

Рассмотренная ситуация показывает, что в условиях диаспоры храм выполняет не только и не столько культовые функции, сколько функцию центра внутри-этнической коммуникации и сохранения этнической идентичности. Для персов было важно проводить досуг в мечети со своими земляками, общаться на родном языке. Ради этого они были готовы на большие материальные расходы, чтобы построить еще одну мечеть или иметь второй приход со своим муллой.

Для персидской общины Владикавказа центром консолидации стала не мечеть, а Персидское консульство, и это обстоятельство составляет специфику ее жизнеустройства.

²⁴ ЦГА РСФСР–А. Л. 11.

²⁵ Там же. Л. 6.

²⁶ Там же. Л. 2.

Персидское консульство во Владикавказе

Консульским службам вменялось в обязанность обеспечение разнообразных контактов между Россией и Персией, в том числе опека подданных своего государства. Первое время эти функции в отношении прибывших во Владикавказ персов выполняли Генеральное Консульство Его Величества Шаха Персидского в г. Тифлисе и Консульство Его Величества Шаха Персидского в Астрахани. Вице-консулом стал Яхья-хан. Но в конце 1890-х гг. увеличение численности персидского населения предопределило необходимость создания Консульства Его Императорского Величества Шаха Персидского Терской и Дагестанской областей с местом пребывания в г. Владикавказе.

Если в других этнических группах Владикавказа вся жизнь диаспоры была сконцентрирована вокруг храма, то инфраструктура персидской общины формировалась усилиями консульства.

Так, стараниями Вице-Консула Его Императорского Величества Шаха Персидского Терской и Дагестанской областей Мирза Давуд-хана во Владикавказе было открыто единственное на Северном Кавказе персидское училище. В июле 1902 г. он ходатайствовал перед начальником Терской области и наказным атаманом Терского казачьего войска, выражая озабоченность отсутствием условий для обучения персидских детей, просил разрешения открыть русско-персидскую школу при вице-консульстве и брал на себя ответственность за ее содержание²⁷.

Высокий авторитет консула, его добрые отношения с начальством Терской области и ответственность за финансовую составляющую предопределили успех этой инициативы. В конце 1902 г. было открыто двухклассное новометодное училище «Навруз». Такие модернизированные мусульманские школы распространились в российских исламских регионах в ходе реформационного движения Исмаил-бей Гаспринского и отличались от традиционных медресе и мектебов изучением, наряду с основами магометанского вероучения, светских учебных дисциплин (арифметики, естествознания, русского и некоторых иностранных языков). В «Наврузе» обучались только дети мужского пола. Преподавание велось на русском и персидском языках. Давуд-хан был почетным смотрителем училища, контролировал финансовое обеспечение его жизнедеятельности. Законоучителем долгие годы работал Гаджи Мола Али Гаджи Магомед Али Заде, получивший духовное образование в Тавризе. Преподавателем родного языка был персидско-подданный Мурза Хусейн-хан. Заведующим училища «Навруз» с 1906 по 1912 гг. был учитель Багадин-Бахиш-бек Кочарлинский²⁸.

По инициативе Давуд-хана в 1907 г. было основано Общество пособия бедным персидско-подданным в городе Владикавказе и Терской области «Химмат» с целью «доставления средств к улучшению материального и нравственного состояния бедных персидско-подданных без различия пола, возраста, звания, состояния и вероисповедания». Общество брало на себя обязательства по оказанию помощи бедным и сиротам в таких конкретных формах, как снабжение одеждой, пищей, жи-

²⁷ ЦГА РСО–А. Ф. 147. Оп. 1. Д. 41. Л. 3.

²⁸ Там же. Ф. 123. Оп. 2. Д. 538.

льем; предусматривалась также выдача денежных пособий. Устав общества предусматривал «содействие к приисканию нуждающимся занятий или службы, к приобретению им для работы материалов и инструментов и к выгодному сбыту изделий бедных тружеников»²⁹. Общество «Химмат» гарантировало обеспечение больных медицинскими пособиями, «оплату лечения в больницах, содействие в погребении умерших, определение престарелых и немощных в богадельни, дома призрения, малолетних – в сиротские дома, приюты, убежища, в ремесленные и учебные заведения»³⁰. Желаящие вернуться на родину также могли рассчитывать на помощь соотечественников. Кроме благотворительных взносов, бюджет общества включал в себя доходы от организации литературных чтений, лекций и концертов.

Этнические структуры повседневности

Созданная инфраструктура позволяла персам вести традиционную обрядовую жизнь и сохранять этнические традиции в повседневной жизни. Мужчины-персы носили архалук, шальвары, бурки, войлочные шапки, овчинные папахи. Многие мужчины сохраняли традицию окрашивания бород хной в огненно-рыжий цвет³¹.

Женщины-персиянки также сохраняли традиционную одежду. Они носили объемные длинные юбки, архалук, бархатные куртки, расшитые галунами. В домашнем интерьере преобладали ковры, кувшины, национальная посуда. Главным ритуальным блюдом персов был плов нескольких разновидностей: с мясом, изюмом, курагой и различными специями; сладкий с корицей и шафраном. Популярным напитком был щербет, который готовили к праздничным дням. В больших количествах персы заготавливали халву, лукум и другие сладости, которые из национальной кухни распространились на систему общественного городского питания.

Согласно имеющимся источникам особенно ярко проявляется национальная праздничная культура персов, главным событием в которой был Навруз – Новый год – главное торжество времен Ахеменидов и Сасанидов. Несмотря на доисламские, а точнее зороастрийские корни этого праздника, со временем он укоренился в мусульманском праздничном календаре. После утверждения ислама власти первое время пытались запрещать его проведение, но подобные запреты редко были осуществимы, поскольку речь шла о традиции, глубоко погруженной в культуру народа.

Владикавказские персы отмечали этот праздник в течение трех дней. В первый день проходили официальные праздничные церемонии. Люди собирались в мечети для совершения праздничного намаза, затем посещали Персидское консульство, где проводился торжественный прием. После общественного намаза персы устраивали шествие с национальной музыкой и цветами, процессию украшали значки персидских ремесленных цехов.

Вице-консул в сопровождении чиновников консульства выходил навстречу праздничной колонне и принимал поздравления. Его обязанностью было напо-

²⁹ ЦГА РСО–А. Ф. 199. Оп. 1. Д. 3. Л. 8.

³⁰ Там же. Д. 27. Л. 1–4.

³¹ Бетоева М.Д., Бирюкова Л.Д. История Владикавказа (1781–1990 гг.): сборник документов и материалов. Владикавказ, 1991. С. 98.

нить присутствующим историю праздника. Например, в 1903 г. вице-консул Давуд-хан рассказал присутствующим, что персидский царь Ржамшид решил принести благодарение за победы и учредил ежегодный праздничный день во дворце, куда могли явиться все желающие, в том числе и неимущие. Царь садился в этот день за один стол с простыми людьми, одаривал деньгами и подарками каждого присутствующего, расспрашивал о проблемах и помогал бедным людям. От своих подданных – чиновников высокого ранга, начальников областей – он требовал проводить такие же праздничные обеды и выделял им определенные суммы для помощи бедным. Традиция приглашать на праздничное застолье бедных и неимущих сохранялась очень долго и со временем приобретала новые формы благотворительности. Встреча с консулом заканчивалась исполнением персидского гимна, всех собравшихся угощали традиционным напитком – щербетом. Однако на праздничное застолье в квартиру вице-консула во Владикавказе, как правило, приглашались только почетные гости, которых по традиции потчевали национальными сладостями³². В праздничные дни было принято взаимное гостевание, дарообмен и благотворительные мероприятия.

Кроме официальной части праздника, была предусмотрена и домашняя, к которой персы готовились заблаговременно. Наряду с традиционными праздничными блюдами, в каждом доме обязательно готовили своеобразный «натюр-морт» – проросшие пшеничные зерна на красивой тарелке, украшенной лентами и тесьмой. Этот предмет символизировал наступление нового года. Начиналось застолье с молитвы, обязательно вспоминали и оглашали поименно близких людей, ушедших в иной мир. Важным праздничным мотивом было миротворчество, взаимное прощение обид.

Персы отмечали и другой важный праздник – Курбан-байрам, «Ид аль-курбан», который считался главным торжеством у всех мусульман-суннитов и шиитов и отмечался в месяц зуль-хиджа (12-й месяц мусульманского лунного календаря). Праздник жертвоприношения, установленный в первом году хиджры и связанный с известным мусульманским преданием об испытании Всевышним пророка Ибрахима смертью его сына Исмаила и замене его казни на жертвоприношение, сопровождался обрядом жертвоприношения и совершением намаза. Персы-владикавказцы соблюдали обычай раздавать угощение, прежде всего мясо жертвенного животного, родственникам, знакомым и просто нуждающимся. Сохранялись традиции взаимного дарообмена и гостевания, посещение могил родственников.

Особую значимость в культуре персов имел культовый траурный день в память о гибели Али и его сыновей Хасана и Хусейна, который отмечали в первый месяц года по мусульманскому лунному календарю. Официальные мероприятия курировало персидское консульство, в шиитской мечети проходила общественная молитва. В ночь персы молились, вспоминали историю Али, Хасана и Хусейна, подробности их трагической смерти³³.

Сохранение и манифестация этнической идентичности, связей с исторической родиной прослеживаются не только в религиозных, но и в светских нацио-

³² Кавказ. 1903. № 76; Терские ведомости. 1898. № 31.

³³ Терские ведомости. 1885. № 18.

нальных праздниках, связанных с историей государства. В июле 1914 г. персы праздновали день вступления на престол Султан-Ахмед-шаха – правителя Персии. В мечети, украшенной национальными флагами, проходил торжественный намаз, после которого участники церемонии приглашались в консульство на обед. Для персов-тружеников устраивали празднование Дня коронации³⁴.

Персы во Владикавказе отмечали также День дарованных свобод. Массовые протестные акции в Иране, многочисленная оппозиция, включавшая практически все слои населения, опасение влияния революционных событий в России в начале XX в. не оставили выбора шаху Мозаффер-эд-дину. Он вынужден был собрать меджлис и принять конституцию, в которой были прописаны основные права и свободы граждан Ирана.

В этот день в персидской мечети устраивались официальные приемы, в которых принимали участие не только персы, но и представители многонациональной интеллигенции Владикавказа. С приветствиями являлись представители Владикавказского общественного управления, Владикавказского студенческого общества и других общественных организаций, выступали патриотично настроенные персы-студенты³⁵.

Празднование дней дарования конституции, коронации персидских правителей и других значимых событий свидетельствует о наличии тесных контактов персов с родиной, что является классическим признаком диаспоры.

Персы сохраняли традиционную обрядность семейного цикла, связанную с рождением ребенка. После рождения ребенка женщина уходила в родительский дом на срок до 40 дней, в течение которых ребенка не показывали посторонним лицам; по истечении указанного срока совершался обряд жертвоприношения, приглашались гости.

Сохранялись и свадебные обряды. За невестой приезжали родственники жениха, привозили свадебные дары, среди которых обязательными были сахар и наряд для невесты. Брат жениха совершал обряд завязывания на талии невесты красного пояса. В мечети мулла читал молитву-благословение, после чего свадьба продолжалась в доме жениха. У входа в дом жениха вновь совершался обряд жертвоприношения, и невеста должна была перешагнуть через жертвенного барашка. Невеста по традиции сидела за женским столом, жених – со своими друзьями. Утром после свадьбы родственники невесты приносили в дом жениха традиционные сладости.

Погребальный обряд был мусульманским. Покойного хоронили до захода солнца, укладывая на правый бок. Поминальным днем был четверг, на столах не было спиртного, застолье завершалось ритуальным чаепитием и молитвами.

Взаимодействие персов с инокультурным окружением

Несмотря на сохранность многих элементов традиционной культуры и выраженную этническую идентичность в инокультурном и иноконфессиональном окружении, персидская община не была замкнутым сообществом. Активная предпринимательская деятельность персов предопределила широкие контакты с мест-

³⁴ Терские ведомости. 1885. № 30.

³⁵ Там же. 1899. № 59; ЦГА РСФСР–А. Ф. 212. Оп. 1. Д. 3. Л. 11–12.

ным населением. Они интегрировались в атмосферу веротерпимости, установившуюся во Владикавказе, вступали не только в торгово-хозяйственные контакты, но и заключали браки с местным населением. Сам Вице-Консул Его Императорского Величества Шаха Персидского Терской и Дагестанской областей Давуд-хан был женат на представительнице осетинской мусульманской знати Азе Тугановой³⁶.

Персы активно участвовали в благотворительной деятельности. В финансовых отчетах Владикавказского благотворительного общества указывались имена жертвователей, среди которых значились целые группы персидско-подданных³⁷.

Персы были открыты к межэтническому общению, не замыкались в своей общине, не были фанатичными адептами шиитской веры. Известны случаи их перехода в православие. Сохранилась переписка владикавказского городского полицмейстера с благочинным Владикавказской Спасо-Преображенской (Кафедральной) церкви, датированная ноябрем-декабром 1865 г., по прошению проживающего в г. Владикавказе персидско-подданного Кадр Расул оглы Соухбалашского о принятии православия. По резолюции протоиерея Федора Антониева обряд крещения с наречением его Константином был произведен «знающим восточные языки протоиереем Аксо Колиевым, благочинным осетинской Рождества Пресвятой Богородицы церкви г. Владикавказа»³⁸. В прошении персидско-подданного Аликпера-Курбан Али-оглы о выдаче ему водворительного свидетельства от 27 июня 1913 г. указано его православное вероисповедание и данное при крещении имя – Алексей³⁹. Аналогичные случаи зафиксированы и в других округах Терской области. Например, в Рапорте Начальника Кумыкского Округа на имя Начальника Терской Области от 2 февраля 1868 г. указано, что персидско-подданный Агаджама-Хаджи-Ираза-Оглы, проживавший в Хасавюрте, изъявил желание принять православие⁴⁰. Возможно, такие эпизоды, как и случаи принятия персами русских фамилий⁴¹, следует рассматривать с точки зрения адаптации или приспособления к новой жизни, в качестве рационального варианта решения каких-либо насущных задач.

В первые десятилетия советской власти политика в отношении нацменьшинств была вполне благоприятной. В условиях НЭПа оживилась предпринимательская деятельность, наметилась адаптация к новому политическому режиму через такие структуры, как национальные партийные секции, нацменклубы. В последующие годы политика поменялась, многие диаспоры стали объектами репрессивных практик. Персидское консульство было ликвидировано. Большая часть персов покинула Россию, остальные консолидировались с азербайджанцами. Шиитская мечеть во Владикавказе была закрыта Совнаркомом Северо-Осетинской АССР на основании Постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях». Горсовет поддержал это решение, ссылаясь на раскол шиитской общины по этническому принципу⁴². Но другие диаспорные

³⁶ ЦГА РСО–А. Ф. 574. Оп. 1. Д. 314.

³⁷ Там же. Ф. 212. Оп. 1. Д. 3. Л. 12.

³⁸ Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 201. Л. 1–1 об., 3–3 об.

³⁹ Там же. Ф. 11. Оп. 15. Д. 911. Л. 2.

⁴⁰ Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 12. Л. 25–29.

⁴¹ Там же. Ф. 11. Оп. 15. Д. 1418.

⁴² Там же. Ф. 629. Оп. 2. Д. 32. Л. 45.

структуры сохранялись еще какое-то время. До 1935 г. во Владикавказе функционировала школа с преподаванием на родном языке, в 1935–1936 гг. – азербайджанский нацменклуб и азербайджанская партсекция, в которых были задействованы и персы.

Выводы

Деятельность созданных владикавказской общиной персов и тесно связанных между собой общими задачами интеграции в инокультурную среду религиозно-культурных, образовательных, благотворительных, хозяйственных организаций и учреждений была направлена на консолидацию общины, сохранение этнической идентичности, позитивное межэтническое взаимодействие, обеспечение материального и социального благополучия общинников, передачу этнокультурных ценностей молодому поколению.

У всех крупных национальных общин Владикавказа были сформированы диаспорные структуры по схеме: храм – школа – благотворительные и культурно-просветительские общества. У персов она отличалась наличием еще одного важного института – консульства, выполнявшего кроме своих непосредственных задач, регулятивную и коммуникативную функции.

Несмотря на то, что персы представляли не только этническую, но и этноконфессиональную общность, главной составляющей общинной инфраструктуры была не мечеть, а именно консульство. Конфессиональная община персов-шиитов (персов и азербайджанцев), которая воспринималась окружающим миром как единая, оказалась расколотой, ее члены не желали обслуживаться в одной мечети, требовали организации второго прихода или строительства второй мечети, одновременно создали два разных благотворительных общества. Для персов и азербайджанцев важнее оказалось национальное, а не религиозное начало, поэтому в результате каждая из общин создавала свои институты внутриэтнической консолидации. Выявленная особенность персидской общины подтверждает, что в условиях иноэтнического окружения национальный храм необходим как центр коммуникации, и если он по каким-либо причинам не может выполнять эту функцию, она может переходить к другим институтам диаспоры.

В истории Осетии персидская община оставила свой след, и до сих пор город Владикавказ украшает красивейшее здание восточной архитектуры, сохраненное в советское время под планетарий. Старожилы также помнят персидскую баню, место расположения персидского консульства, где проходили национальные праздники этого народа.

Изучение исторического опыта жизнеустройства, социально-культурных практик и поведенческих стратегий персидского населения Владикавказа позволяет сделать вывод об его успешной адаптации к принимающему обществу, формировании синергетических механизмов жизнеустройства, обеспечивших сохранность этнокультурной идентичности.

ENG

Introduction

In the 1860s and 1870s, Vladikavkaz, a city founded as a fortress less than one hundred years before, became a magnet for migrants from diverse parts of Europe and southwestern Asia. Persians, Armenians, Greeks, Germans, Poles, Azerbaijanis, Jews, and Georgians were attracted by the favorable climate, cheap food, recently completed railway links, and economic possibilities in the city, the regional center of the Terek region, which was undergoing rapid development and had become integrated into the all-Russian market and cultural space as never before. The various diasporas' success in planting their community in Vladikavkaz and in adapting to a different ethnic and cultural environment depended on their numerical strength, on their ability to maintain contact with the historical homeland, and on the specifics of ethnic entrepreneurship. These characteristics to a great extent determined both their ability to preserve their ethnic identity and the degree to which they integrated into the economy, socio-political and cultural life of the Russian host society.

The diaspora phenomenon attracted scholarly attention in the 1990s in the context of the post-Soviet environment, with its political, social and economic transformations and inter-ethnic conflicts, and the mass migrations that accompanied them. Today, active discussions, with the participation of leading scholars, about the term *diaspora*, its essential characteristics, and the prospects for the development both of diasporas themselves and of research methodologies for studying them, confirm the continuing relevance of this topic.¹

Within Russian humanities, ethnological, sociological, cultural, political, and legal analysis has mainly focused on present-day diasporas, which are taken as models of ethnic processes and multi-ethnic interaction. However, diaspora studies should include the historical life experience of diaspora groups that have not survived or have survived in a different capacity. These groups were integrated into a host society while retaining their ethnic identity and building positive interethnic relations with other communities. All of them arranged their lives in a new place, creating a sustainable living environment through their own religious centers, charitable societies, national schools, cultural and educational organization, and businesses.

In the process of studying these groups, we have examined the causes and history of their formation, the processes of adaptation to the economic, social and cultural environment, the mechanisms of ensuring ethnic identity, preservation of traditional lifestyles, and other issues. As a result of this research, Z.V. Kanukova has proposed the following definition of the term *diaspora*:

Diaspora is a part of an ethnic group living outside of its historical homeland or the territory of the main ethnic group, while retaining its ethnic and cultural identity, and in the course of adapting to a host society, creating a 'diaspora infrastructure', i.e. a set of religious, charitable, cultural and educational institutions, economic associations, mononational craft guilds, trading companies, etc.²

¹ V.A. Tishkov, *Yedinstvo v mnogoobrazii* (Orenburg: OGAU Publ., 2008); S.A. Arutyunov, "Diaspora – eto protsess," *Etнографическое обозрение*, no. 2 (2000): 74–78; V. Dyatlov, "Diaspora: попытка определить'sya v ponyatiyakh," *Diaspory. Nezavisimyy nauchnyy zhurnal*, no. 1 (1999): 8–23.

² Z.V. Kanukova, *Diaspory v Osetii: istoricheskiy opyt zhizneustroystva i sovremennoye sostoyaniye* (Vladikavkaz: SOIGSI VNTS RAN Publ., 2009); Z.V. Kanukova, "Diaspora: funktsional'nyy analiz termina v rossiyskom istoriograficheskom kontekste," *Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra* 11, no. 4 (2011): 23–28.

As a rule, a temple or a religious building would gradually become the basis of daily life, with a community eventually emerging around it.

The Persian community has attracted less scholarly attention than others for a number of reasons. While other ethnic groups that experienced a kind of ‘ethnic Renaissance’ in the 1990s initiated the study of their communities’ history and culture through the efforts of civic activists, this was not the case with Persians. Special studies on the Persian community seemed to have little scholarly relevance and were not carried out for many years. Moreover, such studies are hindered by the fact that in Russian sources the terms *Persians*, *Shia Persians*, *Shiites* cover not only ethnic Persians, but also Azerbaijanis. The situation is complicated by the fact that Azerbaijanis lived in Tabriz alongside Persians, and some of them moved to the Caucasus together with Persians. Therefore, the history of the *Persian community* was presented as uniform, although it was not. As an example, Persians are included in works devoted to Azerbaijanis living in Ossetia, often without correctly indicating the affiliation of individuals and ethnic structures with the Azerbaijani or Persian community.³ This situation was also reflected in archival classification, which makes the study of the Persian community all the more complicated. Our research into applications for the Russian citizenship and *vodvoritel'nye svidetel'stva* (placement certificates) filed by Persian nationals enable us to differentiate between ‘Persian nationals’ and ‘Persian citizens of Russia’ for the first time and to demonstrate the fallacy of identifying ethnicity on the basis of surnames. Although Azerbaijanis often adopted Russian surnames ending with ‘ov,’ over time, many Persians acquired Russian citizenship and changed the spelling of their surnames.

A recent spur to historical research on the Persian diaspora of the North Caucasus has been the strengthening of Russian ties with Iran. In the context of the new ‘architecture’ of Russian-Iranian relations, Ossetian-Iranian relations have assumed special strategic importance. Ossetia and Iran are connected by common historical and cultural roots and distantly related languages: Ossetian, like Persian (Farsi), belongs to the Iranian branch of the Indo-European language family. Russian-Iranian scholarly collaboration in the humanities and social sciences has revived the interest of Russian researchers and attracted new attention to historical contacts between the peoples of the North Caucasus and Iran, including the Persian diaspora of the North Caucasus, which played a significant role in the processes of historical and cultural interaction between Iran and Russia in the late 19th and early 20th centuries. New publications treat Persian cultural monuments in the North Caucasus⁴ and the Persian community of the Terek region in the context of the demographic processes of the late 19th and early 20th century.⁵ An international scientific conference *Iran and the North Caucasus: History and Prospects for Cooperation*, brought together Russian and Iranian researchers and featured

³ A.E. Aylarov, “Azerbaydzhantsy v Respublike Severnaya Osetiya-Alaniya,” *Izvestiya SOIGSI. Shkola molodykh uchennykh* 11 (2014): 216–220.

⁴ A.A. Tuallagov, “Dar’yal – ‘Vorota alan’,” *Izvestiya SOIGSI*, no. 27 (66) (2018): 15–29.

⁵ S.A. Khubulova, L.Ch. Khabliyeva, Z.Ye. Dzotsoyeva, and S.S. Magomadov, “Persian nationals living in the Terek region in the socio-economic and cultural processes of the second half of XIX century through the early XX century,” *Bylye gody* 49, no. 3 (2018): 1224–1236.

a presentation on the joint project program and on promising research areas.⁶ Among high priority projects, the study of historical sources merits mention, especially the records of the Persian Consulate, which were sent from Vladikavkaz to Iran via Tiflis, where part of the archival record is now lodged. Some of the protocols and reports of the Persian Consulate, concerning the consequences of the Russian Civil War, its impact on the Persian community, and the living and working conditions of diplomatic missions and citizens of Iran in Vladikavkaz, have recently been introduced to the wider scholarly community by Iranian historians A. Kalirad and K. Kazemi.⁷

Along with this collaborative research program, some aspects of the history of the Persian community are treated in studies of the socio-cultural environment of North Caucasian cities. B.V. Tuayeva's studies of national cultural institutions discuss the activities of charitable societies founded in Vladikavkaz by 'Persian nationals' and 'Persian citizens of Russia.'⁸ Further valuable information, though not extensive, can be found in G.I. Kusov's works on the local history of Vladikavkaz.⁹ Still, in general, the Persian community remains under-investigated. Important questions remain concerning the migrations that led to its formation in the region; demographic, socio-class, religious and professional characteristics; the processes of its adaptation to the economy and culture; the nature and results of interethnic contacts; and the place and role of Persian communities in Russian socio-political processes of the first third of the 20th century. This article utilizes sources from the Central State Archive of the Republic of North Ossetia – Alania (hereinafter CSA RNO–A), the 1897 Russian Census, and the newspapers *The Terek Vedomosti*, *The Azov Region*, and *The Caucasus* to investigate the formation of the Persian community in Vladikavkaz and the distinctive features of its structure and daily life, with particular emphasis on the way Persians adapted to the local environment, the methods and tools they used to preserve their ethnic culture, and the nature of this diaspora community's relations with the alien cultural environment.

⁶ Z.V. Kanukova, "Prezentatsiya Programmy nauchnykh issledovaniy 'Iran i Rossiyskiy Kavkaz: istoricheskiye paralleli i sovremennyye tendentsii'," in *Iran i Severnyy Kavkaz: istoriya i perspektivy sotrudnichestva. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* (Vladikavkaz: SOGU Publ., 2018), 72–75; I.V. Kryuchkov, "Ekonomichekkiye i migratsionnyye svyazi Tsentral'nogo Predkavkaz'ya i Severo-Zapadnogo Kavkaza s Persiyey v kontse XIX – nachale XX vv. (na primere Stavropol'skoy gubernii, Chernomorskoy gubernii i Kubanskoy oblasti)," in *Iran i Severnyy Kavkaz: istoriya i perspektivy sotrudnichestva. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* (Vladikavkaz: SOGU Publ., 2018): 62–65.

⁷ K.Sh. Kazemi, "Issledovaniye roli Iranskogo konsul'stva vo Vladikavkaze v sozdanii obstanovki mirnogo sosushchestvovaniya i razvitiya irano-rossiyskogo sotrudnichestva: kul'turno-tsivilizatsionnyye ramki," in *Iran i Severnyy Kavkaz: istoriya i perspektivy sotrudnichestva. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* (Vladikavkaz: SOGU Publ., 2018), 68–69; A. Kalirad, "Podnyatiye krasnykh flagov: grazhdanskaya voyna v Rossii v dokladakh Konsul'stva Irana vo Vladikavkaze," in *Iran i Severnyy Kavkaz: istoriya i perspektivy sotrudnichestva. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* (Vladikavkaz: SOGU Publ., 2018), 66–67.

⁸ B.V. Tuayeva, *Goroda Severnogo Kavkaza: obshchestvenno-kul'turnaya sreda vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv. Seriya "Pervaya monografiya"* (Vladikavkaz: SOIGSI Publ., 2008); B.V. Tuayeva, *Lokal'naya istoriya: osobennosti kul'turnoy i obshchestvennoy zhizni gorodov Severnogo Kavkaza vo vtoroy polovine XIX – pervoy trety XX vekov* (Vladikavkaz: SOIGSI Publ., 2010).

⁹ G.I. Kusov, *Vstrechi so starym Vladikavkazom* (Vladikavkaz: Alaniya Publ., 1998).

The formation of the Persian community and its economic activities

There were economic, military-political and cultural contacts between the peoples of the North Caucasus and Persia for many centuries, but after the region's accession to the Russian Empire, and especially after the end of the Caucasian War, these contacts acquired a new quality due to the development of trade and the emergence of labor migrants from Persian lands.

In the 1860s–1870s in Iran, the position of foreign capital grew stronger and foreign representatives tried to carry out a reform of the local economic system, forced out traditional handicraft production through factory production, utilizing hired labor through national joint-stock companies and societies. As a rule, their initiatives failed due to the lack of entrepreneurial traditions and capital. This led to labor migration. Along with these problems, migration was caused by drought, neglected condition of irrigation facilities, ill cultivation of large areas of land, collapse of peasant economy, and lost opportunities to earn a living for artisans and seasonal workers.

In the late 1860s, settlers from Tabriz (Persians, Armenians, and Azerbaijanis)¹⁰ began to arrive in the North Caucasus. The strict legal regulations concerning the purchase and acquisition of land, linked to land scarcity in the region, led Persians to settle in towns. They came to Vladikavkaz in groups, connected in part to fluctuations in the exchange rate. Settlers identified the declining value of the Persian monetary unit, *qiran* (or *gran*, as it was spelled in the materials of periodical press) in relation to the ruble as a key factor in their decision to migrate. For example, in 1894, three *qirans* were equal to one ruble, but in 1898 five *qirans* were equal to a ruble. This monetary rate decrease made migrant labor profitable: having earned a hundred rubles, on his return home a Persian worker could exchange this money for 500 *qiran*, sufficient to buy a small house and a plot of land.¹¹ The number of Persian migrants steadily increased across the late 19th century: 630 migrants were recorded in 1882, rising to 2,000 by 1903, according to official data.¹²

This was the largest community of Persians in the North Caucasus, as evidenced by data provided by I.V. Kryuchkov on the Stavropol and Black Sea provinces and the Kuban region. The largest Persian community in these three regions, that of the Black Sea province, numbered just 300. In the early 20th century, the size of the Persian community in these regions grew, reaching 1,390 in the Black Sea province and 168 in the Stavropol province by 1914.¹³ The agrarian character of these provinces and the small number of towns evidently reduced their attractiveness to Persians, so the communities consisted mainly of young and middle-aged men, arriving as migrant workers without families. In Vladikavkaz, too, it was initially only men who came in search of jobs,¹⁴ but in subsequent years the community grew through the arrival of women and children. By the end of the 19th century, Persians were moving to Vladikavkaz with their families,

¹⁰ A. Mamedli, and L.T. Solov'yeva, *Azerbaydzhantsy* (Moscow: Nauka Publ., 2017), 644.

¹¹ *Priazovskiy kray*, no. 45 (1898).

¹² Z.V. Kanukova, *Diaspory v Osetii...* (Vladikavkaz: SOIGSI VNTS RAN Publ., 2009), 114.

¹³ I.V. Kryuchkov, *Ekonomicheskiye i migratsionnyye svyazi Tsentral'nogo Predkavkaz'ya i Severo-Zapadnogo Kavkaza s Persiyey v kontse XIX – nachale XX vv.*, 62

¹⁴ TSGA RSO–A, f. 11, op. 17, d. 98, l. 11.

as evidenced by the *vodvoritel'nye svidetel'stva* issued to all family members, kept in the archives.¹⁵

In Vladikavkaz, Persians occupied specific economic niches in trade, craft industries, domestic services, and as commercial agents. The 1897 census shows that the Persians included large numbers of construction workers and brickmakers, as well as shoemakers, bakers, and small traders.¹⁶ Among urban services, the quintessentially 'Persian' niches were barbers and bath houses, where Persians served as 'rubbers.'¹⁷ At the other end of the economic spectrum, Vladikavkaz had Persian-owned brick factories and large stores on the best streets of the city.

Another source for studying the economic activities of the Persian community is petitions of Persian nationals for the adoption of Russian citizenship and the issuance of *vodvoritel'nye svidetel'stva*. These petitions, preserved in the archive of North Ossetia – Alania, included a mandatory indication of the type of economic activity of the petitioner. For example, in 1908–1911, there were petitions from the following Persian nationals: Mirza Hussein Ali-oglu, Mammad Ismail Haji Abdul Ali-oglu, Asadula Agadzhanov, Jabar Afrasiyab-oglu, Mammad Ibrahim Mammad Hussein-oglu, Haji Agha Haji Mahomed Hussein-oglu, Mukhtar Vali oglu, all of whom were predominantly engaged in grocery trade.¹⁸ Meanwhile, Ali Mammad Taghi-oglu was engaged in the manufacture and sale of children's toys; Mashhad Ahmed Ali Askar-oglu was a beekeeper; and Hussein Kuli Reset-oglu was a bathhouse attendant.¹⁹ Other sources also confirm that Persians were engaged in the cultivation of orchards and fruit trade at the market, and cooking and selling Persian confectionery.

In 1877 in Vladikavkaz, there were 15 Persian trade establishments.²⁰ About a third of Persians, who applied for the Russian citizenship in 1908–1915, had a shop or brick factory in Vladikavkaz.²¹ Local newspapers wrote more than once about Persian grocery shops, and the Persian monopoly in sugar, sweets, spices and dried fruits, tea houses, and taverns.²² In Vladikavkaz there was a 'Persian house,' which was the local center of women's crafts, and a shop for the production of the Persian carpet, a prestigious cultural object. Carpets and fabrics were also brought from Persia for sale.

The Persian community had a heterogeneous social composition, including peasants, craftsmen, impoverished nobility, big merchants and 'brick' tycoons. In diverse ways, they all became adapted to the urban economy and culture of Vladikavkaz as well as the new way of life.

The Shia mosque in Vladikavkaz

The various ethnic diaspora groups followed a common pattern in developing community structures in the new setting. The first step was to erect a religious building – a church, a mosque, a synagogue, a Protestant church, a Catholic church, or a house of

¹⁵ TSGA RSO–A, f. 11, op. 15, d. 887, l. 43.

¹⁶ N.A. Troynitskiy, *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g. Terskaya oblast'* (Saint Petersburg: Center for Statistical Commission Publ., 1905).

¹⁷ *Terskiye vedomosti*, no. 5 (1896).

¹⁸ TSGA RSO–A, f. 11, op. 15, d. 919, l. 1; *Ibid.*, d. 920, l. 1; *Ibid.*, d. 887, l. 1; *Ibid.*, d. 888, l. 1; *Ibid.*, d. 1416, l. 1; *Ibid.*, d. 1417, l. 1; *Ibid.*, d. 1191, l. 1.

¹⁹ *Ibid.*, d. 1119, l. 2; *Ibid.*, d. 1252, l. 1; *Ibid.*, d. 1189, l. 2.

²⁰ G.I. Kusov, *Vstrechi so starym Vladikavkazom*, 75.

²¹ TSGA RSO–A, f. 11, op. 15, d. 1209, l. 2; *Ibid.*, d. 1419, l. 1–2; *Ibid.*, d. 141. l. 2; d. 1424, l. 2–3.

²² *Terskiye vedomosti*, no. 5 (1909).

prayer. Usually this building would include a national school, a trusteeship or charitable society, a theater group, or other form of intra-ethnic communal organization.

In the Persian community, the adaptation processes were different. They, too, undertook the construction of the religious temple – the Shia mosque – at the start of their adaptation process. Like other ethnic communities of Vladikavkaz, in 1868, they applied to the head of the Terek region, count M.T. Loris-Melikov, and Vladikavkaz mayor E.F. Lebedev, for a plot of land and a permission to build a mosque, so that they could ‘pray to God in their native language.’ According to the *Appeal of the Vice-Consul of His Imperial Majesty Persian Shah of the Terek and Dagestan regions Yahya Khan to the Head of the Terek region, the appointed hetman of the Terek region Sergei Yevlampievich Tolstoy* (dated 8 February, 1900), not earlier than 1870, the head of the Terek region count Loris-Melikov gave his permission to build a mosque.²³ This fact is also confirmed by other archival documents in which mayor A.F. Frolkov specified that permission was given by M.T. Loris-Melikov in 1868–1869.²⁴

The Shia mosque was thus built, but it did not become the national center of the community because it was also attended by other Shia, “Persian citizens of Russia,” most often Azerbaijanis. The Muslim clergy of the Shia doctrine reported to the Orenburg Spiritual Assembly, which could not exercise control at such a far distance. Therefore, the Russian administration subordinated it to the Ministry of Internal Affairs, and the regional administration considered it appropriate to gather all the Shia population of Vladikavkaz, Persians and Azerbaijanis, in one mosque. The parish was subordinated to the Transcaucasian Sheikh-ul-Islam, and the mullah was elected according to the ‘Charter of Spiritual Affairs of Foreign Confessions,’ also subject to approval by the head of the Terek region.

This decision was a political one: as official documents confirm, the Russian administration considered it necessary to keep the activities of the Muslim clergy of the North Caucasus under its control.²⁵ However, the religious policy of the Russian government did not take into account the ethno-cultural characteristics of the parishioners, and as a result, its intrusive measures led to a split. Azerbaijanis complained about great inconveniences in performing religious rites, and Persian mullahs, who did not speak their language, could not keep church registers or perform ceremonies. Azerbaijanis asked to establish their parish at a mosque with a mullah who spoke their language and knew their customs. At the meeting of the whole parish, which was attended by 58 Azerbaijanis and 148 Persians, it was agreed to establish a new parish and a mullah – Haji Mullah Ismail Hasan-oglu, an Azerbaijanian from the Elizabethtopol province, was elected to oversee it. Under the pressure of the city administration, this decision was accepted by all the parishioners present.²⁶ But a year later, in May 1902, Persians protested and stopped paying money for the maintenance of the Azerbaijani mullah, raising the question of building another mosque. The Persians defended their rights as the founders and curators of the mosque. In addition, they represented the majority of the parish and vast-

²³ TSGA RSO–A, f. 11, op. 17, d. 98, l. 8.

²⁴ *Ibid.*, l. 11.

²⁵ *Ibid.*, l. 6.

²⁶ *Ibid.*, l. 2.

ly outnumbered Azerbaijanis. Persians considered the right to choose a Persian mullah, capable of praying in their native language, to be their legitimate privilege.

As this situation illustrates, diaspora communities conceive of religious buildings not only as the locus of religious functions, but also as a vital space for intra-ethnic communication and an ethnic identity center. The Persians of Vladikavkaz considered it important to spend leisure time in a mosque with their own countrymen and to communicate in their native language. Because this right was contested, it was the Persian Consulate rather than the mosque that came to function as the center of community life.

The Persian Consulate in Vladikavkaz

Consular services were obliged to support a wide range of contacts between Russia and Persia, including the protection of the nationals of their state. These functions were initially performed for Persians in Vladikavkaz by the Consulate General of His Majesty the Shah of Persia in Tiflis and the Consulate of his Majesty the Shah of Persia in Astrakhan. Yahya Khan was Vice-Consul. But in the late 1890s the growth of the Persian population made it necessary to establish a Consulate of His Imperial Majesty the Shah of Persia for the Terek and Dagestan regions in Vladikavkaz itself. This consulate formed the backbone of the Persian community, as opposed to other ethnic groups in Vladikavkaz whose community life centered on the temple.

It was through the efforts of the Persian Vice-Consul for Terek and Dagestan, Mirza Davud Khan, that the only Persian school in the North Caucasus was opened in Vladikavkaz. In July 1902, Khan appealed to the regional administrator of the Terek region and the appointed hetman of the Terek Cossack army and expressed concern about the lack of conditions for teaching Persian children. He asked for permission to open a Russian-Persian school at the Vice-Consulate and he took responsibility for its maintenance.²⁷ The high status of the Consul, his good relations with the authorities of the Terek region, and his responsibility for the school's financial oversight fostered the success of this initiative. At the end of 1902, a two-year school, called '*Navruz*' was opened, based on the 'new method' of Muslim education popularized in Russian Islamic regions by Ismail Gasprinski's reform movement. These schools differed from traditional madrasas and maktabas in the topics of study, combining the basics of the Mohammedan faith with secular academic disciplines such as arithmetic, natural science, Russian and some foreign languages, were taught in the schools. Restricted to boys, *Navruz* offered courses in Russian and Persian. Davud Khan became the honorary caretaker of the school, in charge of its financial support. Haji Mola Ali Haji Mohammed Ali Zadeh, who had received religious education in Tabriz, for many years worked as a teacher of law; Persian national Mirza Hussein Khan was a teacher of the native language. In 1906–1912, *Navruz* was headed by teacher Bahadin-Bahish-Bek Kocharlinsky.²⁸

Another initiative of Davud Khan was the welfare society for poor Persian nationals in Vladikavkaz and the Terek region, founded in 1907. This organization, *Himmat*, aimed at 'delivering funds to improve the material and moral condition of poor

²⁷ TSGA RSO–A, f. 147, op. 1, d. 41, l. 3.

²⁸ Ibid., f. 123, op. 2, d. 538.

Persian nationals without regard to sex, age, rank, status, or religion.²⁹ The Society assumed the obligation to assist the poor and orphans in concrete ways, such as the supply of clothing, food, and accommodation, and it was also authorized to issue monetary aid and provide ‘assistance in finding employment or service for those in need, in acquiring materials and tools for their work and in the profitable sale of the products of poor workers.’³⁰ *Himmat* guaranteed medical aid, ‘payment for treatment in hospitals, assistance in the burial of the dead, putting the elderly and the infirm in nursing homes or alms-houses, putting minors in orphanages, shelters, in craft and educational institutions.’³¹ Those wishing to return to their homeland could also count on the aid of their compatriots. In addition to charitable contributions, the society budget included the proceeds from hosting literary readings, lectures and concerts.

Ethnic structures of everyday life

The infrastructure created by the community allowed Persians to lead their traditional ritual life and preserve ethnic traditions in everyday life. Male Persians wore short coats, wide trousers, felt cloaks, felt hats, sheepskin hats. Many men maintained the tradition of dying their beards in fiery red color using henna.³²

Persian women also kept their traditional clothes. They wore long voluminous skirts, short coats, velvet jackets embroidered with braid. Home featured carpets, jugs, national dishes. The main ritual Persian dish was the pilaf of several kinds, stuffed with meat, raisins, dried apricots and various spices; and the sweet pilaf with cinnamon and saffron. A popular drink was sherbet, which was made for the holidays. Persians cooked large quantities of halva, Turkish delight, and other sweets, and eventually their national cuisine spread to the public catering system.

The available sources clearly show the national festive culture of Persians, the main event in which was *Navruz*, the New Year – the main celebration of the times of the Achaemenid dynasty and the Sasanian dynasty. Despite the pre-Islamic, Zoroastrian origins of this holiday, over time it took root in the Muslim holiday calendar. After the establishment of Islam, Persian authorities tried to prohibit it, but failed, due to its deep roots in popular culture. The Persians of Vladikavkaz would celebrate this holiday for three days. On the first day, there were official festive ceremonies. People gathered in the mosque for a festive prayer and then visited the Persian Consulate for a reception. After the public prayer, Persians would organize a procession with national music and flowers, decorated with Persian artisanal crafts.

During the festival, the Vice-Consul, accompanied by officials of the Consulate, went out to meet the festive column, and received congratulations. His duty was to remind the audience of the history of the holiday. For example, in 1903, Vice-Consul Davud Khan told the audience that Persian king Rjamshid decided to bring thanksgiving for the victories, and established the annual feast day in the palace, where every-

²⁹ TSGA RSO–A, f. 199, op. 1, d. 3, l. 8.

³⁰ *Ibid.*, f. 199, op. 1, d. 3, l. 8.

³¹ *Ibid.*, d. 27, l. 1–4.

³² M.D. Betoyeva, and L.D. Biryukova, *Istoriya Vladikavkaza (1781–1990 gg.). Sbornik dokumentov i materialov* (Vladikavkaz: Adygeya Publ., 1991), 98.

one could come, including the poor, to feast. On that day, the king sat at the same table with ordinary people, gave money and gifts to everyone present, asked them about problems and helped poor people. He demanded that his subjects – high-ranking officials, heads of regions – should arrange festive dinners, and he allocated them certain amounts for money to help the poor, a tradition preserved from antiquity. The meeting with the Consul concluded with the performance of the Persian anthem, after which all the participants were treated to the traditional drink – *sherbet*. However, as a rule, only honored guests were invited to festive dinners in the apartment of the Vice-Consul in Vladikavkaz.³³ These guests were traditionally treated to national sweets. During the holidays, there were mutual visits, gift exchanges and charity events.

In addition to the official part of the festival, there was also a ‘home celebration,’ which Persians prepared in advance. Along with traditional festive dishes, families would traditionally cook sprouted wheat grains on a beautiful plate decorated with ribbons and braid. This tradition symbolized the coming of the New Year. The feast would begin with a prayer; people remembered and announced the names of the loved ones who had gone to a better world. Peacekeeping and mutual forgiveness of insults were also important holiday features.

Persians also celebrated another important holiday, *Kurban Bayram* or *Eid al-Kurban*, which was the main yearly celebration of all local Sunni and Shia Muslims, celebrated in the month of *Dhu 'l-Hijjah* (the 12th month by the Muslim lunar calendar). The feast of sacrifice, established in the first year of the Hegira, was associated with the well-known Muslim tradition surrounding God’s test of prophet Ibrahim through the death of his son Ismail, accompanied by a ritual of sacrifice and prayer. The Persians of Vladikavkaz followed the custom of giving a treat, first of all, the meat of the sacrificial animal, to their relatives, acquaintances and those in need. The traditions of mutual exchange of gifts and visiting friends and relatives and graves of the deceased were preserved.

Of particular importance in the culture of Persians was the day devoted to mourning the death of Ali and his sons Hassan and Hussein. This day was celebrated during the first month of the year by the Muslim lunar calendar. The official events were supervised by the Persian Consulate, a public prayer was held in the Shiite mosque. At night Persians would pray and recall the story of Ali, Hassan and Hussein, and the details of their tragic death.³⁴

The retention and manifestation of the ethnic identity and ties with the historical homeland can be traced not only in the religious life, but also in secular national holidays related to the history of the state. Persians commemorated the anniversary of the Persian Constitution, the coronation of Persian rulers, and other state holidays, in order to testify to the existence of close contacts between Persians and their homeland, all of which were classic habits of a diaspora. In July 1914, they celebrated the day of accession to the throne of Sultan Ahmed Shah, the ruler of Persia. In the mosque, decorated with national flags, they held a solemn prayer, after which the participants of the ceremony were invited to the Consulate for lunch. For Persian workers, the celebration of the Coronation Day was also arranged.³⁵

³³ *Kavkaz*, no. 76 (1903); *Terskiye vedomosti*, no. 31 (1898).

³⁴ *Terskiye vedomosti*, no. 18 (1885).

³⁵ *Ibid.*, no. 30 (1885).

The Persians of Vladikavkaz also celebrated the ‘Day of Granted Freedoms.’ Mass protests and opposition, which included almost all segments of the Iranian population, combined with the fear of the possible influence of revolutionary events in Russia in the early 20th century, left Shah Mozaffar-ed-din no choice but to expand the rights of his Persian subjects. He was forced to assemble the Mejlis and adopt the Constitution that spelled out the fundamental rights and freedoms of Iranian citizen. The Persian mosque celebrated the ‘Day of Granted Freedoms’ by hosting an official reception, which was attended not only by Persians, including patriotic Persian students, but also by representatives of the multinational intelligentsia of Vladikavkaz, such as representatives of the Vladikavkaz public administration and the Vladikavkaz student society.³⁶

Persians also retained the traditional ritualism of the family and life cycle. After giving birth to a child, a woman would go to her parental home for up to 40 days, during which period the child was not shown to strangers; after that, a ritual of sacrifice was performed and guests were invited. The traditional wedding ceremonies were also preserved. A groom’s relatives would come for the bride and bring wedding gifts, which included sugar and the outfit for the bride. The groom’s brother would perform the ceremony of tying of a red belt on the bride’s waist. In the mosque, the mullah would read a blessing prayer, after which the wedding would continue in the groom’s house. At the entrance to the groom’s house, another ritual of sacrifice was performed, and the bride was to step over the sacrificial lamb. The bride would traditionally sit at the women’s table, the groom would sit with his friends. In the morning after the wedding, the bride’s relatives would bring traditional sweets to the groom’s house. At the end of life, there was also the Muslim funeral rite. The deceased was buried before sunset, laid on the right side. The memorial day was Thursday, no alcohol was allowed at the memorial and the feast always ended with a ritual tea party and prayers.

Persian interactions with the alien cultural environment

Despite the preservation of many elements of the traditional culture and pronounced ethnic identity in different cultural and religious environment, the Persian community was not a closed one. Persians’ active participation in commerce led to wide contacts with the local population. Persians were integrated into the atmosphere of religious tolerance established in Vladikavkaz; they not only established economic contacts but also concluded marriages with the local population. It is noteworthy that the Vice-Consul, Davud Khan, was married to a member of Ossetian Muslim nobility, Aza Tuganova.³⁷

Persians were actively involved in charitable activities beyond their own welfare society, *Himmat*. The financial reports of the Vladikavkaz Charitable Society indicated the names of donors, which included groups of Persian nationals.³⁸

Persians were open to interethnic communication; they were not isolated in their community; neither were they fanatics of the Shia faith. There were cases of their conversion to Orthodoxy. An archive has preserved the correspondence between the Vladikavkaz city police chief and the rural dean of the Vladikavkaz Transfiguration (Ca-

³⁶ *Terskiye vedomosti*, no. 59 (1899); TSGA RSO–A, f. 212, op. 1, d. 3, l. 11–12.

³⁷ TSGA RSO–A, f. 574, op. 1, d. 314.

³⁸ *Ibid.*, f. 212, op. 1, d. 3, l. 12.

thedral) Church, dated November and December 1865, at the request of Persian national Kadr Rasul oglu Soukhbalashsky, residing in Vladikavkaz, which demonstrates the adoption of Orthodoxy by local Persians. According to the resolution of Archpriest Fyodor Antoniev, the rite of baptism performed on a Persian named Constantine 'by Archpriest Akso Koliev, the rural dean of the Ossetian Church of Nativity of the Blessed Virgin Mary of Vladikavkaz who spoke Oriental languages.'³⁹ In the petition of a Persian national Alikper-Kurban Ali oglu for a placement certificate, issued on 27 June 1913, he indicated his Orthodox faith and his baptismal name, Alexis.⁴⁰ Similar cases were recorded in other districts of the Terek region. For example, in the Report of the chief of the Kумык District to the head of the Terek region dated 2 February, 1868, it was stated that Persian national Agadzhamah-Haji-Erase Oglu, who lived in Khasavyurt, expressed a desire to adopt Orthodoxy.⁴¹ Perhaps such episodes, as well as the cases of adoption of Russian names by Persians,⁴² should be explained as an instrument of adaptation to a new life, a rational solution to individual issues.

In the first decades of Soviet power, the policy towards national minorities was quite favorable. During the New Economic Policy, Persians revived their entrepreneurial activity; they adapted to the new political regime through such institutions as the national party section and 'national minority clubs.' In the years that followed, the policy changed, and many diasporas became the object of reprisals. The Persian Consulate was closed. Most Persians left Russia, the rest consolidated with Azerbaijanis. The Shia mosque was closed by the Council of People's Commissars of the North Ossetian ASSR on the basis of the resolution 'On religious associations' passed by the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the RSFSR on April 8, 1929. The City Council supported this resolution, referring to the split of the Shia community on an ethnic basis.⁴³ However, other diaspora structures were still preserved for some time. Until 1935, in Vladikavkaz, there was a school where children were taught in the native language; in 1935–1936 there were some Azerbaijani 'national minority clubs' and the Azerbaijani Communist Party section, which also involved Persians.

Conclusion

The activity of religious, educational, charitable and economic organizations and institutions created by the Vladikavkaz community of Persians were closely connected with each other. Common tasks such as the integration into the different cultural environment, the consolidation of the community retention of ethnic identity, the promotion of positive interethnic interaction, ensuring material and social well-being of the community members, and the transfer of ethno-cultural values to the younger generation, united the community.

All major national communities of Vladikavkaz formed diaspora structures under the scheme of religious, charitable, cultural and educational societies. Persians had

³⁹ TSGA RSO–A, f. 12, op. 1, d. 201, l. 1–1 ob., 3–3 ob.

⁴⁰ Ibid., f. 11, op. 15, d. 911, l. 2.

⁴¹ Ibid., f. 12, op. 1, d. 12, l. 25–29.

⁴² Ibid., f. 11, op. 15, d. 1418.

⁴³ Ibid., f. 629, op. 2, d. 32, l. 45.

another important institution, the Consulate, which, in addition to its immediate tasks, performed regulatory and communicative functions.

Despite the fact that Persians represented both an ethnic and ethno-confessional community, the main component of the community infrastructure was the Consulate, rather than the mosque. The confessional community of the Persian Shia (Persians and Azerbaijanis), which was perceived by the surrounding world as a single entity, was in fact split and its members did not want to attend the same mosque. They demanded that a second parish be organized, or a second mosque be constructed; they simultaneously created two different charitable societies. For Persians and Azerbaijanis, the national principle was more important than the religious one; as a result, each community created its own institutions of ethnic consolidation. This case confirms that in the conditions of an alien ethnic environment, if a national church cannot function as a center of communication, that role may pass to other institutions of the diaspora.

In the history of Ossetia, the Persian community has left its mark: even today, Vladikavkaz is decorated with a beautiful building of Oriental architecture, used as a planetarium during the Soviet period, as well as the old Persian bath house, and the Persian Consulate, where national holidays were celebrated.

The study of the history, historical experience of daily life, social and cultural practices and behavioral strategies of the Persian population of Vladikavkaz proves the successful adaptation of Persians to their host society and the formation of synergetic mechanisms of daily life. Moreover, Persians were able to accomplish this goal while retaining their ethnic and cultural identity.

Рукопись поступила: 13 февраля 2019 г.

Submitted: 13 February 2019

Библиографический список

- Айларов А.Э.* Азербайджанцы в Республике Северная Осетия – Алания // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2014. Вып. 11. С. 216–220.
- Арутюнов С.А.* Диаспора – это процесс // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 74–78.
- Бетоева М.Д., Бирюкова Л.Д.* История Владикавказа (1781–1990 гг.): сборник документов и материалов. Владикавказ: Адыгея, 1991. 1022 с.
- Дятлов В.* Диаспора: попытка определиться в понятиях // Диаспоры. Независимый научный журнал. 1999. № 1. С. 8–23.
- Канукова З.В.* Диаспоры в Осетии: исторический опыт жизнеустройства и современное состояние. Владикавказ: СОИГСИ ВНИЦ РАН, 2009. 234 с.
- Канукова З.В.* Диаспора: функциональный анализ термина в российском историографическом контексте // Вестник Владикавказского научного центра. 2011. Т. 11. № 4. С. 23–28.
- Канукова З.В.* Презентация Программы научных исследований «Иран и Российский Кавказ: исторические параллели и современные тенденции» // Иран и Северный Кавказ: история и перспективы сотрудничества: материалы Международной научно-практической конференции. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2018. С. 72–75.
- Каземи К.Ш.* Исследование роли Иранского консульства во Владикавказе в создании обстановки мирного сосуществования и развитии ирано-российского сотрудничества: культурно-цивилизационные рамки // Иран и Северный Кавказ: история и перспективы сотрудничества: материалы Международной научно-практической конференции. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2018. С. 68–69.

- Калирад А. Поднятие красных флагов: гражданская война в России в докладах Консульства Ирана во Владикавказе // *Иран и Северный Кавказ: история и перспективы сотрудничества: материалы Международной научно-практической конференции*. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2018. С. 66–67.
- Кусов Г.И. Встречи со старым Владикавказом. Владикавказ: Алания, 1998. 328 с.
- Крючков И.В. Экономические и миграционные связи Центрального Предкавказья и Северо-Западного Кавказа с Персией в конце XIX – начале XX в. (на примере Ставропольской губернии, Черноморской губернии и Кубанской области) // *Иран и Северный Кавказ: история и перспективы сотрудничества: материалы Международной научно-практической конференции*. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2018. С. 62–65.
- Мамедли А., Соловьева Л.Т. Азербайджанцы. М.: Наука, 2017. 708 с.
- Тишков В.А. Единство в многообразии. Оренбург: Издат. центр ОГАУ, 2008. 232 с.
- Туаева Б.В. Города Северного Кавказа: общественно-культурная среда во второй половине XIX – начале XX в. Владикавказ: Изд-во СОИГСИ, 2008. 151 с. (Серия «Первая монография»).
- Туаева Б.В. Локальная история: особенности культурной и общественной жизни городов Северного Кавказа во второй половине XIX – первой трети XX века. Владикавказ: Изд-во СОИГСИ, 2010. 237 с.
- Туаллагов А.А. Дарьял – «Ворота алан» // *Известия СОИГСИ*. 2018. № 27 (66). С. 15–29.
- Тройницкий Н.А. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Терская область. Т. 68. СПб: Изд-во Центр. стат. ком., 1905. 262 с.
- Хубулова С.А., Хаблиева Л.Ч., Дзотцоева З.Е., Магоматов С.С. Персидско-подданное население Терской области в социально-экономических и культурных процессах второй половины XIX – начала XX века // *Былые годы*. 2018. Вып. 49 (3). С. 1224–1236.

References

- Aylarov, A.E. “Azerbaydzhantsy v Respublike Severnaya Osetiya – Alaniya.” *Izvestiya SOIGSI. Shkola molodykh uchenykh*, no. 11 (2014): 216–220 (in Russian).
- Arutyunov, S.A. “Diaspora – eto protsess.” *Etnograficheskoye obozreniye*, no. 2 (2000): 74–78 (in Russian).
- Betoyeva, M.D., and Biryukova, L.D. *Istoriya Vladikavkaza (1781–1990 gg.). Sbornik dokumentov i materialov*. Vladikavkaz: Adygeya Publ., 1991 (in Russian).
- Dyatlov, V. “Diaspora: popytka opredelit’sya v ponyatiyakh.” *Diaspory*, no. 1 (1999): 8–23 (in Russian).
- Kanukova, Z.V. “Diaspora: funktsional’nyy analiz termina v rossiyskom istoriograficheskom kontekste.” *Vestnik Vladikavkaz Scientific Center*, no. 4 (2011): 23–28 (in Russian).
- Kanukova, Z.V. “Prezentatsiya Programmy nauchnykh issledovaniy ‘Iran i Rossiyskiy Kavkaz: istoricheskiye paralleli i sovremennyye tendentsii’.” In *Iran i Severnyy Kavkaz: istoriya i perspektivy sotrudnichestva. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Vladikavkaz: SOGU Publ., 2018 (in Russian).
- Kazemi, K.Sh. “Issledovaniye roli Iranskogo konsul’stva vo Vladikavkaze v sozdanii obstanovki mirmogo sosushchestvovaniya i razvitiia irano-rossiyskogo sotrudnichestva: kul’turno-tsivilizatsionnyye ramki.” In *Iran i Severnyy Kavkaz: istoriya i perspektivy sotrudnichestva. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Vladikavkaz: SOGU Publ., 2018 (in Russian).
- Kalirad, A. “Podnyatiye krasnykh flagov: grazhdanskaya voyna v Rossii v dokladakh Konsul’stva Irana vo Vladikavkaze.” In *Iran i Severnyy Kavkaz: istoriya i perspektivy sotrudnichestva. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Vladikavkaz: SOGU Publ., 2018 (in Russian).
- Khbulova, S.A., Khabliyeva, L.Ch., Dzotsoyeva, Z.Ye., and Magomadov, S.S. “Persian-citizen population of the Terek region in the socio-economic and cultural processes of the second half of XIX – early XX centuries.” *Bylye Gody*, no. 3 (2018): 1224–1236 (in Russian).

- Kusov, G.I. *Vstrechi so starym Vladikavkazom*. Vladikavkaz: Alaniya Publ., 1998 (in Russian).
- Kryuchkov, I.V. “Ekonomicheskiye i migratsionnyye svyazi Tsentral’nogo Predkavkaz’ya i Severo-Zapadnogo Kavkaza s Persiyey v kontse XIX – nachale XX v. (na primere Stavropol’skoy gubernii, Chernomorskoy gubernii i Kubanskoy oblasti).” In *Iran i Severnyy Kavkaz: istoriya i perspektivy sotrudnichestva. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Vladikavkaz: SOGU Publ., 2018 (in Russian).
- Mamedli, A., and Solov’yeva, L.T. *Azerbaydzhantsy*. Moscow: Nauka Publ., 2017 (in Russian).
- Tishkov, V.A. *Yedinstvo v mnogoobrazii*. Orenburg: Tsentr OGAU Publ., 2008 (in Russian).
- Tuayeva, B.V. *Goroda Severnogo Kavkaza: obshchestvenno-kul’turnaya sreda vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.* Vladikavkaz: SOIGSI Publ., 2008 (in Russian).
- Tuayeva, B.V. *Lokal’naya istoriya: osobennosti kul’turnoy i obshchestvennoy zhizni gorodov Severnogo Kavkaza vo vtoroy polovine XIX – pervoy trety XX vekov*. Vladikavkaz: SOIGSI Publ., 2010 (in Russian).
- Tuallagov, A.A. “Dar’yal – ‘Vorota alan’.” *Izvestiya SOIGSI*, no. 27 (66) (2018): 15–29 (in Russian).
- Troynitskiy, N.A. *Pervaya Vseobshchaya perepis’ naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g. Terskaya oblast’*. Saint Petersburg: Center for Statistical Commission Publ., 1905 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Канукова Залина Владимировна, доктор исторических наук, директор Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева Владикавказского научного центра РАН.

Zalina V. Kanukova, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Director of North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Studies, Abaev Vladikavkaz Scientific Center of Russian Academy of Science.

Туаева Берта Владимировна, доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей отечественной истории, проректор Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова.

Berta V. Tuaeva, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Professor at the Department of Modern National History, Vice Rector at North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-3-589-604>

Научная статья / Research article

Трансграничное кочевье в СССР в 1920-е годы

Ф.Л. Сеницын

Государственный университет по землеустройству;
105064, Россия, Москва, ул. Казакова, 15; permcavt@gmail.com

Transboundary nomadism in the USSR in the 1920s

Fedor L. Sinitsyn

State University of Land Use Planning, 15 Kazakova St., Moscow, 105064, Russia;
permcavt@gmail.com

Аннотация: В статье в контексте истории миграционных процессов у кочевых народов выявляются особенности трансграничного кочевья между СССР и сопредельными странами в 1920-е гг., анализируется политика Советского государства в отношении данных процессов на территории СССР и сопредельных стран. Статья написана с опорой на широкую источниковую базу, которая включает в себя как опубликованные, так и неопубликованные документы, обнаруженные автором в Российском государственном военном архиве, Российском государственном архиве социально-политической истории и Агинском филиале Государственного архива Забайкальского края. В статье показано, какую важную стратегическую роль в рассматриваемый период играли приграничные кочевые регионы, в частности территории Бурятии, Казахстана, Киргизии, Туркмении. После революционных событий в России 1917 г. откочевки с этих территорий помимо экономических носили также политические причины и в результате стали формой бегства кочевников из государства с последующим их участием в военном противостоянии в ходе антисоветских восстаний и басмаческого движения. Автор приходит к выводу, что советское руководство, желая добиться статуса-кво на своих границах, к 1930-м гг. установило полный контроль за миграционными процессами, решая задачу минимизации или полной ликвидации трансграничного кочевья. При этом речь шла не только о безопасности границ государства в условиях капиталистического окружения, но и о недопущении проникновения враждебной идеологии из-за рубежа.

Ключевые слова: кочевые народы, трансграничная миграция, пограничные территории, национальные регионы

Для цитирования: Сеницын Ф.Л. Трансграничное кочевье в СССР в 1920-е годы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 3. С. 589–604. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-3-589-604>

Abstract: In the context of the history of migration processes among nomadic peoples, the present article studies transboundary nomadism between the USSR and neighboring countries in the 1920s as well as the Soviet policy on these processes. The author discusses the border areas of the east and south of the USSR and such neighboring states as China, Mongolia, Tuva, Afghanistan,

© Сеницын Ф.Л., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

and Persia. The article is written on a broad source base, which includes both published and unpublished documents identified by the author in the Russian State Military Archives (RGVA), the Russian State Archives of Socio-Political History (RGASPI) and the Aginsky Branch of the State Archives of the Trans-Baikal Territory (AFGAZK). The article demonstrates the important strategic role of border nomadic regions, in particular, of Buryatia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Turkmenistan. After the 1917 revolutionary events in Russia, migrations from these territories were motivated not only by economic but also by political reasons, with the nomads escaping from state control and subsequently participating in anti-Soviet uprisings and in the Basmachi movement. The author argues that the Soviet leadership was eager to uphold the status quo on its borderlands. By the 1930s the USSR established full control over migration processes, minimizing or completely eliminating the transboundary nomadism. This was framed as a question of securing the state's borders against a capitalist environment, but also of preventing the penetration of hostile ideology from abroad.

Keywords: nomadic peoples, cross-border migration, border areas, national regions

For citation: Sinitsyn, Fedor L. "Transboundary nomadism in the USSR in the 1920s," *RUDN Journal of Russian History* 18, no. 3 (August 2019): 589–604. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-3-589-604>

Введение

Проблема взаимоотношений кочевых народов и Советского государства до сих пор недостаточно освещена в исторической науке. В советский период больше внимания уделялось «советизации» «кочевых» регионов СССР, переводу кочевников на оседлость и коллективизации их хозяйств. В постсоветский период появились труды, которые рассматривают миграционные процессы у кочевых народов, в частности работы Н.Н. Аблажей, М.Н. Балдано, В. Дятлова¹. В этих трудах в том числе исследованы вопросы миграции казахов между Казахстаном и Синьцзяном в XX в., а также история бурятской диаспоры в китайском регионе Барга. Тем не менее проблемы трансграничного кочевья (миграции кочевников, связанной с пересечением государственной границы), восприятия этого явления Советским государством, взаимоотношений между ним и сопредельными странами по этому вопросу в 1920-е гг. до сих пор изучены только фрагментарно.

Целью нашего исследования является разрешение противоречия между недостатком знаний о процессе трансграничного кочевья в СССР в 1920-х гг. и актуальностью этой проблемы. Последняя обусловлена, во-первых, усилением миграционных процессов в мире, в том числе миграции из стран Африки и Ближнего Востока в Европу. Во-вторых, сохранением кочевого образа жизни, затрагивающего около 20 млн человек во всем мире и включающего в себя трансграничную миграцию.

Задачи исследования – выявить особенности трансграничного кочевья между СССР и сопредельными странами в 1920-х гг., раскрыть отношение к этому процессу властей Советского Союза и сопредельных стран и проанализировать их действия в отношении проблемы трансграничного кочевья. Территориальные рамки исследования включают в себя приграничные территории востока и юга СССР и сопредельных стран (Китая, Монголии, Тувы, Афганистана и Персии).

¹ *Аблажей Н.Н.* Казахский миграционный маятник «Казахстан – Синьцзян». Эмиграция. Репатриация. Интеграция. Новосибирск, 2015; *Балдано М.Н.* Роль границы в судьбе шэнэханских бурят // *Улкен Алтай элемі – Мир Большого Алтая – World of Great Altay*. 2017. № 3. С. 437–449; *Балдано М., Дятлов В.* Шэнэханские буряты: из диаспоры в диаспору? // *Диаспоры*. 2008. № 1. С. 166–167.

Источниковая база исследования включает в себя как опубликованные, так и неопубликованные документы, обнаруженные автором в Российском государственном военном архиве (РГВА), Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) и Агинском филиале Государственного архива Забайкальского края (АФГАЗК).

Роль и место «кочевых» регионов в СССР

«Кочевые» регионы занимали в Советском Союзе важное стратегическое положение. Они представляли собой фактически «хребет» страны, протянувшийся от Дона до Забайкалья на несколько тысяч километров вдоль государственной границы СССР с Китаем (Казахстан, Киргизия, Бурятия), Персией (Туркмения), Монголией (Алтай, Бурятия) и Тувой.

С одной стороны, близость национальных регионов к границе была полезной для властей СССР. Так, Бурятия играла важную роль в отношениях Советского государства с азиатскими странами, особенно с Монголией, которая по «культурно-национальным признакам, и языку, и формам хозяйства близка бурятской народности». Для расширения соприкосновения границ Бурятии и Монголии в 1924 г. бурятские власти даже предлагали присоединить к бурятскому эксклаву – Агинскому аймаку – населенную русскими часть Дальневосточной области с железнодорожной станцией Оловянная².

Население западной части Китая (провинция Синьцзян) по этнорелигиозным причинам тяготело к населению сопредельных республик СССР. В 1924–1925 гг. в Илийском регионе Китая, как установили советские дипломаты, «сам факт существования по соседству родственных по духу, языку, обычаям и религии национальных советских республик достаточно революционизирует местное население, стонущее под игом и эксплуатацией» китайских властей. Секретарь советского консульства в Кульдже Д.К. Ступников в 1926 г. выяснил, что местные калмыки интересуются «об участии переходящих из Зап[адного] Китая в СССР, дают ли им землю, не отбирают ли скот, разрешают ли развивать хозяйство». В сентябре того же года Народный комиссариат иностранных дел (НКВД) сделал вывод, что «мусульманское население Кашгарии во главе с авторитетными духовными лицами, ища... сближения [с Советским Союзом], относится к нам в высшей степени дружески и лояльно»³. Влиял здесь не только факт создания национально-территориальных единиц мусульманских народов в рамках СССР, но и давление со стороны Китая на мусульманское население его западной провинции.

С другой стороны, примыкание «кочевых» регионов к сопредельным странам было проблемой для Советского государства. Кочевники традиционно не признавали государственных границ, особенно если они были проведены поперек территорий, где эти народы жили и кочевали веками. Еще в дореволюционный период Россия испытывала напряженность в связи с трансграничными миграци-

² РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 372. Оп. 1. Д. 127. Л. 14 об.; Там же. Оп. 4. Д. 37. Л. 223 об.

³ РГВА (Российский государственный военный архив). Ф. 25895. Оп. 1. Д. 831. Л. 72; Там же. Д. 832. Л. 109; Там же. Д. 845. Л. 86.

ями. Так, буряты свободно перемещались через российско-китайскую и российско-монгольскую границу, уходя на сопредельную территорию во время смены летних и зимних стойбищ. Кочевавшие в приграничье казахи, в большинстве своем имевшие российское подданство, фактически были двоеданцами. Откочевки значительно осложняли демаркацию границы с Китаем и обостряли территориальные споры⁴. Особую тревогу могла вызывать опасность полной или частичной откочевки какого-либо народа за границу, которая была вполне реальной, если вспомнить прецеденты массовых откочевок из России в дореволюционное время (в частности, калмыков в 1771 г.).

Кроме того, границы СССР были достаточно проницаемыми. Например, на Алтае в сентябре 1922 г. преследуемая властями банда Алагызова ушла через границу в Монголию (всего 50 человек вместе с семьями)⁵. Туда же перешли банды Тобокова и Булычева⁶. Через советскую границу на Дальнем Востоке проникали бандиты (в том числе китайские хунхузы) и белоэмигранты⁷. В Средней Азии басмачи в 1920-х и 1930-х гг. многократно переходили границу в обоих направлениях. Причины проницаемости границ власти СССР видели также в обширности территории страны и слабости пограничной охраны. Так, по состоянию на 1926 г. отсутствовала охрана советско-афганской границы на протяжении около 250 км – от реки Мургаб до колодца Ширам-Куль. С советской стороны этого участка границы – в Туркмении – свободно пасся афганский скот, охраняемый басмаческими курбашами⁸.

Эмиграция кочевников

В период Гражданской войны поднялась новая волна откочевок казахов и бурят в Китай⁹ и Монголию, где они спасались и от белых, и от красных¹⁰. В 1923 г. в Монголии и китайском регионе Барга насчитывалось свыше 20 тыс. бурятских эмигрантов. Советские власти считали, что часть их следовало считать прочно осевшей за границей, так как власти сопредельных стран стремились оставить бурят у себя «как более культурных». В Монголии оказалось и значительное число эвенков, ушедших туда из Забайкалья¹¹. Даже в далеких от границы регионах эмиграция кочевых народов представляла потенциальную проблему. К примеру, в 1923 г., в период голода в СССР, монгольское правительство предлагало российским калмыкам переселиться в Монголию¹².

⁴ *Аблажей Н.Н.* Казахский миграционный маятник... С. 13; *Балдано М.Н.* Роль границы в судьбе шэнээнских бурят // *Үлкен Алтай элэмі – Мир Большого Алтая – World of Great Altay*. 2017. № 3. С. 439.

⁵ РГВА. Ф. 25866. Оп. 1. Д. 84. Л. 24 об.

⁶ *Богданов М.А.* Разгром кайгородовщины // *Вопросы истории*. 1972. № 7. С. 148.

⁷ *Шахворостов В.В.* Борьба населения приграничья с бандитизмом на Дальнем Востоке в первой половине 1920-х годов // *Россия на берегах Тихого океана: прошлое, настоящее, будущее: сб. научн. трудов*. Хабаровск, 2009. С. 90, 95.

⁸ РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 846. Л. 7; АФГАЗК (Агинский филиал Государственного архива Забайкальского края). Ф. 39. Оп. 1. Д. 96. Л. 17.

⁹ *Аблажей Н.Н.* Казахский миграционный маятник... С. 24; *Балдано М.Н.* Роль границы в судьбе шэнээнских бурят... С. 439.

¹⁰ АФГАЗК. Ф. 39. Оп. 1. Д. 96. Л. 17.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 127. Л. 9, 10 об.

¹² *Наранжаргал Н.* 1920-нод оны Ижил мөрний сав дагуух өлсгөлөн ба Халимагуудыг монгол улсад нүүлгэн шилжүүлэх гэсэн асуудлын тухай (О голоде в Поволжье в 1920-х гг. и вопросе о

Продолжились откочевки и после Гражданской войны. В 1921–1924 гг. из южной части Таджикистана перешли в Афганистан около 30 тыс. хозяйств, в том числе туркмены и казахи. В 1924 г. в Монголию только из Агинского аймака ушли 343 бурятских хозяйства, в которых имелись 26 569 голов скота¹³. Казахи и киргизы регулярно уходили в Китай – особенно ярко это проявилось в период хлебозаготовительного кризиса 1927–1928 гг.¹⁴ Туркмены откочевывали в Афганистан и Персию. Так, в 1927 г. из Гасан-Кулийского и Атрекского районов ушла значительная часть населения, уведа с собой 75 % всего имевшегося там скота. Особенно тревожным для властей было то, что за границу массово мигрировали представители наиболее обеспеченных слоев населения, имевшие большое количество скота и другого имущества. Уводили они с собой и опору советской власти – бедняков, с целью, как отмечалось в официальных документах, «бесконтрольно эксплуатировать их труд... за границей»¹⁵.

Причины откочевок из СССР были политические и экономические одновременно. Это, во-первых, недовольство внутренней политикой, особенно репрессиями по отношению к зажиточным слоям общества¹⁶; во-вторых, стремление избежать налогообложения и исполнения натуральных повинностей. Среди причин следует назвать и уклонение от несения воинской повинности. В то же время в Монголии, например, прикочевывавшие из СССР буряты не платили в течение трех лет никаких налогов, к тому же здесь не было воинской повинности¹⁷.

Кроме того, откочевки из СССР происходили и в рамках традиционного скотоводческого кочевания. Так, в Туркмении часть населения всегда уходила на зимовку в Персию, в том числе в долину реки Горган¹⁸. Однако нередко скотоводческим кочевьем прикрывалась эмиграция из страны. К примеру, в бурятском Агинском регионе часть населения ушла за границу «под видом перекочевки со скотом за поиском подножного корма на бывшие казачьи и крестьянские дачи»¹⁹.

Разумеется, Советское государство негативно относилось к несанкционированным и бесконтрольным откочевкам за границу, признавая их недопустимыми как с политической, так и с экономической точек зрения («в целях планомерного устройства бюджета, точного учета народного достояния»). Власти выражали обеспокоенность тем, что эмиграция «может вылиться в стихийные формы, если немедленно не приступить к проведению учета всех возрастных групп, допризывной подготовки и т.п.»²⁰.

переселении калмыков в Монголию) // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 2014. № 3. С. 53, 55.

¹³ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 2740. Л. 46; АФГАЗК. Ф. 39. Оп. 1. Д. 96. Л. 17.

¹⁴ *Аблажей Н.Н.* Казахский миграционный маятник... С. 37.

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 912. Л. 2; АФГАЗК. Ф. 39. Оп. 1. Д. 96. Л. 17; РГАСПИ. Д. 137. Л. 30.

¹⁶ АФГАЗК. Ф. 39. Оп. 1. Д. 137. Л. 30; *Балдано М.Н.* Роль границы в судьбе шэнэханских бурят... С. 439.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 254. Л. 50; РГАСПИ. Оп. 4. Д. 37. Л. 223 об; АФГАЗК. Ф. 39. Оп. 1. Д. 96. Л. 17.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 912. Л. 9–10; *Гадельшин Г.Ф.* Путь туркменских кочевников к социализму. Ашхабад, 1987. С. 13.

¹⁹ АФГАЗК. Ф. 39. Оп. 1. Д. 137. Л. 30.

²⁰ РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 254. Л. 50; АФГАЗК. Ф. 39. Оп. 1. Д. 96. Л. 17.

Кроме самого факта потери населения, опасность откочевков для властей заключалась в том, что граждане СССР, ушедшие за границу, попадали в сферу влияния антисоветской эмиграции. На территории Китая, в регионе Барга, где в Шэнэхэнском хошуне еще с начала XX в. компактно проживали откочевавшие из России буряты, возник «центр белой бурятской эмиграции». В 1922 г. там проживало около 700 бурятских эмигрантов, а в 1933 г. их число достигло уже 3 тыс. Агитация к «уходу в Китай» имела определенный успех. Так, в январе 1929 г. от 2,5 до 3 тыс. бурятских юрт поднялись с места и придвинулись к границе, в феврале того же года около 78 юрт (400–500 человек) «перешли границу», уведя с собой 9280 голов скота. В Шэнэхэн стали переезжать буряты-эмигранты, ранее осевшие в Монгольской Народной Республике (МНР)²¹.

По описанным выше причинам представители властей считали близость проживания кочевых народов к границе опасной. Показательным примером здесь является опять-таки Бурятия. В 1922 г. некоторые советские деятели возражали против объединения двух Бурят-Монгольских автономных областей²², сомневаясь, что объединенная Бурятия будет «служить проводником в деле революционирования монгольских масс... т.к. буряты, в случае давления извне, не окажутся настолько стойкими, как казаки, которым фактически и принадлежит вся пограничная с Монголией полоса»²³. Таким образом, несмотря на то, что казаки в своей массе поддержали в Гражданской войне «белую» сторону, они все-таки считались более лояльными для страны, чем кочевники.

В 1924 г. сотрудники Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) отмечали необходимость особого внимания к Бурятии по ряду причин. Прежде всего из-за ее «соседства с Монголией, являющейся стратегическим пунктом для... империалистов²⁴ в случае осуществления ими намерений вторжения на Дальний Восток», а также из-за «исторически сложившегося взаимоотношения бурят с монголами»²⁵.

Близость Монголии рассматривалась как отрицательный фактор в плане осуществления контроля над бурятским населением. В 1924 г. руководство Борзинского уезда отмечало, что в случае соприкосновения границ бурятского Агинского аймака и Монголии «кочующие буряты будут больше, чем теперь, укрывать за границей свой скот»²⁶. Характерно, что «нежелательное» внешнеполитическое влияние на кочевые народы власти видели и внутри страны. Речь шла о распространении панмонгольской идеологии, которая проявлялась в том числе в муссировании планов объединения Бурятии и Монголии в одно государство. Всяческие проявления панмонголизма среди советских и партийных работников жестко пресекались. Впоследствии обвинения в поддержке панмонголизма стали одним из инструментов репрессивной кампании в Бурят-Монголии и Калмыкии.

²¹ См.: *Синицын Ф.Л.* «Красная буря». Советское государство и буддизм в 1917–1946 гг. СПб., 2013. С. 255–256.

²² Одна из них до того входила в состав РСФСР, другая – в состав ДВР.

²³ РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 600. Л. 22.

²⁴ Имелись в виду Китай и Япония.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 810. Л. 10.

²⁶ Там же. Оп. 4. Д. 37. Л. 224.

С внешнеполитической точки зрения негативному отношению к панмонголизму в СССР способствовал фактор военно-политического противостояния с Японией. Контроль над МНР для советского руководства был очень важен из-за стратегического положения этой страны, особенно после создания при поддержке Японии государства Мэнцзян. Осенью 1937 г., с целью удержания под контролем МНР и предотвращения японской интервенции, туда были введены советские войска.

Иммиграция кочевников

Другим аспектом трансграничной миграции были прикочевки в СССР. Во-первых, к ним относилось возвращение из-за границы откочевников из числа советских граждан. К 1919 г. часть бурят из китайской Барги вернулась в российское Забайкалье. Весной 1921 г. началось массовое возвращение казахов и киргизов в Туркестанскую и Киргизскую Автономные Республики²⁷.

Власти поощряли процесс возвращения. Так, правительство Бурятии было озабочено вопросом переселения из Монголии бурят, ушедших туда в годы Гражданской войны. Для этого в Бурятии была создана специальная комиссия. Власти надеялись, что откочевники вернуться из Монголии в связи с заключением договора с правительством этой страны о взимании налогов с бурят-эмигрантов²⁸.

Руководство Туркменской ССР (ТССР) считало желательным возвращение эмигрантов, в том числе и таким путем: «Поставить эмигрантские стада в безвыходное положение, так как пастбища, пригодные для них, имеются только на нашей территории, и они вынуждены будут окончательно оформить свои отношения к ТССР: или стать в явно враждебную позицию по отношению к нам, что грозит гибелью их скота, или немедленно начать переговоры об окончательной реэмиграции на нашу территорию». На это последовала реакция местного населения. В феврале 1927 г. в Керкинском округе Туркмении, по некоторым данным, происходил «перегон стад эмигрантов-туркмен в Афганистан, ввиду распространившихся слухов о предполагаемой якобы конфискации эмигрантов». Например, богатый и влиятельный туркмен-эмигрант Наубат Мирахур перегнал в Афганистан 12 тыс. каракулевых овец²⁹.

СССР стремился направлять собственных представителей в Афганистан для переговоров о возвращении эмигрантов. Эта политика дала свои плоды: с 1926 по 1928 г. в Таджикистан из Афганистана возвратились около 7–8 тыс. хозяйств³⁰ (процентное соотношение кочевых и оседлых в источнике не указано).

Еще одной проблемой была иммиграция в Советский Союз иностранных кочевников (хотя здесь ситуация была более благоприятной, чем в случае с откочевкой из СССР). Особенно массовым приток кочевников в СССР был из Афганистана, откуда с 15 по 20 ноября 1926 г. на территорию Туркмении перекочевали 700 кибиток белуджей, зури (чараймаков) и других кочевых народов, которые при-

²⁷ *Мещерский А.С.* Автономная Барга. Шанхай, 1920. С. 17; *Аблажей Н.Н.* Казахский миграционный маятник... С. 27.

²⁸ РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 537. Л. 4; РГАСПИ. Оп. 4. Д. 37. Л. 223 об.; РГАЭ (Российский государственный архив экономики). Ф. 5675. Оп. 1. Д. 7. Л. 56 об.

²⁹ РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 639. Л. 8–9; Там же. Д. 1659. Л. 38.

³⁰ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 878. Л. 20; Там же. Д. 2740. Л. 46.

вели с собой 13 770 голов скота. Власти отмечали, что «переход границы происходит почти повсюду». Всего в 1926 г. в Туркмению прибыли не менее 2400 семей кочевников. Ожидался наплыв и в следующем году, тем более что посланцы хазарейцев от имени 4 тыс. кибиток заявили о своем желании переселиться в СССР. И действительно в апреле 1927 г. в Туркмению прикочевали около 300 кибиток хазарейцев. В начале марта 1930 г. в районе туркменского колодца Кара-Габа на территорию СССР перешли до 4 тыс. скотоводов племени гильзаев (одно из пуштунских племен), из них более тысячи человек имели оружие. Причиной перехода была неудачная попытка овладения ими г. Меймене, в связи с чем они опасались преследования со стороны другого афганского племени – кугистанцев.³¹

Причины иммиграции кочевников в СССР и откочевок из Советского Союза во многом были схожими. Это и внутренняя политика Персии и Афганистана, которой были недовольны кочевники, и наличие на территории СССР богатых пастбищ, по причине чего афганские скотоводы были «прикованы» к ним. С хазарейцами произошла история, которая ярко характеризует мобильность и непривязанность кочевых народов к какому-либо государству. Дело в том, что до 1922 г. представители этого народа кочевали на территории Туркмении (в районе Кушки), затем под влиянием афганской пропаганды и междоусобиц с другим кочевым народом (джемшидами) постепенно перебрались в Афганистан, но потом вновь вернулись в Туркмению³².

Местные власти сообщали руководству о проблематичности размещения прикочевавших, поэтому всеми силами старались избавиться от них. В феврале 1927 г. власти Туркмении сообщали, что они «лишены реальной возможности хоз[яйственного] устройства эмигрантов³³ в ближайшее время, ввиду полного отсутствия земельно-водных ресурсов в ТССР и денежного фонда на первоначальную помощь». В августе 1927 г. в ответ на предложение переселить прикочевников в Казахстан власти этого региона сообщили о невозможности выполнения такого решения, «ввиду земельной неурядицы как среди русского, так и казакского³⁴ населения»³⁵.

По понятным (прежде всего политическим) причинам прикочевникам нельзя было отказать в приеме, ведь СССР называл себя «отечеством трудящихся всего мира». На Востоке была еще и своя специфика – власти сетовали на то, что отказ в убежище эмигрантам «создаст резкое расхождение нашей декларации о народах Востока с фактическими действиями»³⁶. Очевидно, имелось в виду обращение советской власти «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» 1917 г.

С другой стороны, власти считали массовые прикочевки нежелательными, поэтому прибывших из-за границы пытались отправить обратно. В феврале 1927 г. советским пограничникам было предписано всеми возможными мирными средствами не допускать перехода афганских и персидских племен на территорию Узбекистана и Туркмении. Было дано следующее указание: «Не возражать против

³¹ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 878. Л. 3, 7, 13–14, 17, 54–55; РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 865. Л. 19.

³² Там же. Л. 15–17, 55.

³³ Имелись в виду иммигранты.

³⁴ Имелись в виду казахи.

³⁵ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 878. Л. 17, 91.

³⁶ Там же. Л. 17.

допущения официальных представителей Афганского правительства для переговоров с перешедшими об их возвращении... Сделать Афган[скому] пра[вительству] представление, в котором подчеркнуть чрезвычайно трудное и политически ложное положение, в которое нас ставит афганская иммиграция».³⁷ В мае 1927 г. советский 46-й погранотряд, дислоцированный в Каракумах, задержал 14 вооруженных афганских скотоводов и выдворил их в Афганистан.

Регулирование положения прикочевавших, которые остались на территории СССР, то есть процесс их адаптации, также было непростой задачей. Власти считали необходимым переселить иммигрантов вглубь территории страны, чтобы предотвратить осложнение ситуации на приграничных территориях (в частности, об этом говорилось в предписании, данном ЦК КП(б) Туркмении в феврале 1927 г.). Особо было указано, что «в случае отказа вождей перешедших племен эвакуироваться вглубь страны, таковые подлежат аресту». Для устройства прикочевников власти решили выделить земельные участки и финансовые ресурсы³⁸.

Однако к началу 1930-х гг. у советского руководства в лице прежде всего Наркомата по иностранным делам несколько изменилось мнение о прикочевках. Во-первых, по политическим причинам, поскольку иммиграция в страну свидетельствовала об усилении влияния и улучшении имиджа СССР в мире. Во-вторых, с экономической точки зрения иммигранты давали приток рабочей силы, в котором крайне нуждалась, например, Средняя Азия в связи с развитием скотоводства и решением «мясной, каракулевой и шерстяной проблем». Уполномоченный НКВД в Узбекистане М.М. Славуцкий считал, «что в случае, если перешедшие к нам киргизы заняты производительным трудом и бежали от гонений китайцев, их возвращать ни в коем случае не следует»³⁹.

Власти СССР находились в непростом положении. Как отмечал М.М. Славуцкий, из соображений «внешнеполитического (взаимоотношения с афганским правительством), внутривосточного (опасность создания враждебных военно-политических ячеек) и экономического (затруднительность устройства масс эмигрантов) характера» массовая иммиграция для СССР была нежелательной. С другой стороны, НКВД считал целесообразным сохранение тяги зарубежных таджиков, узбеков и других народов к СССР. Для этого, «учитывая консерватизм и устойчивость патриархально-родовых отношений среди этих племен», НКВД предлагал «не форсировать полную советизацию» иммигрантов «и считать возможным предоставление некоторых льгот их родовым старшинам»⁴⁰.

Прикочевавшие часто и не желали возвращаться обратно за границу. Например, главы хазарейских родов категорически отказались переселиться обратно в Афганистан, вследствие чего были интернированы ОГПУ. Один из них – Кафур-бек – из опасения быть выданным афганским властям перешел на территории СССР на нелегальное положение⁴¹.

³⁷ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 878. Л. 20; РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 835. Л. 138.

³⁸ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 878. Л. 18, 20.

³⁹ Там же. Ф. 62. Оп. 2. Д. 2207. Л. 39; РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 52. Л. 53.

⁴⁰ РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 52. Л. 53–54.

⁴¹ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 878. Л. 55.

Советские власти также считали, что прикочевки несут с собой угрозу отпадения приграничных территорий. В феврале 1927 г. ЦК КП(б) Туркмении сообщал об «опасности стремления афганцев к присоединению Пендинского оазиса (Кушка – Тахта-Базар) и возникновению поэтому поводов к плебисциту»⁴². Действительно, в 1920-х гг. плебисциты по поводу принадлежности территорий были распространенным явлением. В Европе был проведен ряд плебисцитов на спорных территориях, например по разграничению территорий Мазурии и Силезии между Германией и Польшей. Такие опасения были обоснованы и для реалий приграничных «кочевых» регионов СССР. Так, в феврале 1921 г. РСФСР подписала Договор о дружбе с Афганистаном, согласно ст. IX которого Россия согласилась «передать Афганистану принадлежавшие ему в прошлом столетии земли пограничного района с соблюдением принципа справедливости и свободного волеизъявления народов, их населяющих». Фактически никаких территорий Афганистану передано не было, однако опасность их потери оставалась, принимая во внимание конфликт на Кушке 1885 г., когда афганские войска пытались захватить упомянутый Пендинский оазис.

В 1930 г. туркменский авторитетный лидер, эмигрант Абдул Хан Томач мусировал слухи о переходе к Персии «спорной зоны» в районе пос. Гасан-Кули, а также собирал для этого документальные подтверждения. В январе 1930 г. он созвал совещание влиятельных туркмен, которые официально подтвердили, что в 1895 г. русско-персидская граница проходила севернее Гасан-Кули. Абдул Хан Томач провел и соответствующие опросы приграничного населения⁴³. (На самом деле, русско-персидская граница была установлена по реке Атрек южнее Гасан-Кули.)

Центральные власти СССР пытались решить проблему гражданской принадлежности прикочевавших, что могло бы снять проблему плебисцитов. Так, ОГПУ в лице Г.Г. Ягоды в 1930 г. дало указание о «политической выгоде перехода в союзное гражданство наибольшей массы белуджей», прикочевавших из Афганистана. Тем из них, которые не приняли гражданство СССР, местные власти должны были «предложить добровольно вместе с семьями перейти на территорию Афганистана, обеспечив свободный переход»⁴⁴.

Осложнение положения на границе

Передвижение кочевников через границу провоцировало пограничные конфликты между СССР и сопредельными странами. 9 мая 1926 г. председатель СНК Туркменской ССР К.С. Атабаев сообщил командующему Туркестанским фронтом К.А. Авксентьевскому, что в приграничной с Афганистаном местности Эды-Кую и Ант-Кую действовал «отряд самообороны эмигрантских стад», находившихся в Туркмении, в составе до 300 вооруженных людей. Эти отряды стали базой для бандитских групп, которые занимались грабежом Керкинского и Ленинского округов Туркмении. К.С. Атабаев предложил снарядить против этих отрядов карательную экспедицию. К.А. Авксентьевский ответил отказом. Соглашаясь с вредом отря-

⁴² РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 878. Л. 18.

⁴³ РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 698. Л. 101–102.

⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 2207. Л. 53, 55.

дов «самоохраны», он сомневался в успехе операции, поскольку эти отряды, даже если бы ушли за границу, потом вернулись бы снова. Он считал «более целесообразным принять меры к урегулированию вопроса выпаса стад с влиятельными лицами из среды эмигрантов»⁴⁵.

На советско-афганской границе происходили вооруженные столкновения между басмачами и советскими пограничниками. Например, 11 мая 1926 г. банда под командой Чаян-Сердара напала на советский пограничный пост. В письме Наркомата по военным и морским делам и Революционного военного совета (РВС) СССР командующему войсками Среднеазиатского военного округа от 22 июня 1926 г. содержатся данные о факте «допуска афганских кочевников на близкое расстояние и расстрела их почти в упор из пулеметов» советскими войсками в районе поселка Тахта-Базар (Туркмения). НКВД СССР считал, что такие действия «не вызывались действительной необходимостью»⁴⁶.

Однако очевидно, что советские войска сражались не с «кочевниками», а с басмачами. В следующем письме Наркомата по военным и морским делам и РВС СССР от 23 июня 1926 г. сообщалось, что само Афганское правительство называло эти отряды «бандами» и выражало готовность бороться с их вторжением на территорию СССР. От НКВД для этого требовалось предоставлять «самую точную и своевременную информацию... о всех возникающих конфликтах в погранполосе для соответствующих дипломатических переговоров с Афганским правительством»⁴⁷.

На дальнейшее ухудшение отношения Советского государства к трансграничному кочевью повлияло осложнение международной обстановки в конце 1920-х гг., особенно после 1927 г. в связи с обострением отношений между СССР, с одной стороны, и Великобританией и Китаем, с другой. В Туркмении весной 1927 г. власти выявили ведение антисоветской пропаганды баями и духовенством, которые распускали слухи о том, что «объявление войны со стороны Англии Сов[етскому] Союзу – вопрос ближайших дней, а потому надо скотоводам скорее перекочевать в Персию, дабы... сов[етская] власть не могла реквизировать скот для Красной армии». (Впоследствии эти слухи рассеялись.)⁴⁸ В том же 1927 г. обозначилась тенденция к резкому сокращению въезда в СССР из Западного Китая и получению советского гражданства откочевниками и другими иммигрантами из Китая⁴⁹.

В августе 1928 г. советская разведка докладывала, что «англичане усилили свою работу среди племен юга и юго-запада Персии», которая включала в себя вооружение дружественных Великобритании племен, подкуп ханов, натравливание их друг на друга. Эта деятельность, по мнению советской разведки, велась не только для защиты близлежащих британских колоний (Индии и Ирака), но и для создания «наступательного плацдарма»⁵⁰.

⁴⁵ РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 639. Л. 8, 10–12.

⁴⁶ Там же. Л. 13, 16.

⁴⁷ Там же. Л. 16.

⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 912. Л. 2.

⁴⁹ *Аблажей Н.Н.* Казахский миграционный маятник... С. 33.

⁵⁰ РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 826. Л. 609.

В то же время советские власти видели возможность использования настроений части кочевников против интересов Великобритании. Так, туркменское население персидской провинции Астрабад было недовольно тем, что Великобритания лишила их возможности традиционного грабежа соседнего населения (аламан). Поэтому считалось естественным «ожидать, что в нашей борьбе с Англией в первое время они (астрабадские туркмены. – Ф.С.) будут с нами»⁵¹. В дальнейшем ситуация в приграничных с «кочевыми» территориями СССР регионах ухудшалась, что было связано в первую очередь с действиями Японии на Дальнем Востоке и восстанием в Синьцзяне, развернувшимися с 1931 г.

Борьба за кочевое население с сопредельными странами

В сопредельных с Советским Союзом странах отношение к трансграничному кочевью было примерно таким же, как в СССР. До Октябрьской революции Китай расценивал приток откочевников из России как угрозу усиления российского влияния в Синьцзяне⁵², тем более что в этом регионе часть местных жителей еще до революции приняла российское гражданство (правительство Российской империи предоставляло за это целый ряд весьма существенных льгот). Генеральный консул СССР в Кашгаре М.Ф. Думпис, прибывший туда в июле 1925 г., сообщал, что все бывшие российские граждане очень обрадовались его приезду, так как продолжали считать себя гражданами России и теперь – Советского Союза⁵³.

Власти северо-восточного Китая вели борьбу с советским пропагандистским воздействием на монгольское и бурятское население региона. Прошедший в Хайларе в мае 1927 г. местный съезд принял решение «о предохранении молодежи от революционной заразы». Поэтому китайские власти препятствовали трансграничной миграции. Так, в 1930 г. они потребовали от СССР возратить в Китай 47 семейств киргизов, бежавших в Советский Союз⁵⁴. В начале 1931 г. начальник китайского погранпоста «Симхана» и другие китайские чиновники «с целью приостановки реэмиграции распускали слухи о том, что все реэмигрирующие (в СССР. – Ф.С.) будут арестовываться, репрессироваться»⁵⁵. Япония после оккупации ею Маньчжурии в 1931 г. также установила жесткий режим охраны границы с Советским Союзом, не допуская миграции⁵⁶.

Острая борьба за кочевое население в рассматриваемый период развернулась между СССР, Афганистаном и Персией. Афганские власти стремились вернуть своих откочевников, ушедших в СССР. В июле 1927 г. губернатор провинции Герат отдал распоряжение о выделении отряда в составе 15 человек для оказания содействия в обратной перекочевке афганских иммигрантов, перешедших в СССР в районе Кушки, на территорию Афганистана. Для «увещевания» откочевников к ним были направлены влиятельные духовные лица. В начале осени 1932 г. аф-

⁵¹ РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 826. Л. 602.

⁵² *Аблажей Н.Н.* Казахский миграционный маятник... С. 21.

⁵³ РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 832. Л. 18–20.

⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 2207. Л. 39; РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 842. Л. 434, 446.

⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 2540. Л. 10.

⁵⁶ *Балдано М., Дятлов В.* Шэнээнские буряты: из диаспоры в диаспору... С. 166–167.

ганские власти пытались «уговорами и оружием» задержать волну реэмиграции в СССР⁵⁷.

Персия также стремилась оставить у себя население, откочевавшее из Советского Союза, а власти СССР всеми мерами пытались этому препятствовать. Наиболее острая борьба с Персией развернулась в 1929–1930 гг. за граждан СССР, откочевавших в период форсированной коллективизации и перевода кочевников на оседлость. Персидские власти поставили цель не только оставить прибывших у себя, но и «перетянуть» к себе других жителей приграничной полосы СССР. Для этого они применяли метод кнута и пряника. Власти пограничных регионов Персии получили распоряжение об оказании содействия иммигрантам, а среди жителей Советской Туркмении распространялись соответствующие слухи. Перекочевывающие в Персию баи встречали радушный прием и получали назначения на административные должности. К примеру, два бая – Каума Ходжи Оглы и Али-яр Вали Яр-Оглы – были назначены ханами аулов. Прикочевники пользовались различными льготами, особенно если они принимали персидское подданство, в частности освобождение от уплаты налогов сроком на несколько лет. Эмигрировавшие из СССР в Персию белуджи получили от раиса⁵⁸ г. Серахс помощь хлебопродуктами⁵⁹.

В качестве «кнута» персидские власти ввели «экономические зажимы» для прикочевников, которые отказывались принимать персидское подданство. Для этого они, во-первых, создали им «невозможные условия для выпаса скота». Во-вторых, опасаясь того, что скотоводы, не принявшие подданство Персии, могут возвратиться на территорию СССР, персидские власти разослали по степи чиновников, которым было поручено взимать с прикочевников налоги, причем справки об уплате налога не выдавались. Также была проведена перепись прикочевавших. Персидские власти организовали переселение прикочевников во внутренние районы Персии, в том числе для предотвращения обратного перехода⁶⁰.

Реакция кочевников на действия персидского правительства была разной. Положительно эти действия восприняли белуджи, которые, встретив хороший прием, решили вывезти из СССР свои семьи и перегнать оставшийся скот. Очевидно, такая реакция могла быть обусловлена тем, что белуджи изначально попали в Туркмению из Персии и фактически возвращались на родину. У иомудов (туркмен) реакция была другой. Они воздерживались от перехода в персидское подданство, «предпочитая использовать одновременно льготы, предоставляемые им как СССР, так и Персией». Персидские паспорта получили около 300 хозяйств, тогда как около 700 – отказались это сделать. Но даже те, кто получил персидское подданство, «опасались кочевать со скотом вглубь Персии и старались находиться вблизи границы». Решение персидского правительства переселить прикочевавших туркмен в Шахрудский регион (около 500 км от границы с Туркменией) и

⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 878. Л. 20; Там же. Д. 2740. Л. 59; РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 698. Л. 99; Там же. Д. 835. Л. 211–212.

⁵⁸ Должность, аналогичная главе администрации города.

⁵⁹ РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 698. Л. 99, 241; Там же. Д. 826. Л. 430–431.

⁶⁰ Там же. Д. 698. Л. 99; Там же. Д. 826. Л. 430.

непосильное обложение налогами вызвали среди туркмен «реэмиграционные настроения». Несмотря на предложение персидских властей покинуть пограничную полосу, туркмены концентрировались у советской границы, намереваясь вернуться в СССР. Переходу мешало то, что туркменские вожди колебались, «опасаясь репрессий со стороны сов[етской] власти за уход в Персию», а также отсутствие сведений о дождях и всходах травы на советской территории и неуверенность в том, будут ли пропущены стада через пограничные пункты, удобные для перегона скота⁶¹. Причинами такой реакции туркмен на действия персидского правительства была их тяга к свободному образу жизни, нежелание привязываться к Персии, чтобы всегда была возможность уйти обратно в Туркмению. Впоследствии многие откочевники вернулись в СССР.

Реакция советских властей на возможность возвращения откочевавших была, разумеется, положительной. Было дано указание пропускать скотоводов через все заставы «на основе существующего положения об упрощенном пропуске кочевников-иомудов»⁶².

Выводы

Ситуация, сложившаяся в 1920-х гг. в «кочевых» регионах СССР, ярко показала, что Советское государство стремилось к достижению статуса-кво на границе, заключавшегося в полном контроле за эмиграцией и иммиграцией, минимизации или полной ликвидации трансграничного кочевья. Любое государство ставит во главу угла собственную национальную безопасность и предпочитает стабильность, и в этой связи проблемой становится как эмиграция, так и иммиграция. К примеру, кочевники своим свободным перемещением создавали нестабильность, невозможность контроля и демографического прогнозирования. В СССР, где постулатом была жизнь в условиях «враждебного окружения», бесконтрольное пересечение границы было категорически неприемлемым для властей еще и с точки зрения безопасности, в том числе идеологической (проникновения шпионов и диверсантов, а также враждебной идеологии).

Если до революции миграции кочевников происходили в основном с экономическими целями, то при советской власти откочевки приобрели также политический контекст, стали формой бегства от государства и борьбы с ним (отсюда – участие кочевников в восстаниях и басмаческом движении). В сложившихся условиях со стороны нелегко было понять причину каждой конкретной миграции – осуществлялась ли она в рамках традиционного скотоводческого кочевья либо была обусловлена политическими причинами.

Эмиграционные настроения среди кочевого населения были опасны для властей СССР еще и ввиду того, что массовая эмиграция, прежде всего «трудового элемента», наносила удар по имиджу страны. Особенно нежелательным это было потому, что приграничные кочевые регионы играли для СССР важную стратегическую роль. В частности, Бурятия была серьезным элементом выстраивания отношений СССР с Монголией и Тибетом; Казахстан и Киргизия – с мусульманским

⁶¹ РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 698. Л. 99; Там же. Д. 826. Л. 430–431.

⁶² Там же. Д. 826. Л. 430.

населением Синьцзяна; Туркмения – с Афганистаном и Персией; в свою очередь все «мусульманские регионы» – с Турцией и другими странами исламского мира. Поэтому власти СССР не могли допустить эмиграции этих народов. Точно так же действовали сопредельные государства. В подходе СССР, Китая, Персии и Афганистана к трансграничной миграции проявились борьба этих стран за людские ресурсы и стремление сохранить контроль над собственным населением.

Впоследствии, в 1930-е гг., в Советском Союзе произошло окончательное ужесточение порядка въезда и выезда из страны. Была укреплена государственная граница, и несанкционированная властями миграция прекратилась.

Рукопись поступила: 26 июня 2018 г.

Submitted: 26 June 2018

Библиографический список

- Аблажей Н.Н.* Казахский миграционный маятник «Казахстан – Синьцзян». Эмиграция. Репатриация. Интеграция. Новосибирск: СО РАН, 2015. 255 с.
- Балдано М.Н.* Роль границы в судьбе шэнэхэнских бурят // *Үлкен Алтай әлемі – Мир Большого Алтая – World of Great Altay*. 2017. № 3. С. 437–449.
- Балдано М., Дятлов В.* Шэнэхэнские буряты: из диаспоры в диаспору? // *Диаспоры*. 2008. № 1. С. 162–184.
- Гадельшин Г.Ф.* Путь туркменских кочевников к социализму. Ашхабад: Туркменистан, 1987. 173 с.
- Мещерский А.С.* Автономная Барга. Шанхай: [Б.и.], 1920. 39 с.
- Наранжаргал Н.* 1920-нод оны Ижил мөрний сав дагуух өлсгөлөн ба Халимагуудыг монгол улсад нүүлгэн шилжүүлэх гэсэн асуудлын тухай (О голоде в Поволжье в 1920-х гг. и вопросе о переселении калмыков в Монголию) // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 2014. № 3. С. 50–56.
- Синицын Ф.Л.* «Красная буря». Советское государство и буддизм в 1917–1946 гг. СПб.: Изд-во А. Терентьева; Фонд «Сохраним Тибет», 2013. 527 с.
- Шахворостов В.В.* Борьба населения приграничья с бандитизмом на Дальнем Востоке в первой половине 1920-х годов // *Россия на берегах Тихого океана: прошлое, настоящее, будущее*. Хабаровск: ХПИ ФСБ России, 2009. С. 90–97.

References

- Ablazhey, N.N. *Kazakhskiy migratsionnyy mayatnik 'Kazakhstan – Sin' tsiyan.'* Emigratsiya. Repatriatsiya. Integratsiya. Novosibirsk: SO RAN Publ., 2015 (in Russian).
- Baldano, M.N. “Rol’ granitsy v sud’be shenekhenskikh buryat.” *Ylken Altay әlemi – Mir Bol’shogo Altaya – World of Great Altay*, no. 3 (2017): 437–449 (in Russian).
- Baldano, M., and Dyatlov, V. “Shenekhenskiye buryaty: iz diasporы v diasporu?” *Diasporы*, no. 1 (2008): 162–184 (in Russian).
- Gadel’shin, G.F. *Put’ turkmenskikh kochevnikov k sotsializmu*. Ashkhabad: Turkmenistan Publ., 1987 (in Russian).
- Meshcherskiy, A.S. *Avtonomnaya Barga*. Shankhay: [N.s.], 1920 (in Russian).
- Naranzhargal, N. “1920-nod ony Izhil mörniy sav daguukh өлсгөлөн ба Khalimaguudyg mongol ulsad нүүлгэн шилжүүлэх гэсэн асуудлын тухай (O golode v Povolzh’ye v 1920-kh gg. i

voprose o pereselenii kalmykov v Mongoliyu).” *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*, no. 3 (2014): 50–56 (in Russian).

Shakhvorostov, V.V. “Bor’ba naseleniya prigranich’ya s banditizmom na Dal’nem Vostoke v pervoy polovine 1920-kh godov.” In *Rossiya na beregakh Tikhogo okeana: proshloye, nastoyashcheye, budushcheye*. Khabarovsk: KHPI FSB Rossii Publ., 2009 (in Russian).

Sinitsyn, F.L. *Krasnaya burya. Sovetskoye gosudarstvo i buddizm v 1917–1946 gg.* Saint Petersburg: Tip. A. Terent’yeva; Fond “Sokhranim Tibet” Publ., 2013 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Синицын Федор Леонидович, доктор исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Государственного университета по землеустройству.

Fedor L. Sinitsyn, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Associate Professor at the Department of Social and Humanitarian Disciplines of State University of Land Use Planning.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-3-605-618>

Научная статья / Research article

Русские эмигранты во Франции в отражении советских литературных журналов первой половины 1920-х годов

Л.К. Рябова^a, М.И. Косорукова^b

^aИнститут истории Санкт-Петербургского государственного университета;
199034, Россия, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5; l.ryabova@spbu.ru

^bРоссийский экономический университет имени Г.В. Плеханова;
115093, Россия, Москва, Стремянный пер., 36; maki21@bk.ru

Russian émigré life in France as covered by Soviet literary magazines of the first half of the 1920s

Lyudmila K. Ryabova^a, Maria I. Kosorukova^b

^aInstitute of History, Saint Petersburg State University;
5 Mendeleevskaya Line, Saint Petersburg, 199034, Russia; l.ryabova@spbu.ru

^bPlekhanov Russian University of Economics;
36 Stremyanny Lane, Moscow, 115093, Russia; maki21@bk.ru

Аннотация: В статье рассмотрен вопрос о том, в какой мере в условиях идеологического противостояния и цензурной политики власть допускала освещение различных сторон жизни и творчества русских эмигрантов во Франции. Исследование построено на материалах советских литературных и общественно-политических журналов «Книга и революция», «Красная новь» и других, выходивших в первой половине 1920-х гг. Рецензии, хроника событий, литературные обзоры, информация в специальных рубриках («На Западе», «Сношения с Россией», «Русская литература и искусство за границей» и др.) и особенно в разделе «Франция» давали достаточно полное представление о культурных событиях страны и деятельности русских эмигрантов. Особенностью критики было воспроизведение обширных фрагментов текста анализируемых работ эмигрантских авторов, что знакомило читателей с развитием эмигрантской мысли того времени. В статье делается вывод о том, что применительно к первой половине 1920-х гг. можно говорить о своеобразном диалоге между русской интеллигенцией во Франции и в Советской России. Эти коммуникации были не всегда политизированы и часто носили характер дискуссии в области теории литературы и искусства. Культурная жизнь Франции в эти годы также была предметом постоянного внимания. Знакомство с публикациями, посвященными французской литературе и искусству, позволяет заключить, что большинство из них были свободны от идеологии и продолжали традицию дореволюционной практики культурных связей двух стран.

Ключевые слова: русская эмиграция, Франция, литература, культура, советские журналы, 1920-е годы

Для цитирования: Рябова Л.К., Косорукова М.И. Русские эмигранты во Франции в отражении советских литературных журналов первой половины 1920-х годов // Вестник Рос-

© Рябова Л.К., Косорукова М.И., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

сийского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 3. С. 605–618. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-3-605-618>

Abstract: The authors consider the problem in which extent did the Bolshevik authorities allow a coverage of Russian émigré life and work in France, under conditions of ideological confrontation and censorship. The present study is based on materials of Soviet literary and socio-political magazines such as *Book and Revolution* and *Krasnaya Nov'* of the first half of the 1920s. These journals offered chronicles of events, literary reviews, information in special sections ('In the West,' 'Relations with Russia,' 'Russian literature and art abroad,' and particularly in the section 'France') that offered a fairly complete picture of cultural events in France and activities of Russian émigrés in the country. Characteristic was the reproduction of large fragments of works authored by emigrant authors, which acquainted readers with the development of emigrant thought of that time. The article concludes that with regard to the first half of the 1920s, we can speak about a kind of dialogue between the Russian intelligentsia in France and that in Soviet Russia. This communication was not always politicized and often remained in the field of literature and art theory. In those years the cultural life of France in general was subject of constant attention. It is argued that most publications on French literature and art were free from ideology, thereby continuing the tradition of pre-revolutionary cultural relations between the two countries.

Keywords: Russian emigration, France, literature, culture, Soviet journals, the 1920s

For citation: Ryabova, Lyudmila K., and Kosorukova, Maria I. "Russian émigré life in France as covered by Soviet literary magazines of the first half of the 1920s." *RUDN Journal of Russian History* 18, no. 3 (August 2019): 605–618. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-3-605-618>

Введение

История русского зарубежья продолжает оставаться одной из активно разрабатываемых тем в отечественной исторической науке. Исключительно много внимания в работах российских историков уделено, в частности, русскому присутствию во Франции, рассмотрены различные аспекты политической, социальной и культурной истории эмиграции, история повседневности. На этом фоне в меньшей степени в исследованиях представлена «обратная связь», а именно информация о жизни и творчестве эмигрантов, которая была доступна в Советской России в первой половине 1920-х гг. и отложившаяся главным образом на страницах советских литературных и общественно-политических журналов того времени.

Вопросы, связанные с политикой в области печати, рассмотрены в публикациях, посвященных советской цензуре, в частности в работе А.В. Блюма¹. Автор анализирует документы Главлита, относящиеся к 1920-м гг., содержащие сведения как о разрешительных, так и о запретительных мерах – «О чем нельзя писать: цензурные циркуляры»². А.В. Блюм отмечает при этом «более или менее снисходительное» отношение власти к отдельным эмигрантским изданиям после окончания Гражданской войны³. Особенно важны для понимания публикаторской политики редакций литературных журналов приводимые автором документы Иноотдела Главлита и Гублита Ленинграда, в которых дается характеристика «издательского русского дела» в Германии и во Франции и прописываются «разрешительные» рекомендации. Эти циркуляры во многом объясняют появление в

¹ Блюм А.В. За кулисами «Министерства правды»: тайная история советской цензуры. 1917–1929. СПб., 1994. С. 120.

² Там же. С. 123–133.

³ Там же. С. 195–199.

советских изданиях информации о жизни за границей, хотя и не исчерпывают это объяснение в полной мере, поскольку нужно учитывать и в целом относительно либеральный «исторический контекст». Зарубежные историки, чье внимание привлекает тема советской цензуры, отмечают время НЭПа как интеллектуально динамический период советской истории⁴. Применительно к рассматриваемому вопросу интересна статья американского историка Б. Кассофа, изучающего развитие практики советской цензуры, начиная с 1922 г. Анализируя отношения между Главлитом и частными издательствами в 1920-е гг., автор обратил внимание на то, что цензура в отношении государственных издательств в СССР была значительно слабее, чем для частных⁵, что подтверждает содержащаяся на страницах анализируемых журналов информация о зарубежной жизни русских эмигрантов.

Специальных работ, в которых проводился бы анализ содержания советских журналов первой половины 1920-х гг. с точки зрения освещения ими жизни и деятельности русских эмигрантов во Франции, практически нет. Данный вопрос рассматривался, как правило, контекстно. Так, в статье Г.В. Михеевой, посвященной критико-библиографической периодике, выходившей в Советской России в 1917–1921 гг., отмечается, в частности, постоянный интерес к событиям, происходившим в русском зарубежье, и опубликованным в «белой русской эмиграции» работам, со стороны журнала «Книга и революция»⁶. Как об уникальном явлении своего времени Г.В. Михеева пишет об издававшемся в Берлине в 1921–1923 гг. критико-библиографическом журнале «Русская книга» («Новая русская книга»), который был проникнут идеей единства русской культуры «поверх барьеров», получил доступ в Советскую Россию и был чрезвычайно популярен⁷.

В целом процесс взаимодействия советской и эмигрантской интеллигенции в культурной и научной областях, особенно плодотворный в сфере литературы, в 1920-е гг. нашел отражение в диссертации О.Н. Климовой⁸, однако материалы советских литературных журналов к исследованию автором не были привлечены. Упоминания о публикациях работ эмигрантских авторов (главным образом мемуаров) на страницах советских журналов 1920-х гг. содержатся в статье В.А. Митрохина, где автор анализирует отечественную историографию истории эмиграции вплоть до середины 1980-х гг.⁹ Отдельные публикации эмигрантских авторов в «советских СМИ» приводятся как пример рефлексии на эмигрантские издания. Так, Н.М. Михалев ссылается на обзорную статью Н. Мещерякова в первом номе-

⁴ *Kassof B.* Glavlit, Ideological Censorship, and Russian-Language Book Publishing, 1922–1938 // *The Russian Review*. 2015. No. 1. Pp. 69–96; *Fox M.* Glavlit, Censorship and the Problem of Party Policy in Cultural Affairs, 1922–1928 // *Soviet Studies*. 1992. No. 6. Pp. 1045–1068.

⁵ *Kassof B.* Glavlit, Ideological Censorship... Pp. 69–96.

⁶ *Михеева Г.В.* Критико-библиографическая периодика в России в первое послереволюционное пятилетие (1917–1921 гг.) // *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств*. 2014. № 1 (18). С. 69.

⁷ Там же. С. 72.

⁸ *Климова О.Н.* Русская эмиграция и советская интеллигенция: проблемы культурного взаимодействия в 1920–1929 гг. Челябинск, 2008.

⁹ *Митрохин В.А.* Отечественная историография российской эмиграции «первой волны» (1920-е – середина 80-х гг.) // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2008. Т. 10. № 4. С. 1235–1242.

ре журнала «Печать и революция» за 1921 г.¹⁰ Внимание к художественному творчеству русской эмиграции на страницах этого журнала отмечено в статье С.М. Грачевой, где, в частности, речь идет об участии русских мастеров, эмигрировавших из России, в знаковых событиях зарубежной художественной жизни¹¹.

Таким образом, можно говорить лишь о фрагментарном присутствии избранного к освещению сюжета в работах отечественных исследователей. В то же время обращение к публикациям ряда журналов показывает, что они содержат интереснейший материал для размышлений по поводу интеллектуальной истории России 1920-х гг.

Вместе с тем актуальность заявленной темы определена не только историографической ситуацией, но и сформировавшимися в социуме историческими представлениями, которые, как известно, носят довольно устойчивый характер. Применительно к вопросу о сохранении и поддержании каких-либо связей с русской эмиграцией в 1920-х гг. можно говорить об утвердившемся в публичном (медийном) дискурсе мнении об исключительно репрессивном характере идеологии и абсолютной запретительной информационной политике большевиков в послереволюционные годы, что требует определенной коррекции.

В статье поставлена задача показать, в какой мере в условиях идеологического противостояния и цензурной политики власть тем не менее допускала освещение различных сторон жизни «наших за рубежом», а также проследить французский «культурный контекст», в который помещалась информация о русской диаспоре во Франции.

О «наших за границей»

В Советской России в 1920-е гг. традиционный интерес к Франции заметно возрос в связи с формированием там русской диаспоры, значительно расширившейся в послереволюционный период за счет притока эмигрантов. Приводимые историками данные о численности эмигрантов сильно разнятся (от 70 до 400 тыс. человек), однако наиболее убедительными представляются подсчеты, произведенные петербургскими историками В.И. Хрисанфовым и Н.В. Турыгиной, которые пишут, что русское присутствие во Франции в эти годы составляло 70–120 тыс. человек. Весьма разнообразная эмигрантская среда (военная, политическая, культурная, трудовая эмиграция) определила внимание к ней не только со стороны соотечественников, оставшихся в России, но и соответствующих служб, организаций и, конечно, периодической печати.

В первое послереволюционное десятилетие, вплоть до конца 1920-х гг., на страницах советских общественно-политических, литературных и критико-библиографических журналов публиковались статьи, очерки, обзоры и рецензии на выходящие за рубежом, главным образом во Франции, произведения русских эмигрантов. По преимуществу это были критические разборы мемуаров, политической публицистики и философских произведений эмигрантских авторов, которые носили, как правило (хотя и необязательно), идеологический характер. Вме-

¹⁰ Михалев Н.М. Русская эмигрантская периодика как инструмент формирования мирового общественного мнения // Медиаскоп. 2009. № 3. С. 19.

¹¹ Грачева С.М. Художественная критика в журнале «Печать и революция» // Искусствознание. 2010. № 3–4. С. 549.

сте с тем освещались различные события культурной жизни русских во Франции, причем многие из этих публикаций были далеки от политики и носили, скорее, характер обзора повседневной жизни русских за рубежом.

В годы НЭПа в Советской России параллельно с Госиздатом работало множество партийных, кооперативных и общественных издательств. По данным, приводимым отечественными исследователями А.А. Говоровым и Т.Г. Куприяновой, на 1 июля 1923 г. в стране было зарегистрировано 752 издательства: в том числе советских ведомственных – 122, советских партийных – 19, Коммунистической партии – 132, профсоюзных – 7, частных – 223, кооперативных – 38, других партий – 12, прочих – 5¹². Многие из них существовали недолго и были закрыты в конце 1920-х гг., имелись журналы, выпустившие всего несколько номеров, другие же продолжали выходить и в последующие десятилетия. Из множества журналов, издававшихся как Госиздатом, так и частными издательствами, наибольший интерес представляют такие издания, как «Книга и революция» (1920–1923), «Красная новь» (1921–1941), «Печать и революция» (1921–1930), «Новая Россия» (1922–1926), «Вестник иностранной литературы» (1928–1930), хотя в контексте «эмигрантской проблематики» интересны и такие издания, как «Россия», «Творчество», «Русский современник», «Звезда», «Новая Россия», «Знамя» и ряд других. Безусловно, что тема Запада не была довлеющей на страницах этих журналов и подавалась в большинстве случаев в разделе «Хроника», хотя появлялись и полноценные статьи. Вместе с тем данная тема была вполне устойчива и переходила из номера в номер. Весьма разнообразные журнальные разделы и рубрики – рецензии, хроника, литературные обзоры, такие разделы, как «На Западе», «Сношения с Россией», «Русская литература и искусство за границей» и особенно специальный раздел под названием «Франция» давали читателям достаточно полное представление о культурных связях страны.

Наиболее информативны в плане освещения явлений русского зарубежья были издававшиеся Госиздатом журналы «Печать и революция» (журнал литературы, искусства, критики и библиографии) и «Книга и революция» (критико-библиографический журнал), в состав редколлегии которых входили А. Луначарский, В. Полонский, Н. Мещеряков, В. Быстрянский, И. Ионов и другие видные публицисты. В них печатались Р. Иванов-Разумник, Н. Лосский, А. Волынский и многие другие авторы. На страницах журналов регулярно публиковались сведения о произведениях русских классиков и эмигрантских авторов, в том числе о мемуарах, выходивших во Франции. Интерес представляют и публикации, в которых сообщалось о франко-русских (эмигрантских) культурных связях, например о деятельности Общества спасения русской книги, содержалось обсуждение опубликованного в Париже романа А. Толстого «Хождение по мукам» и др.

Подобные публикации в советских журналах начинают появляться уже в 1920–1921 гг. Так, в «Печати и революции» за 1921 г. мы находим специальный раздел «Русская книга за границей». В нем сообщается о том, что в Париже выходит научная монография, посвященная миниатюрам художника С. Чехонина,

¹² Говоров А.А., Куприянова Т.Г. История книги. М., 2001. URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/HB/20-1.htm> (дата обращения: 12 декабря 2018 г.).

«которыми с большим успехом он занимается в последнее время»¹³. Здесь же без какого-либо идеологического контекста дается обзор 5–7 выпусков, вышедших в Париже «Современных записок»; сообщается об издании жившими в Париже русскими писателями новых пьес. С определенной долей гордости говорится о том, что роман А. Толстого «Хождение по мукам» пользуется огромной популярностью, переводится на европейские языки, в том числе начал печататься на французском языке в «Фигаро»¹⁴.

В журнале существовал также раздел «Русские книгоиздательства на Западе», в котором приводились данные о количестве русских книгоиздательств (на 1921 г.) почти во всех странах, где наблюдалось русское присутствие. При это во Франции их было лишь три, в то время как в Берлине – 21, Америке – 10, Шанхае – 4 и т.д.¹⁵ Действительно, некоторое время Берлин оставался в силу ряда причин (в том числе финансового характера) центром русского издательского дела за рубежом. Однако уже к 1923 г. таким центром становится Париж. Поэтому не случайно в этом же году в разделе «Хроника» журнала «Печать и революция» появляется специальная рубрика – «Франция». Только в № 2 за 1923 г. сообщалось о двадцати различных событиях литературной и культурной жизни французской столицы, причем отдельно были выделены подразделы «Rossica» и «Среди эмигрантских организаций и издательств». Самостоятельно был представлен также подраздел «Русские издательства за границей», в котором освещалась деятельность таких издательств, как «Геликон», «Обелиск», «Грани», «Петрополис», «Эпоха» и других по мере их появления¹⁶.

В ежемесячном журнале «Книга и революция» почти в каждом номере публиковались рецензии на работы видных публицистов, литераторов, бывших политических деятелей, таких как Н. Авксентьев, М. Вишняк, В. Зензинов, П. Милуков, М. Осоргин, П. Струве и др. На страницах журнала появлялись и обзоры парижских эмигрантских газет «Последние новости», «Возрождение», журналов «Современные записки», «Социалистический вестник» и других изданий. Особенностью публикаций в «Книге и революции» было воспроизведение, как правило, значительных фрагментов текста работы того или иного эмигрантского автора с очень незначительными по объему, хотя и «разоблачительными» по содержанию, комментариями публикатора, что позволяло читателю получить достаточно целостное представление о развитии эмигрантской мысли того времени. В довольно просторном разделе «Среди эмигрантов» в «Книге и революции» из месяца в месяц давался обзор текущих событий. Характер таких публикаций был вполне нейтральным. Сообщалось, например, что в альманахе «Окно» (Париж) были опубликованы рассказ И. Бунина «Безумный художник», повести А. Куприна «Однорукий комендант» и Б. Зайцева «Карл V», а также произведения Л. Шестова, Дм. Мережковского, З. Гиппиус. Сообщалось о подготовке к выходу издательством «Слово» произведений М. Алданова и Ф. Степуна. Здесь же давалась информация о содержании ближайшего номера «Современных записок»

¹³ Печать и революция. 1921. № 3. С. 295.

¹⁴ Там же. С. 295.

¹⁵ Там же. С. 296.

¹⁶ Там же. 1923. № 2. С. 261–263.

и сообщалось о выходе новых выпусков «Архива русской революции»¹⁷. Подобная информация регулярно появлялась на страницах советских журналов до середины 1920-х гг., включая сведения о новых эмигрантских изданиях за рубежом (о чем сообщала, например, «Красная новь», возглавлявшаяся до 1927 г. А. Воронским). Когда в 1926 г. в Париже начал издаваться журнал «Версты» (выходивший до 1928 г.), в котором публиковались Н.А. Бердяев, Л.П. Карсавин, П.П. Сувчинский, Н.С. Трубецкой, Г.П. Федотов, Б.Л. Пастернак, М.И. Цветаева и другие выдающиеся русские мыслители, писатели и поэты, журнал «Красная новь» отозвался на это событие вполне спокойной и профессиональной рецензией известного литературоведа А. Лежнева¹⁸.

Впрочем, доброжелательный (или нейтральный) тон таких хроник не исключал появления разгромных статей в адрес эмигрантских авторов. Ранее, в 1920 г., этот же журнал в разделе «Наши за границей» поместил «аннотацию» на начавший выходить в Париже эмигрантский журнал политической сатиры «Бич», в котором был напечатан среди прочего сборник рассказов А. Аверченко «Дюжина ножей в спину революции». Рецензент Н. Мещеряков (будущий руководитель Главлита с июня по октябрь 1922 г.) квалифицировал книгу как «мерзость», которую читает русская «белогвардейщина»¹⁹. Однако обильное цитирование Мещеряковым текстов Аверченко давало возможность познакомиться с ними и советскому читателю. В похожем тоне в «Печати и революции» была помещена статья литературного критика, поэта и переводчика И.А. Аксенова (из дворян и с прекрасным образованием), в которой автор разбирает альманах «Окно» и, соответственно, произведения И. Бунина, М. Цветаевой, А. Ремизова, З. Гиппиус, Дм. Мережковского, И. Шмелева, Л. Шестова²⁰. Статья в значительной степени была уничижительная, едкая, оскорбительная, что было свойственно скорее авторам, выступавшим с «пролетарских», «партийных» позиций. Крайне неслестными были отзывы и другого критика, Н. Казмина, предпринявшего анализ эмигрантских газет. Обстоятельная история парижской газеты «Общее дело», прослеживание ее эволюции, тщательный разбор газеты П. Милукова «Последние новости» и ряда других изданий не помешали автору сделать вывод о том, что «все они злобные, одинаково невежественны и недобросовестны»²¹. Не в последнюю очередь такие оценки были вызваны циркулярами созданного в июне 1922 г. Главлита.

Безусловно, политический аспект не мог не присутствовать в послереволюционных журнальных публикациях, посвященных жизни русской эмиграции. В первой половине 1920-х гг. за рубежом стали выходить мемуары, сборники документов, отдельные публикации по истории русской революции и гражданской войны, что вызывало в советской прессе отклики различного характера. Так, привлекли к себе внимание работы видного деятеля эсеровской партии В. Зензинова, в частности изданный им в Париже в 1919 г. сборник документов «Государственный переворот адмирала Колчака в Омске 18 ноября 1918 г.». Анализируя содержание книги, автор рецензии

¹⁷ Печать и революция. 1923. № 3. С. 295–297.

¹⁸ Лежнев А. Версты. Париж // Красная новь. 1926. № 12. С. 259–260.

¹⁹ Мещеряков Н. Наши за границей // Красная новь. 1921. № 1. С. 275–276.

²⁰ Аксенов И.А. «Окно». Трехмесячник литературы // Печать и революция. 1923. № 6. С. 255–258.

²¹ Казмин Н. Эмигрантские газеты // Печать и революция. 1923. № 4. С. 61–72.

заметил (надо признать, без политики и полемики), что «главный интерес сборника в наши дни чисто исторический»²². Другая книга В. Зензинова, автобиографический очерк «Из жизни революционера» (Париж, 1919 г.), содержащая весьма интересные свидетельства о событиях 1917 г., была определена рецензентом как «грамотно, но бледно написанная», выдержанная в духе эсеровского «житийного канона»²³.

По вполне понятным причинам все, что выходило из-под пера эмигрантских авторов о Русской революции, было предметом особого внимания со стороны советских литературных критиков. К примеру, уже с первого номера в журнале «Печать и революция» существовал раздел «Из эмигрантской литературы о русской революции», в котором помещались статьи известных партийных публицистов и литераторов Н. Мещерякова, В. Полонского, А. Воронского и ряда других. В этих публикациях «по свежим следам» давалась аналитика вышедших к 1921 г. за рубежом мемуаров (например, В.Д. Набокова, И.В. Гессена, В.А. Маклакова, А.С. Лукомского и других видных политических деятелей России), отдельных эмигрантских изданий («Русской мысли» П.Б. Струве) и вполне естественно, что «идеологическая борьба с классовым противником» подразумевалась в них изначально²⁴. Но при этом здесь же освещается деятельность Струве (по поводу изданий которого в журнале была помещена статья под названием «Старческое слабоумие») и эмигрантского Общества спасения русской книги по собиранию средств и мерах по спасению русских книг в Париже, причем в обзорах нет даже и малейшего намека на политику и идеологию. Необходимо отметить, что деятельность и публикации П.Б. Струве были предметом особого внимания со стороны советских изданий, в том числе литературных журналов. Достаточно регулярные публикации, например, появлялись в журнале «Красная новь» в рубрике «Из белой литературы». В частности, интересен очерк В. Полонского, посвященный статье П.Б. Струве «Отношение к революции русской интеллигенции в Советской России и за рубежом», опубликованной в двух книжках «Русской мысли» за 1923 г. В очерке речь идет в общем о русской интеллигенции, которая, по мнению автора, переродилась из «русской» в «европейскую» и исповедует теперь лозунг «Долой самоотречение, да здравствует эгоизм!», превращаясь из «идеалистической» в тип американского дельца²⁵. Характер публикаций о Струве был очень различен, равно как и оценка его теоретического наследия в целом, что представлено в отечественной историографии достаточно полно²⁶. Характер размышлений с элементами полемики носит и другая статья В. Полонского, в которой автор разбирает книгу П. Рысса «Русский опыт: историко-психологический очерк русской революции» (Paris, 1921)²⁷.

²² Книга и революция. 1922. № 3 (15). С. 47.

²³ Там же. С. 47.

²⁴ Воронский А. Старческое слабоумие // Печать и революция. 1921. № 1. С. 7–31.

²⁵ Полонский В. Из белой литературы: метаморфозы: заметки // Красная новь. 1923. № 4. С. 304.

²⁶ Жукова О.А., Кантор В.К. Петр Бернгардович Струве. М., 2012; Таитамирова Л.Р., Корнилова И.В. Публицистическая деятельность П.Б. Струве в эмиграции // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. 2014. № 33. С. 131–143.

²⁷ Полонский В. На распутье // Печать и революция. 1921. № 3. С. 15–23.

Среди эмигрантской литературы о революции и гражданской войне, вызывавшей многочисленные отклики в Советской России, были также «Записки о революции» Н. Суханова, «История второй русской революции» П. Милюкова, «Солнце мертвых» И. Шмелева и другие работы, критическая библиография которых может составить солидный список публикаций из различных советских журналов²⁸.

На страницах советских журналов 1920-х гг. можно было найти не только информацию о литературных новинках, но и обзор других событий культурной жизни русской эмиграции. Так, журнал «Печать и революция» сообщал о довольно внушительном перечне новостей культуры из Парижа, в том числе о сотрудничестве русских эмигрантов с французскими учреждениями культуры. В частности, сообщалось о том, что театральный и художественный критик А.Я. Левинсон ведет отдел танца в газете «Комеди» и читает в Лувре курс по истории французской живописи XIX в.²⁹, а русские художники иллюстрируют ряд французских изданий³⁰. Имелось также сообщение об открытии 25 мая 1923 г. в саду Пастеровского института в Париже памятника Луи Пастеру работы «русского скульптора» Н. Аронсона к 100-летию ученого³¹. Одновременно советские обозреватели обращали внимание и на события, которые так или иначе свидетельствовали о связях французских деятелей науки и культуры с Россией. Вот некоторые темы: «Французская Академия наук присудила премию академику В.И. Вернадскому»; «В Париже состоялось чествование Московского Художественного театра»; «Вышли на французском языке воспоминания русского посла в Париже Александра Извольского»³² и т.д.

Как уже говорилось, круг советских журналов, в той или иной мере освещавших жизнь живших во Франции соотечественников, был достаточно широк. Один из недолго существовавших в 1920-е гг. «независимых» журналов «Русский современник» (вышло всего четыре номера за 1924 г.) публиковал не только сугубо профессиональные статьи о художественном и литературном творчестве русских за рубежом³³, но иногда печатал и эмигрантских авторов. Раздел «Новости литературы и искусства за границей» велся в 1921–1922 гг. в «Знамени», где среди публикаций была помещена, например, библиография издания левых эсеров³⁴. Много места эмигрантской теме было отведено в журнале «Россия» (1922–1926 гг.), на страницах которого помещались как обзорные статьи (например, «Русская книга за границей»), так и публикации о «русском» Париже³⁵.

²⁸ *Военный* [псевдоним]. Как делали революцию // Книга и революция. 1920. № 1. С. 15–22; *График* [псевдоним]. Наша революция. Буржуазная фаза русской революции в освещении «кадетского историка» // Книга и революция. 1920. № 2. С. 27–34; *Смирнов Н.* Солнце мертвых: заметки об эмигрантской литературе // Красная новь. 1924. № 3. С. 250–267; *Киреев Б.* Революция и гражданская война в описании белогвардейца // Красная новь. 1927. № 2. С. 249–250.

²⁹ Печать и революция. 1923. № 1. С. 251–252.

³⁰ *Сеславинский М.В.* Рандеву: русские художники во французском книгоиздании первой половины XX века: альбом-каталог. М., 2009.

³¹ Печать и революция. 1923. № 4.

³² Там же. № 1, 4.

³³ *Грабарь И.Э.* Искусство русской эмиграции // Русский современник. 1924. № 3. С. 238–248; *Полетика Ю.П.* Ропшин В. (Савинков Б.) Конь вороной // Русский современник. 1924. № 4. С. 242.

³⁴ Издания партии левых эсеров за границей // Знамя. 1922. № 11. С. 129–130.

³⁵ *Парнах В.* Современный Париж // Россия. 1923. № 7 (9). С. 20; *Ремизов А.* О себе // Россия. 1923. № 6 (8). С. 144.

Французский «культурный контекст»

Говоря о статьях, посвященных русской эмиграции, нужно заметить, что и сама Франция продолжала оставаться предметом пристального внимания определенного круга читателей. Картина была бы неполной, если не остановиться на том, как освещалась культурная жизнь страны в целом, тем более что и «эмигрантская тема» помещалась, как правило, во «французский контекст». Как известно, еще до революции русское присутствие во Франции было отмечено целым рядом знаковых явлений (балет, изобразительное искусство, музыка), и советские литературные и художественные журналы продолжали сложившуюся ранее традицию рассказывать читателям о культуре и науке Франции, хотя преобладала на его страницах все же литературная тематика. Вопреки сложившемуся представлению о крайней степени политизации периодики того времени, исключительно классовом подходе к отбору материала и жесткой цензуре, на страницах советских журналов различной направленности, прежде всего литературных и художественных, размещалась емкая информация о событиях культурной жизни Запада, особенно Франции. Хроника культурной жизни содержала сведения о литературных новинках, выставках, книжных магазинах, издательствах и других явлениях культуры, а также о писателях, художниках и деятелях культуры иных сфер. Почти в каждом номере на страницах уже называвшихся журналов помещались статьи и очерки о творчестве французских писателей и художников, рецензии на французские книги, включая переведенные на русский язык и изданные в России. Круг авторов, чье творчество было представлено в журналах, был достаточно широк и включал имена как уже знаменитые, так и менее известные. При этом лояльность писателя к Советской России не была обязательным условием разговора об его творчестве. Произведения А. Барбюса, А. Франса, Ж. Дюамеля, А. де Ренье, К. Фаррера, А. Гильбо и других писателей регулярно рецензировались на страницах журналов.

Нужно заметить, что произведения французских авторов публиковались достаточно большими для того времени тиражами (например, романы А. де Ренье выпускались в количестве 4 тыс. экземпляров), в переводах и часто с предисловиями известных русских писателей, поэтов, литературоведов – М. Кузмина, О. Мандельштама, Вс. Рождественского, А. Чеботаревской, М. Лозинского и др. Авторами статей, обзоров и рецензий выступали также достаточно известные еще в дореволюционное время литературоведы и литературные критики, многие из которых были привлечены к работе М. Горьким и А. Луначарским. Профессиональные литераторы, получившие, как правило, прекрасное университетское образование, не могли не обратить внимание на качество издаваемой в многочисленных советских (в том числе частных) издательствах «продукции». Неудивительно, что уровень публикуемой литературы был очень различен. Довольно часто свои рецензии авторы сопровождали комментариями по поводу неудачных переводов (не только с французского). Например, обвинение в непрофессионализме и стремлении «заработать» звучит в адрес издательства «Мысль»: «Мысль», – очевидно, предприятие коммерческое, хватающееся за ходкие книги авторов, открытых серьезными издательствами, как, например, той же “Всемирной Литературой”. Такому коммерческому издательству, стоящему от литературы

столь же далеко, как гвоздильный завод, важно поскорее сострять переводец, выпустить на рынок и получить денежки»³⁶. В то же время издательство Academia Государственного института истории искусств отмечается как безукоризненное и способное служить образцом того, как надо издавать книги³⁷.

Как уже было сказано, в силу направленности названных журналов в них преобладали рецензии на литературные произведения. И здесь можно было бы ожидать, что литературные обозрения будут посвящены, прежде всего, произведениям тех писателей, кто отображал напряженность и остроту классовых противоречий. Однако это не было «правилом», которому следовали авторы обзоров. Так, в «Новом мире» за 1925 г. был помещен ряд рецензий на книги Анри де Ренье, Жюль Ромена и других писателей, в которых менее всего можно было найти критику «неклассового» подхода. В рецензии А. Цинговатова (литературовед, историк литературы, критик. – Л.Р.) на рассказы А. Барбюса, в частности, отмечается, что в них не только абсолютно отсутствует «элемент агитационно-пропагандистский, неотъемлемый у Барбюса последних лет, но и вообще социальный момент выражен слабо», а несомненное достоинство произведений писателя заключается в «мощном психологическом разрезе», «психоанализе». И далее с некоторой долей сожаления автор рецензии пишет об этих «изящных новеллах-миниатюрах»: «Если бы рассказы Барбюса в русском переводе появились бы 10 лет тому назад, они имели бы несомненный успех... В наше же время, в 1925 году, они воспринимаются как устарелые, как несозвучные нашей исключительно-действенной современности»³⁸.

Автор рецензии на «Загадочные истории» А. де Ренье, отмечая «абсолютную аполитичность» книги, именно в этом видит ее достоинство, ибо «можно отдохнуть», читая рассказы «ни о чем, но занимательные»³⁹. Этот же автор (русский и советский литературный критик Борис Анибал. – Л.Р.) в другой рецензии на собрание сочинений А. де Ренье пишет, что изящно и просто в белых с красной рамкой переплетах небольшого формата тома в сочетании с «недорогой ценой» удовлетворят самого строгого библиофила. И далее он замечает относительно содержания книг: «Никто не будет утверждать, что Ренье созвучен нашей современности», но он «мастер романа, великолепный стилист»⁴⁰. Тем не менее, сколь идеологически ни сдержанны были обзоры французской литературы, избежать совершенно характеристик такого рода было невозможно. Так, по поводу книги Н. Сегюра «Разговоры с А. Франсом» рецензент замечает, что здесь совсем другой Франс – не тот, который приветствовал СССР и был почти членом Французской коммунистической партии (ФКП), а подавленный сомнениями скептик, и книга почти убеждает, что он «не мог быть социалистом в силу того, что не мог ни во что верить». Рецензент советует читателям отнестись к книге Н. Сегюра «с величайшей осторожностью»⁴¹. В рецензии на «Игры и утехы» Жоржа Дюаме-

³⁶ Анибал Б. Анри де-Ренье // Новый мир. 1925. № 12. С. 159.

³⁷ Новый мир. 1925. № 12. С. 156.

³⁸ Цинговатов А. Барбюс. Рассказы // Новый мир. 1925. № 6. С. 154–155.

³⁹ Анибал Б. Анри де-Ренье. Загадочные истории // Новый мир. 1925. № 5. С. 155–156.

⁴⁰ Там же. С. 156.

⁴¹ Ю.Д. [Рец.] Н. Сегюр. Разговоры с Анатолем Франсом // Новый мир. 1925. № 12. С. 157.

ля, который, по словам ее автора, стал сейчас в России «очень популярным западным писателем», обращается основное внимание на то, что Дюамель «характеризует целую группу французских писателей, объединившихся под знаменем “унаимизма”». Отмечая эту литературу как антимилитаристскую, все же в большей степени рецензент видит ее ценность в глубоком проникновении в психологию людей («бессюжетные психологические этюды»), хотя при всех художественных достоинствах заметна «узость горизонтов»⁴². Были опубликованы и получили отклики и романы Жюля Ромена, основное достоинство которых литературные критики увидели так же в развернутом описании чувств и мыслей «почти без действия и персонажей».

Выводы

Принимая во внимание постоянную обращенность эмигрантской печати к России и сохраняющиеся надежды на временный характер сложившейся ситуации, применительно к первой половине 1920-х гг. можно говорить о своеобразном дистанцированном диалоге между русской интеллигенцией во Франции и в России. Этот диалог далеко не всегда и необязательно был политизирован и часто носил характер дискуссии/критики в области вопросов литературы и искусства.

Размещение на страницах журналов информации о русских эмигрантах, несомненно, было регламентировано циркулярами соответствующих властных структур, но вместе с тем содержание статей свидетельствует о том, что их авторы часто выходили «за пределы дозволенного», и культура брала верх над идеологией. Это подтверждает и знакомство с публикациями в журналах 1920-х гг., посвященными французской литературе и искусству, подавляющее большинство из которых были свободны от идеологии или политики и продолжали традицию дореволюционной практики культурных связей. В целом же можно говорить о достаточно емком информационном потенциале материалов, публикуемых на страницах советских журналов первой половины 1920-х гг., где отложились ценные свидетельства, хотя и опосредованные, интеллектуальной жизни русской эмиграции.

Рукопись поступила: 5 мая 2019 г.

Submitted: 5 May 2019

Библиографический список

- Аксенов И.А.* «Окно». Трехмесячник литературы // Печать и революция. 1923. № 6. С. 255–258.
Анибал Б. Анри де-Ренье // Новый мир. 1925. № 12. С. 157–160.
Анибал Б. Анри де-Ренье. Загадочные истории // Новый мир. 1925. № 5. С. 155–156.
Блом А.В. За кулисами «Министерства правды»: тайная история советской цензуры. 1917–1929. СПб.: Академ. проект, 1994. 320 с.
Воронский А. Старческое слабоумие // Печать и революция. 1921. № 1. С. 7–31.
Военный [псевдоним]. Как делали революцию // Книга и революция. 1920. № 1. С. 15–22.
Грабарь И.Э. Искусство русской эмиграции // Русский современник. 1924. № 3. С. 238–248.
Грачева С.М. Художественная критика в журнале «Печать и революция» // Искусствознание. 2010. № 3–4. С. 542–555.

⁴² *Эйшишкин Н.* Жорж Дюамель. Игры и утехы // Новый мир. 1925. № 12. С. 155.

- Говоров А.А., Куприянова Т.Г. История книги. М.: Изд-во МГУП, 2001. 346 с.
- График [псевдоним]. Наша революция. Буржуазная фаза русской революции в освещении «кадетского историка» // Книга и революция. 1920. № 2. С. 27–34.
- Жукова О.А., Кантор В.К. Петр Бернгардович Струве. М.: РОССПЭН, 2012. 327 с.
- Казмин Н. Эмигрантские газеты // Печать и революция. 1923. № 4. С. 61–72.
- Климова О.Н. Русская эмиграция и советская интеллигенция: проблемы культурного взаимодействия в 1920–1929 гг. Челябинск: ЮУрГГПУ, 2008. 24 с.
- Киреев Б. Революция и гражданская война в описании белогвардейца // Красная новь. 1927. № 2. С. 249–250.
- Лежнев А. Версты. Париж // Красная новь. 1926. № 12. С. 259–260.
- Мецераков Н. Наши за границей // Красная новь. 1921. № 1. С. 275–276.
- Михеева Г.В. Критико-библиографическая периодика в России в первое послереволюционное пятилетие (1917–1921 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 1 (18). С. 63–75.
- Митрохин В.А. Отечественная историография российской эмиграции «первой волны» (1920-е – середина 80-х гг.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2008. Т. 10. № 4. С. 1235–1242.
- Михалев Н.М. Русская эмигрантская периодика как инструмент формирования мирового общественного мнения // Медиаскоп. 2009. № 3. С. 15–25.
- Парнах В. Современный Париж // Россия. 1923. № 7 (9). С. 19–27.
- Полонский В. Из белой литературы: метаморфозы: заметки // Красная новь. 1923. № 4. С. 300–311.
- Полонский В. На распутье // Печать и революция. 1921. № 3. С. 15–23.
- Полетика Ю.П. Ропшин В. (Савинков Б.) Конь вороной // Русский современник. 1924. № 4. С. 220–234.
- Ремизов А. О себе // Россия. 1923. № 6 (8). С. 140–155.
- Сеславинский М.В. Рандеву: русские художники во французском книгоиздании первой половины XX века: альбом-каталог. М.: Астрель, 2009. 504 с.
- Смирнов Н. Солнце мертвых: заметки об эмигрантской литературе // Красная новь. 1924. № 3. С. 250–267.
- Таштамирова Л.Р., Корнилова И.В. Публицистическая деятельность П.Б. Струве в эмиграции // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. 2014. № 33. С. 131–143.
- Цинговатов А. Барбюс. Рассказы // Новый мир. 1925. № 6. С. 154–155.
- Эйшишкин Н. Жорж Дюамель. Игры и утехы // Новый мир. 1925. № 12. С. 152–157.
- Ю.Д. [Рец.] Н. Сегюр. Разговоры с Анатоном Франсом // Новый мир. 1925. № 12. С. 150–162.
- Kassof B. Glavlit, ideological censorship, and Russian-Language book publishing, 1922–1938 // The Russian Review. 2015. No. 1. Pp. 69–96.
- Fox M. Glavlit, censorship and the problem of party policy in cultural affairs, 1922–1928 // Soviet Studies. 1992. No. 6. Pp. 1045–1068.

References

- Aksenov, I.A. “‘Okno.’ Trekhmesyachnik literatury.” *Pechat’ i revolyutsiya*, no. 6 (1923): 255–258 (in Russian).
- Anibal, B. “Anri de-Ren`ye. Zagadochnyye istorii.” *Novyy mir*, no. 5 (1925): 155–156 (in Russian).
- Blyum, A.V. *Za kulisami ‘Ministerstva pravdy’: Taynaya istoriya sovetskoj tsenzury. 1917–1929*. Saint Petersburg: Akadem. Proyekt Publ., 1994 (in Russian).
- Eyshiskin, N. “Zhorzh Dyumel’. Igrы i utekhi.” *Novyy mir*, no. 12 (1925): 152–157 (in Russian).
- Fox, M. “Glavlit, Censorship and the Problem of Party Policy in Cultural Affairs, 1922–28.” *Soviet Studies*, no. 6 (1992): 1045–1068.
- Grabar’, I.E. “Iskusstvo russkoy emigratsii.” *Russkiy sovremennik*, no. 3 (1924): 238–248 (in Russian).
- Gracheva, S.M. “Khudozhestvennaya kritika v zhurnale ‘Pechat’ i revolyutsiya’.” *Iskusstvovoznaniye*, no. 3–4 (2010): 542–555 (in Russian).

- Govorov, A.A., and Kupriyanova, T.G. *Istoriya knigi*. Moscow: MGUP Publ., 2001. <http://www.hi-edu.ru/e-books/HB/20-1.htm> (in Russian).
- Kassof, B. “Glavlit, Ideological Censorship, and Russian-Language Book Publishing, 1922–38.” *The Russian Review* 74, no. 1 (2015): 69–96.
- Kazmin, N. “Emigrantskiye gazety.” *Pechat’ i revolyutsiya*, no. 4 (1923): 61–72 (in Russian).
- Kireyev, B. “Revolutsiya i grazhdanskaya voyna v opisaniy belogvardeytstva.” *Krasnaya nov’*, no. 2 (1927): 249–250 (in Russian).
- Khrisanfov, V.I., and Turygina, N.V. “K istoriografii voprosa o chislennosti russkoy emigratsii vo Frantsii v 1920–1930-ye gody.” *Vestnik of Saint Petersburg University*, no. 3 (2014): 17–27 (in Russian).
- Klimova, O.N. *Russkaya emigratsiya i sovetskaya intelligentsiya: problemy kul’turnogo vzaimodeystviya v 1920–1929 gg.* Chelyabinsk: South Ural State Humanitarian Pedagogical University Publ., 2008 (in Russian).
- Lezhnev, A. “Versty. Parizh.” *Krasnaya nov’*, no. 12 (1926): 259–260 (in Russian).
- Mikheyeva, G.V. “Kritiko-bibliograficheskaya periodika v Rossii v pervoye poslerevolutsionnoye pyatiletie (1917–1921 gg.)” *Journal of Saint Petersburg State University of Culture and Arts*, no. 1 (2014): 63–75 (in Russian).
- Mikhalev, N.M. “Russkaya emigrantskaya periodika kak instrument formirovaniya mirovogo obshchestvennogo mneniya.” *Mediascope*, no. 3 (2009): 15–25 (in Russian).
- Mitrokhin, V.A. “Otechestvennaya istoriografiya rossiyskoy emigratsii ‘pervoy volny’ (1920-ye – seredina 80-kh gg.)” *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, no. 4 (2008): 1235–1242 (in Russian).
- Meshcheryakov, N. “Nashi za granitsey.” *Krasnaya nov’*, no. 1 (1921): 275–276 (in Russian).
- Parnakh, V. “Sovremennyy Parizh.” *Rossiya*, no. 7 (1923): 19–27 (in Russian).
- Poletika, Y.P. “Ropshin V. (Savinkov B.). Kon’ voronoy.” *Russkiy sovremennik*, no. 4 (1924): 220–234 (in Russian).
- Polonskiy, V. “Iz beloy literatury: Metamorfozy: Zametki.” *Krasnaya nov’*, no. 4 (1923): 300–311 (in Russian).
- Seslavinskiy, M.V. *Randevu: russkiye khudozhniki vo frantsuzskom knigoizdaniy pervoy poloviny XX veka: al’bom-katalog*. Moscow: Astrel Publ., 2009 (in Russian).
- Smirnov, N. “Solntse mertvykh: zametki ob emigrantskoy literature.” *Krasnaya nov’*, no. 3 (1924): 250–267 (in Russian).
- Tashtamirova, L.R., and Kornilova, I.V. “Publitsisticheskaya deyatelnost’ P.B. Struve v emigratsii.” *Aktual’nyye voprosy obshchestvennykh nauk: sotsiologiya, politologiya, filosofiya, istoriya*, no. 33 (2014): 131–143 (in Russian).
- Tsingovatov, A. “Barbyus. Rasskazy.” *Novyy mir*, no. 6 (1925): 154–155 (in Russian).
- Voronskiy, A. “Starcheskoye slaboumiye.” *Pechat’ i revolyutsiya*, no. 1 (1921): 7–31 (in Russian).
- Zhukovoy, O.A., and Kantora. V.K. *Petr Berngardovich Struve*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2012 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Рябова Людмила Константиновна, кандидат исторических наук, доцент кафедры источниковедения истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Косорукова Мария Ивановна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова.

Lyudmila K. Ryabova, Kandidat Istoricheskikh Nauk [PhD in History], Associate Professor at the Department of Source Study of Russian History, Institute of History of Saint Petersburg State University.

Maria I. Kosorukova, Kandidat Istoricheskikh Nauk [PhD in History], Associate Professor at the Department of History of Plekhanov Russian University of Economics.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-3-619-641>

Научная статья / Research article

Первая русская этнографическая экспедиция на Цейлон и в Индию (1914–1918)

И.Ю. Котин^{a,b}, Н.Г. Краснодембская^a, Е.С. Соболева^{a,b}

^aМузей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3; nigekrasno@mail.ru, soboleva@kunstkameta.ru

^bСанкт-Петербургский государственный университет; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9; iykotin@kunstkamera.ru

The First Russian Ethnographic Expedition to Ceylon and India (1914–1918)

Igor Yu. Kotin^{a,b}, Nina G. Krasnodembskaya^a, Elena S. Soboleva^{a,b}

^aPeter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences; 3 Universitetskaya nab., Saint Petersburg, 199034, Russia; nigekrasno@mail.ru, soboleva@kunstkameta.ru

^bSaint Petersburg University; 7–9, Universitetskaya nab., Saint Petersburg, 199034, Russia; iykotin@kunstkamera.ru

Аннотация: В статье анализируется история подготовки, состав, маршрут и результаты деятельности Первой русской этнографической экспедиции на Цейлон и в Индию в 1914–1918 гг., организованной Музеем антропологии и этнографии (МАЭ) имени Петра Великого, наследником первого русского музея – Кунсткамеры. На материалах архивов Санкт-Петербурга, а также с привлечением других архивных материалов и научных публикаций в контексте истории транснациональных контактов и научных связей рассмотрены многие малоизвестные аспекты деятельности экспедиции, полностью проанализирован ее маршрут, выявлены основные достижения участников Первой русской этнографической экспедиции на Цейлон и в Индию – Г.Х. (А.М.) и Л.А. Мервартов. Авторы статьи пришли к выводу о важном значении транснациональных контактов МАЭ при подготовке и проведении экспедиции, роли собранных коллекций и материалов для формирования индологии и этнографии Южной Азии в России в 1920–1930-е гг.

Ключевые слова: Первая русская этнографическая экспедиция в Южную Азию, Цейлон, Индия, В.В. Радлов, А.М. Мерварт, Л.А. Мерварт

Для цитирования: Котин И.Ю., Краснодембская Н.Г., Соболева Е.С. Первая русская этнографическая экспедиция на Цейлон и в Индию (1914–1918) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 3. С. 619–641. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-3-619-641>

Abstract: The article is devoted to the history, itinerary and achievements of the First Russian Ethnographic Expedition to Ceylon and India (1914–1918). Based on archival material and rare publications the article gives insight into the history of this, little known, expedition and provides new

© Котин И.Ю., Краснодембская Н.Г., Соболева Е.С., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

biographical information about its participants, Gustav Hermann Christian Meerwarth (also known as Alexander Mikhailovich Meerwarth) and Lyudmila Alexandrovna Meerwarth. Their achievements are placed in the context of transnational contacts of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography. The authors of the article show the importance of transnational contacts of the Museum of Anthropology and Ethnography for the success of the First Russian Ethnographic Expedition and the development of Russian Indology and ethnography in 1920–1930s.

Keywords: Alexander Meerwarth, Lyudmila Alexandrovna Meerwarth, Ceylon, India, history, ethnography, Museum of Anthropology and Ethnography

For citation: Igor Yu. Kotin, Nina G. Krasnodembkaya, Elena S. Soboleva, “The First Russian Ethnographic Expedition to Ceylon and India (1914–1918).” *RUDN Journal of Russian History* 18, no. 3 (August 2019): 619–641. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-3-619-641>

Введение

Контакты и научный обмен, которые развивала Россия на протяжении последних трех столетий в области науки о народах, имели важное значение, с одной стороны, для распространения знаний в области антропологии и этнографии, с другой, для формирования образа России в общественном мнении разных стран. Особую роль в этом процессе играл преемник основанной Петром I Кунсткамеры – Музей антропологии и этнографии (МАЭ) имени Петра Великого Российской академии наук, отмечающий в 2019 г. свое 305-летие.

С музеем связана научная деятельность выдающихся отечественных исследователей: основоположника российской и европейской антропологии академика К.М. Бэра, путешественника и ученого Н.Н. Миклухо-Маклая, создателей собственных научных школ И.И. Зарубина, Н.В. Кюнера, Р.Ф. Бартона, Д.А. Ольдерогге, Ю.В. Кнорозова и др. Важным научным направлением музея стало исследование этногенеза, этнокультурного облика народов и этнических процессов как на территории России, так и зарубежных стран путем организации этнографических экспедиций. В этой связи большой научный интерес приобретает анализ следующих аспектов: антропологии путешествия, программ, маршрутов и результатов подобных экспедиций в разные точки земного шара, а также диалога исследователей и исследуемых.

В данной статье будет освещена история подготовки и осуществления Первой русской этнографической экспедиции на Цейлон и в Индию 1914–1918 гг., организованной Музеем антропологии и этнографии имени Петра Великого. История экспедиции рассматривается в контексте развития российской и европейской этнографии с учетом научных связей, существовавших у Музея антропологии и этнографии с учеными мира.

Основными источниками для исследования стали архивные материалы. Прежде всего документы Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук, часть из которых была опубликована в тематических сборниках документов¹, другая часть впервые вводится в научный оборот. Большую научную

¹ Русско-индийские отношения в 1900–1917 гг.: сборник архивных документов и материалов / отв. ред. Т.Н. Загородникова, П.М. Шаститко. М., 1999. С. 393–422; Русские на Цейлоне в XIX – начале XX в.: сборник архивных документов и материалов / сост. Т.Н. Загородникова. М., 2010. С. 235–238.

ценность для изучения истории экспедиции представляет опубликованный в 1927 г. отчет Мервартов о ее результатах.²

Интерес исследователей к работе экспедиции возник в 1960-е гг. Первой в советской историографии к изучению экспедиции Мервартов обратилась Н.Г. Краснодембская³. Отдельные аспекты проблемы были раскрыты А.А. Вигасиным⁴ и Е.Я. Люстерник⁵. Члены научной группы во главе с Н.Г. Краснодембской (И.Ю. Котин и Е.С. Соболева) провели в 2013–2018 гг. исследование, результатом которого стал ряд публикаций в журналах⁶ и научных сборниках⁷, а также монография «Экспедиция МАЭ на Цейлон и в Индию в 1914–1918 гг. История. Коллекции. Научное наследие»⁸.

Целью экспедиции было приобретение музейных экспонатов для будущей этнографической выставки по Индии в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого, а также изучение в целом этнографии Южной Азии, поскольку в тот период музей испытывал острую необходимость в приобретении необходимых экспонатов, которых в коллекции было явно недостаточно.

Директор музея В.В. Радлов, занимавший этот пост в период с 1895 по 1917 г., ставил перед собой и коллективом сотрудников задачу создать из МАЭ лучший этнографический музей Европы. В 1903 г., в год празднования 200-летия Санкт-Петербурга, он добился присвоения МАЭ – наследнику петровской Кунсткамеры – имени Петра Великого. Радлов также прилагал усилия к тому, чтобы получить покровительство российского императора над музеем. У него были даже планы назвать будущий Индийский зал музея именем Николая II, который, как известно, будучи наследником престола в 1890–1891 гг. побывал в Индии в рамках большого турне по Востоку. В 1896 г. восточные коллекции, собранные в ходе этого путешествия, были переданы последним российским императором Музею антропологии и этнографии.

Императорские дары и другие коллекции музея, однако, не давали полного представления о культуре и этнографии региона Южной Азии. Директор музея и его помощник, главный этнограф МАЭ Л.Я. Штернберг, приняли решение о приглашении для осуществления экспедиции с целью сбора коллекций, научной литературы и проведения этнографических исследований на Цейлоне и в Индии двух молодых сотрудников – доктора философии Гейдельбергского университета Густава Германа Христиана Мерварта (1884–1932; в 1916 г. он принял имя Александра Михайловича)

² Мерварт А.М., Мерварт Л.А. Отчет об этнографической экспедиции в Индию в 1914–1918 гг. Л., 1927.

³ Краснодембская Н.Г. Русские исследователи на Цейлоне // Тезисы конференции по истории, языкам и культуре Юго-Восточной Азии. Л., 1967. С. 12–13.

⁴ Вигасин А.А. Александр и Людмила Мерварт: у истоков отечественного цейлоноведения и дравидологии // Репрессированные этнографы. М., 2003. Вып. 2. С. 375–398.

⁵ Люстерник Е.Я. Научная экспедиция А.М. и Л.А. Мервартов в Индию в 1914–1918 гг. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Л., 1975. Вып. IV. С. 58–63.

⁶ Котин И.Ю. По следам Мервартов сто лет спустя: Коломбо и Галле // Азия и Африка сегодня. 2015. № 4. С. 69–72.

⁷ Котин И.Ю., Соболева Е.С. По следам Мервартов: индийский маршрут // Материалы полевых исследований МАЭ РАН / под ред. Е.Г. Федоровой. СПб., 2016. Вып. 16. С. 317–328.

⁸ Котин И.Ю., Краснодембская Н.Г., Соболева Е.С. Экспедиция МАЭ на Цейлон и в Индию в 1914–1918 гг. История. Коллекции. Научное наследие. СПб., 2018.

и его супругу Людмилу Александровну Мерварт (1888–1965; в девичестве – Левину). В это же время экспедиции с этнографическими целями были также направлены музеем в Бразилию (Г. Манизер, И. Стрельников, Ф. Фиельструп и др.), Иран (В. Иванов), Маньчжурию (С. Широкогоров), страны Африки (Н. Гумилев, Н. Сверчков). Перед началом экспедиций по инициативе директора музея, имевшего тесные научные связи с германской профессурой, Г.Г.Х. Мерварт был направлен в Берлин и Мюнхен для более глубокого изучения лучших этнографических коллекций по Южной Азии, хранившихся в Германии. Мерварты также прошли курсы конной езды, фото- и кино- съемки, обучились записи речи на фонограф. К весне 1914 г. Мерварты были готовы и хорошо экипированы для проведения экспедиции в Южную Азию.

Первый этап экспедиции: Цейлон

Мерварты прибыли в Коломбо (на Цейлон) 29 мая 1914 г. Вскоре, 28 июля 1914 г., началась Первая мировая война и связи экспедиции с Россией оказались резко осложнены. В Коломбо Мерварты начали свою деятельность с изучения богатых археологических и этнографических коллекций в Музее Коломбо (в настоящее время – Национальный музей Шри-Ланки). Благодаря международным связям МАЭ с европейскими учеными у Мервартов были рекомендательные письма от коллег к чиновникам и ученым на Цейлоне и в Индии. Их представляли местным аристократам как ученых из России, и часто Мерварты пользовались гостеприимством хозяев как на Цейлоне, так и в Индии, особенно в княжествах Кералы и в Кашмире. Учитывая стесненные финансовые обстоятельства путешественников, это очень помогло Мервартам в сборе коллекций.

Как исследователи Мерварты особенно интересовались различными аспектами местной культуры, искусства и ремесел, традиций, социальных норм, религией и фольклором, изучали под руководством местного ученого Дхармаратны сингальский язык, а также тамильский язык и литературу. Некоторые их работы по сингальскому фольклору были почти сразу опубликованы на Цейлоне⁹. В течение девяти месяцев Мерварты путешествовали по острову на машине и поезде, верхом и в повозке, запряженной буйволами.

Одной из первых этнографических поездок стал переезд ученых из Коломбо в Галле. Глава школы при монастыре Малигаканда Нанисера Тхера пригласил российских исследователей в Галле на церемонию освящения участка земли, подаренного для создания часовни для монахов. Людмила Мерварт получила личное приглашение погостить в деревне Ампития близ Канди в семье богатого землевладельца Пуссегода. Она использовала эту возможность для знакомства с традиционным стилем жизни сингальской семьи, изучала структуру семьи, гендерные роли, систему родства сингалов. Родственник Пуссегода Джон М. Севавиратне, секретарь Общества по изучению древностей и литературы Цейлона, помогал ей в изучении народных верований сингалов. Будучи уважаемым гостем влиятельного землевладельца, Л. Мерварт принимала активное участие в хозяйственной

⁹ *Meerwarth H. Outlines of Sinhalese Folklore // Ceylon Antiquary and Literary Register. Vol. I. Pt. 1. 1915. Pp. 4–7; Meerwarth-Levina L. The Hindu Goddess Pattini in the Buddhist Popular Beliefs of Ceylon // Ceylon Antiquary and Literary Register. 1916–1917. Vol. I. Pt. 1. Pp. 29–37.*

деятельности и праздничной обрядности женщин деревни, что позволило ей собрать редкий и в тот период практически неизвестный западному исследователю этнографический материал, относящийся к традициям, религиозным верованиям, социальной культуре, фольклору, этикету сингалов. Л. Мерварт столь успешно установила и поддерживала связи с членами семьи Пуссегода, что новорожденную девочку в этой семье назвали ее именем, а живущие потомки домохозяйки, принявшего в свое время Людмилу Мерварт, и поныне хранят добрую память о русской исследовательнице. Свой опыт полевой работы на Цейлоне Г.Г.Х. и А.М. Мерварты позднее изложили в научно-популярной книге, изданной в 1929 г.¹⁰

Второй этап экспедиции: Южная Индия

В январе 1915 г. Мерварты переехали из Цейлона в южную Индию и обосновались в Мадрасской провинции Британской Индии, где вновь начали свою деятельность с изучения коллекций Правительственного музея в Мадрасе. Так они поступали во всех местах, куда прибывали, будь то Тривандрам, Бангалор, Пудукоттаи, Калькутта (современное название – Колката), Сарнатх или Лахор. Это давало возможность Мервартам лучше изучить местную культуру, метод организации музеев и выставочного пространства, наличие и степень уникальности тех или иных экспонатов. Члены Первой русской этнографической экспедиции в Индию смогли также посетить знаменитые индуистские храмы юга Индии, такие как храм Минакши в Мадурай и храмы в Танджоре.

В Мадрасе доктор Мерварт продолжил свои занятия тамильским языком под руководством известного знатока этого языка Махамахопадхья Субраманья Айера. Людмила Мерварт приступила к изучению сначала коллекций Мадрасского музея и языка малаялам, а позднее – к полевой работе среди представителей ряда этнических и конфессиональных групп населения Мадрасской провинции – парсов, найяров, мопла. Вероятно, на этом этапе супруги договорились, что Г.Г.Х. Мерварт продолжает изучать тамильский, а его жена начнет изучать язык малаялам, на котором говорили на западе провинции и в ряде соседних княжеств (сейчас эта территория известна как штат Керала).

Супруги основательно готовились к проведению полевой работы в Индии, чему предшествовало изучение ими тамильского языка и языка малаялам. В архиве Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук сохранились фрагменты выписок из публикаций Антропологической службы Индии по племенам куруба, голла, мадига, холийя, сделанных участниками экспедиции¹¹. В том же фонде содержатся опросники и полученные на них ответы, касающиеся семейной жизни, системы родства, народных верований группы малай-арайян¹².

¹⁰ Мерварт А.М., Мерварт Л.А. В глуши Цейлона: путевые заметки участников экспедиции Академии наук в Индию и на Цейлон в 1914–1918 гг. Л., 1929; Переиздание: Мерварт А.М., Мерварт Л.А. В глуши Цейлона (путевые заметки участников экспедиции Академии наук в Индию и на Цейлон в 1914–1918 гг.) // Кунсткамера. Этнографические тетради. СПб., 1997. Вып. 11. С. 326–351; Кунсткамера. Этнографические тетради. СПб., 1998. Вып. 12. С. 333–376.

¹¹ СПбФ АРАН (Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук). Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 69. Л. 1–5.

¹² Там же. Л. 6–9.

Эти материалы не были обработаны и опубликованы российскими исследователями, но свидетельствуют об интересе Мервартов к племенной тематике. Позднее Л.А. Мерварт изучала также традиционные верования качаров Ассама. Сложности работы в Индии и трудности жизни Мервартов по возвращении из Индии не позволили им подготовить обобщающий труд по этнографии племен, хотя многие материалы были ими задействованы в разных публикациях.

Участники экспедиции с первых дней пребывания в Индии испытывали серьезные финансовые проблемы. Шла Первая мировая война, и получать денежные переводы из Санкт-Петербурга было чрезвычайно сложно. В Коломбо их часто выручал российский консул на Цейлоне Б.П. Кадомцев. В Индии же российское консульство было далеко, в Калькутте. Ученым из России приходилось обращаться за помощью к местным жителям. В результате по приглашению местного помещика Рамантхана Мерварты провели жаркое время 1915 г. в его усадьбе в горах Палани, откуда отправлялись в разные районы Кералы, части которой тогда входили в состав Мадраасской провинции и княжеств Кочин и Траванкор. В местечке Шембаганур, расположенном по соседству, они изучали жизнь лесного племени палиян.

В ноябре 1915 г. участники Первой русской этнографической экспедиции переехали в Мадураи – важный центр индусской учености и тамильской культуры. Вскоре Людмила Мерварт приняла приглашение семьи Филлипозе и переехала в Коттаям в Керале, где изучала жизнь сирийских христиан, известных в регионе как назрани мапилла. С Анантакришной Айером, крупнейшим специалистом по этнографии Малабарского побережья Индии, Мерварты побывали в Тхиссуре, Кочине, затем переехали в Тривандрам (в настоящее время – Тируванантапурам). В Тривандраме Г.Г.Х. Мерварт продолжил изучение санскрита (начатое им еще в Санкт-Петербурге) и перевел 13 драм древнеиндийского драматурга Бхасы, не так давно обнаруженных в одном из индийских собраний рукописей. Работа по переводу пьес Бхасы велась под руководством видного индийского ученого Махамопадхья Т. Ганапати Шастри. К сожалению, эти переводы пропали в 1930-е гг.

В феврале 1916 г. чета Мервартов переехала в горы Нилгири, в местечко Удагамандалам, где они получили сообщение, что Императорская академия наук продлила срок пребывания экспедиции еще на два года. Именно в 1916 г. Густав Герман Христиан Мерварт изменил имя на русское «Александр Михайлович», дабы избежать подозрений в шпионаже в пользу Германии. Мервартам предстоял переезд на север Индии, который считался британцами стратегически важным регионом. До переезда туда Мерварты еще успели побывать в Коимбатторе, где Александр Михайлович получил временную работу, и в Майсоре.

Третий этап экспедиции: Северная Индия

Из южной Индии Мерварты переехали в Бенгалию, где проживали в основном в Калькутте и Серампуре. В июне 1916 г. они переехали в Калькутту для изучения коллекций Индийского музея. Оттуда они совершили поездки в Лакхнау, где директор местного Провинциального музея Хирананд Шастри помог Мервартам заказать модели и другие экспонаты для будущей индийской экспозиции петербургского музея. Александр Михайлович продолжил путешествие на северо-

ро-запад Индии, побывал в Кашмире, где ему оказал помощь местный краевед Джагадхар Джаду Шастри. Мерварты побывали также в Лахоре, Дели, Матхуре, а затем через Варанаси вернулись в Калькутту.

В начале 1917 г. Мерварты вернулись в Калькутту, но вскоре их пригласили в расположенный вблизи нее город Серампур, где жил местный профессор Гиваргис из назрани мапилла, которых изучала Людмила Мерварт в Керале. Гиваргис пригласил Мервартов бесплатно поселиться в общежитии серампурского колледжа. Это предложение было с благодарностью принято, поскольку даже на аренду жилья у супругов не было денег. Вскоре Людмила Мерварт стала преподавать в колледже для девочек. Летом 1917 г. А.М. Мерварт отправился в Ассам для изучения народа кхаси. Однако в соседнее с Ассамом княжество Манипур Мерварта не пустили, возможно, из-за его немецкого происхождения.

Осенью того же года А.М. Мерварт получил место помощника хранителя Индийского музея. Находясь в этой должности по предложению директора Индийского музея доктора Томаса Нельсона Аннанделя¹³, Мерварт привел в порядок коллекции и создал экспозиции индийских музыкальных инструментов и этнографических предметов с Андаманских и Никобарских островов, из Центральной Индии и Ассама, а также подготовил два каталога этих коллекций¹⁴.

В конце января 1918 г. закончился срок работы А.М. Мерварта в Индийском музее. Новые предложения, включая вакансию доцента санскрита в одном из колледжей, не давали достаточных средств к существованию. Революционные события в России не позволяли Академии наук продлить срок командировки, в результате в феврале 1918 г. Мерварты покинули Индию на русском торговом судне «Евгения». Пароход и его экипаж, а также Мервартов британцы задержали на 66 дней в порту Рангуна, но затем отпустили. 26 июля 1918 г. Мерварты прибыли во Владивосток.

Достижения

Первой русской этнографической экспедиции на Цейлон и в Индию

Достижения участников Первой русской этнографической экспедиции на Цейлон и в Индию с целью изучения этнографии народов Южной Азии и сбора коллекций для Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого очень значительны. Участники экспедиции провели на Цейлоне и в Индии около четырех лет. Людмила Мерварт взяла на себя все хозяйственные заботы и заботу о здоровье своего супруга. При этом она изучала восточные языки (сингальский, малаялам, урду), записывала образцы фольклора. Александр Мерварт совершенствовался в знании санскрита, изучил тамильский язык, хинди и урду. Он провел кропотливую работу по изучению книжных собраний и музейных коллекций Южной Азии, перевел пьесы Бхасы, выполнил их литературоведческий анализ

¹³ Мерварт А.М., Мерварт Л.А. Отчет об этнографической экспедиции в Индию в 1914–1918 гг. Л., 1927. С. 20.

¹⁴ Meerwarth A.M. A Guide to the Collection of Musical Instruments Exhibited in the Ethnographic Gallery of the Indian Museum, Calcutta. Calcutta, 1917; Meerwarth A.M. The Andamanese, Nicobarese and Hill Tribes of Assam: Ethnographic Gallery Guide. Book 2. Calcutta, 1919.

и написал о нем статью. 6 июля 1917 г. за заслуги в изучении творчества Бхасы Мерварт был избран членом знаменитого Азиатского общества Бенгалии в Калькутте. Тогда же он прочел перед членами общества доклад на тему “Драмы Бхасы: литературоведческий анализ” (“The Dramas of Bhasa: A Literary Study”). На данную тему им была также опубликована статья в журнале общества *Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal*¹⁵.

А.М. Мерварт перевел на русский язык с тамильского классическую поэму «Манимехалей», но, к сожалению, этот перевод не сохранился. Людмила Мерварт стала в России пионером изучения малайского языка и культуры, которыми она заинтересовалась, встретив первых солдат и торговцев-малайцев на Цейлоне. Александр Мерварт создал этнографическую экспозицию Индийского музея и подготовил по ней два каталога. В благодарность за проделанный труд он получил дубликаты экспонатов для Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого. Всего же для МАЭ Мервартами было приобретено около пяти с половиной тысяч предметов. Принципы экспонирования южно-азиатских этнографических коллекций, изученных А.М. Мервартом во время командировок 1913 г. в музеи Германии, пригодились в Калькутте. Позднее принципы и методы экспонирования этнографических коллекций, примененные Мервартом в Калькутте, использовались им при создании экспозиции в МАЭ. Принципы написания каталогов, примененные им в Калькутте, он использовал при написании очерка по «Отделу Индии»¹⁶. Свой опыт работы в индийских музеях и принципы их организации А.М. Мерварт изложил в специальной статье «Музейное дело в Индии»¹⁷.

Возвращение в МАЭ

26 июля 1918 г. А.М. и Л.А. Мерварты оказались во Владивостоке. Вскоре они вместе с этнографом С.М. Широкогоровым организовали историко-филологический факультет Восточного института, наследником которого является современный Дальневосточный университет. Владивосток в те годы оказался ареной кровавых событий гражданской войны, и власть в нем переходила от одних к другим. Продолжать преподавание и хранить ценные музейные экспонаты Мервартам в таких условиях было очень трудно. В 1922 г. супруги переехали из Владивостока в Харбин; в 1924 г. они перебрались в Читу и уже оттуда в Ленинград, куда они отправились в особом вагоне, в котором везли и значительную часть собранных ими экспонатов. Однако очень многое было оставлено ими в Индии, в частных хранилищах Коломбо, музеях Мадраса и Калькутты.

На Цейлоне старые друзья Мервартов хранили музейные экспонаты на складах чайной компании «Губкин, Кузнецов и К» в Коломбо. Часть экспонатов находилась в хранилище Государственного музея в Мадрасе, а также в Индийском музее Калькутты. С собой во Владивосток и далее – в Ленинград Мерварты везли

¹⁵ *Meerwarth A.M.* The Dramas of Bhasa: A Literary Study // *Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal (NS)*. 1917. Vol. XIII. No. 5. Pp. 261–280.

¹⁶ *Мерварт А.М.* Отдел Индии: Краткий очерк индийской культуры по материалам Отдела Индии МАЭ. Л., 1927, вклад. л. карт.: ил., план. (Путеводитель по Музею антропологии и этнографии/Акад. наук СССР.)

¹⁷ *Мерварт А.М.* Музейное дело в Индии // *Известия ГАИМК*. Л., 1927. Т. 5. С. 139–156.

11 ящиков с наиболее ценными предметами. В 1923 г. по поручению Академии наук Г.Д. Красинский вывез на торговом судне, занимавшемся доставкой чая, коллекции Мервартов и их самих доставил в Петроград (тогда уже Ленинград). Здесь Мерварты вновь смогли заняться индологией, этнографией и музеологией. Они разобрали привезенные ими и доставленные Красинским экспонаты (более 5 тыс. предметов); им также удалось привезти 3 тыс. негативов и фотографий, множество книг. К сожалению, из-за задержки с доставкой грузов из Индии около четверти экспонатов были повреждены или уничтожены климатом и термитами. Однако остальное удалось зарегистрировать, рассортировать по нескольким тематическим коллекциям и выставить.

Научная и музейная деятельность участников экспедиции в 1924–1930 гг.

В России (с 1918 г. – во Владивостоке, с 1924 г. – в Ленинграде) участники Первой русской этнографической экспедиции на Цейлон и в Индию старались использовать приобретенные знания по этнологии¹⁸, музеологии¹⁹ и индологии с образовательными целями. Они выступали с лекциями, проводили занятия в музее (с 1924 г.). Александр Мерварт стоял у истоков создания радиоуниверситета и читал лекции по истории культуры Востока по радио. Жители многих отдаленных уголков Советской России узнавали благодаря его лекциям в 1928–1929 гг. о народах Индии и их культуре.

Практический интерес к музеологии сохранялся у Александра Мерварта надолго. Анализ организационных структур, финансирования, принципов менеджмента в музеях Индии, осуществленный в 1920-е гг., нашел отражение в его статьях: «Роль музеев в культуре современной Индии»²⁰, «Достижения и проблемы индийской этнографии»²¹, содержащих информацию, полученную из первых рук опытным этнографом, проводившим в Южной Азии многие годы. Во второй половине 1920-х гг. А.М. Мерварт выступил организатором выставки «Театр Востока», был редактором одноименного сборника, в котором представил статью, посвященную индийскому народному театру²². А.М. Мерварт являлся также пионером изучения керальского театра катхакали и опубликовал о нем статью на французском языке²³.

Выводы

Первая русская этнографическая экспедиция на Цейлон и в Индию стартовала в мае 1914 г. и продолжалась все сложные годы Первой мировой войны. Несмотря на административные сложности, Российская (до 1917 г. – Императорская)

¹⁸ Мерварт А.М. Достижения и проблемы индийской этнографии // Этнография. М., 1927. Т. 3. № 1. С. 123–126.

¹⁹ Мерварт А.М. Роль музеев в культуре современной Индии // Научный работник. М., 1926. № 2. С. 84–96.

²⁰ Там же. С. 84–96.

²¹ Мерварт А.М. Достижения и проблемы индийской этнографии // Этнография. М., 1927. Т. 3. № 1. С. 123–126.

²² Мерварт А.М. Индийский народный театр // Восточный театр. Л., 1929. С. 16–111.

²³ Meerwarth A.M. Les Kathakalis du Malabar // Journal Asiatique. 1926. Vol. 4. Pp. 198–284.

академия наук сумела продлить сроки командировки Мервартов в 1916 г. Время от времени ей удавалось даже пересылать участникам экспедиции некоторые средства. В результате участники экспедиции оставались в Индии до февраля 1918 г. Большую часть времени они тратили на изыскание дополнительных средств к существованию и источников финансирования покупки экспонатов для Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого.

Участники экспедиции собрали более 5 тыс. предметов и около 600 книг по этнографии Южной Азии, изготовили 3 тыс. фотографий. Они изучили сингальский, литературный и разговорный тамильский языки, малайялам, хинди и урду. А.М. Мерварт достиг совершенства в изучении санскрита и под руководством индийских пандитов перевел 13 пьес древнеиндийского драматурга Бхасы. Заслуги в изучении литературного наследия Бхасы были отмечены избранием А.М. Мерварта членом Азиатского общества Бенгалии в Калькутте. Впоследствии А.М. Мерварт стал пионером в изучении и преподавании тамильского языка в России. Л.А. Мерварт изучала быт и традиционные верования ряда племен и членов этноконфессиональных групп Индии. Она стояла у истоков российского цейлоноведения. Встреча с малайцами-мигрантами на Цейлоне определила ее интерес к этому народу, и в дальнейшем Л.А. Мерварт стала пионером российской малаистики.

По окончании срока командировки А.М. и Л.А. Мерварты приняли непростое решение вернуться в охваченную гражданской войной Россию. Во Владивостоке из-за невозможности немедленного переезда в Петроград участники Первой русской этнографической экспедиции на Цейлон и в Индию занимались преподавательской деятельностью, используя уникальные знания, полученные в Южной Азии. В 1922–1924 гг. Мерварты были вынуждены перебраться в Харбин, где не оставляли исследовательскую и преподавательскую деятельность.

В 1924 г. им удалось перебраться из Харбина в Читу, а затем в Петроград (Ленинград). С собой они везли 11 ящиков самых ценных индийских экспонатов. Остальное долго хранилось на складах и в хранилищах Коломбо, Бомбея и Калькутты. В 1923 г. усилиями Г.Д. Красинского экспонаты удалось доставить в Петроград.

С 1924 по 1930 гг. А.М. и Л.А. Мерварты активно занимались работой по регистрации, описанию, изучению и выставлению привезенных ими экспонатов в Музее антропологии и этнографии. А.М. Мерварт издал каталог экспозиции отдела Индии. Оба ученых активно публиковались и вели преподавательскую деятельность. А.М. Мерварт стоял у истоков радиоуниверситета, он также много сделал для изучения индийского театра. В 1929 г. им была издана первая грамматика разговорного тамильского языка. Интересы Л.А. Мерварт, возглавившей в МАЭ отдел Индонезии, были все больше связаны с индонезийско-малайской литературой и этнографией.

Арест Мервартов в 1929 г. по «Академическому делу» и осуждение их в 1930 г. на различные сроки разрушили судьбы этих исследователей и нанесли непоправимый урон отечественной науке. А.М. Мерварт скончался в 1932 г. в Усть-Печерском трудовом исправительном лагере. Л.А. Мерварт более чем на 30 лет пережила супруга, но к индологии уже не возвращалась. Однако общим памятником усилий Первой

русской этнографической экспедиции на Цейлон и в Индию остается современная экспозиция МАЭ «Народы Южной Азии», более чем наполовину составленная из предметов, привезенных из экспедиции А.М. и Л.А. Мервартами.

ENG

Introduction

Over the past three centuries, Russia's international contacts and scientific exchanges in connection with the study of human societies have had a significant impact both on the dissemination of anthropological and ethnographic knowledge and on the formation of popular images of Russia in various countries. In both respects, the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (MAE) of the Russian Academy of Sciences, founded by Peter I as the *Kunstkamera* 305 years ago, has played a special role.

The scientific activities of many outstanding Russian researchers are associated with the Museum, including a founding figure of Russian and European anthropology, academician K.M. Baer; traveler and scientist N.N. Miklouho-Maklay; and such seminal intellectuals and founders of scientific schools as I.I. Zarubin, N.V. Kuhner, R.F. Barton, D.A. Olderogge, and Yu.V. Knorozov. The organization of ethnographic expeditions became a central part of the museum's research focus, enabling the study of ethnogenesis, the ethnocultural description of peoples, and the study of ethnic processes both in Russia and in foreign countries. In connection with this, the anthropology of these trips merits analysis, including the programs, routes and results of these kinds of expeditions to different parts of the globe, as well as the dialogue that ensued between researchers and native inhabitants.

This article centers on the preparations for, and realization of, the First Russian Ethnographic Expedition to Ceylon and India in 1914–1918. The history of the expedition, which was organized by the MAE, is placed in the context of the development of Russian and European ethnography in this period as well as the scientific links between the museum and scholars all over the world. The main sources for the study are archival materials, above all the documents of the Saint Petersburg branch of the Archives of the Russian Academy of Sciences, some of which were published in thematic collections of documents,¹ and some of which have not previously figured in scholarly research. A particularly noteworthy document is the report on the results of the expedition, published in 1927, by the Meerwarths, the husband-and-wife team in charge of the expedition.²

Historical interest in the Meerwarths' expedition first appeared in the 1960s. Nina G. Krasnodembskaya was the first Soviet historian to study the expedition, followed by E.Y. Lyusternik and A.A. Vigin, each of whom treated only specific aspects of the expe-

¹ T.N. Zagorodnikova, and P.M. Shastitko, eds. *Russko-indiiskie otnosheniia v 1900–1917 gg. Sbornik arkhivnykh materialov* (Moscow: Vostochnaia literatura, 1999), 393–422; T.N. Zagorodnikova, ed. *Russkie na Tseilone v XIX – nachale XX v. Sbornik arkhivnykh dokumentov i materialov* (Moscow: Institut Vostokovedeniia, 2010), 235–238.

² A.M. Meerwarth, and L.A. Meerwarth, *Otchet ob etnograficheskoi ekspeditsii v Indii v 1914–1918* (Leningrad: Akademii Nauk SSSR, 1927).

dition.³ In 2013–2018, members of a research team headed by Nina G. Krasnodembskaya, including Igor Yu. Kotin and Elena S. Soboleva, collected new data in Saint Petersburg, India, Sri Lanka, Munich, Paris and Leiden, on the basis of which they produced a series of publications, including the monograph *The MAE Expedition to Ceylon and India, 1914–1918. History. Collections. Scientific Legacy*, published by the museum in 2018.⁴

The aim of the expedition was to collect artifacts for a future ethnographic exhibition on India at the Museum, as well as to study Ceylonese (Sri Lankan) and Indian ethnography more generally. The MAE badly needed authentic items to represent the traditional cultures of South Asia. V.V. Radlov (1837–1918), the director of the museum from 1895 to 1918, had the ambition of making the MAE the best ethnographic museum in Europe. He succeeded in attaching the name of Peter the Great to the museum during Saint Petersburg's bicentenary celebrations in 1903. Radlov also made strenuous efforts to receive Imperial patronage for the MAE, and planned to name the future Indian Hall of the Museum after Tsar Nicholas II, who visited India in 1890–91 during his grand tour of the East. In 1896, the tsar had presented the Asian artifacts that had been collected during his tour to the MAE. Still, even with this gift, the museum's collections did not give a full representation of the culture and ethnography of South Asia. The museum director and his assistant, Dr. Leo Sternberg, decided to invite two talented young researchers, Gustav Herrmann Christian Meerwarth (since 1916 – Alexander Mikhailovich Meerwarth) (1884–1932) and Lyudmila Alexandrovna Meerwarth (1888–1965, née Levina), to undertake an expedition to Ceylon and India for the purposes of collecting artifacts and scholarly literature and carrying out original ethnographic research. At the same time, other expeditions with ethnographic aims were sent by the museum to Brazil (G. Manizer), Iran (V. Ivanov), Manchuria (S. Shirokogorov), and Africa (N. Gumilev). At the initiative of Radlov, who maintained close scholarly ties to German professors, G.H.C. Meerwarth was first sent to Berlin and Munich to study ethnographic collections on South Asia in German museums. The Meerwarths also took classes in horseback riding, photography, cinematography, and audio recording on wax rolls. By spring 1914 the Meerwarths were ready, well trained and equipped for the expedition.

The first stage of the expedition: Ceylon

The Meerwarths arrived in Colombo (Ceylon) on the 29th of May 1914. Communication with Russia became difficult after the start of World War I on July 28, which also created financial difficulties. They were able to rely in part on transnational networks of the MAE, which gave them letters of introduction from European scholars to obtain

³ N.G. Krasnodembskaya, "Russkie issledovateli na Tseilone," *Tezisi konferentsii po istorii, jazikam i kul'ture Jugo-Vostochnoj Azii* (Leningrad: Nauka, 1967), 12–13; E.Ia. Liusternik, "Nauchnaia ekspeditsiia A.M. i L.A. Mervartov v Indiiu v 1914–1918," in vol. 4 of *Istoriografiia i istochnikovedenie istorii stran Azii i Afriki*. (Leningrad: Leningrad State University Press, 1975), 58–63; A.A. Vigasin, "Aleksandr i Lyudmila Merwart: U istokov otechestvennogo tseilonovedeniia i dravidologii," in issue 2 of *Repressirovannii etnografi* (Moscow: Vostochnaia literature, 2003), 375–398.

⁴ I.Y. Kotin, "Po sledam Mervartov sto let spustia: Kolombo i Galle," *Aziia i Afrika segodnia*, no. 4 (2015): 69–82; I.Y. Kotin, and E.S. Soboleva, "Po sledam Mervartov: Indiiskii marshrut," in *Materialy polevikh issledovaniia MAE RAN* (Saint Petersburg: MAE, 2016), 317–328; I.Y. Kotin, N.G. Krasnodembskaya, and E.S. Soboleva, *Ekspeditsiia MAE na Tseilon i v Indiiu v 1914–1918 gg. Istoriia. Kollektcii, Nauchnoe Nasledie* (Saint Petersburg: MAE, 2018).

access to materials and connections to governmental agents and scholars in Ceylon. The Meerwarths were also presented, as Russian scholars traveling on official auspices, to local nobles, whose hospitality they enjoyed both in Ceylon and in India, particularly in Kerala and Kashmir. In Colombo the Meerwarths began their research by analyzing the rich archaeological and ethnographic collections of the Colombo (now National) Museum. Interested in different aspects of local culture, arts and crafts, traditions, social norms, religion and folklore, the Meerwarths studied the Sinhalese language (with Mr. Dharmaratna) as well as Tamil language and literature. The first results of their Sinhalese folklore studies were published in Ceylon in 1915.⁵

The Meerwarths also engaged in ethnographic fieldwork. One of their first ethnographic excursions was the journey from Colombo to Galle. Nanisera Thera, the head of Maligakanda Monastery College, invited the researchers to Galle to attend a consecration ceremony for land donated to the monastery for the construction of a confessional for the monks. Lyudmila Meerwarth was personally invited to stay in the village Ampitiya (Kandy, Ceylon Highlands) with the family of a Sinhalese landlord, Pussegoda. She used this opportunity to learn about the traditional life-style of a rural Sinhalese family, studying family structure, gender roles and the system of kinship. A Pussegoda relative, John M. Senaveratne, who served as secretary of a new journal, *Ceylon Antiquary and Literary Register*, took part in her study of folk beliefs. Being an honored guest of an important landlord, Lyudmila Meerwarth was able to participate in the working activities and ritual practices of local women in Ampitiya. This in turn enabled her to establish facts, hitherto unknown to Western scholars, concerning traditional religious beliefs, social structure, culture, folklore, and etiquette of the Sinhalese. She made such an impact on the Pussegoda family that a newborn girl was named after her, and the memory of her arrival has been preserved in the family. This success is not accidental, as women in the South Asian societies, as a rule, act as agents of cultural connection (primarily intergenerational) in the family.

The Meerwarths spent nine months traveling all over the island of Ceylon by car, by train, on horseback and even in an oxcart. They commissioned locals to purchase artifacts for them, above all an assistant, Thasis-Appoo, from the Colombo Museum. Thagis-Appoo was able to acquire the items for the MAE at reasonable prices. The Meerwarths described their experience of ethnographic fieldwork in Ceylon the Meerwarths in the popular book *In the Jungles of Ceylon*, published in 1929.⁶ They also applied the experience gained in Ceylon in India at later stages of their trip.

The second stage of the expedition: South India

In January 1915 the Meerwarths moved from Ceylon to South India, settling in British India's Madras Province. Once again, they started their research at the Government Museum in Madras, which had valuable ethnographic collections, a practice they followed

⁵ H. Meerwarth, "Outlines of Sinhalese Folklore," *Ceylon Antiquary and Literary Register* 1, pt. 1 (1915): 4–7; L. Meerwarth-Levina, "The Hindu Goddess Pattini in the Buddhist Popular Beliefs of Ceylon," *Ceylon Antiquary and Literary Register* 1, pt. 1 (1916–1917): 29–37.

⁶ A.M. Meerwarth, and L. A. Meerwarth, *V glushi Tseilona* (Leningrad: P.P. Soikin, 1929). Reprint in *Etnograficheskie tetradi* 11 (1997): 326–351; *Etnograficheskie tetradi* 12 (1998): 333–376.

at all subsequent stops on their voyage (Trivandrum, Bangalore, Pudukottai, Calcutta (now – Kolkata), Sarnath, Lahore, etc.). At these museums, they studied not just local culture but also principles of museum organization and administration, display methods, and the availability and rarity of exhibits in the museums. In general, members of the First Russian ethnographic expedition received full support of the local museum staff. In South India the Meerwarths were also able to visit famous Hindu centers, namely the Minakshi temple in Madurai and temples in Tanjore.

In Madras, Dr. G.H.C. Meerwarth continued his Tamil studies under the guidance of Mahamahopadhyaya Subramanya Ayar, while Lyudmila Meerwarth started researching collections of the Madras museum and studying the Malayalam language, and later undertook ethnographic fieldwork among several ethnic and confessional groups in Madras Province: the Nayar (a Malayali ethno-caste group), the Parsi, and the Mopla (Muslims). In all likelihood at this stage the couple agreed to divide their efforts, with G.H.C. continuing his study of Tamil and Lyudmila focusing on Malayalam, a language spoken in the western part of the province, as well as in neighboring principalities in what is now Kerala.

The couple carefully prepared for their field research in South India. The Saint Petersburg Branch of the archive of the Russian Academy of Sciences contains extracts from the publications of the *Anthropological Survey of India* on the castes Kuruba, Golla, Madiga, and Holeya, as noted by the expedition participants, as well as detailed answers in English and Malayalam to the Meerwarths' questionnaire on the ethnography of the Hill Arayans (Malay-Arayans who lived in the mountains near Munda-kayam), obviously recorded by one of their Indian aides.⁷ These materials were not worked through or published by the Russian researchers, but they indicate the Meerwarths' interest in tribal themes. Later, in Assam province, Lyudmila Meerwarth also studied traditional beliefs of the Kachars.⁸ The challenges of working in India and the couple's personal difficulties upon their return to Russia did not allow them to complete a comprehensive study of tribal ethnography, although they included many materials on this theme in various publications.

From their first days in India, the participants of the expedition faced significant financial problems. The First World War made it extremely complicated to receive monetary transfers from Saint Petersburg. In Columbo, these had been conveyed by the Russian Consul, B.P. Kadomtsev. In India, by contrast, the nearest consulate was far away in Calcutta. The Russian scholars thus had to seek assistance from local residents. They accordingly accepted an invitation from a major landowner, Ramanathan, and spent the hot months of 1915 on his estate in the Palani hills. From there, they traveled to various regions of Kerala (then divided between the province of Madras and principalities of Kochi and Travancore). In the neighboring village of Shembaganur they observed the life of the forest tribe Paliyan.

In November 1915 the couple moved to Madurai, an important center of Hindu religious life and Tamil culture. Soon Lyudmila Meerwarth accepted an invitation

⁷ Saint Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences (henceforth SPbB ARAN), f. 142, op. 1 (pre-1918), ed. khr. 69, ll. 1–9.

⁸ *Ibid.*, f. 142, op. 2, ed. khr. 63, ll. 1–5.

from the Philipoze family and left for Kottayam, in Kerala, where she researched Syrian Christians, known locally as Nazrani Mapilla. With Ananthakrishna Iyer, a leading expert on the ethnography of India's Malabar coast, the Meerwarths visited Thrissur, Cochin, and Thiruvandrum. In this last town, G.H.C. Meerwarth returned the study of Sanskrit, which he had begun back in Saint Petersburg, and proceeded to translate thirteen Sanskrit dramas by the ancient Indian playwright Bhasa, which had only recently been discovered in an Indian manuscript collection. Meerwarth carried out his work on the Bhasa translations under the guidance of the prominent Indian scholar Mahamahopadhyaya T. Ganapati Shastri. Unfortunately, these translations perished in 1930s.

In February 1916, the couple moved to the village of Udagamandalam in the Nilgiri Hills, where they received notification that the Imperial Academy of Sciences had extended the Russian ethnographic expedition for two more years. In light of the war G.H.C. changed his name to Alexander Mikhailovich so as to avoid suspicions of spying for Germany. The Meerwarths were planning to travel to North India, a region of strategic importance for the British, and here, a German name might hinder their work. Before going there, however, the Meerwarths were able to spend some time in Coimbatore, where Alexander Mikhailovich found temporary work, as well as in the princely state of Mysore.

The third stage of the expedition: North India

From South India the Meerwarths went to Bengal, living primarily in Calcutta and Serampore. They moved to Calcutta in June 1916 to study the collections of the Indian Museum. From there they journeyed to Lucknow, and the director of the local provincial museum, the famous archaeologist Hiranand Sastri, helped them to order models and artifacts for the future exhibit at the Saint Petersburg museum.⁹ Alexander Meerwarth continued his journey through north-west India and visited Kashmir, where he benefited from the assistance of a local specialist on the region, Jagaddhar-zadoo-Shastri. The Meerwarths also visited Lahore, Srinagar, Delhi, and Mathura, returning to Calcutta via Varanasi. In all these places, but especially in Kashmir, where they were the guests of the state, and in Lahore, the Meerwarths made purchases for the museum. A notable purchase was a precious collection of papier-maché, which they obtained in Srinigar and which is even now on display at the MAE.

The Meerwarths returned to Calcutta in early 1917, but they were soon invited to relocate to the nearby town of Serampore by Professor Givargis of Serampore College. Givargis was a Syrian Christian, or Nazrani Mapilla, which Lyudmila Meerwarth had studied in Kerala, and he offered them a dorm room at the college free of charge. The couple gratefully accepted his offer, as their financial situation was precarious, and they could not afford rent. Soon Lyudmila Meerwarth began teaching at the women's college, while A.M. Meerwarth set off for Assam to study the Khasi people. Unfortunately, he was prevented from reaching his destination by the neighboring principality of Manipur, which refused him permission to travel through its territory (quite possibly because of his German descent).

⁹ Meerwarth and Meerwarth, *Otchet ob etnograficheskoi ekspeditsii*, 16.

That fall, A.M. Meerwarth was offered a temporary contract as assistant curator of Calcutta's Indian Museum. Serving in this capacity at the behest of the museum director, Dr. Thomas Nelson Annandale, Meerwarth organized the collections and created exhibits of Indian musical instruments and ethnographic collections from the Andaman and Nicobar Islands, Assam and Central India, as well as guides to these exhibits, which were published by the Indian Museum in 1917 and 1919.¹⁰ His term of employment expired at the end of January, 1918, and although he received an offer to teach Sanskrit at a local college, the salary associated with this position would not cover the Meerwarths' living expenses. Meanwhile, the revolutionary crisis in Russia made it impossible for the Academy of Sciences to provide any funds to prolong the expedition. The Meerwarths left India in February 1918 on a Russian cargo steamer, the 'Eugenia,' which was sequestered by the British at the port of Rangoon for 66 days before being released. They arrived in Vladivostok on July 26th, 1918.

Achievements of the expedition

The members of the First Russian Ethnographic Expedition to Ceylon and India accomplished a great deal in the study of South Asia and acquisition of ethnographic objects for the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography. They spent almost four years in Ceylon and India. Lyudmila Meerwarth took care of all the household concerns, kept track of all correspondence, and monitored her husband's poor health. At the same time, she studied South Asian languages (Sinhalese, Malayalam, etc.), conducted ethnographic field research, acquired ethnographic collections and manuscripts, and recorded samples of verbal folklore.¹¹ Alexander Meerwarth deepened his knowledge of Sanskrit and learned Tamil, Hindi and Urdu. He carried out painstaking research on both printed and manuscript collections of South Asia. He translated the plays of Bhasa, wrote a literary analysis of them, and published an article about their author. On May 2, 1917, A.M. Meerwarth was named to the Asiatic Society of Bengal, in Calcutta, in recognition of his contribution to the study of Bhasa. The lecture that he gave to the society in July, *The Dramas of Bhasa: A Literary Study*, was subsequently published by the society's journal.¹²

A.M. Meerwarth also translated the Tamil poem *Manimehale* into Russian, but unfortunately this translation has not survived.¹³ Lyudmila Meerwarth became a pioneer in the study of Malayan language and culture in Russia, a topic which had interested her since the first stage of the trip, when she met Malayan soldiers and traders in Ceylon. Alexander Meerwarth, as noted, developed exhibits and authored catalogs for the Indian Museum in Calcutta, after which the Indian Museum gave him duplicates of musical instruments, tribal arms and weapons, etc. for the Museum of Anthropology and Eth-

¹⁰ Meerwarth and Meerwarth, *Otchet ob etnograficheskoi ekspeditsii*, 20; A.M. Meerwarth, *A Guide to the Collection of Musical Instruments Exhibited in the Ethnographic Gallery of the Indian Museum*, Calcutta (Calcutta, 1917); Idem, *The Andamanese, Nicobarese and Hill Tribes of Assam: Ethnographic Gallery Guide*. Book 2 (Calcutta, 1919).

¹¹ SPbB ARAN, f. 142, op. 1, ed. khr. 46.

¹² A.M. Meerwarth, "The Dramas of Bhasa: A Literary Study," *Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal* (NS) 13, no. 5 (1917): 261–280.

¹³ Vigasin, "Aleksandr i Lyudmila Merwart: U istokov," 384.

nography in Saint Petersburg (Petrograd). “*The List of articles, presented by the Indian Museum to the Russian Government Museum, Petrograd, through Dr. A.M. Meerwarth, Assistant Curator, Ethnographical Section, Russia*” comprise 115 numbers (MAE collections No. 2980, 2983). All told, the Meerwarths collected roughly 5500 artifacts for the MAE. A. M. Meerwarth put the knowledge of exhibition practices involving ethnographic materials that he had obtained in Berlin to good use in Calcutta and applied the same principles in the creation of a permanent exhibit for the MAE. Similarly, the principles of compiling museum catalogs that he acquired in Calcutta served him again when he wrote an essay on the MAE’s India Department.¹⁴ He described his experience working in an Indian museum and the organizational principles of Indian museums in a special article, “Museum Affairs in India.”¹⁵ As he depicted it, the complex Indian Museum emerged from the Asiatic Society of Bengal and represented on a small scale something like the Academy of Sciences, with departments akin to research institutes. In the early twentieth century the Indian Museum became a kind of laboratory and scientific workshop for all kinds of research about India. Meerwarth especially noted that

the museum has retained this close and natural connection with scientific research as a healthy and proper basis for replenishing the collections, and this is the guarantee of its future.¹⁶

The Meerwarth’s return and delivery of artifacts to the MAE

When the Meerwarths arrived in Vladivostok in July 1918, Russia was in the midst of a civil war, making it impossible for them to return to Saint Petersburg (then called Petrograd). They accordingly settled into Vladivostok. Along with S. Shirokogorov, they proceeded to found a Faculty of History and Philology (1918), later incorporated into the Far Eastern University (1920), where they taught modern Indian languages and arts. They moved to Harbin in 1922 and to Chita in 1924. Finally, from there they returned to Saint Petersburg, now renamed Leningrad, in a specially outfitted train carriage. They brought with them the most precious artifacts, but a considerable number remained in Ceylon and India. In Colombo, old friends of the Meerwarths stored the artifacts in wooden cases in the warehouses of the Russian tea trading company Gubkin, Kuznetsov & Co. Other boxes were left in storage at the Government Museum in Madras and the Indian Museum in Calcutta. In 1918 the Meerwarths managed to take with them only eleven crates from Calcutta to Vladivostok. In 1923 G.D. Krasinsky was commissioned by the Russian Academy of Sciences to ship the remaining crates on a Russian commercial ship, which arrived in Leningrad almost simultaneously with the Meerwarths themselves.

Here the Meerwarths could once again focus on the study of India, ethnography and museum work. They unpacked and began to organize the collections that they had carried with them, as well as the new shipment from India and Ceylon, more than five

¹⁴ A.M. Meerwarth, *Otdel Indii. Kratkii ocherk indiiskoi kul'tury po materialam Otdela Indii MAE* (Leningrad: Akademiia Nauk SSSR, 1927).

¹⁵ A.M. Meerwarth, “Muzeinoe delo v Indii,” in vol. 5 of *Izvestiia GAIMK* (Leningrad, 1927), 139–56.

¹⁶ *Ibid.*, 145.

thousand items in all, as well as some 3000 negatives and photographs and a large number of books. Unfortunately, approximately one quarter of the artifacts in the later shipment were damaged by termites or by the effects of climate during their long period in storage. The remaining artifacts were nonetheless catalogued and sorted into a number of thematic collections at the MAE.

The Meerwarths' scholarly activities and museum work, 1924–1930

In Russia, both in Vladivostok and in Leningrad, the Meerwarths sought to harness their knowledge of India, ethnography, and museum studies for educational purposes. They delivered public lectures, trained museum guides, conducted classes for schoolchildren in the MAE, etc. Alexander Meerwarth helped organize the First Workers' and Peasants' Radio University in Leningrad, for which he gave lectures on Asian culture. Residents of the most distant outskirts of Soviet Russia learned about the cultures and peoples of India from his radio lectures of 1928–1929. In addition, they taught Indian geography, languages, ethnography and arts at Leningrad State University and other specialized institutions.

Alexander Meerwarth's continuing practical interest in museum studies in the mid-1920s resulted in analyses of the organizational structure, financial basis, and management of museums in India. He published two articles, "The role of museums in the culture of modern India" and "Achievements and Problems of Indian Ethnography," based on the ethnographer's firsthand experiences of Indian scholarly institutions.¹⁷

The Meerwarths were employed by the MAE immediately upon their return. In 1924 Alexander Meerwarth was appointed curator of the Department of India and Lyudmila Meerwarth was named curator of the Department of Indonesia. Together they created the first permanent exposition on South Asian ethnography in Russia. This opening of this exhibit was timed to coincide with the Bicentennial Jubilee of the Academy of Sciences, celebrated on September 5–9, 1925. The right side of the Indian Hall displayed artifacts illustrating modes of subsistence, types of utensils, and artisanal crafts; the left side was devoted to the arts; and the middle of the hall was taken up by models depicting scenes from indigenous life among South Asian rural and mountain peoples. The entrance to the hall, symbolizing the passage to India, was a richly carved example of wooden architecture, part of a teak palace from Nashik that had been purchased in 1910 by the Russian scholar Mikhail S. Andreev and donated to the MAE. A.M. Meerwarth's scientific findings were outlined in the MAE guidebook to the new India collections, *Department of India: A Brief Essay on Indian Culture Based on Materials from India*.¹⁸

This guidebook not only elucidated the artifacts on display in the Indian Hall but introduced readers to Indian performance traditions and musical instruments. Alexander Meerwarth had become deeply interested in folk music and folk theater during his trip, and studied several theatrical traditions: masked folk theatre *Kolam* in Ceylon, *Bhand* folk entertainers in Kashmir, *Kathakali (Attakatha)* plays in Travancore, *Raslika* folk

¹⁷ A.M. Meerwarth, "Rol muzeev v kul'ture sovremennoj Indii," *Nauchnii rabotnik*, no. 2 (1926): 84–96; Idem, "Dostizheniia i problem indiiskoi etnografii," *Etnografiia* 3, no. 1 (1927): 123–156.

¹⁸ A.M. Meerwarth, *Otdel Indii: Kratkii ocherk Indijskoj kul'turi na osnove Otdela Indii MAE*. (Leningrad: [S.n.], 1927).

dance drama in Mathura, *Jatra* folk theatre in Serampore (Bengal), and others. He published a seminal article, “The Kathakalis of Malabar,” in French in *Journal Asiatique*, illustrated with images of the MAE collections and original photographs taken during a performance in Kottayam in January 1916.¹⁹ He analyzed the plot of *Shakuntala*, from Malabar folk drama, several times. His reflections on the *Bhand* performed near Srinagar in September 1916, were reported at a meeting of the Department of Humanities of the Academy of Sciences of the USSR on September 9th, 1927. Alexander Meerwarth included in his text some notes by the Russian scholar Ivan P. Minaev, who had recorded words from *Bhand* performance in Almore (Kashmir) in the 1870es. Unfortunately, we find only short descriptions of other Indian folk theater performances that Meerwarth observed in South Asia. Some facts are included into their official report to the Academy of Sciences of the USSR on the history of the expedition, *In the Jungles of Ceylon*.

In January, 1927, Alexander Meerwarth was elected a supernumerary full member of Leningrad’s State Institute of Art History in theater history. He proposed a course on the theme, “History and techniques of Indian theater, with emphasis on folk theater.” To celebrate the fifteenth anniversary of this institute, a large exhibition on “Theater of the Peoples of the Orient” was staged in the Big Conference Hall of the main building of the Academy of Sciences at the end of March, accompanied by a lecture cycle. More than 3000 visitors attended the exhibit, and many listened to lectures on the history of theater in Japan, China, Mongolia and Tibet, Siam, Indonesia, Turkestan, Persia, Turkey, Ceylon and India – these last naturally presented by Alexander Meerwarth. The connection of theater with other facets of popular culture, the emergence of theatrical styles and genres, techniques characteristic of individual theatrical traditions, and the role of the actor were among the topics discussed. This exhibit dovetailed with Meerwarth’s scholarly agenda of this period, as he soon edited a collected volume, *Oriental Theater*, the first book on this topic in Russian. His own contribution to the volume, “Indian Folk Theater” was based on his own field notes and on contemporary publications of British, German and Indian authors.²⁰ Lyudmila Meerwarth also contributed to the volume with a chapter on Malay theater. Already in Ceylon, she had drawn attention to similarities in customs and material culture between the Sinhalese and the Malays, and upon her return to Leningrad, in connection with her position the curator for Indonesia, her research interests increasingly centered on the literatures and cultures of Malaya and Netherlands India (Indonesia).

In June 1927 the Meerwarths obtained permission from the Academy of Sciences of the USSR to travel Germany, France and the Netherlands for scientific research and cultural exchange. For four months, they visited museums, gave lectures, conducted scientific research, and negotiated with directors of European Ethnographic Museums on future cooperation. Lyudmila Meerwarth succeeded in arranging for an exchange of collections between the MAE and the Leiden State Museum of Ethnology (Rijksmuseum voor Volkenkunde) in 1928. Alexander Meerwarth acquired a Tamil printing press in Germany for the USSR Academy of Sciences so as to print Tamil texts. The Presidium of the Academy of Sciences of the USSR had supported his request for this purchase and

¹⁹ A.M. Meerwarth, “Les Kathakalis du Malabar,” *Journal Asiatique* 4 (1926) : 198–284.

²⁰ A.M. Meerwarth, “Indiiskii narodnyi teatr,” in *Vostochnyi Teatr* (Leningrad: Academia, 1929), 16–111.

allocated 200 gold rubles from the Reserve for foreign orders to carry it out.²¹ In Germany and France, as in Russia, Alexander Meerwarth energetically popularized Indian literature, science, museums, and arts. He delivered a public lecture (in German) to an audience of 120 students, theater critics, and theater directors on Indian folk theater on June 27, 1927, at the Institute of Theater Science (Institut für Theaterwissenschaft) of the University of Berlin, an institute founded in 1923 by the famous theater critic Max Herrmann. He was invited to lecture on this topic again in Berlin and Munich in summer 1928, but this trip was never realized.

Back in Russia, Alexander Meerwarth was asked to conceptualize and plan several major museum exhibitions, including a big exhibit on the “History and Typology of Religion,” mounted at the Winter Palace in 1929. The following year, this exhibit was transferred to the newly established State Museum of the History of Religion in Leningrad, the first of the world’s three major museums on this topic. The cultures and beliefs of the peoples of South Asia are naturally represented there as well. Meanwhile, A.M. Meerwarth continued his scholarly activities, publishing the first Tamil grammar in Russian in 1929 and thereby founding Tamil studies in our country.²²

The Meerwarths fell victim to Stalin’s terror in 1930, falsely accused and arrested in connection with the so-called “Academic affair.” Alexander Meerwarth died on May 23, 1932, in the Ust-Pechora labor camp. In 1967 his conviction was overturned “in the absence of a crime event.” Lyudmila Meerwarth survived her husband for more than thirty years, and her conviction was reversed in 1957. She never returned to Indian studies, though she taught Indonesian language at the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO) and published literary translations. Many of the projects proposed by the Meerwarths remained unfinished. But a memorial to the First Russian Ethnographic Expedition is still preserved in the current “Peoples of South Asia” exhibit of the MAE, roughly half of which consists of artifacts acquired by the Meerwarths in 1914–1918.

Conclusion

The First Russian Ethnographic Expedition to Ceylon and India was designated to run from May 1914 until 1916, but war and revolution necessitated first prolonging the expedition and then curtailing it. The Meerwarths remained in India until February 1918. Upon their return, the materials that they had collected sufficed to mount the first exposition devoted to the peoples and tribes of South Asia at the Museum of Anthropology and Ethnography in Leningrad (Saint Petersburg), which had sponsored their trip. They also started teaching modern Indian languages, particularly the Tamil language for the first time in the history of Russia. They wrote extensively on Indian and Ceylonese ethnography and on the history of South Asian theater. The arrest of the Meerwarths in 1930 ruined their academic careers. Alexander Meerwarth died in the Pechora camp in 1932. Lyudmila Meerwarth survived imprisonment and expulsion from the Museum of Anthropology and Ethnography and after few turbulent years established herself as a teacher, translator, and specialist on Malayan/Indonesian studies.

²¹ SPbB ARAN, f. 142. op. 1–1927, ed. khr. 5, l. 411.

²² A.M. Meerwarth, *Grammar of colloquial Tamil language* (Leningrad: Enukidze Institut zhivikh vostochnykh iazykov, 1929, 1932).

The Meerwarths made a tremendous contribution to the material basis of South Asian studies in Russia. They made strenuous efforts to acquire linguistic materials, ethnographic artifacts, books and photographs in India and Ceylon, bringing a large quantity of these materials with them to Russia on their return trip. Others were delivered to Russia a few years later. In the 1920s, in Vladivostok, Leningrad and Moscow, Alexander and Lyudmila Meerwarth based their lectures, scientific publications, exhibitions on their observation and experience in South Asia. They supplied Russian science with unique sources in geography, languages, culture, ethnography, economy of contemporary Ceylon and India.

Generally, in India the Meerwarths were welcomed by the local people, especially by the Indian intellectuals. They stayed in governmental and private homes, sometimes as “guests of the State.” They were allowed into the vaults of governmental, princely and private museums and libraries. They wrote ethnographic questionnaires for the description of some minor ethnic groups. They also collaborated with prominent local archaeologists, anthropologists and museologists, in some cases engaging in fieldwork together. Many of these famous Indian scientists contributed to the ethnographic and photo collections the Meerwarths were accumulating for the MAE.

The Meerwarths managed to establish contacts with many groups of the population in Ceylon and India. The photographs made in situ witness that they met the Paliyans, the Kadars, the Tanda Pulayans, the Mala Arayans, the Malai Vedans, the Urali, the Gurbars, the Khasi, visited the towns of the Chettiar, Jews and Syrian Christians in Kerala, etc. Due to their deep penetration into the local environment, the Russian ethnographers were able to learn intimate details of the life of various ethnic groups, including traditional worldviews, social organization, and everyday habits. This in turn enabled them to conceptualize the underlying features of the cultures they studied. Alexander and Lyudmila Meerwarth were thus forerunners of the method of participant observation, or “getting into the ethnic environment,” which became the primary mode of ethnographic research in the second half of the twentieth century.

Рукопись поступила: 18 февраля 2019 г.

Submitted: 18 February 2019

Библиографический список

- Вигасин А.А.* Александр и Людмила Мерварт: у истоков отечественного цейлоноведения и дравидологии // *Репрессированные этнографы*. М., 2003. Вып. 2. С. 375–398.
- Котин И.Ю.* По следам Мервартов сто лет спустя: Коломбо и Галле // *Азия и Африка сегодня*. 2015. № 4. С. 69–72.
- Котин И.Ю., Соболева Е.С.* По следам Мервартов: индийский маршрут // *Материалы полевых исследований МАЭ РАН*. СПб.: МАЭ РАН, 2016. Вып. 16. С. 317–328.
- Котин И.Ю., Краснодарская Н.Г., Соболева Е.С.* Экспедиция МАЭ на Цейлон и в Индию в 1914–1918 гг. История. Коллекции. Научное наследие. СПб.: МАЭ, 2018. 467 с.
- Краснодембская Н.Г.* Русские исследователи на Цейлоне // *Тезисы конференции по истории, языку и культуре Юго-Восточной Азии*. Л., 1967. С. 12–13.
- Люстерник Е.Я.* Научная экспедиция А.М. и Л.А. Мервартов в Индию в 1914–1918 гг. // *Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки*. Л.: ЛГУ, 1975. Вып. IV. С. 58–63.

- Мерварт А.М. Роль музеев в культуре современной Индии // Научный работник. 1926. № 2. С. 84–96.
- Мерварт А.М. Отдел Индии: краткий очерк индийской культуры по материалам Отдела Индии МАЭ. Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1927. 96 с.
- Мерварт А.М. Музейное дело в Индии // Известия ГАИМК. Л., 1927. Т. 5. С. 139–156.
- Мерварт А.М. Индийский народный театр // Восточный театр. Л.: Academia, 1929. С. 16–111.
- Мерварт А.М., Мерварт Л.А. Отчет об этнографической экспедиции в Индию в 1914–1918 гг. Ленинград: Изд-во Академии Наук СССР, 1927. 24 с.
- Мерварт А.М., Мерварт Л.А. В глуши Цейлона (путевые заметки участников экспедиции Академии наук в Индию и на Цейлон в 1914–1918 гг.). Л.: Издательство П.П. Сойкина, 1929. 68 с.
- Мерварт А.М., Мерварт Л.А. В глуши Цейлона (путевые заметки участников экспедиции Академии наук в Индию и на Цейлон в 1914–1918 гг.) // Кунсткамера. Этнографические тетради. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1997. Вып. 11. С. 326–351; Вып. 12. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1998. С. 333–376.
- Русские на Цейлоне в XIX – начале XX в.: сборник архивных документов и материалов / сост. Т.Н. Загородникова. М.: ИВ РАН, 2010. С. 235–238.
- Русско-индийские отношения в 1900–1917 гг.: сборник архивных документов и материалов / отв. ред. Т.Н. Загородникова, П.М. Шаститко. М.: Восточная литература, 1999. С. 393–422.
- Meerwarth H. Outlines of Sinhalese Folklore // Ceylon Antiquary and Literary Register. 1915. Vol. I. Pt. 1. Pp. 4–7.
- Meerwarth-Levina L. The Hindu Goddess Pattini in the Buddhist Popular Beliefs of Ceylon // Ceylon Antiquary and Literary Register. 1916–1917. Vol. I. Pt. 1. Pp. 29–37.
- Meerwarth A.M. The Dramas of Bhasa: A Literary Study // Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal (NS). 1917. Vol. XIII. No. 5. Pp. 261–280.
- Meerwarth A.M. A Guide to the Collection of Musical Instruments Exhibited in the Ethnographic Gallery of the Indian Museum, Calcutta. Calcutta: [S.n.], 1917. 34 с.
- Meerwarth A.M. The Andamanese, Nicobarese and Hill Tribes of Assam: Ethnographic Gallery Guide. Book 2. Calcutta: [S.n.], 1919. 51 с.
- Meerwarth A.M. Les Kathakalis du Malabar // Journal Asiatique. 1926 Oct. – Dec. Vol. 4. Pp. 198–284.

References

- Kotin I.Yu., Krasnodembaskaya N.G., and Soboleva E.S. *Ekspeditsiya MAE na Tseilon i v Indiyu v 1914–1918 gg. Istoriya. Kollektzii. Nauchnoe nasledie*. Saint Peterburg: MAE Publ., 2018 (in Russian).
- Kotin, I.Yu. “Po sledam Mervartov sto let spustya: Kolombo i Galle.” *Aziya i Afrika segodnya*, no. 4 (2015): 69–72 (in Russian).
- Kotin, I.Yu., and Soboleva E.S. “Po sledam Mervartov: indiiskii marshrut.” In *Materialy polevykh issledovaniy MAE RAN*. Issue 16, 317–328. Saint Peterburg: MAE RAN Publ., 2016 (in Russian).
- Krasnodembaskaya, N.G. “Russkie issledovateli na Tseilone.” In *Tezisy konferentsii po istorii, yazykam i kul'ture Yugo-Vostochnoi Azii*, 12–13. Leningrad, 1967 (in Russian).
- Lyusternik, E.Ya. “Nauchnaya ekspeditsiya A.M. i L.A. Mervartov v Indiyu v 1914–1918 gg.” In *Istoriografiya i istochnikovedenie istorii stran Azii i Afriki*. Issue 4, 58–63. Leningrad: LGU Publ., 1975 (in Russian).
- Meerwarth, A.M. “Les Kathakalis du Malabar.” *Journal Asiatique* 4 (October – December 1926): 198–284.
- Meerwarth, A.M. “The Dramas of Bhasa: A Literary Study.” *Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal (NS)* 13, no 5 (1917): 261–280.
- Meerwarth, A.M. *A Guide to the Collection of Musical Instruments Exhibited in the Ethnographic Gallery of the Indian Museum, Calcutta*. Calcutta: [S.n.], 1917.

- Meerwarth, A.M. *The Andamanese, Nicobarese and Hill Tribes of Assam: Ethnographic Gallery Guide*. Book 2. Calcutta: [S.n.], 1919.
- Meerwarth, H. “Outlines of Sinhalese Folklore.” *Ceylon Antiquary and Literary Register* 1, pt. 1 (1915): 4–7.
- Meerwarth-Levina, L. “The Hindu Goddess Pattini in the Buddhist Popular Beliefs of Ceylon.” *Ceylon Antiquary and Literary Register* 1, pt. 1 (1916–1917): 29–37.
- Mervart, A.M. “Indiiskii narodnyi teatr.” In *Vostochnyi teatr*. 16–111. Leningrad: Academia Publ., 1929 (in Russian).
- Mervart, A.M. “Muzeinoe delo v Indii.” In *Izvestiya GAIMK*. Vol. 5, 139–156. Leningrad, 1927 (in Russian).
- Mervart, A.M. “Rol’ muzeev v kul’ture sovremennoi Indii.” *Nauchnyi rabotnik*, no. 2 (1926): 84–96 (in Russian).
- Mervart, A.M. *Otdel Indii: Kratkii ocherk indiiskoi kul’tury po materialam Otdela Indii MAE*. Leningrad: Akademiya nauk SSSR Publ., 1927 (in Russian).
- Mervart, A.M., and Mervart, L.A. “V glushi Tseilona (putevye zametki uchastnikov ekspeditsii Akademii nauk v Indiyu i na Tseilon v 1914–1918 gg.)” In *Kunstkamera: Etnograficheskie tetrady*. Issue 11, 326–351. Saint Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 1997.; Issue 12, 333–376. Saint Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 1998 (in Russian).
- Mervart, A.M., and Mervart, L.A. *Otchet ob etnograficheskoi ekspeditsii v Indiyu v 1914–1918 gg.* Leningrad: Izdatel’stvo Akademii Nauk SSSR Publ., 1927 (in Russian).
- Mervart, A.M., and Mervart, L.A. *V glushi Tseilona (Putevye zametki uchastnikov ekspeditsii Akademii nauk v Indiyu i na Tseilon v 1914–1918 gg.)*. Leningrad: P.P. Soikin Publ., 1929 (in Russian).
- Shastitko, P.M., and Zagorodnikova, T.N., eds. *Russko-indiiskie otnosheniya v 1900–1917 gg. Sbornik arkhivnykh dokumentov i materialov*. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 1999 (in Russian).
- Vigasin, A.A. “Aleksandr i Lyudmila Mervart: u istokov otechestvennogo tseilonovedeniya i dravidologii.” In *Repressirovannye etnografy*. Issue 2, 375–398. Moscow, 2003 (in Russian).
- Zagorodnikova, T.N., ed. *Russkie na Tseilone v XIX – nachale XX v.: sbornik arkhivnykh dokumentov i materialov*. Moscow: IV RAN Publ., 2010 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Котин Игорь Юрьевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН МАЭ РАН (Кунсткамера), профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

Igor Yu. Kotin, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Leading Research Fellow of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences, Professor of Saint Petersburg University.

Краснодембская Нина Георгиевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН МАЭ РАН (Кунсткамера).

Nina G. Krasnodembskaya, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Leading Research Fellow of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences.

Соболева Елена Станиславовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ФГБУН МАЭ РАН (Кунсткамера), доцент Санкт-Петербургского государственного университета.

Elena S. Soboleva, Kandidat Istoricheskikh Nauk [PhD in History], Senior Research Fellow of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences, Associated Professor of Saint Petersburg University.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-3-642-660>

Научная статья / Research article

География путешествия Николая Рериха по Цейлону (версия, выстроенная по письменным источникам и картинам художника)

Р.Д. Сенасингхе

Российский университет дружбы народов;
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2; roma.lanka@mail.ru

The geography of Nicholas Roerich's travels in Ceylon (on the basis of the artist's writings and paintings)

Ranjana Devamitra Senasinghe

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University);
10 Miklukho-Maklaya St., bldg. 2, Moscow, 117198, Russia; roma.lanka@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена изучению географии и хронологии путешествия художника и мыслителя Николая Константиновича Рериха по Цейлону в рамках Центрально-Азиатской экспедиции 1923–1928 гг., являющегося малоизвестным эпизодом его биографии. О пребывании Рериха в таких государствах, как Индия, Бутан, Маньчжурия, Китай и др., широко известно, однако сюжет, связанный с его визитом на Цейлон, практически не исследован. При этом сохраняются расхождения в датировке пребывания художника на Цейлоне. Если по дневникам Н.К. Рериха можно установить, что он находился на острове в 1923 г., то письма художника, датированные декабрем 1923 г., указывают на его пребывание в это время в Индии, что создает значительные трудности в установлении точного местонахождения Н.К. Рериха в указанное время. В статье предпринята попытка решения в том числе и данного вопроса. На карте Центрально-Азиатской экспедиции Н.К. Рериха Цейлон отмечен как пункт пребывания художника, но без указания конкретных мест его посещения. Целью исследования является реконструкция маршрута путешествия Николая Рериха по Цейлону (включая уточнение года посещения острова), в рамках которого им были установлены контакты и духовные связи с представителями религиозных и светских кругов этой страны. Источниковой базой статьи являются документы личного происхождения, а также визуальные материалы, представленные картинами Н.К. Рериха из цикла «Ашрам», написанные художником в период посещения им Цейлона.

Ключевые слова: Центрально-Азиатская экспедиция, Цейлон, Н.К. Рерих, Теософское общество, Е.П. Блаватская, К. Джинарадждаса, Анагарика Дхармапала, Генри Олкотт

Для цитирования: Сенасингхе Р.Д. География путешествия Николая Рериха по Цейлону (версия, выстроенная по письменным источникам и картинам художника) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 3. С. 642–660. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-3-642-660>

© Сенасингхе Р.Д., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Abstract: This article discusses Nicholas Roerich's travel to Ceylon as part of his Central Asian expedition of 1923–1928, which is a less-known episode in the biography of the artist and thinker. Roerich's stays in India, Bhutan, Manchuria, China and other countries are already well known, but his visit to Ceylon has not yet been subject to research. One important question pertains to chronology: while Roerich's diaries establish that he was on the island in 1923, his letters from December 1923 indicate that at the time of writing he was in India. Solving this issue is one purpose of this article. On Roerich's map of his Central Asian Expedition, Ceylon is marked as a point of stay, yet without specifying the particular places of his visit. This article reconstructs the route of Nicholas Roerich's trip to Ceylon during which he established contacts and spiritual ties with representatives of religious and secular circles of this island. The present study is based on Roerich's documents of personal origin, as well as on visual materials from the cycle 'Ashram' that the artist created during his visit to Ceylon.

Keywords: Central Asian expedition, Ceylon, Nicholas Roerich, Theosophical Society, E.P. Blavatsky, K. Jinarajadas, Anagarika Dharmapala, Henry Alcott

For citation: Senasinghe, Ranjana D. "The geography of Nicholas Roerich's travels in Ceylon (on the basis of the artist's writings and paintings)." *RUDN Journal of Russian History* 18, no. 3 (August 2019): 642–660. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-3-642-660>

Введение

Изучение исторических связей России с азиатскими странами приобретает всю большую актуальность на фоне развития добрососедских отношений Российской Федерации со странами Зарубежной Азии как в политическом, так и общественно-культурном плане, в контексте современного миропорядка.

Со второй половины XIX в. Азия оказалась ближе к Европе в результате открытия Суэцкого канала в 1869 г., когда она вновь стала играть важную роль в системе мировых экономических и политических отношений. В это же время интерес к континенту проявляет и Российская империя, для которой выход к Индийскому океану и самой Индии имел важное геополитическое значение, что выразилось в том числе в появлении планов строительства железной дороги из России в Индию¹, продиктованных, прежде всего, экономическими интересами ввиду установления прямой торговли России с крупнейшим производителем колониальных товаров Британской империи. В этот же период активизируется интерес к Центральной и Южной Азии со стороны общественных и научных кругов российского общества. В регион отправляются многочисленные русские путешественники, которые, по справедливому утверждению В.А. Росова, «осваивали Восток научно и геополитически»². Среди них необходимо назвать путешествия известного русского ученого И.П. Минаева в 1874–1875, 1880 и 1885–1886 гг., первую научную этнографическую экспедицию Императорской Санкт-Петербургской академии наук на Цейлон и в Индию в 1914–1918 гг., осуществленную А.М. и Л.А. Мервартами и др. Изучение процесса взаимодействия России с представителями народов Южной Азии в конце XIX – первой трети XX в. на этом фоне приобретает все большую актуальность.

Одним из путешественников, побывавших на Цейлоне после Революции 1917 г. в России, стал художник, мыслитель и общественный деятель Н.К. Рерих.

¹ ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 730. Оп. 1. Д. 652; Ф. 730. Оп. 1. Д. 655.

² Росов В.А. Русско-американские экспедиции Н.К. Рериха в Центральную Азию (в 1920-е и 1930-е годы). СПб., 2005. С. 4.

Данный эпизод жизни этого многогранного человека не получил должного освещения ни в российской, ни в зарубежной историографии. Вместе с тем история пребывания Рериха на Цейлоне и установления им контактов и духовных связей с представителями религиозных и светских кругов этой страны имеет важное научное значение. Период пребывания Рериха на острове совпал с формированием здесь антиколониального движения, составной частью которого было религиозное движение за возрождение, возглавляемое буддийскими монахами и светскими буддийскими деятелями, с которыми у Н.К. Рериха наладились связи в дальнейшем. Участницей этого движения на начальном его этапе была основательница Теософского общества Е.П. Блаватская.

Первые исследования о Н.К. Рерихе начали появляться еще при его жизни. В их числе были работы Ю. Балтрушайтиса, А. Бенуа, А. Гидони, А. Ремизова, С. Яремича³, С. Эрнста⁴, А.А. Ростилавова⁵, посвященные изучению главным образом художественного творчества Рериха.

Одним из первых биографов семьи Рерихов является П.Ф. Беликов, который в советское время собирал личный архив художника. Он вместе с В. Князевой в 1973 г. в серии «Жизнь замечательных людей» выпустил биографию Н.К. Рериха, в которой проанализировал весь жизненный путь художника и мыслителя⁶. Особое внимание в книге уделено истории отношений между Рерихом и Теософским обществом, индийскими религиозными и общественными деятелями. В том числе раскрывается сюжет, связанный с посещением художником Индонезии и Цейлона, его знакомства с профессором Г.П. Малаласекорой (будущим цейлонским послом в СССР). Другая работа П.Ф. Беликова посвящена духовным исканиям Н.К. Рериха⁷. В ней в том числе анализируется история появления книги супруги художника Е.И. Рерих под названием «Община» и идеи создания азиатского союза государств на основе буддизма. Автор показывает сложный характер взаимодействия Рерихов с Теософским обществом, их неоднозначное отношение ко взглядам В.И. Вернадского и Е.П. Блаватской.

Работы О.К. Болдырева⁸, Н.Е. Ковалевой⁹, Т.В. Рыбаковой¹⁰ дополняют новыми фактами историю путешествий семьи Рерихов в Индию (при этом Индия берется как некое обобщающее географическое понятие).

В опубликованных биографиях Н.К. Рериха, авторами которых являются участница Центрально-Азиатской экспедиции З.Г. Фосдик¹¹, А. Марианис¹², главное внимание уделено анализу творчества Николая Константиновича как художника в контексте основных этапов его жизненного пути, в том числе раскрывается

³ Балтрушайтис Ю., Бенуа А., Гидони А., Ремизов А., Яремич С. Рерих. Десять сказок и притч Рериха. Пг., 1916.

⁴ Эрнст С. Н.К. Рерих. Пг., 1918. (Серия «Русские художники»).

⁵ Ростилавов А.А. Н.К. Рерих. Пг., 1918.

⁶ Беликов П., Князева В. Рерих. М., 1972.

⁷ Беликов П.Ф. Рерих. Опыт духовной биографии. М., 2011.

⁸ Болдырев О.Г. Николай Рерих. Запечатлевший тайну. М., 2014.

⁹ Ковалева Н.Е. Елена Рерих. Путь к посвящению. М., 2013.

¹⁰ Рыбакова Т.В. К загадочной Индии. А. Скрябин, Х. Инайят, Н. Рерих. М., 2014.

¹¹ Фосдик З.Г. Николай Рерих. Новосибирск, 2018.

¹² Марианис А. Николай Рерих. Творческий путь: альбом-биография. М., 2015.

история участия Рериха в экспедициях, путешествиях, в частности в духовно-дипломатической миссии в Москву после посещения Индии, реконструируются контакты русского художника с духовными учителями, сподвижниками, в том числе и с Востока.

Становлению личности Николая Константиновича как художника, мыслителя и ученого посвящены работы Л.В. Короткиной¹³, в которых автор на фоне «петербургского периода» жизни Рериха показывает состояние общественной и научной жизни российской столицы, процесс воплощения проекта строительства буддийского храма в Петербурге. В работе раскрывается также процесс знакомства Рериха с трудами представителей русской индологической школы, а именно – И.П. Минаева, С.Ф. Ольденбурга, Ф.И. Щербатского.

В диссертационной работе В.А. Росова «Русско-американские экспедиции Н.К. Рериха в Центральную Азию (в 1920-е и 1930-е годы)» экспедиции Рериха рассматриваются в контексте истории русской эмиграции в Европу, Америку и Азию, при этом не затрагивается история посещения художником Цейлона. Автор в большей степени фокусирует свое внимание на общественно-политической и научной деятельности Н.К. Рериха в рассматриваемый период¹⁴. В недавно вышедшей монографии Н.Г. Краснодембской, И.Ю. Котина и Е.С. Соболевой, посвященной первой экспедиции Императорской Санкт-Петербургской академии наук под руководством А.М. и Л.А. Мервартов¹⁵, Центрально-Азиатская экспедиция Н.К. Рериха также не стала предметом специального исследования.

В зарубежной историографии в работе Питера Баренбоима и Наима Сидики «Брюгге – мост между цивилизациями» отдельное внимание уделяется анализу общественно-политических взглядов художника (именуемых «пактом Рериха»), отмечается значение его идей для сохранения художественных и научных учреждений и памятников мировой культуры¹⁶.

Проведенный историографический анализ работ, посвященных Н.К. Рериху, показал, что в них отсутствует материал по истории путешествия Рериха на Цейлон. Отдельные сюжеты были затронуты в работах П. Беликова, В. Князевой, О.К. Болдырева. Частично данная тема нашла отражение на страницах фотоальбомов – «От Алтая до Гималаев: по маршруту Центрально-Азиатской экспедиции Н.К. Рериха» (подготовленного Л.В. Шапошниковой) и «Н.К. Рерих. Творческий путь. Альбом-биография с текстом А. Марианис».

Целями настоящего исследования являются установление хронологии путешествия Н.К. Рериха по Цейлону и реконструкция географии маршрута художника по острову.

¹³ Короткина Л.В. Рерих в Петербурге-Петрограде. Л., 1985; Короткина Л.В. Николай Константинович Рерих. СПб., 1996.

¹⁴ Росов В.А. Русско-американские экспедиции Н.К. Рериха в Центральную Азию (в 1920-е и 1930-е годы). СПб., 2005.

¹⁵ Краснодембская Н.Г., Котин И.Ю., Соболева Е.С. Экспедиция МАЭ на Цейлон и в Индию в 1914–1918 гг. История. Коллекции. Научное наследие. СПб., 2018.

¹⁶ Peter Barenboim, Naem Sidiqi. Bruges, the Bridge between Civilizations. To the 75th Anniversary of the Roerich Pact. Belgium, 2010.

Источниковой базой исследования выступают опубликованные материалы – письма Н.К. Рериха за 1921–1925 гг.¹⁷, его путевые заметки «Алтай – Гималаи»¹⁸ и картины по цейлонским мотивам.

В работе использовались также воспоминания о нем близких соратников, выдержки из его трактатов. В их числе работа Н.Г. Абдульмановой «Аромат бытия. По местам Рерихов. Путевые записи и впечатления», в которой автор, пройдя маршрутом по местам путешествий Н.К. Рериха и посетив при этом Шри-Ланку, обходит стороной упоминания о пребывании здесь Николая Константиновича в 1923 г.¹⁹ В других работах автора Цейлон также упоминается лишь как не имевшее большого значения место в Центрально-Азиатской экспедиции Н.К. Рериха (в частности, в ее второй части).

Методологической основой исследования являются принципы историзма и объективности. В работе применялись специально-исторические научные методы – историко-сравнительный, системного анализа и критического анализа источников, что позволило реконструировать последовательность событий, связанных с посещением Н.К. Рерихом Цейлона, путем сопоставления сведений из разных источников, а также сверить новые факты с утвердившейся в литературе версией маршрута Н.К. Рериха в рамках Центрально-Азиатской экспедиции.

Начальный этап Центрально-Азиатской экспедиции и хронология посещения Н.К. Рерихом Цейлона

Одним из важнейших периодов творческой жизни Н.К. Рериха, его становления как яркого мыслителя и общественного деятеля, является Центрально-Азиатская экспедиция, начатая в 1923 и закончившаяся в 1928 г., в которую он отправился со всей семьей 17 ноября 1923 г. из Марселя на пароходе «Македония»²⁰. Эта экспедиция делится на несколько этапов, и 1923 г. считается ее ознакомительным, подготовительным этапом. Началом собственно экспедиции (называемой также Американской Центрально-Азиатской экспедицией) считается 1924 г.²¹ В 1923 г. состоялась встреча Николая Константиновича с его учителем махатмой Морией²², по соображениям которого был составлен маршрут экспедиции, проложенный по территории СССР (Москва, Горный Алтай), Тибету, Китаю, Монголии, и одновременно было дано поручение его духовным учителем – съездить в Москву с посланием от махатм. Н.К. и С.Н. Рерихи 24 сентября 1924 г. выезжают из Индии в Европу и Америку²³. Этим заканчивается начальный, ознакомительный, подготовительный к большой Центрально-Азиатской экспедиции этап.

П.Ф. Беликов связывает посещение Рерихом Цейлона с промежуточным периодом между первым и вторым этапами этой экспедиции и указывает на 1925 г.,

¹⁷ Анненко А.Н. Н.К. Рерих Дерзайте! Письма к В.А. Шибасеву и Н.В. Кордашевскому (1921–1925). Абакан, 2012.

¹⁸ Рерих Н. Алтай – Гималаи. Путевой дневник. Новосибирск, 2014.

¹⁹ Абдульманова Н.Г. Аромат бытия. По местам Рерихов. Путевые записи и впечатления. Казань, 2002.

²⁰ Беликов П., Князева В. Рерих. М., 1972. С. 159.

²¹ Болдырев О.Г. Николай Рерих. Запечатлевший тайну. М., 2014. С. 149.

²² Там же. С. 147.

²³ Там же. С. 150.

когда фактически началась ее вторая фаза²⁴. Однако, как свидетельствуют дневники самого Н.К. Рериха, он побывал на Цейлоне в 1923–1924 гг.²⁵ Подтверждением этому служит и другая дневниковая запись художника, которая следует за описанием посещения Цейлона, где он повествует о событиях 1923 г., касавшихся школы Р. Тагора в Индии, назвав их «недавно происходившими»²⁶. Тем не менее его письма позволяют утверждать обратное: в 1923 г. он прибыл в Индию, в ее северо-западную часть – Бомбей, и, осмотрев достопримечательности, переехал затем в центральную и северную части Индии до Уттар Прадеша. 24 ноября 1923 г. Н. Рерих еще находился в Адене, 2 декабря он шлет «Привет из Его Страны!». Это его первое сообщение из Индии. Уже 11 декабря Рерих отправляет письмо из Агры, города Северной Индии в штате Уттар Прадеш, а 29 декабря – из Гималаев²⁷. Эти сведения отличаются от записей в дневниках о прибытии художника в Индию.

В дневнике встречается описание сначала Египта, а затем сразу Цейлона: «В Каире в мечети сидел мальчик лет семи-восьми и нараспев читал строки Корана. Нельзя было пройти мимо его проникновенного устремления. А в стене той же мечети нагло торчало ядро Наполеона. И тот же завоеватель империи разбил лик великого Сфинкса. Если обезображен Сфинкс Египта, то Сфинкс Азии сбережен великими пустынями. Богатство сердца Азии сохранено, и час его пришел. Древний Цейлон – Ланка Рамаяны»²⁸. Затем Рерих выражает удивление увиденным в столице Цейлона – г. Коломбо, который разочаровал путешественника своей европеизированностью. «... Где же дворцы и пагоды? – задает вопрос русский путешественник. – Странно. В Коломбо встречает швейцарский консул. Полицейский – ирландец. Француз торговец. Грек с непристойными картинками. Голландцы чаевики. Итальянец шофер. Где же, однако, сингалезы? Неужели все переехали в театры Европы?»²⁹. В дневниках Рериха содержится краткое описание мест, которые художник посетил на Цейлоне, и только после этого он переходит к описанию Южной Индии. В результате изучения путевого дневника Н.К. Рериха следует сделать вывод о том, что он прибыл на Цейлон после Египта через Суэцкий канал, Красное и Аравийское моря и затем – Индийский океан. Только после этого он переехал в Индию. Изучение Индии Рерихом началось не с северо-запада Индии, как это принято считать, а с юга.

Л.В. Шапошникова утверждает, что Рерихи вступили на землю Индии в Бомбее, ссылаясь на его дневник, где были изложены первые впечатления об Индии: «Неужели Индия? Тонкая полоска берега, тощие деревца. Трещины иссушенной почвы»³⁰. Заметим, что в работе Л.В. Шапошниковой Цейлон вообще не упоминается. Но продолжим цитату из дневника Рериха: «Так с юга скрывает свой лик Индия. Черные дравиды еще не напоминают Веды и “Махабхарату”. Пестрый Мадурай с остатками дравидских нагромождений»³¹. Из этого становится ясно,

²⁴ Болдырев О.Г. Николай Рерих. Запечатлевший тайну. М., 2014. С. 166–167.

²⁵ Рерих Н. Алтай – Гималаи. Путевой дневник. Новосибирск, 2014. С. 5.

²⁶ Там же. С. 6.

²⁷ Анненко А.Н. Н.К. Рерих. Дерзайте!.. С. 58–59.

²⁸ Рерих Н. Алтай – Гималаи. Путевой дневник. Новосибирск, 2014. С. 5.

²⁹ Там же. С. 5.

³⁰ Шапошникова Л.В. От Алтая до Гималаев. Фотоальбом. М., 1998. С. 12.

³¹ Рерих Н. Алтай – Гималаи. Путевой дневник. Новосибирск, 2014. С. 6.

что речь в документе идет не о Бомбее, а о Южной Индии, куда с Цейлона и прибыли Рерихи. Однако не маловажно заметить, что в описании древней столицы Шри-Ланки Анурадхапуры есть упоминание о буддийском храме в Индонезии: «По обломкам Анурадхапуры можно судить, как мощен был Борободур на Яве»³². Этим подтверждаются сведения, приводимые П.Ф. Беликовым, о том, что в начале 1925 г. Рерих «на короткий срок посетил Индонезию и Цейлон»³³.

В работе другого автора, О.Г. Болдырева, отмечается, что после Цейлона Н.К. Рерих поехал в Адьяр и 18 января (год не указан) посетил штаб-квартиру Теософского общества, где передал картину, посвященную Е.П. Блаватской (упоминание об этом встречается в газете *New India*)³⁴. Если учесть, что приготовления к этой поездке шли в Берлине в советском представительстве, и после подачи запроса о визе наркому Г.В. Чичерину удовлетворительный ответ был получен только через три месяца, то есть в марте 1925 г.³⁵, становится ясно, что Н.К. Рерих не мог находиться в Адьяре в середине января. Следовательно, вполне возможно, что встреча в Адьяре состоялась не в 1925 г. (как утверждает О.Г. Болдырев), а значительно раньше, в 1923 г.

В биографии Рериха, составленной П. Беликовым и В. Князевой, указывается, что именно на Цейлоне состоялось его личное знакомство с профессором Гунапалой Малаласекарой, который впоследствии вспоминал: «Я имел честь быть представленным ему, когда он посетил мою страну – Цейлон. Жизнь Рериха была соткана из многих необычайных элементов, которые с трудом поддаются описанию. Некоторые зовут его пророком, другие мистиком. Быть может, сам он предпочел бы быть названным посланцем доброй воли от Запада на Востоке... Где бы он ни ходил по Азии – в Тибете, в Ладаке, в Сиккиме, в Бутане, в Центральной Азии и Монголии, лучшие люди Востока везде встречали его со знаками особого почитания, доверия и любви, редко оказываемой чужестранцам в этих странах»³⁶. К сожалению, авторы биографии не указывают, из какого источника взята данная цитата. Она практически дословно повторяется в работе О.Г. Болдырева и также без указания на источник³⁷. Но поскольку Малаласекара закончил обучение в Лондоне в 1925 г.³⁸ и на родину вернулся только в 1926 г.³⁹, маловероятно, что его встреча с Н.К. Рерихом могла состояться в начале 1925 г. на Цейлоне, как утверждают авторы биографии «Рерих». Это дает нам повод утверждать, что все-таки посещение Цейлона Н.К. Рерихом относится к 1923 г.

Маршрут Н.К. Рериха по Цейлону

Как можно предположить из дневников художника, на Цейлоне Николай Константинович отдыхал на пляже Маунт Лавиния, где расположен известный отель с одноименным названием. Он пишет об «общих купаниях около кисло-сладкой горы

³² Рерих Н. Алтай – Гималаи. Путевой дневник. Новосибирск, 2014. С. 6.

³³ Беликов П., Князева В. Рерих. М., 1972. С. 166–167.

³⁴ Болдырев О.Г. Николай Рерих. Запечатлевший тайну... С. 152.

³⁵ Там же. С. 151.

³⁶ Беликов П., Князева В. Рерих. Жизнь замечательных людей. М., 1972. С. 166–167.

³⁷ Болдырев О.Г. Николай Рерих. Запечатлевший тайну... С. 152.

³⁸ Два шри-ланкийских светских буддийских ученых, живших в XX в. // Воскресная школа. 10 класс / сост. и изд. Департаментом по делам буддизма. Коломбо, 2011. С. 86. (На сингальском яз.)

³⁹ *Walter Wijenayaka. Remembering Professor G.P. Malalasekera – outstanding personality // Sunday Island. 2011. URL: <http://www.island.lk/index.php> (дата обращения: 28.03.2019)*

Лавиния»⁴⁰. Привычный для англоязычного населения топоним среди широких слоев ланкийцев известен как Галкисса – городок, расположенный в 14 км южнее столицы Коломбо. С большой долей вероятности можно предположить, что Н.К. Рерих в стороне от городской суеты останавливался на несколько дней именно в этом месте. Однако в столице не было ни дворцов, ни храмов, которые могли бы привлечь внимание художника, потому он продолжил свой путь по острову.

Севернее столицы, в десяти километрах от Коломбо, в местечке Келания в древнем буддийском храме Рерих увидел «первые лики Будды и Майтрейи». Николай Константинович пишет: «...Мощные изображения хранятся в сумерках храма. Хинаяна гордится своей утонченностью и чистотой философии перед многообразной махаяной. Обновленная большая ступа около храма напоминает о древнем основании этого места»⁴¹.

Из Коломбо, вероятнее всего, Н.К. Рерих поехал на Адамов пик, который не очаровал его, хотя каждый, кто там бывал, отмечал красивейшие виды. Скорее всего, на вершину горы Рерих не поднимался, а проезжал мимо. Сложно также предположить, знал ли Рерих значение этой горы как некоего ритуального центра, притягивающего представителей всех мировых религий. Дело в том, что на вершине горы находится углубление длиной примерно в 1,5 м, напоминающее гигантскую человеческую ступню, которую буддисты считают следом ступни Будды и называют гору Шри Пада (Священная Ступня); индуисты полагают, что это след ступни Шивы (на тамильском – Сиваноли Падамалай), магометане и часть христиан принимают углубление за след Адама (отсюда название – Адамов пик), а часть католиков верят, что это след ступни святого апостола Фомы, который, как считают в Индии, является первым проповедником христианства в этой стране. Вероятно, если бы Рерих знал о сакральном значении этого места и о его связи с теософией в широком смысле слова, он не проехал бы мимо, не сделав здесь остановки.

Далее Николай Константинович, предположительно, поехал в бывшую столицу Цейлона – г. Канди. Об этом нет упоминаний в дневниках, но в трактате «Майтрейя» говорится, что «в древней столице Ланки-Цейлона» Канди он был в Храме Зуба Будды. Для Н.К. Рериха этот храм представлялся храмом Паринирваны – ухода Будды из мирской жизни. Наверное, он пришел к такому выводу на основе того, что главной реликвией, которая там хранится, является зуб Будды, взятый в ходе кремации его тела из погребального костра. Этот храм, по словам Рериха, предстал перед ним как «чудесное хранилище священных книг в чеканных серебряных покрывках-переплетках»⁴². Также в том здании находится храм будущего Будды Майтрейи, куда разрешено заходить только главному священнослужителю. Закрытый доступ был связан с попыткой не допустить осквернения светлого будущего. В этой связи Рерих писал: «Не должно быть оно осквернено легкомыслием, любопытством, поверхностью и сомнением»⁴³. Майтрейя для Рериха – это любовь, сострадание, всепонимание, всевмещение. И это тоже некая теософия. Образ Майтрейи в его

⁴⁰ Рерих Н. Алтай – Гималаи. Путевой дневник. Новосибирск, 2014. С. 6.

⁴¹ Там же. С. 5.

⁴² Рерих Н. Майтрейя // О вечном... М., 1994. С. 188.

⁴³ Там же.

понимании представал также как единение двух главных направлений буддизма. Он пишет: «Майтрейя прочно связывает махаяну с хинаяной, включая Цейлон. В этом почитании соединились желтая и красная секты. Есть величие в этом почитании будущего»⁴⁴. В другом трактате Н.К. Рериха об этом говорится еще точнее: «Интересно отметить, что почитание многих Бодхисатв нашло развитие только в школе Махаяны, тем не менее почитание одного Бодхисатвы Майтрейи, как приемника, избранного самим Буддой, принято и в Хинаяне. Таким образом, один только Бодхисатва Майтрейя охватывает все пространство, являясь выразителем всех чаяний буддизма»⁴⁵. Факт посещения Рерихом города Канди и Храма Зуба Будды подтверждается также его Обращением к Обществу Маха-Бодхи в Калькутте, опубликованным под названием «Мир всему живущему», где говорится о том, что «служитель храма в Канди, среди благоухающего Цейлона, пишет на пальмовом листе трогательное обращение к Западу, полное мирных зовов»⁴⁶.

**Рис. 1. Н.К. Рерих. Ашрам (Государственная Третьяковская галерея. 1931) /
Figure 1. N.K. Roerich. Ashram (State Tretyakov Gallery. 1931)**

Источник / Source: Рерих Н.К. URL: <http://n-k-roerich.ru/painting/item/f00/s00/e0000009/index.shtml> (дата обращения: 18.04.2019).

⁴⁴ Рерих Н.К. Твердыня пламенная. Майтрейя. URL: <http://agniyoga.roerich.info/> (дата обращения: 31.03.2019).

⁴⁵ Рерих Н. Майтрейя // О вечном... М., 1994. С. 209.

⁴⁶ Рерих Н. Мир всему живущему. Обращение к Обществу Маха-Бодхи в Калькутте // О вечном... М., 1994. С. 209.

Бамбуковый лес из сада Рерадениа на Цейлоне.

Рис. 2. Бамбуки в Ботаническом саду в Перадении близ Канди (фото из книги: Краснов А. Из путевых впечатлений под тропиками) / Figure 2. Bamboo in the Botanical Garden in Peradeniya near Kandy (A. Krasnov. From travel impressions under the tropics)

Источник / Source: DrevLit.Ru. Библиотека древних рукописей. URL: <http://drevlit.ru/docs/uva/XIX/1880-1900/Krasnov/11.JPG>. URL: <http://n-k-roerich.ru/painting/item/f00/s00/e0000009/index.shtml> (дата обращения: 18.04.2019).

Рерих во время своего путешествия посетил и пригород Канди – местечко Перадения, где расположен известный Королевский ботанический сад. Об этом можно судить по его картине из серии «Ашрам». Общеизвестно, что в картинах Рериха часто было воспроизведено то, что он видел сам. Этот сад с трех сторон граничит с самой длинной и многоводной рекой острова Цейлон Махавели, на берегу которой большей частью посажены гигантские бирманские зеленые бамбуки (*Dendrocalamus giganteus*), которые быстро растут в начальный период (до 30 см в сутки), достигая в среднем тридцатиметровой высоты. Именно эти деревья, как можно видеть, запечатлены на картине художника. Следует напомнить, что сам Будда долгое время жил в храме Велуванарама посреди бамбуковой рощи.

В источниках нет упоминаний о том, как и с кем Н.К. Рерих ходил по этому ботаническому саду и показали ли ему то дерево, которое еще в 1891 г. здесь посадил будущий русский царь Николай II. Латинское название этого дерева *Messua ferrea* – цейлонское железное дерево, древесина которого тяжелее воды. У буддистов есть поверье, что будущий Будда Майтрейя, которого так высоко ценил Рерих, получит просветление, когда будет сидеть под таким деревом, поэтому для буддистов оно имеет равное духовное значение, что и дерево Бодхи – *Ficus religiosa*, под которым нынешний Будда Сиддхартха Гаутама получил просветление.

После Канди, скорее всего, ученый поехал в средневековую столицу Полоннаруву. Об этом можно судить по картине, где воспроизведен образ Будды из знаменитого буддийского храма XII в. Уттарарама, который более известен под названием Гал Вихара (Каменный храм).

Этот храм был основан в Шри-Ланке в ознаменование очень крупного события в истории буддизма, когда веками существовавшие три школы буддизма были объединены в одну волей царя Паракрамабаху Первого, прозванного Великим. Он объеди-

нил все земли острова в одно централизованное государство. По мнению царя, единство достигнутой территориальной целостности можно было гарантировать лишь путем устранения разногласий в духовной жизни. Таким образом этот храм сочетал в себе черты разных школ как северного, так и южного буддизма. По мнению М.Ю. Мироновой, это был еще один образ Майтрейи, и художник «решился по собственной творческой воле изобразить его среди снежных вершин Гималаев»⁴⁷.

Рис. 3. Одна из двух статуй Будды в сидячей позе в Гал Вихаре, Полоннарува. Прототип картины Н.К. Рериха «Майтрейи» / Figure 3. One of the two Buddha statues in a seated pose in Gal Vihara, Polonnaruwa. The prototype of the painting of N.K. Roerich “Maitreya”

Источник / Source: RuTraveller. URL: <https://www.rutraveller.ru/photo/albums/gallery> (дата обращения: 02.04.2019).

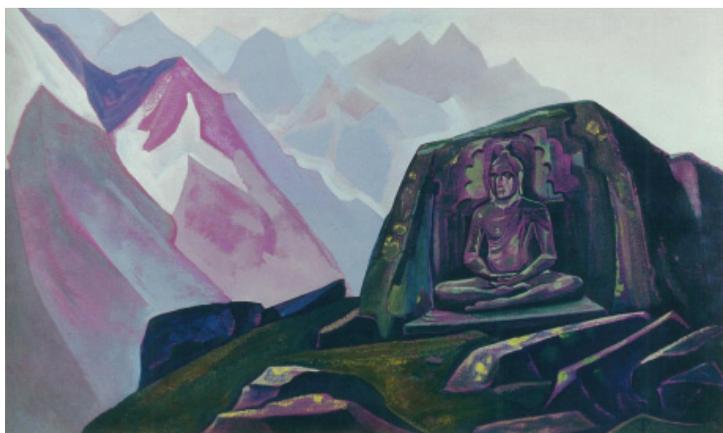

Рис. 4. Н.К. Рерих. Майтрейя (Аллахабадский муниципальный музей, Индия, 1933) / Figure 4. N.K. Roerich. Maitreya (Allahabad Municipal Museum, India, 1933)

Источник / Source: Справочник коллекционера «Всесвит». URL: <http://valenik.ru/vsesvit/tema/p/ainter/1/erikhnk.html> (дата обращения: 18.04.2019).

⁴⁷ Портал «Культура». URL: <http://www.zovnet.ru/viewtopic.php> (дата обращения: 02.04.2019).

По мнению искусствоведов Шри-Ланки, этот образ Будды является выражением северно-буддийской концепции о существовании так называемых Пяти Дхяни Будд⁴⁸. Для Н.К. Рериха Майтрейя, как уже говорилось, олицетворял собой образ светлого будущего, доступ к которому должен быть открыт каждому. Период Майтрейи, с точки зрения Николая Константиновича, представлял собой особое время, которое должно было наступить в скором будущем как век «истинного сотрудничества», единения всего человечества под некоей общей религией-синтезом. Согласно Рериху, это должно было быть устремлением к «светлому воссоединению, к великому вселенскому телу»⁴⁹.

В ходе своего путешествия по Цейлону Н.К. Рерих посетил также древнюю столицу Анурадхапuru, основанную в IV в до н. э., о которой пишет следующее: «Множество храмов и дворцовых строений могут хранить остатки лучшего времени Учения. Кроме известных развалин, сколько неожиданностей погребено под корнями зарослей. То, что осталось поверх почвы, дает представление о былом великолепии места. Всюду скрыты находки. Не надо искать их, они сами кричат о себе. Но работа может дать следствия, если будет произведена в широких размерах. К развалинам, где один дворец имел девятьсот помещений, нельзя подходить без достаточного вооружения. Цейлон важное место... Как скелеты, стоят фрагменты Анурадхапурь»⁵⁰.

В Анурадхапуре Рерих посетил один из первых буддийских монастырей Шри-Ланки – Вессагири, где по преданию буддийскими монахами стали 500 юношей из касты вайшья. Огромное количество древних надписей, в том числе и дарственных, оставшиеся фрагменты росписей, специально приспособленные для медитации гrotы не могли не заинтересовать такого мыслителя, как Рерих. И в серии «Ашрам» появляется картина с изображением монастыря Вессагири.

Рис. 5. Н.К. Рерих. Ашрам (Галерея нового искусства. Хорватия, Загреб. 1931) / Figure 5. N.K. Roerich. Ashram (Gallery of New Art. Croatia, Zagreb. 1931)

Источник / Source: Каталог картин Н.К. и С.Н. Рерихов. URL: <http://gallery.facets.ru/show.php?id=4880> (дата обращения: 18.04.2019).

⁴⁸ Викрамагамаге Ч. Врата зданий древнего Цейлона. Коломбо, 1995. С. 24.

⁴⁹ Рерих Н. Майтрейя... С. 195.

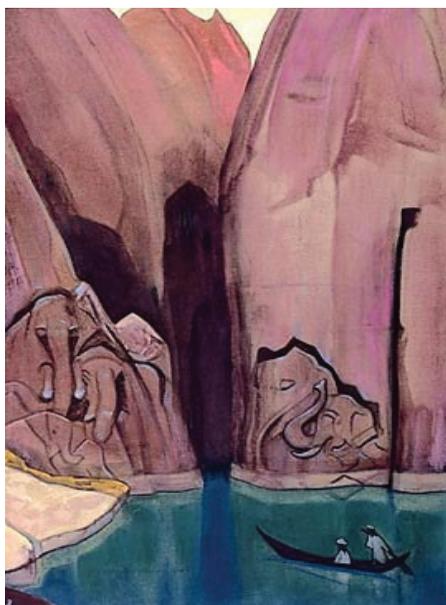
⁵⁰ Рерих Н. Алтай – Гималаи. Путевой дневник. Новосибирск, 2014. С. 6.

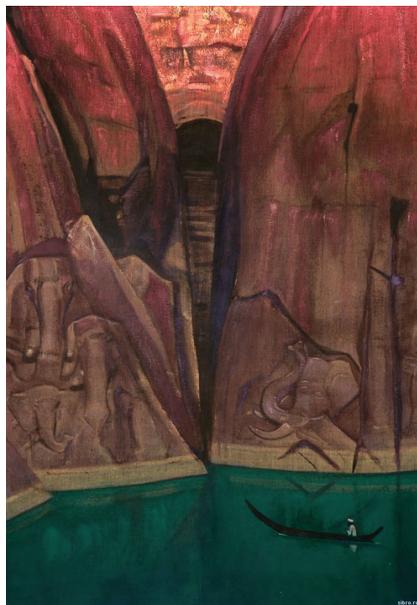
**Рис. 6. Часть монастыря Вессагири. Современный вид. Анурадхапурат /
Figure 6. Part of the Monastery of Vessagiri. Current view. Anuradhapura**

Источник / Source: Homestaysrilanka – Travel guide photography blog – Sri Lanka. URL: <https://homestaysrilanka.wordpress.com/2015/09/24/anuradhapura-wessagiri-vihara/> (дата обращения: 13.04.2019).

Нетрудно заметить, что на картине Рериха изображена даже лестница, правда, с перилами в виде коней, которые были придуманы уже самым художником.

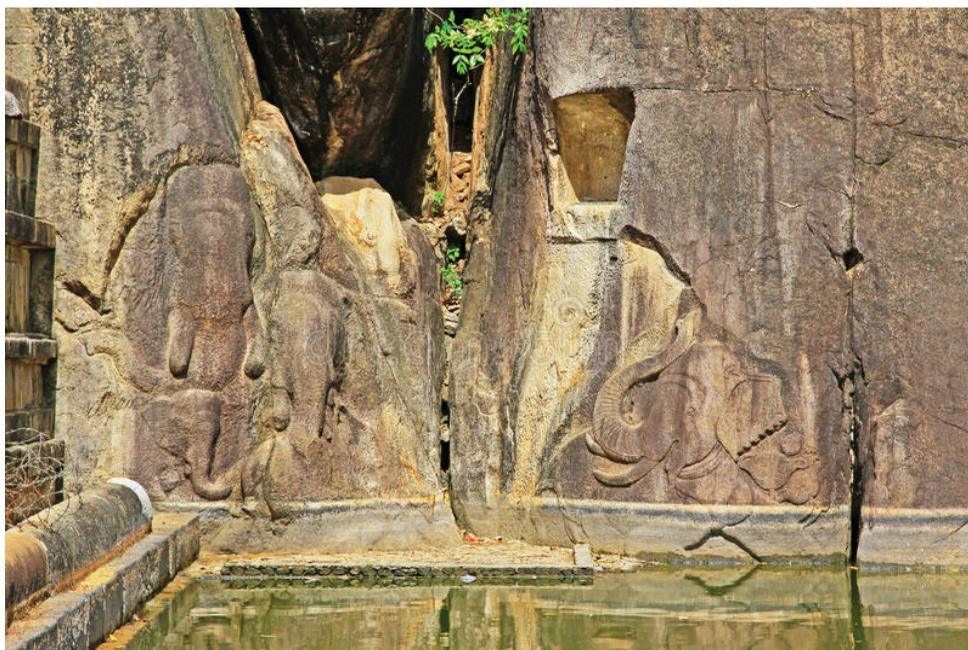

**Рис. 7. Н.К. Рерих. Ашрам (Государственный музей искусства народов Востока. 1938) /
Figure 7. N.K. Roerich. Ashram (State Museum of Oriental Art. 1938)**

**Рис. 8. Н.К. Рерих. Ашрам (Музей Николая Рериха, Нью-Йорк, США. 1931) /
Figure 8. N.K. Roerich. Ashram (Museum of Nicholas Roerich, New York, USA. 1931)**

Источник / Source: Каталог картин Н.К. и С.Н. Рерихов. URL: <http://gallery.facets.ru/show.php?id=4880> (дата обращения: 18.04.2019).

**Рис. 9. Современный вид Храма Исурумунни /
Figure 9. A current view of the Temple of Isurumuni**

Источник / Source: Anuradhapura Isurumuniya Temple, Sri Lanka UNESCO World Heritage. Building, brick. URL: <https://www.dreamstime.com/stock-photo-anuradhapura-isurumuniya-temple-sri-lanka-unesco-world-heritage-buddhist-situated-near-to-tissa-wewa-tisa-tank-there-image93531877> (дата обращения 13.04.2019).

Точкой маршрута Н.К. Рериха в древней столице Шри-Ланки стал также храм Исурумунни, о чем свидетельствует еще одна картина художника из серии «Ашрам», написанная в двух вариантах.

Увидеть сходство картины с оригиналом позволяет современная фотография храма Исурумунни с четко просматривающимися барельефами слонов.

Следует отметить, что во время путешествия по древней столице Шри-Ланки Н.К. Рериху не могли не показать дерево Бодхи, которое растет в Анурадхапуре и вместе с зубом Будды составляет одну из двух главных реликвий буддизма на Цейлоне. Сложно было пройти и мимо трех крупнейших монастырских центров с их огромными культовыми сооружениями куполообразной формы (дагобами) – Маха Вихара, Абхаягири и Джетавана.

По всей видимости, после путешествия по Цейлону из Анурадхапуры Н.К. Рерих отправился в Индию через Талайманнар и доехал до Дханушкоди или Рамешварама на пароме вдоль так называемого Адамова моста. Паромное сообщение между Индией и Цейлоном продолжало существовать вплоть до начала вооруженного межэтнического конфликта в Шри-Ланке в 1980-х гг. Также можно предположить, что по большей части путешествие Рериха по Цейлону осуществлялось по железной дороге, поскольку вплоть до 70-х гг. XX в. туризм здесь развивался вдоль же-

лезнодорожных путей, и это транспортное средство для иностранцев было самым удобным для передвижения по острову.

Чрезвычайно важным является то, что у Н.К. Рериха возникли связи с деятелями культуры и учеными Цейлона, в частности с Ассоциацией буддийской молодежи в Коломбо и Обществом Маха Бодхи, основанным крупным буддийским деятелем Цейлона Анагарика Дхармапала в 1891 г. Об этом свидетельствуют Обращение (из Нью-Йорка 8 мая 1930 г.) Н.К. Рериха к Обществу Маха Бодхи в Калькутте «Мир всему живущему» и его Послание к цейлонской буддийской молодежи «Мир и Культура», отправленное с Гималаев 8 мая 1931 г., а также трактат под названием «Маха Бодхи», где дана самая высокая оценка деятельности этой организации и лично Анагарике Дхармапала. Несомненно, подобное взаимодействие представителей двух народов было направлено на достижение высоких духовных целей, о чем свидетельствуют слова одного из Обращений: «Непрактично и пагубно все, созданное враждебностью и озлобленностью. История человечества дала нам замечательные примеры, как именно мирное творчество создавало прогресс. Устанет рука от меча, но рука творящая, усиленная мощью духа, будет неутомима и непобедима. Никакой меч не может расстроить истинное наследие культуры. Человеческий ум может временно уклоняться от первичных источников, но в сужденный час вновь обратится к ним с обновленной мощью духа»⁵¹.

Одна из картин Н.К. Рериха, представленная в трех вариантах – 1922, 1924, 1946 гг.⁵², хотя и не из цейлонского цикла, была посвящена Елене Петровне Блаватской – основательнице Теософского общества, в частности его филиала на Цейлоне, где она стала настоящей национальной героиней. Даже в ее краткой биографии, вошедшей в главу «Иностранные деятельницы, оказавшие поддержку Движению буддийского возрождения на Цейлоне» из учебника 10 класса буддийских воскресных школ Шри-Ланки, она значится как первая иностранка, прибывшая на Цейлон с целью принятия участия в Движении буддийского возрождения, что явилось составной частью всего освободительного движения Шри-Ланки. В учебнике подчеркивается роль Блаватской в становлении Анагарики Дхармапала как буддийского деятеля, который впервые поехал в Индию вместе с ней и Генрием Олкоттом для знакомства с состоянием древних буддийских святынь⁵³.

Один из вариантов картины, посвященной Блаватской, в ходе визита Рериха в Мадрас был лично подарен художником цейлонцу Чуруппумулладжу Джинарадхадасе, исполнявшему обязанности президента Теософского общества Анни Безант в штаб-квартире общества в Адьяре⁵⁴. Его правильное имя Куруппумуллаге Джинарадхадаса. В 1946 г. он стал четвертым президентом Теософского общества.

⁵¹ Рерих Н. Мир и культура (Буддийской Ассоциации Молодежи в Коломбо) // О вечном... М., 1994. С. 208.

⁵² Заровнятных Е.В. Николай Рерих. Религиозно-философские аспекты живописи. СПб., 2017. С. 51.

⁵³ Иностранные деятельницы, оказавшие поддержку Движению буддийского возрождения на Цейлоне // Воскресная школа. 10 класс... С. 90.

⁵⁴ Болдырев О.Г. Николай Рерих. Запечатлевший тайну. М., 2014. С. 152.

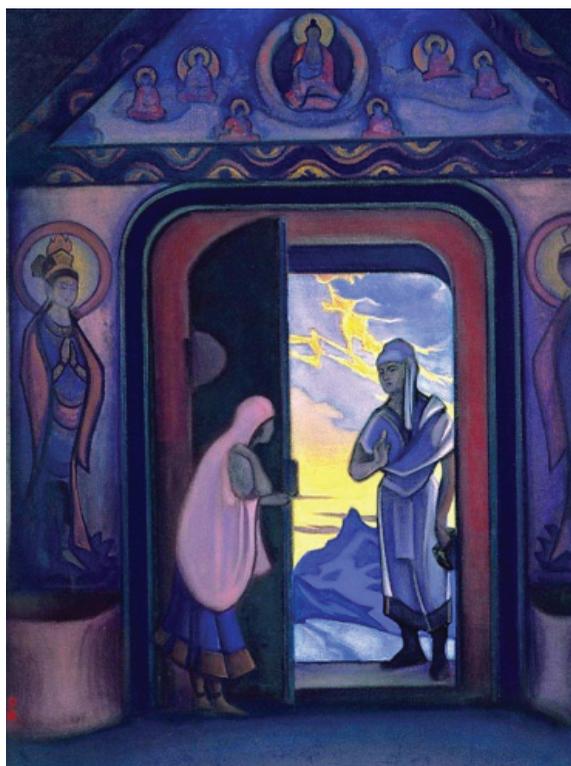

Рис. 10. Н.К. Рерих. Вестник (1946 г.) (Государственный музей Востока. Москва) / Figure 10. N.K. Roerich. Messenger (1946) (State Museum of the East. Moscow)

Источник / Source: Картина недели. URL: <http://www.centre.smr.ru/win/pics/pic0037/p0037.htm> (дата обращения: 18.04.2019).

Важно отметить, что Рерих вслед за Блаватской, вероятнее всего, был сторонником лемурийской теории и рассматривал Цейлон как забытое место лемурийской цивилизации, о которой якобы Блаватская узнала у махатм уже на континенте. В этой связи он пишет, что «и все Колombo, и Цейлон только напоминают по осколкам о древней Ланке, о Ханумане, Раме, Раване и прочих гигантах»⁵⁵.

На Цейлоне произошло еще одно событие, которое также было связано с именем Блаватской и имело в дальнейшем важное значение для буддистов всего мира. Дело в том, что Елена Петровна была причастна к разработке буддийского флага, который в 1950 г. в Коломбо на учредительном съезде Всемирного братства буддистов, основанного цейлонским профессором Гунапалой Малаласекарой, был принят в качестве флага буддистов всего мира.

Символично, что после установления дипломатических отношений между СССР и британским доминионом Цейлоном именно профессор Малаласекара был назначен в 1957 г. первым послом этой страны в Советском Союзе. К тому времени Малаласекара был известен как буддийский общественный деятель, ученый,

⁵⁵ Рерих Н. Алтай – Гималаи. Путевой дневник. С. 5.

составитель большого двухтомного словаря собственных имен на языке пали, основатель и первый главный редактор «Энциклопедии буддизма», основатель Всемирного братства буддистов. В Москве он поддерживал отношения с прибывшим туда сыном Рериха – Юрием, который даже был среди приглашенных гостей на свадебной церемонии дочери посла в Москве.

Выводы

Весь вышеизложенный материал указывает на то, что наиболее вероятным местом начала Центрально-Азиатской экспедиции Н.К. Рериха, вопреки установленным в научной литературе сведениям, являются Индонезия и Цейлон, в частности о. Ява и г. Коломбо. Главным подтверждением этому служат дневниковые записи художника за 1923–1924 гг. Однако следует иметь в виду, что записи составлены в форме эссе, а не классического дневника, а значит, рассуждая, например, о Южной Индии, художник тут же может перенестись в Бенгалию и обрисовать школу Тагора. Этот разброс мыслей не позволяет четко представить его маршрут. Тем не менее из описания экспедиционного маршрута Н.К. Рериха, сделанного Л.В. Шапошниковой, становится очевидно, что исследователи воспринимают повествование Рериха о юге Индии как рассказ о Бомбее. А между тем изображение юга Индии является первым впечатлением от страны. Это говорит о том, что Николай Константинович прибыл сначала не в Бомбей, а в Южную Индию, и именно в Дханушкоди либо в Рамешварам. Следовательно, Рерих отправился в Индию, не минуя Цейлон, как утверждает А. Марианис⁵⁶. Миновав Цейлон, Н.К. Рерих мог ехать только в Юго-Восточную Азию, на о. Ява. Невнимательное прочтение источника, видимо, в какой-то степени исказило картину маршрута Центрально-Азиатской экспедиции Рериха. Таким образом, можно прийти к выводу, что, вероятнее всего, хронологию посещения Цейлона Н.К. Рерихом следует отнести не к 1925, а к 1923 г.

Для многих исследователей жизни и творчества Н.К. Рериха Цейлон представляется малоинтересным и не заслуживающим особого внимания местом в его путешествиях и творческой жизни. Как следствие, путешествие Н.К. Рериха на Цейлон не становилось объектом внимания исследователей. Несмотря на то, что Цейлон в целом не слишком впечатлил художника, это путешествие дало ему реальную возможность на месте ознакомиться с традицией южного направления буддизма – хинаяной, учитывая, что последующий его маршрут в основном был проложен по местам, связанным с индуизмом и северным буддизмом – махаяной. Как показал анализ картин художника, прототипами для которых служили цейлонские сюжеты, Цейлон все-таки занял важное место во всей Центрально-Азиатской экспедиции Н.К. Рериха. По этой причине невозможно согласиться с однозначным утверждением, которое встречается в российской историографии о том, что «в 1923 году все четверо Рерихов прибыли в Индию. Индия стала начальным и конечным пунктом Центрально-Азиатской экспедиции»⁵⁷. Этим еще раз объясняется то, что в вопросе хронологии и географии разных этапов Центрально-Азиатской экспедиции сохраняется целый ряд расхождений.

Очевидно, что окончательно ответить на все поставленные вопросы можно будет только посредством расширения круга источников, включая судовые журналы кора-

⁵⁶ Марианис А.М. Николай Рерих. Творческий путь: Альбом-биография. М., 2015. С. 116.

⁵⁷ Шапошникова Л.В. От Алтая до Гималаев. М., 1998. С. 11.

блей со списками пассажиров, на которых плавали Рерихи, материалы зарубежной периодики, освещавшей события, связанные с участием Рерихов в Центрально-Азиатской экспедиции, а также привлечения более широкого круга полотен самого художника.

Рукопись поступила: 10 мая 2019

Submitted: 10 May 2019

Библиографический список

- Абдульманова Н.Г.* Аромат бытия. По местам Рерихов. Путевые записи и впечатления. Казань: РегентЪ, 2002. 192 с.
- Анненко А.Н.* Н.К. Рерих. Дерзайте! Письма к В.А. Шибяеву и Н.В. Кордашевскому (1921–1925). Абакан: Хакаское книжное издательство, 2012. 160 с.
- Балтрушайтис Ю., Бенуа А., Гидони А., Ремизов А., Яремич С.* Рерих. Десять сказок и притч Рериха. Пг.: Свободное искусство, 1916. 232 с.
- Беликов П., Князева В.* Рерих. М.: Молодая гвардия, 1972. 256 с.
- Беликов П.Ф.* Рерих. Опыт духовной биографии. М.: Международный центр Рерихов; Мастер-Банк, 2011. 432 с.
- Беликов П., Князева В.* Рерих. М.: Молодая гвардия, 1972. 256 с.
- Беликов П., Князева В.* Рерих. Жизнь замечательных людей. М.: Молодая гвардия, 1972. 400 с.
- Болдырев О.Г.* Николай Рерих. Запечатлевший тайну. М.: Вече, 2014. 256 с.
- Викрамагамаге Ч.* Врата зданий древнего Цейлона. Коломбо: Институт культуры Шри-Ланки, 1995. 350 с.
- Заровнятных Е.В.* Николай Рерих. Религиозно-философские аспекты живописи. СПб.: Геликон плюс, 2017. 200 с.
- Ковалева Н.Е.* Елена Рерих. Путь к посвящению. М.: Эксмо, 2013. 651 с.
- Короткина Л.В.* Рерих в Петербурге-Петрограде. Л.: Лениздат, 1985. 224 с.
- Короткина Л.В.* Николай Константинович Рерих. СПб.: Художник России; Золотой век, 1996. 92 с.
- Краснодембская Н.Г., Котин И.Ю., Соболева Е.С.* Экспедиция МАЭ на Цейлон и в Индию в 1914–1918 гг. История. Коллекции. Научное наследие. СПб.: МАЭ РАН, 2018. 466 с.
- Марианис А.* Николай Рерих. Творческий путь: альбом-биография. М.: Эксмо, 2015. 704 с.
- Росов В.А.* Русско-американские экспедиции Н.К. Рериха в Центральную Азию (в 1920-е и 1930-е годы). СПб.: Санкт-Петербургский университет, 2005. 37 с.
- Ростиславов А.А.* Н.К. Рерих. Пг.: Издательство Н.И. Бутковской, 1918. 72 с.
- Рерих Н.* Алтай – Гималаи. Путевой дневник. Новосибирск: Сибирское Рериховское общество; Россазия, 2014. 480 с.
- Рерих Н.* Майтрейя // О вечном... М.: Республика, 1994. С. 170–190.
- Рыбакова Т.В.* К загадочной Индии. А. Скрябин, Х. Инайят, Н. Рерих. М.: Академия А.Н. Скрябина, 2014. 144 с.
- Фосдик З.Г.* Николай Рерих. Новосибирск: Россазия, 2018. 350 с.
- Шапошникова Л.В.* От Алтая до Гималаев. Фотоальбом. М.: Международный центр Рерихов, Мастер-Банк, 1998. 333 с.
- Эрнст С.* Н.К. Рерих. Пг.: Общины св. Евгении, 1918. 128 с. (Серия «Русские художники»).
- Varenboim P., Sidiqi N.* Bruges, the Bridge between Civilizations. To the 75th Anniversary of the Roerich Pact. Belgium: Letny Sad, 2010. 158 p.
- Wijenayaka W.* Remembering Professor G. P. Malalasekera – outstanding personality // Sunday Island. 2011. URL: <http://www.island.lk/index.php>

References

- Abdulmanova, N.G. *Aromat by'tiya. Po mestam Rerikhov. Putevy'e zapisi i vpechatleniya*. Kazan: Regent' Publ., 2002 (in Russian).
- Levitskiy, V.N. *Rerikh. Desyat' skazok i pritch Rerikha*. Petrograd: Svobodnoe Iskuststvo Publ., 1916 (in Russian).

- Barenboim Peter, Sidiqi Naeem. *Bruges, the Bridge between Civilizations. To the 75th Anniversary of the Roerich Pact*. Bruges: Grid Belgium Publ., 2010.
- Belikov, P., and Knyazeva, V. *Rerikh*. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 1972 (in Russian).
- Belikov, P.F. *Rerikh. Opyt duxovnoy biografii*. Moscow: Mezhdunarodnyy centr Rerikhov Publ., 2011 (in Russian).
- Boldy'rev, O.G. *Nikolay Rerikh. Zapechatlevshiy taynu*. Moscow: Veche Publ., 2014 (in Russian).
- E'mst, S. *N.K. Rerikh. Seriya "Russkie xudozhniki"*. Petrograd: Obshhina Sv. Evgenii Publ., 1918 (in Russian).
- Fosdik, Z.G. *Nikolay Rerikh*. Novosibirsk: Rossaziya Publ., 2018 (in Russian).
- Kovaleva, N. *Elena Rerikh. 1859–1955: biografiya, teksty, aforizmy*. Moscow: EKSMO Publ., 2017 (in Russian).
- Kovaleva, N.E. *Elena Rerikh. Put k posvyashheniyu*. Moscow: EKSMO Publ., 2013 (in Russian).
- Korotkina, L.V. *Nikolay Konstantinovich Rerikh*. Saint Petersburg: Hudozhnik Rossii; Zolotoy vek Publ., 1996 (in Russian).
- Korotkina, L.V. *Rerikh v Peterburge-Petrograde*. Leningrad: Lenizdat Publ., 1985 (in Russian).
- Krasnodembskaya, N.G., Kotin, I.Yu., and Soboleva, E.S. *Ekspediciya MAE na Ceylon i v Indiyu v 1914–1918 gg. Istoriya. Kollekcii. Nauchnoe nasledie*. Saint Petersburg: MAE RAN Publ., 2018 (in Russian).
- Marianis, A.M. *Nikolay Rerikh. Tvorcheskij put': Albom-biografiya*. Moscow: EKSMO Publ., 2015 (in Russian).
- Rerikh, N. *Altay – Gimalai. Putevoy dnevnik*. Novosibirsk: Sibirskoe Rerikhovskoe Obshhestvo; Rossaziya Publ., 2014 (in Russian).
- Rerikh, N. "Majtrejya." In *O vechnom...* Moscow: Respublika Publ., 1994 (in Russian).
- Rerikh, N. "Mir i kul'tura. Buddiyskoy Associacii Molodezhi v Kolombo." In *O vechnom...* Moscow: Respublika, 1994 (in Russian).
- Rerikh, N. "Mir vsemu zhivushhemu. Obrashhenie k Obshhestvu Maxa-Bodxi v Kal'kutte." In *O vechnom...* Moscow: Respublika Publ., 1994 (in Russian).
- Rerikh, N.K. *Derzayte! Pis'ma k V.A. Shibaevu i N.V. Kordashevskomu (1921–1925)*. Abakan: Khakasskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2012 (in Russian).
- Rerikh, N.K. *Tverdy'nya plamennaya*. <http://agniyoga.roerich.info/> (in Russian).
- Rosov, V.A. *Russko-amerikanskije ekspedicii N.K. Rerikha v Central'nyu Aziyu (1920-e i 1930-e gody)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg University Publ., 2005 (in Russian).
- Rostilavov, A.A. *N.K. Rerikh*. Petrograd: N.I. Butkovskoy Publ., 1918 (in Russian).
- Ry'bakova, T.V. *K zagadochnoy Indii*. Moscow: Akademiya A.N. Skryabina Publ., 2014 (in Russian).
- Sobolev, A.P. *N.K. Rerikh. 1919–1920. Materialy'k biografii*. Saint Petersburg: Kosta; Issledovatel'skiy fond Rerikhov Publ., 2011 (in Russian).
- Shaposhnikova, L.V. *Ot Altaya do Gimalaev: Po marshrutu Central'no-Aziatskoy ekspedicii N.K. Rerikha*. Moscow: Mezhdunarodnyy centr Rerikhov Publ., 1998 (in Russian).
- Wickramagamage Chandra. *Vrata zdaniy drevnego Ceylona*. Kolombo: Institut kul'tury' Shri Lanki Publ., 1995 (in Sinhala).
- Wiyenayaka, Walter. "Remembering Professor G. P. Malalasekera – outstanding personality." *Sunday Island* (2011). <http://www.island.lk/index.php>
- Zarovnyatnykh, E.V. *Nikolay Rerikh. Religiozno-filosofskie aspekty zhivopisi*. Saint Petersburg: Gelikon plyus Publ., 2017 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Ранджана Девамитра Сенасингхе, аспирант кафедры истории России Российского университета дружбы народов.

Ranjana Devamitra Senasinghe, graduate student at the Department of Russian History of RUDN University.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-3-661-682>

Научная статья / Research article

Роль российского правительства в развитии каспийской морской торговли с Персией во второй половине XIX – начале XX в.

Г.Г. Корноухова

Российский университет дружбы народов;
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6; kornoukhova-gg@rudn.ru

The role of the Russian government in the development of Caspian Sea trade with Persia in the second half of the 19th – early 20th century

Gadilya G. Kornoukhova

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University);
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia; kornoukhova-gg@rudn.ru

Аннотация: В статье на основе широкой источниковой базы, которая включает в себя как опубликованные, так и неопубликованные документы, выявленные автором в Архиве внешней политики Российской империи, изучается политика царского правительства в отношении торгового мореплавания на Каспийском море, определяется ее эффективность с точки зрения интенсификации российско-персидского торгового обмена во второй половине XIX – начале XX в. В статье показан процесс обсуждения в обществе во второй половине XIX в. проблем, связанных с заимствованием западноевропейской модели развития морского судоходства, анализируются условия судоходства в каспийской акватории в соответствии с природными характеристиками, состоянием ее портовой инфраструктуры. Подробно останавливаясь на вопросе об объеме товарооборота между Россией и Персией, автор рассматривает деятельность российских судоходных предприятий, характер их взаимодействия между собой, участие в этом процессе государства и приходит к выводу о неоднозначности достигнутых результатов. Взяв курс на развитие срочного пароходства на Каспийском море, царское правительство избрало при этом путь поддержки лишь одного транспортного общества – «Кавказ и Меркурий». Выбранная властями инвестиционная стратегия привела в конечном итоге к установлению монопольного господства последней в результате поглощения ею родственных компаний, что сыграло отрицательную роль в деле развития экономической конкуренции в области торгового судоходства на Каспии.

Ключевые слова: Каспийский регион, пароходные компании, морское судоходство, российско-персидская торговля, частно-государственное партнерство

Для цитирования: Корноухова Г.Г. Роль российского правительства в развитии каспийской морской торговли с Персией во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 3. С. 661–682. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-3-661-682>

© Корноухова Г.Г., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Abstract: This article based on a large body of published and unpublished documents from the Foreign Policy Archive of the Russian Empire (AVPRI). The author analyzes the policy of the tsarist government regarding the development of merchant shipping on the Caspian Sea, and determines its effectiveness in the framework of Russian-Persian economic ties in the second half of the 19th and the early 20th centuries. Special attention is paid to the public discourse on the need for borrowing the Western European model for the development of maritime navigation, as well as to the conditions of navigation in the Caspian area in accordance with the natural characteristics and the available port facilities. Also examined are the volume of trade between Russia and Persia, the activities of Russian shipping enterprises, their interaction among themselves, and the state's intervention in these affairs. The author concludes that the government's policy yielded ambiguous results. After pushing for the introduction of steamboats and Liner Service on the Caspian Sea, the tsarist government decided to support only one transport company, the 'Kavkaz i Merkurii', which then swallowed its competitors. Ultimately, the authorities' investment strategy led to the monopoly and domination of one company, which played a negative role in the development of merchant shipping on the Caspian Sea.

Keywords: Caspian region, shipping companies, merchant shipping, Russian-Persian trade, private-state partnership

For citation: Kornoukhova, Gadilya G. "The role of the Russian government in the development of Caspian Sea trade with Persia in the second half of the 19th – early 20th century." *RUDN Journal of Russian History* 18, no. 3 (August 2019): 661–682. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-3-661-682>

Введение

В настоящее время чрезвычайную актуальность сохраняет вопрос об укреплении экономического и геополитического присутствия России в Каспийском море в условиях заметного усиления влияния США на политику прикаспийских государств, образовавшихся на постсоветском пространстве¹. Для решения данной проблемы российское правительство в текущем году утвердило план развития российских морских портов в Каспийском бассейне, в пояснительной записке к которому отмечается, что основными задачами данной стратегии является расширение экономических и культурных связей со странами бассейна, а также создание условий для развития данного региона РФ с помощью увеличения грузопотоков международной торговли².

Сравнимые по сложности проблемы стояли перед Россией и в прошлом. Но тогда ей в Каспийском регионе противостояла Великобритания. В качестве инструмента укрепления своих позиций в Каспийском бассейне Россия в этот период активно использовала торговое проникновение в персидские пределы, представлявшие, к тому же, для царских властей чрезвычайно выгодным рынком.

Проблема российско-персидских торговых отношений уже получила свое многостороннее освещение в отечественной историографии. Советский исследователь Н.Г. Куканова, описывая историю развития российско-персидской торговли в XVII – первой половине XIX в., затронула тему торговых маршрутов. Вслед

¹ Читайте об этом подробнее: *Лебедева Е.В.* Каспийский бассейн как источник геополитической конкуренции между США, Россией и Ираном // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2013. № 3–1. С. 355–361.

² Правительство утвердило план реализации Стратегии развития морских портов на Каспии // Морские вести. 28.06.2019. URL: http://www.morvesti.ru/detail.php?ID=79343&sphrase_id=1901704 (дата обращения: 29.05.2019)

за Ф. Корфом и Г.П. Небольсиным она охарактеризовала каспийский морской путь как традиционный и наиболее выгодный для транспортировки российских товаров. Кроме того, Н.Г. Куканова отметила, что в рассматриваемый период он эксплуатировался, как правило, бакинскими судовладельцами и иранскими подданными³.

В конце 1980-х гг. исследователь Х.А. Атаев, анализируя развитие связей Персии и России, выявил основные порты двух стран, их грузооборот и характер перевозимых товаров. Он отметил, что российские суда посещали почти все значительные населенные пункты персидского побережья, выполняя также и функции судов каботажного плавания, что имело большое значение для Персии, так как на ее прибрежной полосе отсутствовали пригодные для передвижения сухопутные дороги⁴.

В современной отечественной историографии тщательно разрабатывается тема зарождения и развития коммерческой деятельности купцов «персиян» в Астраханской губернии в период с XVIII до середины XIX в. Под последними понимаются как собственно персидские купцы, так и азербайджанские коммерсанты. В работах М.М. Имашевой, Э.М. Оздамировой, Р.Н. Пировой раскрывается взаимодействие купцов из Персии с астраханскими таможенными властями, структура их торговой деятельности и отмечаются твердые позиции в коммерческом судовладении на протяжении всей первой половины XIX в.⁵

Отдельные аспекты каспийского торгового судоходства второй половины XIX – начала XX в. получили свое освещение в работах современных авторов. Так, в объемном очерке В.Ю. Гессена рассматривается институциональное развитие пароводного общества «Кавказ и Меркурий»: его устав, состав акционеров, структура управления, экономическая деятельность. Автор высоко оценивает сложившуюся между правительством и обществом модель отношений, которая осуществлялась на основе взаимовыгодного сотрудничества⁶.

И.К. Павлова реконструировала историю деятельности российских транспортных компаний в Персии, отметив при этом стремление правительства под-

³ Куканова Н.Г. Очерки по истории русско-иранских отношений в XVII – первой половине XIX века (по материалам русских архивов). Саранск: Мордовское книжное издательство, 1977. С. 198, 200.

⁴ Атаев Х. Политические и торгово-экономические отношения Северо-Восточного Ирана и России в начале XX века (1900–1917). Ашхабад, 1989. С. 36.

⁵ Имашева М.М. Вопросы русско-азиатской торговли через Астрахань в первой половине XIX века. Саратов: СГАУ, 2010; Оздамирова Э.М. Таможенная политика российского государства в отношении персидского купечества на астраханском направлении русско-азиатской внешней торговли в первой половине XIX века // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2015. № 4. С. 242–248; Участие азербайджанского купечества в коммерческом мореплавании по Каспийскому морю через астраханский порт в первой половине XIX в. // Научный форум: юриспруденция, история, социология, политология и философия: сборник статей по материалам I Международной заочной научно-практической конференции, ноябрь 2016 г. М., 2016. С. 16–21; Пирова Р.Н. Персидское купечество и астраханская таможня в первой половине XIX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2016. № 12. Ч. 3. С. 126–128; Она же. Привилегированный характер персидского предпринимательства в Астрахани в XIX в. // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2018. № 1. С. 9–16; Она же. Торговый флот астраханского персидского купечества в первой половине XIX века // Современная научная мысль. 2018. № 1. С. 18–23.

⁶ Гессен В.Ю. Структура акционерных обществ и методы управления ими в России (на примере некоторых крупных пароходств) // Очерки истории российских фирм: вопросы собственности, управления, хозяйствования. СПб., 2007. С. 413–657.

чинить частные судоходные компании влиянию крупных объединений, имевших государственные акции⁷.

Проблемы российско-персидских экономических связей нашли определенное отражение и в зарубежной историографии⁸. Так, в ней была выявлена взаимосвязь торгового судоходства с ростом экономических показателей отдельных стран⁹.

В соответствии со сложившейся историографической традицией написана монография английского историка Стюарта Росса Томпстона, в которой анализируется организация инфраструктуры российской внешней торговли в XIX – начале XX в., в том числе связанной с водными путями сообщений¹⁰. Заслуживает внимание вывод автора, согласно которому российские компании в сфере судоходства находились в невыгодном по сравнению с иностранными фирмами положении. Вмешательство со стороны государства оказалось в целом непродуктивным. Более того, правительственная политика, рассматривавшая торговый флот как часть военно-морского потенциала, даже препятствовала эффективной конкуренции российского флота в области торгового судоходства¹¹.

Проведенный историографический обзор показывает, что, несмотря на определенное внимание отечественных и зарубежных исследователей к проблеме Каспия и российско-персидских торговых отношений, ряд ключевых аспектов развития морского судоходства в этом регионе не получили должного отражения, в то время как здесь была своя специфика: в отличие от других акваторий Каспийское море было закрыто для европейских транспортных компаний и потому оказывалось вне европейской конкуренции. Данное положение было юридически оформлено Гюлистанским мирным договором 1813 г. и просуществовало вплоть до начала XX в.¹²

Целью настоящего исследования является определение степени эффективности правительственной политики в развитии торгового мореплавания на Каспий-

⁷ Павлова И.К. Деятельность российских транспортных компаний в Персии в начале XX века (по материалам русских архивов) // Труды объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию 2008. 2009. С. 56–67.

⁸ Entner M.L. Russo-Persian Commercial Relations, 1828–1914. Gainesville, University of Florida Press, 1965; Chenciner R., Magomedkhanov M. Persian export to Russia from the sixteenth to the nineteenth century // Iran. 1992. Vol. 30. Pp. 123–130; отдельная глава “Pénétration Pacifique”: Rivers, Railways, Trade and Foreign Advisers затрагивает вопросы торговли между двумя странами: Kazemzadeh F. Russia and Britain in Persia. Imperial Ambitions in Qajar Iran. London; New York: I.B. Tauris, [1968] 2013. 736 p.

⁹ Harlaftis G., Kostelenos G. International shipping and national economic growth: shipping earnings and the Greek economy in the nineteenth century // The Economic History Review. 2012. Vol. 65. No. 4. Pp. 1403–1427; Klemann H.A.M., Schenk J. Competition in the Rhine delta: waterways, railways and ports, 1870–1913 // The Economic History Review. 2013. Vol. 66. No. 3. Pp. 826–847; Federico G., Sharp P. The cost of railroad regulation: the disintegration of American agricultural markets in the interwar period // The Economic History Review. 2013. Vol. 66. No. 4. Pp. 1017–1038.

¹⁰ Томпстон С.Р. Российская внешняя торговля XIX – начала XX в.: организация и функционирование. М., 2008.

¹¹ Там же. С. 63, 106–108.

¹² Подробно о содержании и значении Гюлистанского договора для развития российско-персидской торговли см.: Атаев Х.А. Торгово-экономические связи Ирана с Россией в VIII–XIX вв. М., 1991. С. 90–100.

ском море, ее влияния на увеличение товарооборота между Россией и Персией во второй половине XIX – начале XX в.

Источниковую базу исследования составляют документы транспортного общества «Кавказ и Меркурий», хранящиеся в фонде «Персидский стол» Архива внешней политики Российской империи (Ф. 144), а также статьи и очерки современников, посвященные проблемам развития отечественного торгового мореплавания, содержащие в себе ценный фактологический материал.

Линейное судоходство против трампового

После поражения России в Крымской войне царское правительство усилило внимание к развитию пароходства. Суда с паровыми двигателями Великобритании продемонстрировали высокие скоростные показатели, что стало одним из факторов победы армии союзников в военных действиях середины 1850-х гг. После заключения Парижского трактата в 1856 г. и вплоть до 1896 г. на развитие парового судоходства правительством было выделено более 100 млн руб. в виде различных субсидий пароходным обществам, занимавшимся в том числе коммерческой деятельностью¹³.

Во второй половине XIX в. широкую популярность приобрела идея о том, что российский торговый флот, как и военный, должен развиваться в виде парового. Эту идею на официальном уровне в тот период активно отстаивал капитан 1-го ранга, член Общества для содействия русскому торговому мореходству Леонид Павлович Семечкин, который неоднократно отмечал, что рост торгового флота в мире происходил именно благодаря введению в эксплуатацию пароходов, которые, по его мнению, выполняли «в три раза более работы, чем парусные суда». Доказывая, что «пар повсеместно побеждает парус», он приводил пример того как в Нью-Йорк, через гавань которого проходило три четверти всего завоза в США, пароходы доставляли девять десятых всех доставлявшихся и три пятых всех вывозимых через этот порт заграничных товаров¹⁴.

Заявляя, что «морская торговля всего мира начинает все более и более прибегать к помощи пароходов», Л.П. Семечкин объяснял причину вытеснения последними парусных судов на всех главных торгово-морских линиях быстрходностью пароходов. Это обеспечивало многократное сокращение времени доставки товаров и, соответственно, увеличивало прибыль коммерсантов. «Торговля любит быструю перевозку, – справедливо замечал Л.П. Семечкин, – и так как пароход доказал на деле, что выполняет данную работу в три раза скорее парусного судна и с такими же, если даже не с меньшими издержками, то он быстро забрал в свои руки перевозку не только почты, пассажиров и ценных товаров, но даже и крупных громоздких грузов, про которые тридцать лет тому назад государственные люди утверждали, что грузы эти не могут быть перевозимы иначе как на парусных судах...»¹⁵.

¹³ *Шавров Н.А.* О мерах для развития русского торгового мореходства... С. 372.

¹⁴ *Семечкин Л.П.* О необходимости и возможности развития русского торгового мореплавания и коммерческого судостроения // Известия Императорского общества для содействия русскому торговому мореходству. М., 1886. Вып. XXII. С. 5.

¹⁵ Там же. С. 5–6.

С заменой парусных судов на корабли с паровыми двигателями тесно была связана другая идея – развития линейного судоходства¹⁶ взамен трампового¹⁷ в виде срочного пароходства¹⁸.

Горячим сторонником данной идеи был секретарь Общества для содействия русской промышленности и торговли Константин Аполлонович Скальковский. В своих выступлениях и публикациях он утверждал, что именно срочное пароходство должно было придать сильнейший импульс экономическому развитию России, «поддерживая правильные сношения между самыми отдаленными рынками и позволяя легко сообразоваться с их потребностями и переменами»¹⁹. Он напоминал, что пример правильных морских сообщений подало английское правительство в начале XIX в., которое «не остановилось перед огромными затратами для того, чтобы воспользоваться выгодами парового двигателя» и построить несколько пароходов, поставив их на регулярные рейсы. Постепенно эксплуатация данного вида морского транспорта при помощи помильной платы была передана правительством английским предпринимателям, и эти финансовые затраты в результате принесли выгоду британскому правительству не только в экономическом, но и в военном отношении в годы Крымской кампании²⁰.

Подобные соображения побудили государственных лиц сосредоточиться на вопросе развития пароходства уже во второй половине 1850-х гг., и, хотя первоначальная идея превращения почтовых пароходов в боевые суда была вскоре оставлена, убежденность в значении срочного пароходства в военном отношении сохранялась. С его помощью предполагалось сократить транспортный военный флот в мирное время и использовать его для перевозки войск, провианта и прочего в случае чрезвычайных обстоятельств²¹. В 1856 г. была учреждена особая комиссия для выработки мер с целью поощрения отечественного мореходства. В дальнейшем деятельность правительства была направлена преимущественно на развитие срочных морских сообщений, осуществляемых крупными пароходными предприятиями²².

¹⁶ Линейное судоходство – форма регулярного судоходства, обслуживающая направление перевозок с устойчивыми пассажиро- и грузопотоками и предусматривающая организацию движения закрепленных за линией судов по расписанию с оплатой по тарифу. См.: *Соколов А.И.* Краткий морской коммерческий словарь-справочник. М., 1975. С. 66.

¹⁷ Трамповое судоходство – форма нерегулярного судоходства, не связанная с постоянными портами погрузки/выгрузки.

¹⁸ Линейное судоходство имеет две формы обслуживания – регулярную и срочную. Регулярные судоходные линии предусматривают определенный маршрут и направление следования, базовые порты, в которые обязательно заходят суда данной линии; определенную частоту отхода судов (обычно 2–3 отхода в месяц); категории грузов, тарифы на их перевозку. Из регулярных линий выделяются срочные, поскольку суда, работающие на этих линиях, выдерживают расписание заходов в порты с точностью до даты месяца или дня недели.

¹⁹ *Скальковский К.А.* Срочное и почтовое пароходство в России и за границу. СПб., 1871. Ч. 1. С. 21.

²⁰ Там же. С. 23, 26.

²¹ Там же. С. 36.

²² *Познер М.В.* Исторический обзор правительственных мероприятий для развития русского торгового мореходства / М-во финансов, Комис. по вопросу о мерах к поощрению рус. торгового мореходства и судостроения. СПб., 1895. С. 244.

Самым первым пароходным предприятием, возникшим во второй половине 1850-х гг. по инициативе и при содействии правительства, стало Русское общество пароходства и торговли, которое начало функционировать на Черном море в мае 1857 г. с семнадцатью пароходами, имевшими в общей сложности 1645 паровых сил и 8500 тонн водоизмещения, а через пятнадцать лет своего существования, в 1872 г., общество имело уже 82 парохода, тоннаж которых равнялся 81 850 тоннам, а нарицательная сила паровых машин равнялась в общей сложности 8 000 лошадам²³.

Всего с пособием от казны в Российской империи содержалось в начале XX в. шесть обществ, поддерживавших морские срочные сообщения. В их числе: Товарищество Архангельско-Муромского срочного пароходства в Белом море и Ледовитом океане, Русское общество пароходства и торговли и Русское Дунайское пароходство в Черном море, «Кавказ и Меркурий» в Каспийском море, «Добровольный флот» и Пароходство гр. Кейзерлинга на Дальнем Востоке. На выдачу пособий из казны за все эти сообщения по смете на 1914 г. испрашивалось 4 301 817 руб. 24 коп.²⁴

Между тем далеко не все государственные деятели считали правильной правительственную политику по широкому финансированию исключительно крупных пароходных предприятий в подражание Западу.

Дипломат Николай Федорович Бруннер²⁵, в частности, указывал на несоответствие условий внешней торговли России и таких европейских, преимущественно морских стран, как Англия и Германия. Он отмечал: «Помимо широкого участия в международном товарном обмене эти государства обслуживают своими коммерческими судами торговые сношения с многочисленными заморскими колониями. У нас таких колоний нет. Если же наши азиатские владения и могут идти в сравнение с колониями западноевропейских стран, то существенную их особенностью является их расположение в непосредственном соседстве с метрополией – на одном общем с ней материке. В то время как разобщенные части английских и германских владений не могут поддерживать взаимные торговые сношения иначе как через океан, громадный грузооборот на всем необъятном пространстве нашего отечества обслуживается внутренними водными и рельсовыми путями»²⁶.

Подобной позиции придерживался также общественный деятель Николай Алексеевич Шавров, который обратил внимание на то, что Англия основные свои финансовые ресурсы извлекала из заокеанских владений: Индии, Бирмы, Австралии и Канады. В этих условиях иметь правильные, быстрые и срочные сообщения со своими заокеанскими владениями возможно было только по морю, из чего вытекало необходимость учреждения быстрых и срочных сообщений с ними для эффективных действий административной машины в английских колониальных

²³ Семечкин Л.П. О необходимости и возможности развития... С. 98.

²⁴ Филиппов Ю.Д. Очерк условий развития отечественного торгового мореплавания. С. 149.

²⁵ В 1904 году Н.Ф. Бруннер был генеральным консулом в Реште, столице округа Гилян в Персии, на южном побережье Каспийского моря. См.: Кислов В.А. Выдающиеся жители старой Гатчины // Владислав Кислов. Страничка гатчинского краеведа. URL: <http://kraeved-gatchina.de/ocherki/vydayushchiesya-zhiteli/brunner-2/> (дата обращения: 5 марта 2019 г.)

²⁶ Бруннер Н.Ф. К вопросу о нашем торговом мореплавании (перепечатано из II-го выпуска «Сборника консульских донесений» за 1909 год). СПб., 1909. С. 2.

владениях. Эксплуатация англичанами своих колониальных владений посредством сбыта фабрикатов могла происходить не иначе как морским путем, и для обеспечения скорых рейсов в самые отдаленные страны света британское правительство ежегодно выплачивало в середине XIX в. до 10 млн руб. в виде субсидий различным пароходным обществам²⁷. Однако Н.А. Шавров обращал внимание на то, что Россия в этом смысле кардинально отличалась от Англии и у нее не было необходимости поддерживать срочные дальние рейсы, насущной же потребностью ее являлось каботажное плавание. Он писал: «Наше отечество не Великобритания, не Голландия, не Бельгия с их ничтожною территорией, а... небывало грандиозное государство... Так что океанские пароходные рейсы, кругом всей Азии и кругом всей Европы представляют по отношению к России не более как дальний каботаж из русского порта Одессы в русский же порт Владивосток, или из Евпатории в Петербург и на Мурманский берег»²⁸.

Н.А. Шавров доказывал, что потребность российской морской торговли заключается в каботажном плавании, обеспечивающемся парусными судами небольшого тоннажа, которым нет альтернативы. Он писал по этому поводу: «Если для снабжения товарами крупных торговых пунктов, как Лондон, Одесса и пр., служащих главными центрами обширных рынков, что с выгодой исполнимо только при посредстве больших океанских пароходов. Но для торговых сношений Одессы с нашими русскими черноморскими или с малоазиатскими портами, такие пароходы будут крайне невыгодны, а для ближайших от Одессы приморских поселений и совсем невыгодны... парусные суда небольшого тоннажа могут работать в этом случае с большею для себя выгодою и не могут быть заменены ни большими, ни малыми пароходами»²⁹.

Ученый-экономист Ю.Д. Филиппов в свою очередь объяснял неоправданность активного использования многотоннажных пароходов их недостаточной загруженностью, что значительно повышало стоимость эксплуатации российских судов по сравнению с иностранными. Он отмечал: «В течение навигационного периода, не говоря уже о том, что самый период у нас короче, они чаще заходили в разные порты и чаще простаивали. Вследствие этого средний ежегодный пробег наших судов и их полезная работа в смысле произведения пройденных миль на число тонн перевезенного груза по общему правилу ниже, чем у иностранцев, при каких условиях наша тонна-миля не может не обходиться дороже. Они стоят дороже также вследствие меньшей средней загруженности наших судов»³⁰.

Ю.Д. Филиппов считал, что недостаток грузов, не позволявший российским пароходам работать с прибылью на сообщениях, открытых для дальних международных рейсов, заставлял пароходные компании обращаться к каботажному плаванию, которое, однако, не в состоянии было обеспечивать пароходы необходимым

²⁷ Шавров Н.А. О мерах для развития русского торгового мореходства в связи с развитием отечественного судостроения при современном экономическом положении России. Книга вторая. М., 1896. С. 398.

²⁸ Там же. С. 394.

²⁹ Там же. С. 377.

³⁰ Филиппов Ю.Д. Очерк условий развития отечественного торгового мореплавания. Петроград, 1916. С. 118.

тоннажем³¹. Все это делало пароходство в России убыточным, не получавшим должной поддержки со стороны государства.

На данный факт обратил внимание Н.А. Шавров, отметивший вредность покровительства правительством пароходных рейсов, особенно между русскими портами, поскольку это задерживало развитие каботажного, в котором он видел основной ресурс морского могущества России³². «Все великие реки начинаются с мелких ручейков, не стоящих внимания, – замечал Н.А. Шавров. – Не велико, кажется, и значение каботажного и рыболовства... Но это кажется лишь до тех пор, пока мы не задумаемся и не поймем, наконец, что малый каботаж есть единственная рациональная почва для развития отечественного мореходства, способного с течением времени превратиться в могущественный торговый флот»³³.

Между тем субсидируемые пароходные линии крупных компаний отнимали грузы у частных судовладельцев, затрудняли существование не крупных компаний и тем самым наносили ущерб развитию торгового судоходства в целом³⁴.

Н.А. Шавров призывал к необходимости более рационального распределения правительственной поддержки между судовладельцами, обеспечивая ею не только крупные пароходные предприятия, но и остальных судовладельцев, в том числе обладавших парусными судами. Он утверждал, что оба способа мореплавания одновременно служат свою полезную службу государству и не могут быть заменены одно другим, как «не может быть вопроса о том, следует ли в армии заменить ружье пушкой, обладающей большей силой разрушения и истребления неприятеля в бою», а потому требуют одинакового внимания и поддержки со стороны правительства³⁵.

При этом Н.А. Шавров указывал на существование европейского успешного опыта деятельности мелких арматоров³⁶, который замалчивался сторонниками форсированного развития линейного судоходства. Так, в Норвегии при 1794 пароходах водоизмещением в 751 300 тонн парусных морских судов насчитывалось до 5776 общей вместимостью в 796 250 тонн. В Дюнкерхене (Франция) успешно функционировало старое судоходное предприятие A.D. Bordes et fils, armateurs, владевшее парусными судами крупных размеров со стальными корпусами и мачтами, снабженными новейшими погрузочными приспособлениями и занятыми перевозкой из Франции и Англии в Южную Америку угольных грузов, с обратным вывозом оттуда разного рода массовых товаров. Успех же российского торгового судоходства также базировался, с точки зрения Н.А. Шаврова, в значительной степени на наличии многочисленных парусных судов (насчитывавших в 1891 г. 2533 парохода против 834 парусных, не считая финляндских судов) при отсутствии достаточных капиталов и правительствен-

³¹ Филитнов Ю.Д. Очерк условий развития отечественного торгового мореплавания... С. 118.

³² Шавров Н.А. О мерах для развития русского торгового мореходства... С. 369.

³³ Там же. С. 267.

³⁴ Там же. С. 391.

³⁵ Там же. С. 376.

³⁶ Арматор – лицо, эксплуатирующее морское судно безотносительно к тому, принадлежит ли оно ему по праву собственности или нет.

ных субсидий³⁷. Более верным и рациональным путем создания национального торгового мореходства он считал непосредственную помощь отечественному малому каботажу.

Торговое судоходство на Каспийском море в контексте русско-иранских отношений

Свою активную политику в Каспийском регионе Россия начала вести со времен Петра I, предполагавшего, что в будущем он будет служить доходным для российской казны транзитным путем для обмена товарами между Индией и Европой. Как известно, Россия не смогла удержать за собой после смерти Петра I завоеванные им земли персидского побережья Каспийского моря, но в следующие десятилетия XVIII столетия она продолжила свое проникновение в Закавказье, закрепившись там в первой трети XIX в.³⁸ С конца 1830-х гг. царское правительство при рассмотрении проблем развития отношений с Персией в качестве главной цели ставило расширение влияния в глубинном Иране и Средней Азии³⁹.

В качестве инструмента укрепления своих позиций в каспийском бассейне Россия в этот период активно начала использовать торговое проникновение в персидские пределы, представлявшиеся к тому же чрезвычайно выгодным рынком для России в смысле развития собственной промышленности. С этой точки зрения Каспийское море, по которому российские корабли двигались к южным берегам Персии, везя фабрично-заводские изделия, кардинально отличалось от Балтийского и Черного морей, соединявших Российскую империю с европейским рынком, на который она поставляла сырье. Н. Шавров писал по этому поводу: «На Черном море... мы представляем поэтому относительно других европейских государств как бы колонию, нечто вроде английской Индии и французского Алжира всей Европы, и стало быть, перед лицом последней мы изображаем Азию, Африку, но никак не самостоятельное европейское государство. На Каспийском море мы являемся единственным мануфактурно-промышленным государством: мы изображаем Европу перед всеми азиатскими народами и народцами, обитающими в бассейне Каспия!»⁴⁰.

Действительно, характер структуры русско-персидской торговли, показывает, что отпускная торговля выражалась в товарах промышленного производства: металлических, хлопчатобумажных, шерстяных изделий, посуды и пр.; в то время, как из Персии вывозилось сырье, в первую очередь хлопок, необходимый для российской текстильной промышленности, а также овощи, фрукты, кожа, рыба⁴¹.

Ориентирование российских общественных кругов на успешный опыт Европы в использовании срочных пароходных сообщений в океанских просторах, о чем было подробно изложено ранее, побудило российских государственных лиц экстраполировать его на пространство Каспийского моря. С этой целью внимание

³⁷ Бруннер Н.Ф. К вопросу о нашем торговом мореплавании... С. 14.

³⁸ См. об этом подробнее: Кулагина Л.М. К истории русско-иранских отношений // Иран. История, экономика, культура. Памяти С.М. Алиева. М., 2009. С. 105–111.

³⁹ Атаев Х.А. Торгово-экономические связи Ирана с Россией... С. 117.

⁴⁰ Шавров Н.А. Русский путь в Закавказье. СПб., 1883. С. 22.

⁴¹ Там же. С. 22–23.

обратили на крупное акционерное общество «Кавказ и Меркурий», которое уполномочивалось правительством поддерживать почтовые и торговые рейсы по Каспийскому морю, а также перевозить по нему военные грузы и военный контингент. По договору, заключенному с правительством, общество обязано было иметь на Каспийском море не менее пятнадцати паровых судов и содержать пароходные сообщения между всеми портами акватории, делая в год до 134 рейсов, составлявших в общей сложности 124 тыс. морских миль⁴². За эту службу правительство выдавало обществу первоначально помильную плату в размере 3 руб. 60 коп. за каждую пройденную пароходами общества морскую милю по линии между Астраханью, Баку, Астрабадом и по 6 руб. за милю по линии между Астраханью, Александровском и Гурьевым, что составляло в год 274 360 руб. за 74 820 миль⁴³.

Посредством общества «КиМ» правительство рассчитывало достигнуть решения трех задач: приобрести в военном отношении удобный способ перемещения войск на восточный каспийский берег; в политическом отношении – укрепить свое влияние на Персию; в экономическом плане – развивать торговые отношения с Закаспийским краем и с Персией⁴⁴.

Каспийское море являлось важнейшим путем, открывавшим доступ в Персию. Через порты его южного берега российские товары проникали на все основные рынки северной части Персии: через Астару – в персидский Азербайджан, через Энзели и Мешедесер – в Казвин и Тегеран, через Бендер-Гяз – в Хорассан. Ниже приведена табл. 1 с данными по грузообороту основных персидских портов.

Таблица 1 / Table 1

**Российский грузооборот через персидские порты /
Russian cargo turnover through the ports of the Persian**

	Привоз	Вывоз
Астара	1500	1000
Астара – Энзели	40	700
Энзели	4800	5000
Энзели – Рудесер	1000	800
Рудесер – Мешедесер	1050	800
Мешедесер	900	700
Мешедесер – Бендер-Гяз	250	250
Бендер-Гяз	1022	800
Бендер-Гяз – Атрек	131	100
Итого	10 693	10 150

Источник / Source: Шавров Н. Судостроение и торговля в южной части Каспия. СПб., 1912. С. 85.

⁴² Семечкин Л.П. О необходимости и возможности развития... С. 99.

⁴³ Там же. С. 100.

⁴⁴ АВП РИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 2858. Л. 238 об.

Как видно из табл. 1, на первом месте по грузообороту находился порт Энзелийского залива. Затем следовали Астара, Мешедесер и порт Бендер-Гяз, расположенный в Астрабадском заливе.

В то же время на Каспийском море не существовало необходимых условий для хождения по нему пароходных судов с глубокой осадкой. По всему южному побережью Каспийского моря находились подводные мели, где во время северного ветра образовывались опасные буруны. Мелководье у берегов не давало возможности плавать глубокосидящим судам, так что пароходы с осадкой в 10–12 футов должны были стоять в открытом море на расстоянии 3–4 верст от берега⁴⁵.

Паровые суда, сильно превосходя своими размерами суда парусные, требовали значительно большей глубины как при входе в порт, так и в пределах самого порта. Если осадка парусных судов обыкновенно не превышала 16 футов, то паровые суда имели осадку в 22–24 фута и более. Этим условиям не удовлетворяли не только устья рек в их естественном состоянии, но и бухты, в которых сосредоточивалось грузовое движение морской торговли. Большие размеры паровых судов требовали также увеличения водных площадей и удлинения причальных линий портов.⁴⁶

В жалобе правления общества «КиМ» 1883 г. в адрес директора Азиатского департамента отмечалось, что положение Энзелийского порта внутри Мурдабского залива, соединяющегося с морем узким и мелким проливом, делает этот порт недоступным для судов общества, так как эти суда по своей глубокой осадке не в состоянии перейти мелководный бар пролива. В связи с этим суда общества вынуждены были всегда останавливаться в открытом море, на рейде, где производилась перегрузка товаров и пересадка пассажиров, доставлявшихся с рейда к Энзелийской пристани и обратно на персидских киржимах⁴⁷. Этот способ передвижения представлял большие неудобства, а нередко и опасность (особенно при сильном волнении на море), и тогда сообщение судна с берегом вовсе не осуществлялось⁴⁸.

Таким образом, вопрос о портовой инфраструктуре требовал решения, однако к концу рассматриваемого периода вдоль персидского побережья были расположены 4 крупных порта, 6 второстепенных и 52 мелких. Из них лишь два находились в спокойном заливе (Энзелийский и Астрабадский) и только в одном – Энзели – имелись портовые сооружения⁴⁹.

Одобрение плана по улучшению портовых сооружений в Энзели произошло 4 февраля 1890 г., когда в Петербурге состоялось Особое совещание царского правительства. 7 ноября 1895 г. было подписано итоговое соглашение, по условиям которого учрежденное Л.С. Поляковым при правительственной поддержке Общество Энзели-Казвинской дороги получало от шаха право на модернизацию порта⁵⁰.

⁴⁵ Хаицаб А. Экономическое положение современной Персии и ее торговля с прочими странами // Мир Ислама. 1912. № 4. С. 165.

⁴⁶ Филиппов Ю.Д. Очерк условий развития отечественного торгового мореплавания. С. 119.

⁴⁷ Киржим – персидская плоскодонная лодка с высоким бортом и примитивным рулевым управлением.

⁴⁸ АВП РИ (Архив внешней политики Российской империи). Ф. 144. Оп. 488. Д. 2860. Л. 1.

⁴⁹ Шавров Н. Судходство и торговля в южной части Каспийского моря... С. 49.

⁵⁰ Абрамов А.Е. Реконструкция Энзелийского порта и ее значение в освоении Ирана русским капиталом (1895–1914 гг.) // Манускрипт. 2018. № 7. С. 22–23.

Проект предусматривал в первую очередь углубление фарватера за счет землечерпательных работ. Поскольку пролив засорился и впереди образовывался бар, предполагалось строительство двух входных молов с доведением их до необходимой глубины, позволявшей наносам отлагаться без вреда для судоходства⁵¹.

Реализация проекта стала весьма дорогостоящим мероприятием для российской казны. Однако и к 1907 г. строившейся уже в течение нескольких лет искусственный порт Энзели не мог считаться законченным, так как в плохую погоду мели по-прежнему не давали возможности судам свободно входить в гавань, которая периодически заполнялась новым слоем песка. В связи с этим почтовые пароходы общества «КиМ», приходившие сюда два раза в неделю в летнее время и один раз зимой, вынуждены были останавливаться на рейде в двух верстах от Энзели. При этом мелкосидящие суда азербайджанского предпринимателя З. Тагиева заходили в Энзелийский пролив почти каждый день⁵².

В остальных портах к концу рассматриваемого периода и вовсе не было проведено никаких заметных работ для их модернизации. Так, порт в Астаре представлял собой деревянную пристань в полуразрушенном состоянии, на которой не было ни маяка, ни каких-либо бакенов и знаков. Пароходам хоть как-то ориентироваться ночью позволяло лишь присутствие красного мигающего огня⁵³.

Важнейшим условием успешности торгового судоходства является скорость выгрузки и загрузки судна. Особенно критическое значение это имело для парохода. Стоимость его содержания была чрезвычайно высока по сравнению с парусным судном, и стоянка на рейде для него являлась более убыточным делом, чем для последнего. Как отмечал Ю.Д. Филиппов, паровое судно не может пребывать в порту в бездействии. Войдя в порт, оно должно быстро выгрузить свой груз, чтобы без потери времени принять на борт отпускной груз и отправиться в новый рейс⁵⁴. В европейских странах этот вопрос был хорошо отлажен: оборудование порта и организация грузовых работ позволяли выгружать и загружать пароход вместимостью в 21 000 тонн в Ливерпуле, Лондоне, Антверпене, Гамбурге и других портах в течение 8–9 суток. В российских портах и в начале XX в. проблема быстрой выгрузки и загрузки груза не была в должной степени решена. Данные процедуры в случае с крупнотоннажным пароходом в российском порту Ревель заняли бы 70 дней⁵⁵.

Для эксплуатации более современных пароходов требовались портовые сооружения с достаточной протяженностью причальной линии и разгрузочных площадей при глубине бассейнов, позволяющих подходить к набережным крупным судам, имеющие приспособления для скорой загрузки и выгрузки товаров. В персидских портах все это отсутствовало и грузовые работы не могли удовлетворять требованию срочности их осуществления, поскольку находились в боль-

⁵¹ *Шавров Н.* Судоходство и торговля в южной части Каспийского моря... С. 20–21.

⁵² АВП РИ. Ф. 144. оп. 488. Д. 2869. Л. 26.

⁵³ *Шавров Н.* Судоходство и торговля в южной части Каспийского моря... С. 9.

⁵⁴ *Филиппов Ю.Д.* Очерк условий развития отечественного торгового мореплавания. Петроград, 1916. С. 119.

⁵⁵ *Руммель Ю.В.* Отечественный флот как средство обороны... С. 56.

шой зависимости от работы местных киржимщиков. Особенно плохо дела обстояли в Астрабадском заливе. Прибывавшие в порт Бендер-Гяз торговые российские пароходы не могли причаливать к берегу из-за мелководья и останавливались от него на расстоянии 1,5–2 верст у так называемого дебаркадера – укрепленной на якоре шаланды или просто в открытом заливе. Для осуществления грузовых работ в порту имелись только семь лодок, находившихся в распоряжении таможни и осуществлявших свои рейсы в соответствии с определенной очередностью. Таможня не допускала к работе никаких других лодочников, установив свою монополию. Это крайне отрицательно отражалось на процессе выгрузки и загрузки пароходов. Очень часто случалось, что на рейде стояло несколько судов, ожидавших своей очереди, поскольку одновременное обслуживание их лодками было невозможно. Сами разгрузочно-погрузочные работы продвигались крайне медленно в связи с особенностью организации таможней выплат персидским лодочникам. В конце месяца вся сумма распределялась таможенным директором между семью лодками поровну, в связи с чем лодочник не был заинтересован в быстром осуществлении работ. В результате суда вынуждены были подолгу простаивать в ожидании своей очереди. К примеру, осенью 1907 г. пароход «Батум» компании «Надежда» простоял таким образом более недели⁵⁶.

Кроме того, в Бендер-Гязе была монополизирована и береговая погрузочная операция, в которой были задействованы сорок человек. Другие рабочие не допускались, что также серьезно тормозило процесс грузовой перевозки⁵⁷.

Таким образом, на Каспийском море не было благоприятных условий для торгового пароходства ни по природным характеристикам, ни по уровню развития торговой инфраструктуры и объема товарообмена между находившимися на ее берегах странами, несмотря на постоянный рост показателей последней. При этом финансовую поддержку от государства получало лишь одно транспортное торговое предприятие – КиМ.

Торгово-экономическая конкуренция на Каспии в начале XX в.

Помимо общества «КиМ» на Каспийском море к концу XIX в. действовали и другие транспортные предприятия. Наиболее крупными из них были Восточное общество транспортных складов, страхования и транспортирования товаров и выдачи ссуд (далее – ВО), компания «Надежда», Куринско-Каспийское акционерное пароходное общество. Также ходило множество судов азербайджанских владельцев: братьев Вальевых, Ашурова, Ганимамедова, Бабашева, Баба-Шульева и др.⁵⁸ По общему объему работ все они заметно уступали обществу «КиМ», поскольку изначально действовали в неравных условиях, но представляли определенную помеху для КиМ в вопросе получения грузов и сохранения высоких фрахтов.

Грузооборот, безусловно, является одним из решающих факторов рентабельности судоходства. Стоимость содержания парохода окупить можно только за счет его большой грузоподъемности. Пароход должен совершать как можно боль-

⁵⁶ АВП РИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 2869. Л. 17–17 об.

⁵⁷ Там же. Л. 17 об.

⁵⁸ *Шаэров Н.* Судоходство и торговля в южной части Каспия... С. 27.

ше рейсов с наибольшим количеством груза, имеющего высокую ценность⁵⁹. Однако на Каспийском море товары, следовавшие из Персии, таковыми не являлись (сухофрукты, рис, хлопок) и подходили под категорию малоценных грузов. Этого было достаточно для того, чтобы окупить стоимость парусных или небольших пароходных судов, но отнюдь не крупных пароходов, о распространении которых заботилось правительство.

Не было достаточным и само количество грузов. В документах общества «КиМ» за 1871 г. зафиксировано указание на проблему нехватки грузов для пароходов общества, вследствие чего пароходам приходилось делать обратный рейс пустыми⁶⁰. К началу второго десятилетия XX в. проблема нехватки грузов на Каспии сохранилась. Обратимся к табл. 2 с данными таможенного отчета за 1910 г. о движении судов в главных российских портах по торговле с Персией:

Таблица 2 / Table 2

Судовое движение в российских портах по данным за 1910 г. /
Ship traffic in Russian ports in 1910

	С грузом		Без груза	
	парусных судов	пароходов	парусных судов	пароходов
<i>Астрахань:</i>				
пришло	23	141	1	1
отошло	4	119	13	5
<i>Баку:</i>				
пришло	11	609	13	41
отошло	20	609	4	47
<i>Астара:</i>				
пришло	28	0	1	361
отошло	0	4	0	132
<i>Всего:</i>				
пришло	62	750	15	403
отошло	24	722	17	184

Примечание / Note: Таблица составлена автором / The table is compiled by the author.

Источник / Source: Шавров Н. Судоходство и торговля в южной части Каспийского моря. С. 96–97, 106–108.

Из табл. 2 видно, что в 1910 г. в главные российские порты, коммерчески связанные с Персией, зашло всего 1230 судов, из их числа 812 судов (62 парусных судна и 750 парохода) пришли с товаром и 418 (15 парусных суден и 403 парохода) – пустыми. В Персию в том же году отправилось из этих трех портов 948 судов, из которых товар к южному побережью Каспия повезли 746 судов (24 парусных судна и 722 парохода) и 201 отправилось пустыми. Эти данные показывают, что 34 % судов не имело обратных грузов из Персии и посылались пустыми. В то же время показатель отправленных в Персию порожних судов, равный 21 %, свиде-

⁵⁹ АВП РИ. Ф. 144. оп. 488. Д. 2858. Л. 245.

⁶⁰ Там же. Л. 248.

тельствует о том, что и в России для Персии не всегда хватало грузов для поддержки интенсивного товарообмена, важного для обеспечения прибыльности крупного торгового пароходства.

Компании в связи с существовавшим на Каспийском море товарным дефицитом вели между собой острую конкурентную борьбу. Действенным инструментом при этом было понижение стоимости фрахта. Для владельцев парусных судов и некрупных пароходов, большую часть которых составляли азербайджанские предприниматели, понижение фрахта не было столь болезненным нежеле для крупных грузовых перевозчиков. Поэтому они с готовностью шли на уступки грузовладельцам, предлагая им меньшую стоимость за оказываемые транспортные услуги. Фрахтователи же охотно сдавали товар тем перевозчикам, которые предлагали это сделать по более низким ценам, поскольку, как указывалось в одном из документов общества «КиМ», «дешевый фрахт предпочитают быстроте перевозок». Особенно преуспевал в этом деле азербайджанский предприниматель Гаджи Зейнал Абдин Тагиев, владевший Куринско-Каспийским акционерным пароходным обществом. В начале XX в. он открыл во многих городах агентства и конторы, построил склады и значительно увеличил состав своего флота. Это общество предлагало различные льготы для грузоотправителей: уменьшение фрахтовых ставок, кредит в оплате перевозок, бесплатное хранение грузов на складах общества. Более того, пароходное общество Тагиева владело в отличие от КиМ мелкосидящими судами, которые без труда входили в недоступные для последнего порты и тем самым совершали грузовые операции в более удобных условиях и с большей эффективностью. Более привлекательными пароходы Куринско-Каспийского общества были и для пассажиров. Так, в одном из докладов правительству под названием «О деятельности в Персии русских транспортных и страховых предприятий в 1907 г.» сообщалось, что почтовые пароходы общества «КиМ» останавливаются на рейде в двух верстах от Энзели и переправляют пассажиров с помощью парового баркаса. Однако в плохую погоду баркас не мог выходить на открытый рейд и тогда почтовый пароход, чтобы не нарушать расписания, отвозил пассажиров в ближайший доступный порт (Астара, Ленкорань) или обратно в Баку. В отличие от почтовых пароходов КиМ, приходивших в Энзели лишь два раза в неделю летом и один раз зимой, мелкосидящие пароходы Г.З. Тагиева заходили без труда в сам порт и делали это ежедневно. «Можно ли после этого удивляться, – заключает наблюдатель, – что пароходы Тагиева переполнены пассажирами, а почтовые пароходы общества “Кавказ и Меркурий” пустуют?»⁶¹.

Со своей стороны правление КиМ прикладывало все усилия, чтобы вывести Куринско-Каспийское общество из зоны своих коммерческих интересов на Каспийском море, используя связи в деловых кругах столицы⁶².

Что касается других транспортных предприятий – ВО и «Надежда», – то с ними правление решило выстраивать согласительную политику. В результате в 1898 г. всем трем удалось договориться, заключив соглашение о транспортировке сухих грузов по Каспийскому морю, но позже борьба за грузы вновь продолжилась.

⁶¹ АВП РИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 2869. Л. 26.

⁶² Гессен В.Ю. Структура акционерных обществ... С. 562.

Параллельно этому процессу Министерство финансов, возглавлявшееся С.Ю. Витте, развернуло кампанию по получению контроля над транспортными обществами, функционировавшими в Персии, начав с приобретения частной компании «Надежда». В январе 1902 г. С.Ю. Витте распорядился приобрести все акции основанного известным финансистом Л.С. Поляковым Персидского страхового и транспортного общества на средства Учетно-ссудного банка Персии. И хотя в полном объеме их получить не удалось, однако Учетно-ссудный банк все же стал основным держателем его акций. В 1903 г. Персидское страховое и транспортное общество заключило соглашение с КиМ, Российским транспортным страховым обществом и ВО, предоставив им право заниматься страховыми и транспортными операциями в Персии и сохранив за собой право контроля за этими операциями⁶³.

Одновременно в 1903 г. при поддержке С.Ю. Витте возникло Объединенное общество транспортирования и страхования грузов в Персии во главе с такой структурой, как Бюро персидских транспортов, выполнявшей управленческие функции⁶⁴. Синдикат получил от российского правительства концессию на производство всех транспортных и страховых операций на территории Персии, а также ссуду для создания сети агентств по набору грузов и страхования в Персии⁶⁵.

Получив дополнительную порцию финансовой правительственной поддержки и действуя в составе Объединенного общества транспортирования и страхования грузов в Персии, общество «КиМ» получило дополнительный импульс для того, чтобы не только благополучно пережить экономический кризис и последовавшую за ним депрессию, но и приступить к активному поглощению родственных предприятий. В связи с экономическими проблемами в 1908 г. компания «Надежда» вынуждена была отдать свои суда КиМ в аренду, а в 1911 г., когда закончился ее срок, они были куплены КиМ совместно с ВО⁶⁶. В начале второго десятилетия XX в. ослабленными экономическим кризисом оказались также позиции давнего непримиримого конкурента КиМ – Куринско-Каспийского пароходства. Для того, чтобы поправить положение, его владелец упорно добивался права на включение в конвенционное соглашение. И вновь общество «КиМ» получило желаемую поддержку от правительства, когда Совет министров вынес отрицательное решение по поводу включения Г.З. Тагиева в конвенционное соглашение, что положило конец в 1911 г. его судоходной деятельности⁶⁷. В документах общества «КиМ» от 1912 г. с удовлетворением констатировалось следующее: «Покупка “Куринско-Каспийского пароходства”, которое очень сильно конкурировало на всех линиях, обеспечивает на известное время преобладающее положение нашего Общества в Каспийском море»⁶⁸.

⁶³ *Ананьич Б.В.* Учетно-ссудный банк в Персии в 1894–1907 гг. // *Монополии и иностранный капитал в России*. Л., 1962. С. 301–302.

⁶⁴ *Гессен В.Ю.* Структура акционерных обществ... С. 558.

⁶⁵ *Эфенди-Заде Д.М.* «Кавказ и Меркурий» // *Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.): энциклопедия*: в 2 т. М., 2008. С. 915.

⁶⁶ *Гессен В.Ю.* Структура акционерных обществ... С. 619.

⁶⁷ *Эфенди-Заде Д.М.* Монополистический капитал в судоходстве на Каспийском море... С. 23–24.

⁶⁸ 24 мая 1912 года // Доклад Правления общества «Кавказ и Меркурий» общему собранию г.г. акционеров о положении дел. СПб., 1902–1915.

Процесс концентрации производства в судоходстве на Каспийском море завершился в 1913 г. слиянием компаний «КиМ» и «ВО» в общество «Кавказ, Меркурий и Восточное» (КаМВО)⁶⁹, управление которым оказалось фактически в руках все того же общества «КиМ»⁷⁰.

Выводы

В середине XIX в. российское правительство, опираясь на успешный опыт западных государств, приняло решение приступить к развитию морского судоходства путем субсидирования крупных пароходных компаний, обслуживавших срочные судоходные линии. Считалось, что пароходы с большой грузоподъемностью способны перевозить большее, чем парусные суда, количество грузов, а благодаря своей быстроходности совершать значительное количество рейсов. Эти два фактора должны были способствовать удешевлению фрахта и в этой связи привлекать все большее количество грузоотправителей. В совокупности подобные меры обеспечивали бы пароходные компании прибылью и способствовали росту товарооборота между Россией и зарубежными странами. В результате идея перехода к линейному пароходству возобладала в правительственных кругах вопреки тем контраргументам, которые выдвигались ее противниками. Последние настойчиво доказывали невыгодность линейного пароходства для страны в силу географических и климатических особенностей России.

Между тем реализация данной политики в Каспийском море наталкивалась на большое количество трудностей. Мелководье береговой линии, недостаточность коммерческих грузов, необорудованность портов – все это значительно осложняло функционирование пароходов в персидской акватории. Особенно большие проблемы это создавало для общества «КиМ», которое имело перед государством обязательства содержать почтовые пароходы, имевшие глубокую осадку. В свою очередь, это давало преимущества другим транспортным компаниям в конкурентной борьбе с КиМ. Для них, обладавших мелководными пароходами и парусными судами, вход в мелководье персидского побережья, простой в портах в ожидании товара, понижение фрахта в интересах привлечения большего количества грузоотправителей оказались менее убыточными. Очевидно, что правительство, вознамерившееся развивать срочное пароходство, должно было в первую очередь обеспечить необходимые для этого условия, создав соответствующую портовую инфраструктуру. Хотя подобные мероприятия проводились, темпы их осуществления, объем денежных вложений и строительства были недостаточными. Возможно, инвестиционная стратегия была бы более эффективной в случае, если, как это рекомендовали сделать Н.А. Шавров и пр., финансирование распространялось на большее количество судоходных компаний. Вместо этого правительство избрало путь поддержки лишь одного транспортного общества на Каспийском море – КиМ, которое уже в первое десятилетие XX в., не без поддержки со стороны царских властей, приступило к поглощению родственных компаний, что привело к установлению монопольного господства единственной судоходной организации.

⁶⁹ Гессен В.Ю. Структура акционерных обществ... С. 621.

⁷⁰ Там же. С. 631.

Приобретение активов своих конкурентов при их поглощении, несомненно, укрепляло финансовую мощь КиМ. Однако в долговременной перспективе ликвидация конкуренции не могла принести положительного эффекта, поскольку в данной ситуации монополист лишался внешних стимулов для модернизации собственного дела в борьбе за клиентов, ранее исходивших со стороны родственных организаций.

Рукопись поступила: 4 апреля 2019 г.

Submitted: 4 April 2019

Библиографический список

- Абрамов А.Е.* Реконструкция Энзелийского порта и ее значение в освоении Ирана русским капиталом (1895–1914 гг.) // Манускрипт. 2018. № 7. С. 22–27.
- Атаев Х.А.* Политические и торгово-экономические отношения Северо-Восточного Ирана и России в начале XX века (1900–1917). А.: Ылым, 1989. 149 с.
- Атаев Х.А.* Торгово-экономические связи Ирана с Россией в VIII–XIX вв. М.: Наука, 1991. 392 с.
- Бруннер Н.Ф.* К вопросу о нашем торговом мореплавании (перепечатано из II-го выпуска «Сборника консульских донесений» за 1909 год). СПб.: Т-во Художественная Печать, 1909. 15 с.
- Гессен В.Ю.* Структура акционерных обществ и методы управления ими в России (на примере некоторых крупных пароходств) // Очерки истории российских фирм: вопросы собственности, управления, хозяйствования / под ред. А.Л. Дмитриева, А.А. Семенова. СПб.: Высшая школа менеджмента; Изд. дом С.-Петербург. гос. ун-та, 2007. С. 413–657.
- Имашева М.М.* Вопросы русско-азиатской торговли через Астрахань в первой половине XIX века. Саратов: СГАУ, 2010. 247 с.
- Куканова Н.Г.* Очерки по истории русско-иранских отношений в XVII – первой половине XIX века (по материалам русских архивов). Саранск: Мордовское книжное издательство, 1977. 286 с.
- Кулагина Л.М.* К истории русско-иранских отношений // Иран. История, экономика, культура. Памяти С.М. Алиева. М.: ИВ РАН, 2009. С. 105–117.
- Лебедева Е.В.* Каспийский бассейн как источник геополитической конкуренции между США, Россией и Ираном // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2013. № 3–1. С. 355–361.
- Оздамирова Э.М.* Таможенная политика российского государства в отношении персидского купечества на астраханском направлении русско-азиатской внешней торговли в первой половине XIX века // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2015. № 4. С. 242–248.
- Оздамирова Э.М.* Участие азербайджанского купечества в коммерческом мореплавании по Каспийскому морю через астраханский порт в первой половине XIX в. // Научный форум: юриспруденция, история, социология, политология и философия: сборник статей по материалам I Международной заочной научно-практической конференции, ноябрь 2016 г. М.: Международный центр науки и образования, 2016. С. 16–21.
- Павлова И.К.* Деятельность российских транспортных компаний в Персии в начале XX века (по материалам Русских архивов) // Труды объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию 2008. СПб.: Наука, 2009. С. 56–67.
- Пирова Р.Н.* Персидское купечество и астраханская таможня в первой половине XIX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 12. Ч. 3. С. 126–128.

- Пирова Р.Н. Привилегированный характер персидского предпринимательства в Астрахани в XIX в. // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2018. № 1. С. 9–16.
- Пирова Р.Н. Торговый флот астраханского персидского купечества в первой половине XIX века // Современная научная мысль. 2018. № 1. С. 18–23.
- Познер М.В. Исторический обзор правительственных мероприятий для развития русского торгового мореходства / М-во финансов, Комис. по вопросу о мерах к поощрению рус. торгового мореходства и судостроения. СПб.: Тип. В.Ф. Киришбаума, 1895. 369 с.
- Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. 2-е изд., испр. М.: ИНФРА-М, 1999. 479 с.
- Руммель Ю.В. Отечественный флот как средство обороны и международной политики. СПб.: Северная печатня, 1907. 85 с.
- Семечкин Л.П. О необходимости и возможности развития русского торгового мореплавания и коммерческого судостроения // Известия Императорского общества для содействия русскому торговому мореходству. Вып. XXII. М.: Типолитография Н.И. Куманина, 1886. С. 3–118.
- Скальковский К.А. Срочное почтовое пароходство в России и за границею. Ч. 1. СПб.: Общественная польза, 1871. 276 с.
- Томаха М. Экономическое положение Персии. СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1895. 172 с.
- Томпсон С.Р. Российская внешняя торговля XIX – начала XX в.: организация и функционирование. М.: РОССПЭН, 2008. 471 с.
- Филиппов Ю.Д. Очерк условий развития отечественного торгового мореплавания. Петроград: Типография Редакции периодических изданий Министерства финансов, 1916. 166 с.
- Хацаб А. Экономическое положение современной Персии и ее торговля с прочими странами // Мир Ислама. 1912. № 4. С. 165.
- Шавров Н. Русский путь в Закавказье. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1883. 58 с.
- Шавров Н.А. О мерах для развития русского торгового мореходства в связи с развитием отечественного судостроения при современном экономическом положении России. Книга вторая. М.: О-во для содействия рус. торг. мореходству, 1896. 718 с.
- Шавров Н.А. Судходство и торговля в южной части Каспия. СПб.: Типография Усманова, 1912. 177 с.
- Эфенди-Заде Д.М. «Кавказ и Меркурий» // Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.): энциклопедия: в 2 т. М.: РОССПЭН, 2008. С. 913–915.
- Chenciner R., Magomedkhanov M. Persian export to Russia from the sixteenth to the nineteenth century // Iran. 1992. Vol. 30. Pp. 123–130.
- Entner M.L. Russo-Persian Commercial Relations, 1828–1914. Gainesville, University of Florida Press, 1965. 80 p.
- Federico G., Sharp P. The cost of railroad regulation: the disintegration of American agricultural markets in the interwar period // The Economic History Review. 2013. Vol. 66. No. 4. Pp. 1017–1038.
- Harlaftis G., Kostelenos G. International shipping and national economic growth: shipping earnings and the Greek economy in the nineteenth century // The Economic History Review. 2012. Vol. 65. No. 4. Pp. 1403–1427.
- Kazemzadeh F. Russia and Britain in Persia. Imperial Ambitions in Qajar Iran. London; New York: I.B. Tauris, [1968] 2013. 736 p.
- Klemann H.A.M., Joep S. Competition in the Rhine delta: waterways, railways and ports, 1870–1913 // The Economic History Review. 2013. Vol. 66. No. 3. Pp. 826–847.

References

- Abramov, A.Ye. “Anzali Port reconstruction and its importance for the Russian Capital to capture Iran (1895–1914 gg.)” *Manuskript*, no. 7 (2018): 22–27 (in Russian).
- Atayev, Kh.A. *Torgovo-ekonomicheskiye svyazi Irana s Rossiyei v VIII–XIX vv.* Moscow: Nauka Publ., 1991 (in Russian).

- Atayev, Kh.A. *Politicheskiye i torgovo-ekonomicheskiye otnosheniya Severo-Vostochnogo Irana i Rossii v nachale XX veka* (1900–1917). Ashkhabad: Ylym Publ., 1989 (in Russian).
- Brunner N.F. *K voprosu o nashem torgovom moreplavanii (Perepechatano iz II-go vypuska 'Sbornika konsul'skikh doneseniy' za 1909 god)*. Saint Petersburg: Tovarishchestvo Khudozhestvennaya Pechat' Publ., 1909. (in Russian).
- Chenciner, R., and Magomedkhanov, M. "Persian export to Russia from the sixteenth to the nineteenth century." *Iran* 30 (1992): 123–130.
- Entner, Marvin L. *Russo-Persian Commercial Relations, 1828–1914*. Gainesville: University of Florida Press, 1965.
- Filippov, Yu.D. *Ocherk usloviy razvitiya otechestvennogo torgovogo moreplavaniya*. Petrograd: Tipografiya Redaktsii periodicheskikh izdaniy Ministerstva finansov Press, 1916 (in Russian).
- Gessen, V.Yu. "Struktura aktsionerных obshchestv i metody upravleniya imi v Rossii (na primere nekotorykh krupnykh parokhodstv)." In *Ocherki istorii rossiyskikh firm: voprosy sobstvennosti, upravleniya, khozyaystvovaniya*, 413–657. Saint Peterburg: Vysshaya shkola menedzhmenta; Saint Peterburg State University Publ. House, 2007 (in Russian).
- Giovanni Federico, and Paul Sharp, "The cost of railroad regulation: the disintegration of American agricultural markets in the interwar period." *The Economic History Review* 66, no. 4 (2013): 1017–1038.
- Harlaftis, Gelina, and Kostelenos, George, "International shipping and national economic growth: shipping earnings and the Greek economy in the nineteenth century." *The Economic History Review* 65, no. 4 (2012): 1403–1427.
- Hein A.M. Klemann, and Joep Schenk, "Competition in the Rhine delta: waterways, railways and ports, 1870–1913." *The Economic History Review* 66, no. 3 (2013): 826–847.
- Imasheva, M.M. *Voprosy russko-aziatskoy torgovli cherez Astrakhan' v pervoy polovine XIX veka*. Saratov: SGAU Publ., 2010 (in Russian).
- Kazemzadeh, Firuz. *Russia and Britain in Persia. Imperial Ambitions in Qajar Iran*. London; New York: I.B. Tauris, [1968] 2013.
- Khashchab, A. "Ekonomicheskoye polozheniye sovremennoy Persii i yeya torgovlya s prochimi stranami." *Mir Islama*, no. 4 (1912): 165 (in Russian).
- Kukanova, N.G. *Ocherki po istorii russko-iranskikh otnosheniy v XVII – pervoy polovine XIX veka (Po materialam russkikh arkhivov)*. Saransk: Mordovskoye knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1977 (in Russian).
- Kulagina, L.M. "K istorii russko-iranskikh otnosheniy." *Iran. Istoriya, ekonomika, kul'tura. Pamyati S.M. Aliyeva*, 105–117. Moscow: IV RAN Publ., 2009 (in Russian).
- Lebedeva, E.V. "Caspian Sea as a source of geopolitical competition between the USA, Russia and Iran." *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, no. 3–1 (2013): 355–361 (in Russian).
- Ozdamirova, E.M. "Customs policy of the Russian State against the Persian merchants in Astrakhan direction of Russian-Asian foreign trade in the first half XIX century." *Vestnik of Volzhsky University after V.N. Tatishchev*, no. 4 (2015): 242–248 (in Russian).
- Ozdamirova, E.M. "The Azerbaijani merchants' participation in commercial navigation on the Caspian sea using the Astrakhan port in the first half of the XIX century." In *Sbornik statey po materialam i mezhdunarodnoy zaochnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, noyabr' 2016 g.*, 16–21. Moscow: Mezhdunarodnyy tsentr nauki i obrazovaniya, 2016 (in Russian).
- Pavlova, I.K. "Deyatelnost' rossiyskikh transportnykh kompaniy v Persii v nachale XX veka (po materialam Russkikh arkhivov)." In *Trudy ob'yedinennogo nauchnogo soveta po gumanitarnym problemam i istoriko-kul'turnomu naslediyu 2008*, 56–67. Moscow: Nauka Publ., 2009 (in Russian).
- Pirova, R.N. "Persidskoye kupechestvo i astrakhanskaya tamozhnya v pervoy polovine XIX veka." *Istoricheskiye, filosofskiyе, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvo-vedeniye. Voprosy teorii i praktiki*, no. 12, part 3 (2016): 126–128 (in Russian).

- Pirova, R.N. “The privileged nature of the Persian enterprise in Astrakhan, in the nineteenth century.” *Scientific Notes: The online academic journal of Kursk State University*, no. 1 (2018): 9–16 (in Russian).
- Pirova, R.N. “The merchant navy of Astrakhan Persian merchants in the first half of the XIX century.” *Modern Scientific Thought*, no. 1 (2018): 18–23 (in Russian).
- Pozner, M.V. *Istoricheskiy obzor pravitel'stvennykh meropriyatiy dlya razvitiya russkogo torgovogo morekhodstva. M-vo finansov, Komis. po voprosu o merakh k pooshchreniyu rus. torgovogo morekhodstva i sudostroyeniya*. Saint Peterburg: V.F. Kirshbaum Press, 1895 (in Russian).
- Rayzberg, B.A., Lozovskiy, L.Sh., and Starodubtseva, Ye.B. *Sovremennyy ekonomicheskiy slovar'*. 2nd ed. Moscow: INFRA-M Publ., 1999 (in Russian).
- Rummel', Yu.V. *Otechestvennyy flot kak sredstvo oborony i mezhdunarodnoy politiki*. Saint Petersburg: Severnaya pechatnya Publ., 1907 (in Russian).
- Semechkin, L.P. “O neobkhodimosti i vozmozhnosti razvitiya russkogo torgovogo moreplavaniya i kommercheskogo sudostroyeniya.” In *Izvestiya Imperatorskogo obshchestva dlya sodeystviya russkomu torgovomu morekhodstvu*, 3–118. Issue 22. Moscow: Tipolitografiya N.I. Kumanina Press, 1886 (in Russian).
- Shavrov, N. *Russkiy put' v Zakavkaz'ye*. Saint Peterburg: A.S. Suvorin Press, 1883 (in Russian).
- Shavrov, N.A. *O merakh dlya razvitiya russkogo torgovogo morekhodstva v svyazi s razvitiyem otechestvennogo sudostroyeniya pri sovremennom ekonomicheskom polozhenii Rossii. Kniga vtoraya*. Moscow: Obshchestvo dlya sodeystviya Russkomu torgovomu morekhodstvu Publ., 1896 (in Russian).
- Shavrov, N.A. *Sudokhodstvo i torgovlya v yuzhnoy chasti Kaspiya*. Saint Petersburg: Usmanov Press, 1912 (in Russian).
- Skal'kovskiy, K.A. *Srochnoye pochtovoye parokhodstvo v Rossii i za granitseyu*. Part 1. Saint Petersburg: Obshchestvennaya pol'za Publ., 1871 (in Russian).
- Tomara, M. *Ekonomicheskoye polozheniye Persii*. Saint Petersburg: V. Kirshbaum Press, 1895 (in Russian).
- Tompston, S.R. *Rossiyskaya vneshnyaya torgovlya XIX – nachala XX v.: organizatsiya i funktsionirovaniye*. M.: ROSSPEN Publ., 2008 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Корноухова Гадиля Гизатуллаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Российского университета дружбы народов.

Gadilya G. Kornoukhova, Kandidat Istoricheskikh Nauk [PhD in History], Associate Professor at the Department of Russian History, RUDN University.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-3-683-698>

Научная статья / Research article

Посвящается 75-летию Великой Победы

Подготовка производственных кадров на промышленных предприятиях Ульяновской области (округа) в годы Великой Отечественной войны

Е.А. Хапаев^а, И.А. Чуканов^а

^аУльяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова; 432000, Россия, Ульяновск, площадь Ленина, 1; eax73@mail.ru; chia58@rambler.ru

The training of production personnel at industrial enterprises of Ulyanovsk region during the Great Patriotic War

Evgeniy A. Khapaev^a, Ivan A. Chukanov^a

^aIlya Ulyanov State Pedagogical University;
1 Lenina Sq., Ulyanovsk, 432000, Russia; eax73@mail.ru; chia58@rambler.ru

Аннотация: В представленной статье на основе ранее неизвестных архивных документов раскрывается многоаспектная деятельность, которую проводило руководство страны, руководители Средневолжской (Самарской) области и Ульяновского округа (с 1943 г. – Ульяновской области), по мобилизации кадров для военной промышленности Ульяновской области. Показано, что в кратчайшие сроки в условиях нехватки жилья, производственных площадей, сырья, квалифицированных кадров удалось не только перевести на военные рельсы практически все промышленные предприятия, которые имелись на территории г. Ульяновска и Ульяновского округа, но и принять несколько десятков эвакуированных предприятий, предоставить для этого производственные площади, обеспечить жильем тысячи сотрудников и членов их семей. В результате к лету 1942 г. все эти предприятия заработали на полную мощность, значительно увеличили поставки всего необходимого фронту и внесли значительный вклад в обеспечение коренного перелома в войне в 1943 г. Авторы приходят к выводу о том, что подобный успех был обусловлен эффективной работой центральных и местных органов власти, а также дирекций оборонных предприятий по подготовке высококвалифицированных кадров. Была налажена работа вновь созданных ремесленных училищ, техникумов, производственных классов в общеобразовательных школах, успешно организована мотивация молодежи на производительный труд. Отмечается, что усилиями руководителей предприятий было организовано эффективное производственное обучение непосредственно на рабочих местах. Работа с производственными кадрами сопровождалась в целом неплохо организованной идейно-воспитательной работой на предприятиях, что позволяло своевременно пресекать провокации с целью дезорганизовать

© Хапаев Е.А., Чуканов И.А., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

военное производство в критический период войны. Раскрыт успешный опыт работы руководства текстильной отрасли и дирекции суконных фабрик по повышению производительности труда и установлению производственной дисциплины в коллективах.

Ключевые слова: социалистическое соревнование, производственное обучение, инженерно-технические работники, пропаганда и воспитание

Для цитирования: Хапаев Е.А., Чуканов И.А. Подготовка производственных кадров на промышленных предприятиях Ульяновской области (округа) в годы Великой Отечественной войны // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 3. С. 683–698. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-3-683-698>

Abstract: On the basis of previously unstudied archival documents this article reveals the multifaceted and multidimensional activities which the country's top leadership as well as the leaders of the Middle Volga (Samara) region and Ulyanovsk district (from 1943 renamed Ulyanovsk region) unfolded for mobilizing work force for the military industry of Ulyanovsk region. In the shortest possible time, just within one year, under conditions of shortage in housing, production areas, raw materials, and skilled personnel, they managed not only to redirect practically all industrial enterprises in the city of Ulyanovsk and the Ulyanovsk district towards the war effort, but also to integrate several dozens of evacuated enterprises, to provide them with production areas, and to accommodate thousands of employees as well as their family members. By the summer of 1942, all these enterprises had started to work at full capacity; they considerably increased deliveries of all things needed at the front, thus making a considerable contribution to ensuring a radical change in the course of the war in 1943. The authors conclude that this success resulted from the effective work of central and local authorities, as well as of the directorates of the defense enterprises, in the field of training of highly skilled specialists. New vocational schools were set up, in addition to technical schools and production classes at general schools. Moreover, successful measures were taken to motivate the youth for highly productive work. The authors emphasize that the heads of the enterprises organized effective training directly at the workplaces. The work with production staff was accompanied by well-organized ideological and educational work at the enterprises which in due time allowed to prevent provocations aimed at disrupting the military production in this critical period of the war. In particular, the article points to the successful management of the textile industry and cloth factories for increasing labor productivity and establishing labor discipline in teams.

Keywords: socialist competition, in-service training, technical staff, propaganda and education

For citation: Khapaev, Evgeniy A., Chukanov, Ivan A. "The training of production personnel at industrial enterprises of Ulyanovsk region during the Great Patriotic War," *RUDN Journal of Russian History* 18, no. 3 (August 2019): 683–698. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-3-683-698>

Введение

Наиболее опасным историческим вызовом, с которым пришлось столкнуться нашей стране, было военно-экономическое противоборство с гитлеровской Германией в годы Великой Отечественной войны. В непростых условиях современности этот опыт особо ценен, так как позволяет изучить политические, организационные, социальные механизмы, обеспечившие устойчивую работу всего регионального военно-промышленного комплекса. Немаловажную роль в военно-экономической победе СССР над Германией сыграла эффективная кадровая политика, позволившая решить сложнейшие производственные задачи.

В данной статье на конкретных примерах жизни важнейшего для страны в социально-экономическом плане региона – Ульяновского округа (с 1943 г. – Ульяновской области) анализируется деятельность центральных и местных административных и партийных руководителей по решению важнейших кадровых вопросов, что

явилось неоспоримым залогом устойчивой работы местного оборонно-промышленного комплекса.

Общеизвестно, что без успешной работы высококвалифицированного производственного персонала – рабочих, служащих, инженерно-технических работников – невозможно было решить сложнейшие организационные, технические проблемы в соревновании с таким сильным и технологически подготовленным противником, как нацистская Германия.

Анализ протекавших в Ульяновском округе (области) процессов в военно-промышленном производстве важен не только для выявления общих для Средневолжского региона и всей экономики страны закономерностей, но и для объективного изучения региональной специфики, потребовавшей в годы войны нестандартных технических решений и особых механизмов по реализации мер общесозначного значения.

Реалии начального периода Великой Отечественной войны сложились таким образом, что Ульяновскому округу, как и соседним областям, пришлось принимать две волны эвакуированных предприятий: одну – в июле – октябре 1941 г., другую – в июне – сентябре 1942 г. Руководство округа в срочном порядке решало задачи по поиску новых площадей для размещения эвакуированных предприятий, обеспечению их рабочей силой, сырьем, дополнительными источниками электроэнергии, организации доставки на фронт готовой продукции. Исключительно сложной задачей оказалась работа по перестройке предприятий на выпуск военной продукции, срочному решению жизненно важных вопросов, связанных с повышением производительности труда и улучшением качества выпускаемой продукции, что было особенно значимо в условиях войны. Только всестороннее изучение этого опыта поможет выработать объективное представление об истории деятельности военно-промышленного комплекса СССР в годы Великой Отечественной войны.

Работа регионального оборонно-промышленного комплекса в 1941–1945 гг. обычно рассматривалась в контексте более широкой проблематики организации работы тыла как вторичного фактора по сравнению с организацией боевых действий на фронтах. При этом в советской историографии упор делался исключительно на трудовом подъеме и героизме работников промышленности, в то время как негативные примеры военно-мобилизационных мероприятий на местах нередко оставались вне рамок научных разработок. Одновременно исследование социальной политики государства в чрезвычайных условиях войны, опыта решения кадровых вопросов важно еще и потому, что позволяет глубже понять влияние условий военного времени на общественные настроения и образ жизни оставшихся в тылу граждан.

Авторы ставят своей целью показать основные направления кадровой производственной политики Ульяновского округа (Ульяновской области) и связанные с ее реализацией социальные процессы в оборонной промышленности в годы войны.

Разработка проблем кадровой промышленной политики в годы Великой Отечественной войны опирается на значительную источниковую базу, созданную предшествующими поколениями исследователей. При написании статьи были использованы материалы как центральных, так и местных архивов, в том числе вы-

явленные в Государственном архиве Российской Федерации данные о численности занятых на промышленных предприятиях в целом в СССР, а также сведения по движению рабочей силы по прифронтовым республикам и областям. В Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации в материалах фонда военной прокуратуры Ульяновского гарнизона объектом внимания авторов стали материалы по расследованию дел, связанных с фактами антигосударственной пропаганды и агитации на военных предприятиях, организованных вражескими агентами влияния и сочувствующими им лицами.

Использовались также выявленные в Центральном архиве ФСБ материалы, касающиеся работы Управления трудовых резервов СССР и укомплектования кадрами ремесленных училищ и школ фабрично-заводского ученичества (ФЗУ). В ходе отработки материалов Российского государственного архива социально-политической истории объектом нашего внимания стали данные, свидетельствующие о борьбе с трудовым дезертирством и уклонением от работы по трудовым мобилизациям жителей изучаемого региона.

При работе с материалами Государственного архива новейшей истории Ульяновской области были использованы делопроизводственные документы областного и городских комитетов ВКП(б), протоколы заседаний заводских парткомов, отчетная документация о проведенных ревизиях, статистические донесения, материалы персональных партийных дел и т.п.

При написании статьи использовались также сборники нормативно-распорядительных документов¹. В этой связи следует особо отметить вышедший в 1944 г. Сборник документов и материалов по вопросам труда в период Отечественной войны, в котором представлены документы, связанные с обеспечением предприятий рабочей силой, подготовкой кадров и организацией соревнования между цехами, участками, заводами и др. Многотомное издание сообщений Советского Информбюро содержит сведения о примерах трудового героизма на промышленных предприятиях в тылу, в том числе в Ульяновской области².

Нельзя было обойтись и без использования источников статистического характера, хотя большинство из них были ориентированы на общесоюзный уровень, а сводные данные по областям РСФСР занимают в них незначительное место. Например, в период с 1946 по 1955 гг. было издано только несколько статистических сборников, в которых нашли отражение материалы, связанные с работой промышленности в годы войны, сведения о движении рабочей силы на промышленных предприятиях, изменениях в заработной плате, решении социальных вопросов³. В ряде изданий содержатся сведения по автономным республикам Среднего Повол-

¹ Юмашев М.И., Жалейко Б.А. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 – июнь 1944 г. М., 1956; Юмашев М.И., Жалейко Б.А. Сборник документов и материалов по вопросам труда в период Великой Отечественной войны, 22 июня 1941 г. – 5 января 1944 г. М., 1944; Сборник приказов и распоряжений наркомата торговли СССР. Иркутск, 1943; Сборник важнейших приказов и инструкций по вопросам карточной системы и нормированного снабжения. Ленинград, 1945.

² Сообщения Советского Информбюро. Т. I–VIII. М., 1944–1945.

³ Юмашев М.И., Жалейко Б.А. Сборник законов РСФСР и указов Президиума Верховного Совета РСФСР. 1938–1946 г. М., 1955. С. 7–16, 22–24, 28, 31–32.

жья, включая рапорты трудовых коллективов, резолюции митингов и собраний рабочих и др.⁴

Важной вехой в изучении обозначенных проблем мы считаем выход в 1957 г. сборника «Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам», содержащего наиболее важные постановления ГКО, ЦК ВКП(б), СНК СССР об эвакуации фабрик и заводов, улучшении социального положения промышленных рабочих и мерах по обеспечению предприятий рабочей силой⁵. В Ульяновской области в период с 2001 по 2014 г. вышло восемь томов сборника «Солдаты трудового фронта», содержащего сведения о трудовых коллективах ульяновских предприятий⁶. Делопроизводственные документы по ульяновским предприятиям (справки, рапорты, донесения) содержатся также в тематическом сборнике документов «РСФСР – фронту»⁷.

Что касается описываемого региона, то можно назвать документальные сборники «Куйбышевская область в годы Великой Отечественной войны»⁸, «Здесь тыл был фронтом» и «Так ковалась победа»⁹, в которых содержатся рассекреченные материалы о подготовке кадров для промышленных предприятий, их обучении, социальном положении, организации воспитательной работы и соцсоревновании на производстве в военный период.

Историография рассматриваемой проблемы достаточно широка и многообразна. Ряд работ вышел уже в конце войны и послевоенный период. Такие авторы, как И.Р. Гершберг, Н.С. Розенфельд, Б.А. Сухаревский, Ш.Я. Турецкий, И.И. Никитинский, М.А. Юраго, были непосредственными участниками описываемых событий и затрагивали вопросы обеспечения рабочей силой и решения кадровых вопросов на промышленных предприятиях Поволжского региона как в начальный период войны, во время эвакуации, так и в последующие годы¹⁰. Особый интерес представляет труд председателя Госплана СССР Н.А. Вознесенского, в котором анализируется деятельность советского правительства по мобилизации трудовых ресурсов на военных предприятиях страны¹¹. В конце 1950-х – начале 1980-х гг. также вышло много работ, посвященных проблемам обеспечения военных предприятий рабочими и инженерно-техническими кадрами, в том числе в Ульяновской области и соседних областях¹².

⁴ Гутман Д.С., Деркач Г.Г. Татарская АССР в годы Великой Отечественной войны: сб. документов и материалов. Казань, 1948. С. 149–164.

⁵ Малин В.Н., Коробов А.В. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1957.

⁶ Берч Л.А. Солдаты трудового фронта. Ульяновск, 2001–2014.

⁷ Кудрявцев И.И. РСФСР – фронту. 1941–1945. Документы и материалы // Советские архивы. 1988. № 5. С. 101–103.

⁸ Захарова Ф.П., Калашиников П.И., Каревский Ф.А. Куйбышевская область в годы Великой Отечественной войны. Куйбышев, 1966; Рыбалко Ю.Е., Буданова А.А. Куйбышевская область в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Документы и материалы. Самара, 1995.

⁹ Ильязова Р.В. Так ковалась победа: сборник архивных документов. Ульяновск, 2016.

¹⁰ Гершберг И.Р. Экономическая победа Советского Союза. М., 1945; Розенфельд Н.С. Промышленность и Отечественная война. Саратов, 1943; Турецкий Ш.Я. Война и экономика производства. Куйбышев, 1943; Никитинский И.И., Софронов Н.А. Крепкий тыл – залог победы над врагом. Саратов, 1944; Юраго М.А. Всенародная помощь фронту. Саратов, 1944.

¹¹ Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны. М., 1947.

¹² Локшин Э.Ю. Промышленность СССР. 1940–1960 гг. М., 1965; Шигалин Г.И. Народное хозяйство СССР в период Великой Отечественной войны. М., 1960.

В 2002 г. была защищена кандидатская диссертация А.В. Захарченко «Авиационная промышленность Поволжья в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)», где автор подробно раскрывает вопросы обеспечения рабочей силой авиационных предприятий, многие из которых находились в регионе, в том числе и в Ульяновске¹³. Научный интерес представляют также труды В.И. Парамонова¹⁴ и И.В. Караваевой¹⁵, в которых исследуются проблемы обеспечения кадрами военно-промышленного комплекса в годы войны, включая промышленные предприятия Куйбышевской области и Ульяновского округа. В целом можно сказать, что, несмотря на наличие значительного количества трудов, посвященных проблемам организации военно-промышленного комплекса в годы войны, деятельность руководства Ульяновского округа (Ульяновской области) в этом направлении не стала предметом специального научного исследования, что подтверждает актуальность выбранной темы.

Основные меры по подготовке мобилизации трудовых ресурсов на предприятиях, выполнявших военные заказы

В годы войны на промышленных предприятиях остро встала проблема кадрового обеспечения, которая не обошла стороной и Ульяновскую область – прифронтовой регион. Многие работники предприятий, не попавшие под «бронь», ушли на фронт. В 1941–1943 гг. в ряды Вооруженных Сил было призвано 26,6 млн человек, а с 1944 по май 1945 г. – еще 2,6 млн, при этом каждый третий из них был рабочим или кооператором¹⁶. Чрезвычайно сложной задачей стало обеспечение промышленных предприятий и строек квалифицированными рабочими и специалистами. Комплектование осуществлялось путем освобождения их от призыва в армию, а также подготовки в системе государственных трудовых резервов. От призыва освобождались промышленные рабочие (с 4-го разряда и выше), мастера, мотористы, рабочие Наркомздрава СССР, ремонтные рабочие (с 3-го разряда и выше). О масштабах работы по подготовке промышленных кадров можно судить по тому, что только в Ульяновском округе по ведущим отраслям военной промышленности было подготовлено 13 тыс. высококвалифицированных рабочих кадров. За 1943 г. на оборонных предприятиях области за 1943 г. было выучено 5985 человек, из них повысило свою квалификацию 3820 человек¹⁷.

В промышленности применялись самые различные формы подготовки кадров, направленные на скорейшее овладение обучаемой специальностью. И прежде всего – индивидуальное обучение, курсы мастеров, функционирование так называемых стахановских школ.

¹³ Захарченко А.В. *Авиационная промышленность Поволжья в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)*. Самара, 2002.

¹⁴ Парамонов В.И. *Динамика промышленности РСФСР в 1941–1945 гг.* Самара, 2005.

¹⁵ Караваева И.В. *Экономический фундамент победы: параллели истории и современности*. СПб., 2016.

¹⁶ Кривошеев Г.Ф. *Великая Отечественная война без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание*. М., 2009. С. 37.

¹⁷ ГАНИ УО (Государственный архив новейшей истории Ульяновской области). Ф. 8. Оп. 2. Д. 201. Л. 10.

Самым массовым методом подготовки рабочих кадров было обучение в стахановских школах без отрыва от производства. Повышение квалификации рабочих способствовало общему поднятию производительности труда. Так, по патронному заводу имени Володарского средний процент выработки на одного рабочего в первом квартале 1943 г. составил 93 %, в четвертом квартале он уже равнялся 103,2 %. В стахановских школах рабочие, не выполнявшие производственных норм, овладевали передовыми методами труда. На том же заводе имени Володарского молодой слесарь А. Крупеников до обучения в стахановской школе выполнял норму выработки на 84,2 %, после обучения стал выполнять норму на 127,5 %; 17-летняя наладчица Н. Бабушкина, пришедшая на завод летом 1941 г., до обучения выполняла норму выработки на 89,2 %, после обучения стала выполнять норму на 145,6 %¹⁸.

Подготовкой кадров для промышленности в области занимались 11 школ фабрично-заводского обучения (ФЗО), два ремесленных училища. В самый сложный период 1941–1943 гг. здесь было создано пять школ ФЗО и одно ремесленное училище¹⁹. В их числе – школа ФЗО строителей на базе ОСМЧ-18 (для подготовки квалифицированных кадров на строительстве Ульяновского автомобильного завода имени Сталина), школа ФЗО для подготовки механизаторов. В результате в Ульяновской области только за 1943 г. были подготовлены 3228 человек рабочих, которых направили в промышленность. Значительное количество квалифицированных кадров подготовили и другие школы. Например, 412 человек прошли подготовку в ремесленных и железнодорожных училищах. Только один завод Володарского получил из числа выпускников трудовых резервов за 1943 г. из школ ФЗО 1199 человек, из ремесленных училищ – 174 человека. Выпускники трудовых резервов, работавшие в военной промышленности, были ведущим звеном состава квалифицированных рабочих, занятых в этой сфере²⁰.

Немало бывших учащихся школ ФЗО и ремесленных училищ были назначены мастерами и бригадирами. Так, молодые заводчане-комсомольцы Ф. Калошин, Г. Гальчин, Н. Могов, трудившиеся мастерами производственных участков, стали стахановцами-двухсотниками, передававшими свой опыт новым рабочим. Выпускники ремесленных училищ и ФЗО области выполняли нормы труда с большим превышением: токарь Иван Советов – на 487 %, токарь Григорий Маврин – на 246 %, а установщица цеха Людмила Репина, ставшая многостаночницей, систематически перевыполняла производственные задания и была примером для других²¹.

Следует сказать и о том, что в работе с кадрами особое внимание уделялось их лояльности по отношению к проводимой советским правительством политике. Правоохранительные органы нередко выявляли лиц, которые призывали, особенно в разгар военных действий на сталинградском направлении, к забастовкам, саботажу, восхваляли гитлеровские войска и распространяли пораженческие настроения. Так, 5 августа 1942 г. рабочие одного из цехов Ульяновского патронного завода в буквальном смысле скрутили своего коллегу В.М. Димитровича, который

¹⁸ ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 201. Л. 11.

¹⁹ Там же. Л. 14.

²⁰ Там же. Л. 23.

²¹ Там же. Л. 29–30.

развернул на заводе профашистскую пропаганду. От него неоднократно исходили требования, поддержанные некоторыми несознательными рабочими, организовать на заводе забастовку и предъявить требования к дирекции «немедленно улучшить условия труда». Как говорилось в документах, при этом он неоднократно высказывал пораженческие настроения и всячески восхвалял «боеспособную» гитлеровскую армию. Решением директора завода генерал-майора технической и артиллерийской службы В. Шевченко он был задержан и по требованию возмущенных рабочих передан в руки правоохранительных органов²².

Подобных скрытых гитлеровских агентов задерживали и передавали в руки правоохранительных органов и на других предприятиях области, в частности на площадке строившегося Ульяновского автозавода. Здесь 7 августа 1942 г. сотрудниками Особого отдела предприятия был арестован водитель стройколонны И.Ф. Алешко, который неоднократно высказывал пораженческие настроения и распространял антисоветскую пропагандистскую литературу. Однако эти случаи были единичными и на общее положительное настроение тружеников тыла в Ульяновской области серьезного влияния не оказывали²³.

Мероприятия по повышению производительности труда

Главной задачей, которая стояла перед стахановскими школами, было всемерное повышение производительности труда. Особенно это было актуально для предприятий текстильной промышленности, где из-за устаревшего оборудования и перебоев в поставках сырья производительность труда была гораздо ниже, нежели на металлообрабатывающих военных заводах – патронном, автомобильном и др. Хотя число рабочих, не выполнявших в конце 1941 – начале 1942 г. нормы выработки, тоже было велико. Так, в оборонной промышленности оно составляло 14,7 % (из них по заводу № 280 – 17,8 %, заводу имени Сталина – 12,3 %, заводу имени Володарского – 15,6 %). Особенно плохо с производительностью труда дело обстояло на текстильных фабриках, где руководящие кадры в своем большинстве не имели специального образования, а производственные мастера обладали недостаточным опытом организации работы и очень низкую общеобразовательную подготовку. Производительность труда на предприятиях текстильной промышленности составляла к началу 1942 г. всего 82,3 %²⁴.

На текстильных фабриках были приняты серьезные меры для улучшения качества подготовки и переподготовки производственных кадров. В школы ФЗУ был произведен широкий набор для подготовки будущих специалистов, внедрена более интенсивная программа обучения, благодаря которым пополнились ряды мастеров, их помощников, высококвалифицированных специалистов, наладчиков. На самих предприятиях были организованы курсы подготовки и повышения квалификации помощников мастеров. Практически новая программа обучения была внедрена и в школе ФЗО Гострудрезервов при текстильной фабрике имени Гладышева²⁵.

²² ЦАМО РФ (Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации). Ф. 198. Оп. 480348. Д. 5. Л. 72–73.

²³ Там же. Л. 76–77.

²⁴ ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 201. Л. 11–12.

²⁵ Там же. Л. 13–14.

Кроме того, на всех фабриках проверялись организация труда, использование рабочей силы, что дало возможность провести уплотнение рабочего дня отдельных групп рабочих, осуществить перевод на интенсивное обслуживание и высвобождение рабочих для использования на других участках, так как текстильные фабрики должны были перейти на работу в три смены. При проведении данного мероприятия по фабрике имени Калинина было высвобождено 39 человек и уплотнен рабочий день у 19 человек. Отделом легкой промышленности было дано указание Обллегпрому о подготовке перевода швейных фабрик на поточную систему²⁶.

О том, как решались проблемы повышения качества и эффективности работы на швейных фабриках Ульяновской области в военные годы, позволяет судить приведенная далее таблица, составленная на основе доклада начальника Областного треста легкой промышленности С. Носырева, представленного руководству области в мае 1944 г.

Таблица / Table

Справка о подготовке и переподготовке кадров массовых квалификаций мастерского и подмастерского персонала на суконных фабриках Ульяновской области за период с 1941 по 1943 г. / Information on the training and retraining of personnel of mass qualifications of workshop and apprentice personnel at the cloth factories in Ulyanovsk region for the period from 1941 to 1943

Наименование текстильных предприятий (фабрик)	Уволено рабочих по разным причинам	Всего случаев нарушения трудовой дисциплины	Прогреты	Дезертство	Опоздания	Кражи	Прочие
Имени Гладышева	130	164	18	62	–	72	12
Имени Ленина	35	58	12	19	–	21	6
Имени Свердлова	52	128	39	28	13	48	–
Имени Третьего Интернационала	39	78	21	9	3	4	41
Имени Гимова	35	38	20	28	–	–	–
Имени Калинина	56	104	28	36	6	13	21
Имени Ст. Разина	32	23	9	7	7	–	–
... Мулловская	–	70	44	13	2	–	11
Всего	371	662	191	192	31	158	90

Источник / Source: ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 201. Л. 297.

Как видно из представленных материалов, трудовая дисциплина на некоторых суконных фабриках оставляла желать лучшего, особенно на фабрике имени Гладышева. В ходе проведенных в 1941–1942 гг. комиссионных проверок было установлено, что основные недостатки в работе руководства фабрики имени Гладышева и ряда других фабрик заключались в борьбе за укрепление трудовой дисциплины главным образом директивным путем. В свою очередь, цеховые партгруппы,

²⁶ ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 310. Л. 4.

профсоюзный и комсомольский актив не были мобилизованы на борьбу за укрепление трудовой дисциплины. Факты прогулов, воровства, опозданий не становились достоянием гласности и не получали должной общественной оценки²⁷.

Поэтому руководством были предприняты серьезные меры для улучшения ситуации на предприятиях. Например, была выявлена степень квалификации рабочих по всем цехам и отделам, на участках подсобных работ и организовано техническое обучение всех рабочих, не имевших достаточной квалификации. Причем делалось это в ночное и нерабочее время. Производственным обучением были охвачены все подсобные группы сотрудников – кочегаров, подвозчиков и грузчиков топлива, конюхов, ремонтных рабочих и других с таким расчетом, чтобы каждый рабочий суконой промышленности сдал гостехэкзамен. Несдача экзамена означала лишение разряда и заканчивалась понижением в должности.

На каждом текстильном предприятии под руководством главных инженеров были созданы курсы подмастерьев без отрыва от производства с учетом полной потребности предприятия в помощниках мастеров. На предприятиях также был создан постоянно действующий семинар для повышения квалификации мастеров и их помощников-практиков. Среди них была усилена работа по повышению идейно-политического и культурного уровня²⁸.

На всех текстильных фабриках в 1942 г. была восстановлена работа технических кабинетов, обеспеченных необходимой литературой и учебными пособиями. Подобные кабинеты, работая круглосуточно, соединили всю работу по техническому обучению рабочих и мастеров. Значительно была упорядочена работа по индивидуальному обучению вновь прибывших выпускников средних школ на фабриках, для чего по приглашению дирекции на работу вернулись уволенные по возрасту ветераны-пенсионеры. К коллективам цехов и отделов были прикреплены специальные инструкторы, которые строго следили за сроками проведения квалификационных комиссий и отвечали за процесс повышения разряда молодых рабочих²⁹.

Подготовка новых производственных кадров

В самый разгар войны на новый уровень была поднята работа школ ФЗУ при фабриках имени Ленина и имени Гимова. Контингент обучающихся в школе ФЗУ при фабрике имени Ленина был увеличен до 250 человек, при фабрике имени Гимова – до 200 человек. Набор в школы был организован главным образом за счет детей рабочих-текстильщиков. Из фонда Обллегпрома было выделено оборудование, необходимое для производственного обучения, прекращена не оправдавшая себя практика использования учащихся на работах, не связанных с их обучением. При поддержке обкома и горкома ВКП(б) все школы были поставлены на плановое снабжение учебными пособиями и принадлежностями.

Следует особо отметить тот факт, что в школы пришли 14–15-летние подростки, которые не обладали необходимой базовой подготовкой. В связи с этим ру-

²⁷ ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 201. Л. 297–298.

²⁸ Там же. Ф. 25. Оп. 2. Д. 92. Л. 61–62.

²⁹ Там же. Д. 93. Л. 17–19.

ководство Куйбышевской области (в состав которого входил Ульяновский округ) поставило перед наркоматом текстильной промышленности вопрос о пересмотре сроков обучения в школах в сторону их увеличения до 1–2-х лет, в связи с низким образованием поступивших в школы. В учебные планы были введены общеобразовательные дисциплины³⁰.

Нередко подготовка квалифицированной рабочей силы на ульяновских предприятиях шла без отрыва от производства, как это было, например, на строительстве цехов для эвакуированного автозавода. В октябре – декабре 1941 г. на стройку автозавода прибыло 700 неквалифицированных рабочих. К каждому опытному рабочему было прикреплено по 3–4 ученика. Были выбраны также 43 человека из числа тех, кто обладал какими-то производственными навыками. Для них были сформированы курсы бригадиров, за ними закрепили наиболее опытных наставников из числа квалифицированных рабочих и действующих бригадиров. Еще 20 человек были отобраны из тех, кто владел какой-либо строительной специальностью. Из них в течение 3–4 месяцев готовили мастеров строительных участков. Наиболее квалифицированные инженерно-технические работники читали им лекции. Военное время быстро мобилизовывало людей, в результате, например, обучающиеся каменщики через 2–3 недели под руководством мастера В. Городкова уже самостоятельно клали кирпич.

Укомплектованные новичками производственные бригады, использовавшие передовые методы организации труда, успешно выполняли напряженные производственные планы. Вновь прибывшие рабочие изначально обучались применению наиболее производительных инструментов (лопаток Мальцева, рамок для подачи кирпича, ковшей, предложенных рационализатором Илюхиным для качественного накладывания раствора на стенки, верстаков для быстрого изготовления опалубки и др.)³¹.

Производственные коллективы нередко формировались методом мобилизации старшеклассников сельских школ для работы на авиационных заводах, причем не делалось никакой разницы по гендерной принадлежности. Если для выполнения разрядки в некоторых селах не хватало мальчиков, на работу направлялись девочки. О подобной практике недвусмысленно свидетельствует директива Куйбышевского областного комитета ВКП(б) от 17 февраля 1942 г., разосланная в сельские районы Ульяновской области с требованием направить учащихся 9–10 классов в количестве 5 тыс. человек для работы на куйбышевские авиазаводы. Следует особо сказать о том, что директива выполнялась творчески, молодежь уезжала по зову сердца. На комсомольских собраниях будущие кандидаты приносили клятву верности Родине, к мероприятию были активно подключены учителя и родители школьников, которые наставляли своих детей ударно трудиться. В результате умело проведенной организационной кампании каждый учащийся считал честью пойти работать на авиазаводы, «ковать грозное оружие» для разгрома фашизма³².

³⁰ ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 201. Л. 297.

³¹ Там же. Л. 11–12.

³² Там же. Ф. 25. Оп. 2. Д. 91. Л. 10.

В ремесленных и железнодорожных училищах и школах ФЗО, входивших в систему Главного управления трудовых резервов, на 1 января 1944 г. обучались 652 тыс. человек, выпускники переводились для укомплектования промышленных предприятий. В 1944 г. с использованием всех форм обучения было подготовлено около 7,9 млн квалифицированных рабочих, в 1945 г. – свыше 9,4 млн³³. Трудности военного времени оказывали влияние на уровень организации учебного процесса и условия жизни учащихся³⁴. Численность рабочих и служащих в промышленности в 1944 г. составляла 8,5 млн человек, в 1945 г. – 9,5 млн. В 1945 г. среднегодовая численность рабочих и служащих в целом по народному хозяйству достигла 28,6 млн человек, доля женщин при этом составляла 56 %³⁵.

Важная роль отводилась и переподготовке производственных кадров, в первую очередь из числа инженерно-технических работников. Кадры инженерно-технических работников промышленности области, как показал опыт их последующей работы, отличались значительным количеством сотрудников, которые занимали серьезные инженерно-технические должности, будучи практиками, то есть не имели специального технического образования. Так, в составе инженерно-технических работников трех основных предприятий оборонной промышленности – заводов имени Володарского и имени Сталина, а также завода № 650 – более 50 % не имели базового технического образования. На ведущем предприятии по производству боеприпасов – заводе имени Володарского – практики, занимавшие инженерно-технические должности, составляли 63 %. В связи с этим руководителям цехов на оборонных заводах было предложено организовать повышение их квалификации собственными силами. С этой целью на разных заводах были организованы курсы мастеров социалистического труда, которые окончили 65 человек. Для повышения квалификации инженерно-технического работника широко использовался цикл лекций по вопросам техники. В течение военного времени большинство инженерно-технических работников были охвачены всеми формами технического обучения, участвовали в различных курсах, что в конечном счете позволило переподготовить значительное количество инженерно-технических работников, повысить их квалификацию³⁶.

Основным методом пополнения рабочей силой производственных и строительных предприятий в военное время оставалась трудовая мобилизация населения для работы по месту жительства, которая проводилась по решениям ГКО и СНК СССР, а также Комитета по учету и распределению рабочей силы. Мобилизации подлежало все трудоспособное население: мужчины в возрасте от 16 до 55 лет, женщины – от 16 до 50 лет. Перед отправкой на тяжелые работы (торфопредприятия, шахты и рудники) в 1944 г. стали требовать обязательное проведение медицинского осмотра. Лица, уклонявшиеся от мобилизации, а равно самовольно покинувшие трудовой пост, подвергались по приговору народного суда исправи-

³³ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф-Р. 5446. Оп. 56. Д. 47. Л. 177, 422–455; Ф. 644. Оп. 2. Д. 272. Л. 180–181; Д. 301. Л. 15–16, 102.

³⁴ ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 2. Д. 1723. Л. 9–10, 39–42, 163–165, 369–371, 405.

³⁵ ГА РФ. Ф-Р. 5446. Оп. 56. Д. 130. Л. 166.

³⁶ ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 201. Л. 10.

тельно-трудовым работам (на срок более года и не ниже оставшегося срока мобилизации). За злостное уклонение от мобилизации и повторный самовольный уход с работы виновные привлекались к уголовной ответственности. Руководители колхозов, предприятий и учреждений, принимающие на работу или укрывающие лиц, заведомо уклоняющихся от мобилизации, также могли привлекаться к уголовной ответственности³⁷.

Выводы

Кадровая проблема в течение всего периода войны для промышленных предприятий, выпускавших военную продукцию, была важной и актуальной, от ее решения во многом зависела их успешная работа. Буквально с первых дней войны в Ульяновском округе, как и в целом по стране, стала претворяться в жизнь многоуровневая система подготовки рабочих и инженерно-технических кадров, которая включала в себя индивидуальное обучение, работу заводских курсов мастеров и производственных школ без отрыва от производства, деятельность стахановских школ, что давало высокую конечную эффективность. Не менее важное значение имела деятельность фабрично-заводских училищ и ремесленных школ, действовавших в рамках сложившейся в стране системы подготовки трудовых резервов.

К производственным кадрам предъявляли серьезные требования в плане лояльности к существующему режиму и поддержания крепкой трудовой дисциплины. Рабочие нередко разоблачали в своих рядах лиц, занимавшихся пропагандой в интересах противника, и часто сами передавали их в руки правоохранительных органов.

Важнейшей задачей, которую приходилось решать руководителям предприятий по отношению к производственным кадрам, было повышение производительности труда и улучшение качества выпускаемой продукции. На ряде предприятий, к числу которых можно отнести текстильные фабрики, были приняты серьезные меры для решения этих задач. Их суть сводилась к внедрению более интенсивных обучающих программ в ФЗУ и ремесленных училищах, а на самих предприятиях организовывались курсы подготовки и повышения квалификации мастеров и их помощников. Кроме того, на фабриках была оптимизирована организация труда, по-новому произведена расстановка рабочей силы, а сама работа организована в три смены.

Среди предпринятых мер по повышению трудовой дисциплины следует назвать улучшение качества индивидуальной работы с сотрудниками предприятий, в том числе с так называемыми бракоделами и лицами, не выполнявшими норм выработки, для чего привлекался комсомольский и профсоюзный актив, а по отношению к ворам, прогульщикам и другим нарушителям трудовой дисциплины применялись суровые административные меры. В особых случаях заводились уголовные дела.

Работа по повышению производительности труда основывалась на повышении квалификации рабочих (включая занятых на подсобных работах) в ходе обучения без отрыва от производства, в первую очередь путем организации техниче-

³⁷ РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 644. Оп. 2. Д. 272. Л. 180–181; Там же. Д. 301. Л. 23–25.

ского обучения в ночное и нерабочее время. Был создан постоянно действующий семинар для повышения квалификации мастеров и их помощников-практиков.

Залогом успеха стало внедрение нового подхода в подготовке производственных кадров, который заключался в поддержке трудовых династий, прекращении неоправданной практики использования учащихся на работах, не связанных с их обучением. Активно совершенствовалась подготовка квалифицированной рабочей силы без отрыва от производства, прежде всего за счет улучшения постановки дела наставничества, учреждения курсов бригадиров. При этом на достаточно высоком уровне была организована идейно-воспитательная работа, когда каждый труженик знал к чему стремиться и ради чего ударно трудиться и перевыполнять производственный план.

Практически всегда важная роль отводилась переподготовке инженерно-технических работников. На низшие руководящие должности активно выдвигались зарекомендовавшие себя практики, не имевшие достаточного образования, организовывались курсы мастеров социалистического труда, лектории по повышению производительности труда. Основным методом пополнения производственных кадров являлись отправляемые по школам разрядки и трудовые мобилизации населения по месту жительства в сочетании с применением мер суровой ответственности за уклонение от мобилизации и самовольный уход с работы.

Рукопись поступила: 15 февраля 2019 г.

Submitted: 15 February 2019

Библиографический список

- Берч Л.А.* Солдаты трудового фронта: в 8 т. Ульяновск: Изд-во Ульяновского Дома Печати, 2001–2014. 125 с.
- Вознесенский Н.А.* Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны. М.: Госполииздат, 1947. 192 с.
- Гершберг И.Р.* Экономическая победа Советского Союза. М.: Госполитиздат, 1945. 67 с.
- Гутман Д.С., Деркач Г.Г.* Татарская АССР в годы Великой Отечественной войны: сб. документов и материалов. Казань: Респ. кн. изд-во, 1948. 175 с.
- Захарова Ф.П., Калашиников П.И., Каревский Ф.А.* Куйбышевская область в годы Великой Отечественной войны. Куйбышев: Кн. изд-во, 1966. 447 с.
- Захарченко А.В.* Авиационная промышленность Поволжья в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Самара: Самарский гос. пед. университет, 2002. 20 с.
- Ильязова Р.В.* Так ковалась победа: сборник архивных документов. Ульяновск: Изд-во Ульяновского Дома Печати, 2016. 306 с.
- Караваева И.В.* Экономический фундамент победы: параллели истории и современности. СПб.: Институт экономики Российской академии наук, 2016. 342 с.
- Кудрявцев И.И.* РСФСР – фронту. 1941–1945. Документы и материалы // Советские архивы. 1988. № 5. С. 100–110.
- Кривошеев Г.Ф.* Великая Отечественная война без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание. М.: Вече, 2009. 380 с.
- Локишин Э.Ю.* Промышленность СССР. 1940–1960 гг. М.: Мысль, 1965. 211 с.
- Малин В.Н., Коробов А.В.* Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. М.: Госполитиздат, 1957. 879 с.
- Никитинский И.И., Софронов Н.А.* Крепкий тыл – залог победы над врагом. Саратов: Саратовское областное кн. изд-во, 1944. 145 с.

- Парамонов В.И. Динамика промышленности РСФСР в 1941–1945 гг. Самара: Изд-во Самарского госуниверситета, 2005. 156 с.
- Розенфельд Н.С. Промышленность и Отечественная война. Саратов: Саратовское областное кн. изд-во, 1943. 70 с.
- Рыбалко Ю.Е., Буданова А.А. Куйбышевская область в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Документы и материалы. Самара: Самарский Дом печати, 1995. 448 с.
- Турецкий Ш.Я. Война и экономика производства. Куйбышев: Госпланиздат, 1943. 48 с.
- Шигалин Г.И. Народное хозяйство СССР в период Великой Отечественной войны. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1960. 276 с.
- Юмашев М.И., Жалейко Б.А. Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 – июнь 1944 гг. М.: Госполитиздат, 1956. 499 с.
- Юмашев М.И., Жалейко Б.А. Сборник документов и материалов по вопросам труда в период Великой Отечественной войны, 22 июня 1941 г. – 5 января 1944 г. М.: Госполитиздат, 1944. 378 с.
- Юмашев М.И., Жалейко Б.А. Сборник законов РСФСР и Указов Президиума Верховного Совета РСФСР. 1938–1946 гг. М.: Известия Советов депутатов трудящихся СССР, 1955. 710 с.
- Юраго М.А. Всенародная помощь фронту. Саратов: Изд-во обкома ВКП(б), 1944. 51 с.

References

- Berch, L.A. *Soldaty trudovogo fronta*. Ul'yanovsk: Ulyanovsk House of Printing Publ., 2001–2014 (in Russian).
- Gershberg, I.R. *Ekonomicheskaya pobeda Sovetskogo Soyuz*. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1945 (in Russian).
- Gutman, D.S., and Derkach, G.G. *Tatarskaya ASSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: Sb. dokumentov i materialov*. Kazan': Republican Book Publ., 1948 (in Russian).
- Il'yazova, R.V. *Tak kovalas' pobeda. Sbornik arkhivnykh dokumentov*. Ul'yanovsk: Izdatel'stvo Ul'yanovskogo Doma Pechati Publ., 2016 (in Russian).
- Karavayeva, I.V. *Ekonomicheskiy fundament pobedy: paralleli istorii i sovremennosti*. Saint Petersburg: Institut ekonomiki Rossiyskoy Akademii Nauk Publ., 2016 (in Russian).
- Kudryavtsev, I.I. "RSFSR – frontu. 1941–1945. Dokumenty i materialy." *Sovetskiye arkhivy*, no. 5 (1988): 100–110 (in Russian).
- Krivoshcheyev, G.F. *Velikaya Otechestvennaya voyna bez grifa sekretnosti. Kniga poter'*. Noveysheye spravochnoye izdaniye. Moscow: Veche Publ., 2009 (in Russian).
- Lokshin, E.Yu. *Promyshlennost' SSSR. 1940–1960 gg.* Moscow: Mysl' Publ., 1965 (in Russian).
- Malin, V.N., and Korobov, A.V. *Direktivy KPSS i Sovetskogo pravitel'stva po khozyaystvennym voprosam*. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1957 (in Russian).
- Nikitinskiy, I.I., and Sofronov, N.A. *Krepkiy tyl – zalog pobedy nad vragom*. Saratov: Saratovskoye oblastnoye knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1944 (in Russian).
- Paramonov, V.I. *Dinamika promyshlennosti RSFSR v 1941–1945 gg.* Samara: Samara State University Publ., 2005 (in Russian).
- Rozenfel'd, N.S. *Promyshlennost' i Otechestvennaya voyna*. Saratov: Saratovskoye oblastnoye knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1943 (in Russian).
- Rybalko, Yu.Ye., and Budanova, A.A. *Kuybyshevskaya oblast' v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. 1941–1945 gg. Dokumenty i materialy*. Samara: Samarskiy Dom pechati Publ., 1995 (in Russian).
- Shigalin, G.I. *Narodnoye khozyaystvo SSSR v period Velikoy Otechestvennoy voyny*. Moscow: Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoy literatury Publ., 1960 (in Russian).
- Turetskiy, Sh.Ya. *Voyna i ekonomika proizvodstva*. Kuybyshev: Gosplanizdat Publ., 1943 (in Russian).
- Voznesenskiy, N.A. *Voyennaya ekonomika SSSR v period Velikoy Otechestvennoy voyny*. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1947 (in Russian).
- Zakharova, F.P., Kalashnikov, P.I., and Karevskiy, F.A. *Kuybyshevskaya oblast' v gody Velikoy Otechestvennoy voyny*. Kuybyshev: Knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1966 (in Russian).

- Zakharchenko, A.V. *Aviatsionnaya promyshlennost' Povolzh'ya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945)*. Samara: Samara State Pedagogical University Publ., 2002 (in Russian).
- Yumashev, M.I., and Zhaleyko, B.A. *Sbornik zakonov SSSR i Ukazov Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR. 1938 – iyun' 1944 gg.* Moscow: Gospolitizdat Publ., 1956 (in Russian).
- Yumashev, M.I., and Zhaleyko, B.A. *Sbornik dokumentov i materialov po voprosam truda v period Velikoy Otechestvennoy voyny, 22 iyunya 1941 g. – 5 yanvarya 1944 g.* Moscow: Gospolitizdat Publ., 1944 (in Russian).
- Yumashev, M.I., and Zhaleyko, B.A. *Sbornik zakonov RSFSR i Ukazov Prezidiuma Verkhovnogo Soveta RSFSR. 1938–1946 gg.* Moscow: Izvestiya Sovetov deputatov trudyashchikhsya SSSR Publ., 1955 (in Russian).
- Yurago, M.A. *Vsenarodnaya pomoshch' frontu*. Saratov: Izd-vo obkoma VKP(b) Publ., 1944 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Хапаев Евгений Александрович, аспирант кафедры истории Ульяновского государственного педагогического университета имени И.Н. Ульянова.

Evgeniy A. Khapaev, graduate student at the Department of History of Ilya Ulyanov State Pedagogical University.

Чуканов Иван Альбертович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Ульяновского государственного педагогического университета имени И.Н. Ульянова.

Ivan A. Chukanov, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Professor at the Department of History of Ilya Ulyanov State Pedagogical University.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-3-699-709>

Рецензия / Book Review

Бранденбергер Д. Кризис сталинского агитпропа: пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927–1941 / пер. с англ. А.А. Пешкова, Е.С. Володиной. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 367 с. (Серия «История сталинизма»)

Н.Г. Георгиева (рецензент)

Российский университет дружбы народов;

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6; navladi@list.ru

Brandenberger, David L. *Krizis stalinskogo agitpropa: propaganda, politprosveshcheniye i terror v SSSR, 1927–1941* [Crisis of Stalin's agitprop: propaganda, political education and terror in the USSR, 1927–1941]. Moscow: Politicheskaya encyclopedia Publ., 2017., 367 p.

Natalia G. Georgieva (reviewer)

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University);

6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia; navladi@list.ru

Первоначальная публикация монографии Дэвида Бранденбергера, доктора исторических наук, профессора, хорошо известного и в США, и в нашей стране русиста, была осуществлена на английском языке в 2011 г. в издательстве Йельского университета (США)¹. Рецензируемое издание вышло на русском языке в 2017 г. при финансовой поддержке фонда «Историческая память» в серии «История сталинизма». Д. Бранденбергер входит в круг тех американских специалистов, которые выступают против свертывания Государственным департаментом США программы исследований истории СССР. Они считают, что изучение истории политики и культуры советской страны необходимо не только в силу познавательных, но и практических соображений, так как современные западные политики и дипломаты должны обладать верифицированной информацией, содержащей объективную картину советского прошлого и академически выверенные, социально-политические рекомендации, направляющие их деятельность на пространстве бывшего СССР.

© Георгиева Н.Г., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

¹ David Brandenberger, *Propaganda state in crisis Soviet ideology, indoctrination, and terror under Stalin, 1927–1941* (New Haven and London: Yale University Press, 2011).

Д. Бранденбергер поставил цель – исследовать деятельность идеологического аппарата ВКП(б), которому, по его словам, долгое время «не уделяли должного внимания» в историографии (С. 16). Главная идея автора состоит в том, что созданный еще при И.В. Сталине механизм устной и печатной пропаганды, использованный в дальнейшем и КПСС, не добился успеха в воспитании советского общества в духе марксизма-ленинизма и в идейной мобилизации масс на строительство социализма ни в 1920–1930-х гг., ни в последующий период.

Для объяснения провала деятельности («кризиса») сталинского агитпропа в книге выстроена система доказательств, опирающаяся на изучение истории его становления и эволюции в довоенном СССР.

В центре внимания автора «сталинизм» – устойчивый, сложившийся в международном научном информационном пространстве конструкт, вызывающий острый гносеологический интерес не только среди профессиональных историков, но и политиков, социологов и публицистов. Вокруг него более полувека рождаются различные идейные концепции, в одних случаях имеющие академический характер, опирающийся на доказательную источниково-информационную основу, в других – исключительно публицистический, обусловленный социально-политическим заказом, часто вызванным ненавистью к большевизму и России, ее властным структурам и народу. Сразу же отметим, что в рецензируемой монографии все наблюдения и выводы автора выстраиваются на информации, почерпнутой в опубликованных материалах и документах, хранящихся в 17 российских архивах.

Подкупает и историографическая составляющая, дискуссионность книги: автор не только широко использовал наблюдения и выводы отечественных и зарубежных историков, но и не редко вступал с ними в спор. В этом плане особый интерес представляют обширные примечания, в которые автор, чтобы не нарушать логику и последовательность изложения событий, выносил свои возражения по поводу того или иного суждения, имеющегося в литературе.

В историографической справке Д. Бранденбергер определил шесть групп исследователей, по-разному оценивавших идейно-политические воззрения Сталина и его окружения, приверженность партийных лидеров и их готовность следовать марксистско-ленинской парадигме. Автор книги пришел к выводу о том, что идеологические перемены не означали отказа партийного руководства 1930-х гг. от идей, провозглашенных Октябрьской революцией (С. 12). Д. Бранденбергер присоединился к мнению американского исследователя С. Коткина, рассматривавшего эти перемены в контексте «стратегического перехода от задачи строительства социализма к задаче защиты социализма».

Отметим, что идеи С. Коткина и Д. Бранденбергера явно недостаточны для объяснения стратегических целей и идеологии партийного руководства страны, которое даже (и особенно) в условиях капиталистического окружения сохраняло курс на строительство социализма (одновременно и несмотря на культ личности Сталина, диктатуру аппарата ВКП(б), усиление массовых необоснованных политических репрессий), а во второй половине 1930-х гг. взяло курс на завершение строительства социализма и (утопическая цель) постепенный переход к коммунизму, провозглашенный на XVIII съезде ВКП(б). Тем не менее попытка еще одного (оригинально-

го) объяснения причин, по которым деятельность агитпропа не имела успеха, вполне заслуживает внимания отечественной научной общественности.

Свою исследовательскую цель автор монографии реализовал в лучших традициях позитивистской методологии, основываясь на известной и чеканной формуле: история пишется по источникам; нет их – нет и истории.

Исследование Д. Бранденбергера опирается на междисциплинарный и социокультурологический подходы, основу реализации которых создали разные виды исторических источников. Для изучения механизма распространения официального идеологического курса использованы сведения делопроизводственной документации центральных и местных партийных и советских органов (ОГПУ, НКВД, РККА, Главлит и др.), а также местных кружков политпросвета. Особое познавательное значение для понимания атмосферы восприятия партийной пропаганды в советском обществе имела информация, подчерпнутая из мемуаров, дневников и писем, оставшихся от современников из разных социальных слоев, публицистических публикаций в периодической печати, популярных художественных произведений деятелей всех сфер культуры и исторических трудов советской научной интеллигенции. Все это позволило автору книги создать целостную картину и идеологической деятельности агитпропа, и отношения к ней широких слоев населения.

В композиции монографии прослеживаются три тематических блока исследовательских задач автора: восстановить процесс формирования сталинского агитпропа; показать его эволюцию и смену механизмов воздействия партийного руководства на общественное сознание; вскрыть и объяснить причины провала попытки воспитания населения в духе марксизма-ленинизма. Параллельно Д. Бранденбергер провел специальный анализ того, как навязываемая идеология воспринималась обычными советскими гражданами на групповом (коллективном) и индивидуальном уровнях.

Содержание первых глав книги: «Первое десятилетие агитпропа», «Поиск “полезного прошлого” партии» и «Персонафикация советского “эксперимента”» – восстанавливает процесс формирования аппарата агитпропа. Автор показал, что недостаток образованных кадров пропагандистов, неспособность малообразованных пролетариев и крестьян воспринимать схематичное и поверхностное изложение основных понятий марксизма не способствовали успеху классового политического просвещения ни рядовых партийцев, ни широких масс. Изложение истории революции и ее недавнего социально-политического опыта мало помогало становлению сознания нового советского человека как активного защитника завоеваний революции. Упор официальной пропаганды на абстрактные (в понимании народа) принципы: «интернационализм, классовое сознание, союз рабочих и крестьян» как опоры советской власти – имел в середине 1920-х гг. «гораздо меньший социальный резонанс, чем ранее предполагалось» (С. 25). К 10-летию юбилею революции «ни партия, ни революция, ни идея диктатуры пролетариата... не завоевали особого сочувствия в советском обществе» (С. 31). Объясняя причины провала мобилизационной политики партии, Д. Бранденбергер справедливо ссылается на недостаток образовательной подготовки большей части населения (С. 32). Автор отметил, что руководство ВКП(б) было вынуждено признать, что «в идеологической обработке

населения реальный прогресс не достигнут» и требуются радикальные перемены в дальнейшем ходе институциональной реформы с акцентом на грамотность, профессионализм и конкретный, практичный подход (С. 30).

Раскрывая меры, которые предприняло партийное руководство для совершенствования официального идеологического курса, Д. Бранденбергер объясняет их, во-первых, практическими задачами индустриализации, коллективизации и идеологической работы (С. 34). Во-вторых, перемены в идеологической обработке масс автор связывает с публикацией в октябре 1931 г. печально известного письма Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция», в котором историки были резко раскритикованы «за неспособность идти в ногу с меняющимися приоритетами» (С. 34). Даже фанатично преданных партийцев (Е.М. Ярославского и др.) Сталин пренебрежительно назвал «архивными крысами» и призвал их «концентрироваться только на героических поступках партийных вождей, обходясь без изучения источников и других “академических” изысков» (С. 35). История, особенно история партии, была поставлена на службу государству. Перед ней в первой половине 1930-х гг. партийное руководство поставило ряд новых требований и новый объем задач, в том числе пересмотр всех учебников по истории партии, реорганизацию партийной образовательной системы, переподготовку агитработников и создание настольных книг, доступных даже самым малообразованным слоям населения. В книге приведены подробности, характеризовавшие процесс создания новых учебников по истории партии, приведены имена участников бригад, созданных в Институте Маркса – Энгельса – Ленина (ИМЭЛ) для написания канонического учебника, то есть, с одной стороны, раскрыты белые пятна в истории партии и ее историографии (С. 37–46). С другой стороны, автор монографии сделал вывод: 1933–1936 гг. стали «полем битвы» за написание действительно популярного учебника по истории партии для системы политпросвета, но «годы усилий дали лишь набор устаревших, бесполезных книг», не способствовавших решительной реформе в идеологическом политпросвете и партийном образовании. Справедливо и наблюдение Д. Бранденбергера о том, что историки партии, перед которыми руководство поставило задачу – искать «героев» среди вождей партии – убедились, что политические карьеры вождей невозможно описать положительными, идеологически выдержанными понятиями. Д. Бранденбергер сделал вывод, что «вожди» сами виноваты в том, что не обеспечили историков четким представлением о том, чего от них ожидают. По мнению автора рецензируемой монографии, «такого рода препятствия необходимо было устранять, если партийное руководство еще хотело найти версию “полезного прошлого”, которая способствовала бы мобилизации масс» (С. 57).

В качестве такой «версии» Д. Бранденбергер рассмотрел «функционирование культа» путем создания официальной биографии Сталина. Изучение процесса построения этой биографии (по мнению автора монографии. – *Н.Г.*) обеспечивало идеальный ситуационный анализ для оценки харизматических составляющих культа личности (С. 59) и, добавим к этому, для истории складывания официального идеологического курса, а также для истории отечественной исторической науки, так как потенциальные «биографы Сталина... оставили богатый документальный след» (С. 59). Д. Бранденбергер раскрыл сложившуюся в период создания биографии Стали-

на интригу, в которой участвовали и некоторые члены его окружения (например, Л.П. Берия), и А. Барбюс, член французской компартии, представивший в 1934 г. апологетический текст, изобиловавший фактическими и идеологическими ошибками (издан за рубежом в 1935 г.), и отечественные историки партии. По наблюдению Д. Бранденбергера, «один из самых примечательных аспектов этой истории – масштаб междоусобной борьбы, которая, похоже, происходила за кулисами в идеологическом аппарате» (С. 72). В итоге попытки создать приемлемую официальную биографию вождя провалились и из-за конкуренции возможных биографов, и из-за недостаточной разработанности истории самой партии.

Содержание следующих трех глав книги: «Культ героев и героизма», «Триумфальное шествие советского патриотизма» и «Популярность официального курса» – развивает решение проблем, рассмотренных в первых главах. В них раскрыты настойчивые, но и неудачные, попытки историков создать историю партии, найдя в ней «полезное прошлое» в лице героев революции, и написать биографию Сталина, показав его вождем революции, ее идеологом и главным организатором социалистического строительства.

В этих главах Д. Бранденбергер сделал тщательно документированный вывод: первооткрывателем «полезного прошлого» в отечественной истории и успешным проводником официального идеологического курса стали не члены партийно-пропагандистского аппарата, показавшие свою неспособность выполнить поставленные перед ними задачи, а представители творческой интеллигенции – журналисты, кинематографисты и литераторы. Они прославили имена реальных героев, совершавших военные подвиги в ходе Гражданской войны, новых маршалов, выдвинувшихся в последующих столкновениях с иностранными агрессорами, рабочих и крестьян, достигавших высоких трудовых показателей в процессе социалистического строительства в промышленности, строительстве и сельском хозяйстве, летчиков, спасавших челюскинцев и т.п. (С. 74–125). Главное идеологическое значение этих персонажей состояло в том, что, с одной стороны, это были деятели современности, а не какого-то отдаленного, дореволюционного прошлого, что значительно усиливало мобилизационно-пропагандистский эффект от популяризации их имен. С другой стороны, Д. Бранденбергер, ссылаясь на слова Н.И. Бухарина, отметил новую плеяду героев – людей труда, которые «уничтожают нищету, ломают смрадные очаги, добивают бескультурье»; это герои труда, борьбы и творчества, деятельность которых была понятна, а социальное происхождение близко основной массе населения (С. 99–100).

Большое внимание Д. Бранденбергер справедливо уделил проблеме изменения вектора в пропагандистской компании партийного идеологического аппарата: в сталинских лозунгах к первомайской демонстрации трудящихся в 1934 г. появилось слово «Родина», сменившее абстрактный лозунг «пролетарского интернационализма» и ставшее краеугольным камнем официального партийного лексикона. Это, по мнению автора монографии, стало свидетельством нарождавшегося курса на патриотизм и возникновения нового идеологического понятия – «социалистическое отечество», что было вызвано осложнением международной обстановки, в которой все сильнее проявлялась угроза войны (С. 106–117). Новая мобилизационная

стратегия, ориентировавшая население СССР на защиту своего социалистического отечества, вызвала мощную поддержку всего советского общества, в активизации которой большую роль сыграла партийная и комсомольская пресса, литература, художественное и документальное киноискусство, обладающие особыми и доступными для широких масс средствами воздействия на групповое общественное сознание (С. 125–127). В соответствии со своей основной идеей о практической слабости и кризисе агитпропа, Д. Бранденбергер подчеркнул, что успех (он использовал слово «триумф») в деле воспитания советского патриотизма, достигнутый творческой интеллигенцией, одновременно являлся одним из показателей снижения влияния историков партии и идеологов из органов агитпропа в 1930-х гг. (С. 103).

Можно согласиться с мнением Д. Бранденбергера о том, что изменение идеологического курса повлекло за собой принятие постановлений о преподавании истории и географии в средней школе; можно принять также и его оценку этих постановлений – они имели, по его словам, «поистине гигантский масштаб, влияя далеко не только на школу» (С. 109).

Справедлив и следующий вывод Д. Бранденбергера: «постановления требовали переноса упора с “социологической” теории на более традиционную государственную интерпретацию русско-советской и всемирной истории, которая должна вернуть чувство гордости и сделать более живым преподавание истории с помощью увлекательных рассказов о легендарных героях и злодеях» (С. 109).

Однако этому сюжету автор посвятил всего один абзац (11 строк), что мало соответствует «гигантскому масштабу» этого государственного акта и, главное, культурологическому значению Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 г. (автор не указал даже даты) «О преподавании гражданской истории в школах СССР». Особенно, если сравнивать с другими событиями, о которых написано более пространно (например, о спасении челюскинцев упомянуто несколько раз, см.: с. 108, 126, 128, 158; кинофильму «Чапаев» посвящены с. 92–95, 132–133 и 146; пересказ содержания ленты «Родина зовет» 1936 г. занял полную страницу). И главное, в Постановлении от 16 мая речь шла не только о том, чтобы ученикам на уроках рассказывали «увлекательные рассказы». Оно предусматривало воссоздание исторических факультетов в Московском и Ленинградском университетах, то есть способствовало развитию исторического образования, ставило подготовку новых кадров историков на государственный уровень. На основе этого Постановления (вслед за МГУ и ЛГУ) исторические или историко-филологические факультеты были открыты во многих областных центрах и союзных республиках СССР.

Если содержание четвертой – шестой глав книги связано с анализом постепенных успехов в формировании официального идеологического курса и его победного восприятия в обществе, то в следующих частях («Уничтожение “полезного прошлого”», «Массовая культура в годы террора», «Окостенение официального курса») раскрыты результаты воздействия массового партийно-государственного террора на идеологическую сферу. Этот материал служит еще одним доказательством основной идеи книги – неспособность идейно-пропагандистского партийного аппарата мобилизовать общество и внедрить в массовое общественное сознание идеи марксизма-ленинизма.

В качестве одной из причин провала идеологической работы ВКП(б) Д. Бранденбергер назвал партийные «чистки», политические процессы и «большой террор», которые «заморозили» общество, напугали и «отгородили» его от властных государственных и партийных структур. Иными словами, было виновато само партийно-государственное руководство – оно оказалось неспособным успешно руководить идеологическим воспитанием общества; оно не смогло предложить органам агитпропа действенных идей и средств, нацеленных на мобилизацию масс и внедрение марксизма-ленинизма в общественное сознание.

Второй причиной, по мнению Д. Бранденбергера, тесно связанной с первой, было уничтожение в ходе репрессивной социальной политики наиболее активной части творческой интеллигенции, обеспечившей кратковременный успех официального идеологического курса в его проникновении в сознание масс.

Третьей причиной, по мысли автора монографии, явились сами историки партии, тратившие силы на конкуренцию и междоусобицы, ждущие от власти спасительных предначертаний, неспособные создать или воспринять новые творческие идеи для преодоления схематизма и догматизма в своем нарративе. К этому добавлялось отсутствие художественных талантов у большинства историков партии: в их научном арсенале не было тех средств, которыми обладали представители творческой интеллигенции, большая часть которой попала под репрессии или была потрясена «развенчанием» вчерашних «героев».

Связывая указанные причины, Д. Бранденбергер высказал предположение: партийное руководство явно рассчитывало, что историки партии возьмут на вооружение новые тенденции, сложившиеся в массовой культуре в результате деятельности представителей творческой интеллигенции, найдут новых «героев», имена которых вдохновят советский народ, создадут научный и популярный труд для нового мобилизационного прорыва. Однако эти ожидания были напрасны.

Д. Бранденбергер справедливо считает, что препятствием для написания нового и понятного массам учебника по истории ВКП(б), который должен был стать основой для идеологической пропаганды и сети политпросвещения, явились три главные трудности: 1) как изображать В.И. Ленина (в строгой исторической достоверности или дать художественную интерпретацию образа вождя); 2) отсутствие всеобъемлющей биографии Сталина; 3) волна арестов, превращавшая литературу в постоянно пополняемый мартиролог (С. 154–159, 162–163). По оценке Д. Бранденбергера, «едва ли не единственным проектом, сорванным террором», стал текст по истории партии (С. 158).

Заметим, что в приведенной оценке отсутствует уточнение о том, что автор подразумевал только историко-партийную сферу. Без такого уточнения фраза содержит явное преувеличение: террор похоронил (в прямом и переносном смыслах) множество исследовательских проектов в других областях научной деятельности.

Всего одну страницу (непропорционально мало по сравнению с анализом других событий в художественной жизни страны) автор посвятил рассказу об истории творческого конкурса к 20-летию юбилею Октябрьской революции, для участия в котором было приглашено девять драматургов и десять сценаристов. Им поручалось создать к юбилею новые работы для театра и кино. Однако,

как выяснил автор книги, «только один сценарий и четыре пьесы оказались хоть в какой-то степени приемлемыми, причем две пьесы потребовали серьезных переделок перед их окончательным утверждением. Единственным очевидным триумфом конкурса стал сценарий А.Я. Каплера “Ленин в Октябре”, по которому М.И. Ромм спешно снял фильм летом 1937 г.» (С. 159). Д. Бранденбергер, ссылаясь на мнение К. Петроне, отметил, что авторы фильма «обошли» острые углы, изобразив Ленина источником морального авторитета, опирающегося на Сталина как на организатора революции, мудрого и всезнающего вождя (С. 159–160).

Исследуя влияние массового террора на систему партпросвещения в 1936–1938 гг., Д. Бранденбергер пришел к выводу, что ежовщина резко затормозила ее развитие, особенно на низовом уровне – среди рядовых членов партии, комсомольцев и бойцов Красной Армии (С. 166, 183). Чистка «пантеона» советских героев не позволяла активистам использовать известные имена партийных вождей, военачальников и гражданских лиц для демонстрации таких основополагающих советских ценностей, как героизм и патриотизм, что, в свою очередь, не могло укрепить реализацию цели агитпропа, состоявшей в закреплении позитивного восприятия советской действительности в сознании масс (С. 183). Д. Бранденбергер на основе анализа информации эпистолярия, дневников и делопроизводственных сводок органов госбезопасности получил, по его словам, «жуткую картину того, что ежовщина сделала с общественным мнением в СССР в 1936–1938 гг.» (с. 185–186). Оно раскололось, утрачивая воспитанное ранее советское единство и веру в идеалы социализма. Одни – свято доверяли всем сообщениям прессы о разоблачении предателей и вредителей. Вторые – не верили и критически оценивали эти сообщения, сомневаясь (и самостоятельно, и под влиянием политически трезво думающих друзей и родных) в таком большом количестве «врагов народа». Третьи – узнав об арестах представителей советского Олимпа, разочаровывались в партийно-советском руководстве, что приводило к социальной паранойе и социальной апатии (С. 185–200).

В указанных главах Д. Бранденбергер пришел к выводу, что уничтожение партийным руководством собственного «полезного прошлого» в 1936–1938 гг. «подорвало доверие к нему значительной части советского общества» и фактически стало наглядным свидетельством кризиса агитпропа (С. 201).

Завершению процесса создания учебника по истории партии в 1937–1938 гг. и проблемам восприятия его текста в обществе в предвоенный период Д. Бранденбергер посвятил значительную часть своей монографии. Особый интерес для современного читателя представляет его исследование сталинских редакционных правок, помещенное не только в основном тексте, но и в примечаниях. Автор монографии раскрыл подробности, характеризовавшие процесс корректуры текста Сталиным, вступая в дискуссии с некоторыми его биографами.

Д. Бранденбергер отметил, что новый вариант рукописи – «История ВКП(б). Краткий учебник» – был представлен Сталину на пике политики «большого террора». Это был результат труда Е.М. Ярославского, П.Н. Пospelова и группы их помощников из ИМЭЛ, работавших над книгой с осени 1937 г.

Сталин передал рукопись наиболее приближенным соратникам, сам приступил к редактированию текста введения к учебнику и дал рекомендации, направ-

ленные на изменение содержания ключевых аспектов в ряде частей книги. Затем он сам переписал основные разделы учебника, обращая особое внимание на вопросы истории борьбы с оппозицией в партии. Так, по наблюдениям Д. Бранденбергера, началась практическая работа над долгожданным учебником по истории партии. В итоговой версии в название текста было внесено изменение – «История ВКП(б). Краткий курс». В итоге редактирования Сталин переделал 11 глав из 12, усиливая теоретические аспекты истории партии «ввиду слабости наших кадров, по его словам, в области теории» (С. 202–205).

Сталин, по наблюдению Д. Бранденбергера, осуществил «системный пересмотр исторического нарратива». Он вырезал из рукописи целые страницы и десятки разделов для того, чтобы убрать перегруженность текста «незначительными историческими деталями», в том числе и имевшими «отношение к его собственной карьере» (С. 206). По мнению Д. Бранденбергера, сталинская редактура – чистка «Краткого курса» – стала «последним из главных проявлений политического насилия в эпоху ежовщины, ознаменовавшим окончание поиска “полезного прошлого”» (С. 210).

Вышедший осенью 1938 г. «Краткий курс», по первым отзывам современников, имел концептуальную значимость как энциклопедия марксизма-ленинизма и незаменимое руководство по овладению большевизмом, оказав, по оценке Д. Бранденбергера, «огромное влияние на советскую пропаганду» (С. 211, 214). Агитаторы, которые ожидали официального учебника с начала 1930-х гг., особенно были довольны структурированностью изложения истории революционного и послереволюционного периодов. Однако схематичность и предельно краткие формулировки важнейших теоретических и конкретно-исторических положений вызвали необходимость публикации пособий, дополняющих и развивающих текст учебника (С. 214–215).

По завершении создания учебника вновь возникла идея написания биографии Сталина, подхваченная группой сотрудников ИМЭЛ. Е.М. Ярославский также регулярно просил Сталина снять запрет на эту работу. Не дожидаясь разрешения, за день до его 60-летнего юбилея на сталинский стол был положен отпечатанный в типографии экземпляр «Иосиф Виссарионович Сталин (краткая биография)», созданный в ИМЭЛ. Книга имела, по оценке Д. Бранденбергера, «солидную формализованную историю партийной карьеры Сталина» (С. 217). В последнюю неделю 1939 г. книга вышла в твердой обложке (в 1940 г. общий тираж составил 1,2 млн экземпляров). По наблюдению автора монографии, «вопреки официальным ожиданиям, знакомство с революционным путем Сталина не воплощалось автоматически в более широкое чувство советского патриотизма или во внезапно обретенное понимание правильности официального курса. Более того, упоминание в повествовании лишь горстки советских героев и примеров для подражания, похоже, снизило воспитательную роль книги и негативно сказалось на ее способности заинтересовать широкую аудиторию» (С. 217–218). Однако и эта книга, и «Краткий курс» создали набор идейно-политических клише, в которых было принято выражать свое мнение о партии и деятельности Сталина, что свидетельствовало, как отметил Д. Бранденбергер, «о наличии весьма двусмысленной модели общественного восприятия» биографии вождя (С. 218).

Чрезвычайно показательно в семантическом плане название предпоследней главы рецензируемой монографии – «Окостенение официального курса», что наглядно отражает состояние и идеологической деятельности агитпропа в конце 1930-х гг., и отечественной исторической науки, которой были даны жесткие указания о том, как следует рассматривать историю российского революционного движения и послеволюционного социалистического строительства.

Одиннадцатая глава монографии – «Сталинская массовая культура накануне войны» – посвящена анализу информации множества свидетельств о том, кто и как, с какой целью изучал «Краткий курс». По оценке Д. Бранденбергера, этот «всего лишь учебник» был наделен «каноническим статусом», «непререкаемым авторитетом». Владение «Кратким курсом» как бы давало охранную грамоту, его публичное изучение одновременно являлось и «показателем идейно-политической лояльности», и «почти священнодействием», а умение «воспроизводить наизусть шаблонные фразы и постулаты из книги» признаком высокого уровня овладения политграмотой. Цитирование учебника, как и произведений Ленина и Сталина, становилось обязательным для всех научных и публицистических трудов, указывая на их высокий методологический уровень (С. 219–220, 228–233).

В то же время оказалось, что освоение текста «Краткого курса», якобы рассчитанного на массового читателя, самостоятельно желающего «овладеть большевизмом», доступно лишь партийцам, обладающим высоким уровнем идейно-политической подготовленности и проходящим организованный курс в системе партпросвещения с лекциями по истории, экономике и международным отношениям (С. 221–222). Необходимость приобщения масс к «Краткому курсу» вынудила органы центрального и местного агитпропа заняться изысканием новых методов подготовки лекторов и пропагандистов, обеспечением их дополнительными материалами, облегчающими изучение марксизма-ленинизма.

Принудительные методы идеологической обработки массового общественного сознания на основе «Краткого курса», по наблюдениям Д. Бранденбергера, вызывали недовольство представителей разных профессий и социальных слоев, считавших, что учебник по истории ВКП(б) не поможет им в профессиональном или социальном росте. Такое отношение свидетельствовало о том, что к концу 1930-х гг. явственно обозначились провалы в мобилизационной деятельности агитпропа, что служит подтверждением основной идеи, выдвинутой автором монографии и обозначенной им в заголовке заключения: «Агитпроп в кризисе».

Неизбежное следствие этого кризиса проявилось, по мысли Д. Бранденбергера, в «окостенении» истории партии, приведшем, с одной стороны, к схематичному и безжизненному славословию непогрешимости сталинского руководства как ВКП(б), так и всей советской страной, а с другой – к опасному идейному разоружению советского народа накануне Великой Отечественной войны (С. 253–255).

В этой связи необходимо заметить, что не со всеми утверждениями автора можно согласиться. В частности, о том, что успех в пропаганде официального идеологического курса, достигнутый в середине 1930-х гг., был сорван «большим террором» в конце 1930-х. Однако идеи патриотизма и готовности всеми силами защищать Родину, внедренные в общество во многом благодаря деятельности советской

творческой интеллигенции и поддержанные агитпропом, не были утеряны: они сохранились и в полной мере проявили себя на полях сражений в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., выразившись в лозунге «За Родину! За Сталина!», который в общественном сознании являлся олицетворением социализма.

Завершая рецензию, необходимо отметить, что монография Д. Бранденбергера явилась результатом его многолетних и углубленных исследований в области советской идеологической политики, народного образования и массовой культуры. Книга не только дополняет комплекс работ профессора по указанным проблемам, но и имеет самостоятельное научно-познавательное значение, поскольку в ней представлена целостная авторская концепция, рассматривающая эволюцию идейно-пропагандистского аппарата ВКП(б) в связи с воздействием на его деятельность внутриполитических и внешнеполитических событий в межвоенный период.

Автор убедительно показал, что идеологическую деятельность партийного руководства страны направляла исключительно ситуативная необходимость преодоления кризиса, затронувшего систему партпросвещения, а не целенаправленная и заранее продуманная мобилизационная стратегия.

Отметим также, что монография Д. Бранденбергера вносит важный вклад в научное осмысление феномена сталинизма, его практического становления в СССР и укрепления культа Сталина в общественном сознании советских людей в 1930-х гг.

Рецензируемая монография содержит важную методическую составляющую относительно подхода к изучению процесса формирования массового общественного сознания и оценке общественно-политического значения сталинизма, что актуально для авторов, создающих новую научно-исследовательскую и учебную литературу, ориентированную на современную высшую школу России.

Наконец, монография американского профессора представляет значительный историографический интерес, так как идея кризиса сталинского агитпропа противоположна концепции, принятой в отечественной исторической литературе, согласно которой в результате успешной пропаганды ВКП(б) полностью овладела массовым общественным сознанием в СССР.

Научный труд Д. Бранденбергера – человека «со стороны», «с другого берега» – о сталинском агитпропе позволяет по-новому взглянуть на наше «непредсказуемое прошлое», открывает широкие перспективы для его дальнейшего изучения и креативного включения полученных профессором данных в исследования отечественных историков.

Рукопись поступила: 4 декабря 2018 г.

Submitted: 4 December 2018

Информация об авторе / Information about the author

Георгиева Наталия Георгиевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов.

Natalia G. Georgieva, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Professor at the Department of Russian History, RUDN University.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-3-710-713>

Рецензия / Book Review

**Гентшке В.Л., Сабенникова И.В., Ловцов А.С. Исследователи
Русского зарубежья: биобиблиографический словарь =
The researchers of Russian Diaspora: biobibliographical
reference book. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2018. 396 с.**

Д.Г. Вайсман (рецензент)

Бруклинская публичная библиотека; г. Нью Йорк, 11229, США;
dvaisman@bklynlibrary.org

**Gentshke, Valeria L., Sabennikova, Irina V.,
and Lovtsov, Alexander S. *The researchers of Russian Diaspora:
biobibliographical reference book.*
Moscow; Berlin: Direct-Media Publ., 2018, 396 p.**

Demian G. Vaisman (reviewer)

Brooklyn Public Library; 2115, Ocean Av., Brooklyn, New York, 11229, USA;
dvaisman@bklynlibrary.org

At the end of 2018, the biobibliographical dictionary *The Researchers of Russian Diaspora* was published. This dictionary can be considered a unique result of study of the historical phenomenon of the Russian Diaspora as a whole and its most significant part – the Russian post-revolutionary emigration, which also celebrated a century of existence in 2018.

The book was prepared by a group of prominent scientific researchers and authors, supported by the fact that the dictionary was published as part of a series of books on the Russian Diaspora: *Rossiyskaya emigratsiya (1917–1939): sravnitelno-tipologicheskoye issledovaniye* [Russian Emigration (1917–1939): comparative typological study],¹ *Geografiya zarubezhnoy arkhivnoy Rossiki: annotirovannyi ukazatel publikatsiy iz otechestvennykh zhurnalov i prodolzhayushchikhsya izdaniy (2005–2010 gg.)* [Geography of foreign archival Rossica: annotated index of publications from Russian journals and serial editions (2005 – 2010)],² *Zarubezhnaya arkhivnaya Rossika: geografiya razmeshcheniya, vyyavleniye, publikatsiya istochnikov* [Foreign archival Rossica: geography of location, revealing, publica-

© Вайсман Д.Г., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

¹ I.V. Sabennikova, *Rossiyskaya emigratsiya (1917–1939): sravnitelno-tipologicheskoye issledovaniye* (Tver: Zolotaya bukva Publ., 2002).

² V.L. Gentshke, I.V. Sabennikova, and A.S. Lovtsov, *Geografiya zarubezhnoy arkhivnoy Rossiki: annotirovannyi ukazatel publikatsiy iz otechestvennykh zhurnalov i prodolzhayushchikhsya izdaniy (2005–2010 gg.)* (Moscow: Linor Publ., 2012).

tion of sources],³ *Arkhivnyye materiki Rossiyskogo zarubezhia: tendentsii i napravleniya izucheniya; annotirovanny ukazatel* [Archival continents of Russian Diaspora; trends and directions of research; Annotated index],⁴ *Zarubezhnaya Rossiya: Organizatsii rossiyskoy emigratsii 1917–1939: materialy k mezkharkhivnomu spravochniku* [Russia Abroad: Organizations of Russian Diaspora 1917–1939: materials to inter-archive reference book].⁵

The number of scientific publications and studies on the theme of Russia Abroad continues to grow. Numerous conferences and symposia on the most diverse range of questions are being conducted.

The purpose of the biobibliographical dictionary *The Researchers of Russian Diaspora* is to present to the scientific community the individuals who deal with the study of the history of the Russian Diaspora; to show the latitude of the scope of research problems and scientific directions; to present the geographical area of the Russian Diaspora as a whole and in different regions, and not less important, to present to the scientific community its contemporary researchers. And although the book is intended for specialists, it will certainly be noticed by the laymen, who are interested in the Russian Diaspora.

The circle of Russian researchers abroad who contributed to this biobibliographical dictionary is relatively wide. This is due to the fact that their determination of the concept of Russian Diaspora is not confined chronologically to the post-revolution emigration only; although, undoubtedly, the majority of contemporary Russian researchers are focused precisely on this period.

Russian diasporas of different historical periods differ considerably in their geography, number and in composition, with each period having its researchers; therefore, this approach taken by the compilers of the dictionary to the selection of authors is completely justified. Moreover, the most significant stages in the forming of the Russian Diaspora are the times of the dissolution of the Russian Empire in 1917 and later of the USSR in 1991, and also subsequent to this the processes of the forming of new states. It was then that, as a result of the re-drawing of borders, millions of compatriots ended up abroad, having considerably increased the numbers of the Russian Diaspora. Clearly, historically the members of the Russian Diaspora were not only ethnic Russians, but also representatives of other nationalities, who were of Russian (Soviet) origin and emigrated from Russia (the USSR). At present, the Russian Diaspora continues to exist. Therefore, the inclusion in the biobibliographical dictionary of researchers who are now studying all life cycles of Russian Diaspora, in our opinion, is justified.

In the first release of their publication, the compilers included data about 161 researchers of the Russian Diaspora. Among them there are many well-known scholars, who established themselves specifically in this area of study. In this analysis carried out by the authors of this project, it was found that almost half of the researchers in this area live in Moscow and Saint Petersburg. Approximately the same number of researchers are located in other regions of Russia. In this publication they are presented by researchers from Arkhangelsk, Vladivostok, Ekaterinburg, Ivanovo, Kazan, Kaliningrad,

³ I.V. Sabennikova, and V.L. Gentshke, *Zarubezhnaya arkhivnaya Rossika: geografiya razmeshcheniya, vyyavleniye, publikatsiya istochnikov* (Moscow: Novyy khronograf Publ., 2014).

⁴ I.V. Sabennikova, V.L. Gentshke, and A.S. Lovtsov, *Arkhivnyye materiki Rossiyskogo zarubezhia: tendentsii i napravleniya izucheniya; annotirovanny ukazatel* (Moscow; Berlin: Direkt-Media Publ., 2015).

⁵ I.V. Sabennikova, V.L. Gentshke, and A.S. Lovtsov, *Zarubezhnaya Rossiya: Organizatsii rossiyskoy emigratsii 1917–1939: materialy k mezkharkhivnomu spravochniku* (Moscow; Berlin: Direkt-Media Publ., 2017).

Krasnodar, Krasnoyarsk, Nizhniy Novgorod, Omsk, Petrozavodsk, to Rostov-on-Don, the Ryazan, Saransk, Surgut, Tver, Ul'yanovsk, Ufa, Khabarovsk, and Yaroslavl'.

The compilers of the dictionary included in this publication not only those researchers of the Russian Diaspora who still live in the territory of Russia, but also those who live outside of the Russian Federation. Among them are the descendants of the emigrants of the post-revolution wave and those who represent other waves of emigration, and also those whose teachers were emigrants from Russia. The countries in which the researchers of the Russian Diaspora reside, as a rule, either had or currently have Russian-language diasporas (Australia, Italy, the USA, Turkey and others), or Russian emigration has been a significant phenomenon in the history and culture of these countries (Bulgaria, Hungary, Greece, Serbia, the Czech Republic and others), or these states were once a part of the Russian Empire and the former USSR (Belorussia, Estonia and others). Another significant factor is the presence of archives, which contain documents on Russian emigration (Great Britain, the USA, France, Japan and others).

The list of researchers in the current publication is interesting. It shows that not only representatives of historical sciences (historians, the historiographers, archivists) are studying the problems of the Russian Diaspora, (they represent the majority, 53%), but also philologists (about 15%), and, to a somewhat smaller degree, experts in other branches of scientific knowledge such as architects, bibliographers, biologists, theologians, servicemen, geographers, geologists, engineers, physicists, and philosophers.

The dictionary is composed on the basis of information obtained from the researchers of the Russian Diaspora and augmented by information from reference and scientific literature.

The biobibliographical articles in the dictionary are sorted in alphabetical order. The information about the individuals included in this book is systematized to include an analysis of their activities, supplemented with a bibliographical section. Information about the dates of life, places of stay (in cases when a researcher spent a substantial part of his life in different countries, both countries are indicated), level of education, professional paths and scientific activity are included.

For foreign researchers, besides personal information in Russian (surname, name, patronymic, the name of the country of stay), similar information is provided in the language of the country of stay. In this publication the reader will be able to find information about many scientists and researchers whose ideological views were inaccessible in the Soviet period.

In addition, the dictionary presents the titles of dissertation studies, scientific publications, and projects that relate to the topic of the Russian Diaspora.

The fact that this biobibliographical dictionary is scientific is confirmed by the strict structure of the articles, and the presence of the scientific-reference apparatus which includes: an index of the main abbreviations; an index of abbreviations in the foreign languages; an index of the abbreviations of the names of periodicals, books and other publications; an index of names of organizations; an index of abbreviations and changes in the geographical names.

The articles of this dictionary not only make it possible to see the degree to which the problems of the Russian Diaspora have been studied, but also reveal 'gaps' in this area of study, which should contribute to further research of this broad topic.

Thus, it is possible to conclude that the compilers of the biobibliographical dictionary *The Researchers of Russian Diaspora* achieved their goal of developing a dic-

tionary that provides a sufficiently complete and completely objective picture of study of the problems of the Russian Diaspora at the present stage.

In conclusion I would like to express a few comments to the authors of the dictionary. This publication should be continued. The current dictionary certainly does not include all researchers of the Russian Diaspora. Their numbers continue to grow due to constant interest in this problem, the expansion of thematic, chronological framework, and new archive data. Furthermore, it would be beneficial to design a data table that includes all the data obtained by the authors through their polling. This would produce a clearer collective picture of the researchers of the Russian Diaspora. This table could not only enhance this work, which is critical for historians, but also make it extremely useful.

Рукопись поступила: 29 января 2019 г.

Submitted: 29 January 2019

Библиографический список

- Гентшике В.Л., Сабенникова И.В., Ловцов А.С. География зарубежной архивной России: аннотированный указатель публикаций из отечественных журналов и продолжающихся изданий (2005–2010 гг.). М.: Линор, 2012. 87 с.
- Сабенникова И.В. Российская эмиграция (1917–1939): сравнительно-типологическое исследование. Тверь: Золотая буква, 2002. 429 с.
- Сабенникова И.В., Гентшике В.Л. Зарубежная архивная Россия: география размещения, выявление, публикация источников. М.: Новый хронограф, 2014. 403 с.
- Сабенникова И.В., Гентшике В.Л., Ловцов А.С. Архивные материи Российского зарубежья: тенденции и направления изучения; аннотированный указатель. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2015. 427 с.
- Сабенникова И.В., Гентшике В.Л., Ловцов А.С. Зарубежная Россия: организации российской эмиграции 1917–1939: материалы к межархивному справочнику. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2017. 407 с.

References

- Gentshke, V.L., Sabennikova, I.V., and Lovtsov, A.S. *Geografiya zarubezhnoy arkhivnoy Rossiki: annotirovannyy ukazatel publikatsiy iz otechestvennykh zhurnalov i prodolzhayushchikhsya izdaniy (2005–2010 gg.)*. Moscow: Linor Publ., 2012 (in Russian).
- Sabennikova, I.V. *Rossiyskaya emigratsiya (1917–1939): sravnitelno-tipologicheskoye issledovaniye*. Tver: Zolotaya bukva Publ., 2002 (in Russian).
- Sabennikova, I.V., and Gentshke, V.L. *Zarubezhnaya arkhivnaya Rossika: geografiya razmeshcheniya, vyuyavleniye, publikatsiya istochnikov*. Moscow: Novyy khronograf Publ., 2014 (in Russian).
- Sabennikova, I.V., Gentshke, V.L., and Lovtsov, A.S. *Arkhivnyye materiki Rossiyskogo zarubezhia: tendentsii i napravleniya izucheniya; annotirovannyy ukazatel*. Moscow; Berlin: Direkt-Media Publ., 2015 (in Russian).
- Sabennikova, I.V., Gentshke, V.L., and Lovtsov, A.S. *Zarubezhnaya Rossiya: Organizatsii rossiyskoy emigratsii 1917–1939: materialy k mezharkhivnomu spravochniku*. Moscow; Berlin: Direkt-Media Publ., 2017 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Вайсман Демьян Геннадиевич, доктор исторических наук, старший библиотекарь Бруклинской публичной библиотеки (США).

Demian G. Vaisman, PhD. in History, Senior Librarian of Brooklyn Public Library (USA).

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-3-714-719>

Рецензия / Book Review

Беккин Р.И. А.Э. Шмидт: биография, научная переписка, избранные труды, библиография. М.: Садра, 2018. 504 с. (Серия «Российское востоковедение»)

С.Н. Брежнева (рецензент)

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; 196605, Россия, Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, 10; brezhneva_s_n@mail.ru

Bekkin, Renat I. A.E. *Shmidt: biografiya, nauchnaya perepiska, izbrannyye trudy, bibliografiya* [A.E. Schmidt: *biography, scientific correspondence, selected works, bibliography*]. Moscow: Sadra Publ., 2018. 504 p.

Svetlana N. Brezhneva (reviewer)

Leningrad State University named after A.S. Pushkin; 10 Petersburg Highway, Pushkin, Saint Petersburg, 196605, Russia; brezhneva_s_n@mail.ru

Яркая жизнь и деятельность выдающегося исламоведа и арабиста Александра Эдуардовича Шмидта неослабно привлекала внимание всех тех, кто интересуется востоковедением. Несмотря на то, что изучением наследия этого талантливого ученого занимались многие исследователи, появлялись статьи и биографические очерки о нем и его творчестве¹, тем не менее обобщающей работы до настоящего времени создано не было. Выход в свет фундаментального труда, включающего в себя жизнеописание ученого, статьи о его жизни, его избранные труды и эпистолярное наследие, восполняет этот пробел. Издание монографии приурочено к 100-летию Туркестанского восточного института и открытию кафедры исламоведения Санкт-Петербургского университета. Исследование основано на документах, хранящихся в архивах Российской Федерации и Республики Узбекистан, богатой переписке ученого, воспоминаниях о нем.

© Брежнева С.Н., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

¹ Лунин Б.В. По велению сердца и разума: А.Э. Шмидт и его научно-педагогическая деятельность в Ташкенте // *Общественные науки в Узбекистане*. 1970. № 8. С. 49–55; Флыгин Ю.С. Тот, кто возвращал в Ташкент Коран Османа // *Звезда Востока*. 2007. № 1. URL: <https://mytashkent.uz/2008/07/21/tot-kto-vozvrashchal-v-tashkent-koran-osmana/>; Костецкий В.А. Судьба человека, посвятившего жизнь изучению ислама. Ташкент: [Б.и.], 2015; Иофе В.Г. Крупный ученый, талантливый организатор науки и образования // *История повседневности*. 2018. № 2. С. 115–121.

Прежде всего хотелось бы обратить внимание на научную биографию А.Э. Шмидта, написанную с большой симпатией и пиететом к выдающемуся ученому. Автор очерка и автор-составитель монографии Р.И. Беккин пишет о том, что у исследователя, работающего над биографией человека, всегда возникает риск идеализировать своего героя (С. 10). Идеализации не произошло, напротив, автору удалось донести до читателя мягкий, мятущейся характер очень интеллигентного человека, волею судьбы оказавшегося в центре событий исторической важности.

В очерке автор знакомит читателя с факультетом восточных языков Санкт-Петербургского университета, где учился Александр Эдуардович, дает характеристику учителям Шмидта – В.Р. Розену, Н.И. Веселовскому, Н.А. Медникову, основываясь на воспоминаниях И.Ю. Крачковского и самого А.Э. Шмидта. Интересно замечание автора о том, что петербургские востоковеды были отдельной семьей, их отношения между собой базировались на определенном кодексе научной чести и справедливости (С. 28). Это был период становления русского академического востоковедения, тогда как в Европе уже наблюдался расцвет данного научного направления. В это время на восточном факультете Санкт-Петербургского университета сложилась замечательная плеяда российских ориенталистов, которые сыграли заметную роль в подъеме русского востоковедения. Среди российских ученых-востоковедов было большое число этнических немцев. Не составлял исключения и Шмидт. Немец-ориенталист – явление уникальное, но в то же время очень обычное в российской научной практике.

Автором очерка проведена большая исследовательская работа с опорой на материалы различных архивов, позволившая до подробностей восстановить жизненный путь Шмидта. Даже небольшой период его служения в Александровском лицее в должности инспектора воспитанников (1900–1904 гг.), который был далеко не лучшим в жизни Шмидта, так как тяготил его, подробно исследован и описан. Причем Р.И. Беккин привлек и свидетельства воспитанников Шмидта, которым также было очевидно, что человек был занят не своим делом. Интеллигентный Шмидт не был воспитателем лицеистов, его тяготила обязанность заниматься делами, явно противоречившими его истинному предназначению как ученого. Со страниц очерка Шмидт предстает не только как большой ученый, но и как человек, не лишенный слабостей, человек – интеллигентный, совестливый, порядочный. Понимая, что он не приносит пользы Александровскому лицее, Шмидт принимает решение покинуть его стены, вероятно, вызвав неудовольствие со стороны директора лицея А.П. Саломона, который, по предположению Беккина, так и не простил ему невольного предательства.

Возможность заняться наукой Шмидт получил только в 1909 г., когда после долгих мытарств он устроился в Императорскую публичную библиотеку на должность регистратора. Здесь он работал долгое время, получив, наконец, возможность погрузиться в научную деятельность. В октябре 1914 г. Шмидт защитил магистерскую диссертацию. Полностью посвятить себя науке ему мешали обстоятельства, связанные прежде всего с личной жизнью, а именно с женитьбой и рождением детей. В свою очередь, революционные события 1917 г. в России заставили Шмидта приспособиться к новым реалиям. Ему как отцу семейства необходимо было думать о хлебе насущном.

В книге Р.И. Беккин уделяет специальное внимание работе Шмидта в журнале «Мир ислама», который возглавлял В.В. Бартольд. По мнению исследователя, деятельность Шмидта в данном периодическом издании в качестве помощника главного редактора и автора ряда статей способствовала превращению журнала в один из ведущих в области исламоведения (С. 75). Автор очерка предпринимает попытки анализа произведений исследователя. Так, «Очерки истории ислама, как религии» Шмидта он называет «водоразделом в научной биографии ученого» (С. 81). Довольно обстоятельно описаны в книге нападки на журнал со стороны парижского эмигранта Аллаева-Хаджетлаше, позиционировавшего себя как эксперта по исламу (С. 88–99). Причиной явилась размещенная на страницах издания в начале 1912 г. разгромная рецензия А.Э. Шмидта на книгу Аллаева «Шрутель-Ислам», в которой была продемонстрирована полная несостоятельность Аллаева как ученого. Р.И. Беккиным проведено самостоятельное расследование возникшего инцидента, в ходе которого было доказано, что Аллаев-Хаджетлаше (Г.Я. Эттингер) являлся обычным мошенником.

По свидетельству автора очерка, самым активным и насыщенным периодом в жизни Шмидта, являлся 1919 г. Шмидт в это время был не только помощником директора библиотеки, но и вел активную преподавательскую деятельность в Петербургском университете. В 1918 г. по предложению Шмидта в университете была открыта кафедра исламоведения, чему посвящена отдельная статья Беккина в книге. Интересно описание Шмидта как университетского преподавателя, благодаря чему складывается образ кроткого и неуверенного в себе человека, что удивительно для такого большого ученого. Ухудшение здоровья и материального положения подталкивает героя очерка к принятию непростого решения – отъезду в Ташкент. Именно этот период ознаменован известным событием – передачей Корана Усмана из Публичной библиотеки Санкт-Петербурга в Уфу, а затем в Ташкент.

С 1920 г., то есть после переезда Шмидта в Ташкент, начинается новый, наиболее активный период его жизни, связанный с работой в Туркестанском государственном университете (позднее – Среднеазиатском государственном университете (САГУ)), а также со становлением Туркестанского восточного института (ТВИ), который Шмидт считал своим детищем, и борьбой за его сохранение. Автор очерка подробно описывает большую организационную работу, проведенную Шмидтом по подготовке и созданию ТВИ, ректором которого он являлся очень непродолжительное время. По свидетельству автора, в борьбе за сохранение Восточного института, затем одноименного факультета, а в дальнейшем и САГУ Шмидт продемонстрировал способность к бескомпромиссности, напоминая окружающим Дон Кихота, борющегося с несправедливостью (С. 127).

Принципиальность Шмидта не устраивала многих его коллег, характеристике которых Беккин также уделяет внимание в очерке. В 1924 г. окончательно было принято решение о преобразовании Восточного института в самостоятельный факультет в составе САГУ. Шмидту было предложено стать деканом. Автор описывает дискуссию вокруг этого вопроса, опираясь как на эпистолярное наследие ученого, так и на архивные документы. В повествовании очень убедительно передан дух эпохи: столкновение людей тонких, интеллигентных, совестливых,

порядочных с представителями новой власти. Таким образом, перед читателем открывается многомерная картина действительности и внутриполитической жизни страны 20-х гг. XX в. Когда в 1930 г. был ликвидирован и восточный факультет, Шмидт, тяжело переживший это известие, принял решение уйти с преподавательской работы и заняться исключительно наукой.

Период с 1931 по 1934 г. автор очерка называет «белым пятном» в биографии Шмидта, так как в советское время биографы, писавшие о нем, предпочитали ничего не говорить об этом этапе его жизни. На ту пору приходится арест, суд и ссылка ученого в Казань, которую он потом называл «поездкой». Все это, по утверждению Беккина, стало результатом планомерной травли, развернутой в СССР против старой профессуры. После возвращения из ссылки Шмидту удалось устроиться на должность ученого консультанта в Государственную публичную библиотеку Узбекской ССР, где он проработал до своего второго ареста в 1938 г. В этот короткий период Шмидт работал над переводами арабских средневековых авторов. Скончался величайший ученый-востоковед в 1939 г., став одной из многочисленных жертв политического террора 1930-х гг.

Большой интерес в рецензируемом издании представляют статья Р.И. Беккина о создании кафедры исламоведения в Петроградском университете в 1918 г. и статья Р.Н. Шигабдинова о возвращении Корана Усмана мусульманам. Оба события привлекают к себе внимание исследователей как своей малоизученностью, так и источниками, впервые введенными в научный оборот. К тому же оба факта хронологически охватывают один период в жизни ученого.

Центральное место в статье Беккина занимает найденная им в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга записка А.Э. Шмидта с обоснованием открытия в Петроградском университете кафедры исламоведения. Принятие 22 ноября 1918 г. на заседании Совета Первого Петроградского университета единогласного решения об открытии кафедры автор предлагает считать днем ее рождения. Поскольку имена профессоров и преподавателей, работавших на кафедре, исследователем не выявлены, то он предполагает, что кафедра была открыта под одного человека – А.Э. Шмидта, труды которого посвящены исключительно исламоведению. Очень короткий срок существования кафедры (1918–1920 гг.) автор объясняет отъездом Шмидта в Ташкент, а поскольку другого специалиста-исламоведа, способного заменить Шмидта, в это время в университете не было, то отпала и необходимость в кафедре.

Весьма интересна и содержательна статья Р.Н. Шигабдинова о причастности А.Э. Шмидта к возвращению Корана Усмана в Ташкент. Мусульманская реликвия Коран Усмана с 1869 г., когда он был вывезен из Самарканда, хранилась в Императорской публичной библиотеке. Статья Шигабдинова основана на новых документах, обнаруженных им в Центральном государственном архиве Республики Узбекистан (ЦГА РУ). Там же находится докладная записка А.Э. Шмидта, который в 1917 г. работал в Российской публичной библиотеке в Петрограде и которому были поручены выемка и передача из рукописного отделения Корана Усмана мусульманским представителям для вывоза в Уфу. Выемка и передача состоялись 29 декабря 1917 г.

Коран Усмана находился в Уфе до 1923 г. Переговоры о передаче его в Ташкент также связаны с личностью Шмидта, которому было поручено сопровождение Корана, однако мусульманская диаспора воспротивилась участию немусульманина в столь священном обряде. Тем не менее получается, что выдающийся востоковед дважды оказался причастен к транспортировке мусульманской святыни. В заключение автором статьи приведены подлинные документы, извлеченные им из фондов ЦГА РУ, в их числе телеграммы и докладные записки, свидетельствующие о переговорном процессе, который предшествовал передаче Корана Усмана.

Большой научный интерес представляет эпистолярное наследие А.Э. Шмидта. Была проведена внушительная работа по систематизации писем ученого, в результате которой выявлена относящаяся к 1895–1905 гг. переписка ученого с В.Р. Розеном (значительная часть – это письма Шмидта своему учителю во время его пребывания в заграничной командировке). Переписка Шмидта с академиком А.Н. Самойловичем иллюстрирует наиболее драматичный период жизни ученого в Ташкенте с 1920-х по первую половину 1930-х гг.

В следующей части издания представлены избранные труды А.Э. Шмидта, по сей день не потерявшие своей актуальности для специалистов, а также библиографический список трудов ученого, систематизированный автором-составителем Р.И. Беккиным.

Достоинны внимания представленные в книге фотографии, дающие возможность заглянуть в прошлое, представить, как выглядели ее герои.

Издание труда о выдающемся востоковеде А.Э. Шмидте стало заметным событием в научной жизни, которое призвано обогатить представления читателей о научном вкладе ученого в отечественную ориенталистику. Следует также отметить бережное отношение автора-составителя к наследию ученого, совершившего человеческий и научный подвиг. Кроме того, ему, безусловно, удалось продемонстрировать весь масштаб личности незаурядного человека.

Работа расширяет рамки исследований в сфере востоковедения, знакомит с обширной базой опубликованных и архивных материалов, приглашает к дальнейшему научному поиску в области изучения исламоведения. Вне всякого сомнения, книга найдет своего читателя и будет интересна не только специалистам-востоковедам, но и широкому кругу заинтересованных лиц.

Рукопись поступила: 7 февраля 2019 г.

Submitted: 7 February 2019

Библиографический список

- Иофе В.Г.* Крупный ученый, талантливый организатор науки и образования // История повседневности. 2018. № 2. С. 115–121.
- Костецкий В.А.* Судьба человека, посвятившего жизнь изучению ислама. Ташкент: [Б.и.], 2015. 192 с.
- Лукин Б.В.* По велению сердца и разума: А.Э. Шмидт и его научно-педагогическая деятельность в Ташкенте // Общественные науки в Узбекистане. 1970. № 8. С. 49–55.
- Флыгин Ю.С.* Тот, кто возвращал в Ташкент Коран Османа // Звезда Востока. 2007. № 1. URL: <https://mytashkent.uz/2008/07/21/tot-kto-vozvraschal-v-tashkent-koran-osmana/> (дата обращения: 27.01.2019 г.).

References

- Flygin, Yu.S. “Tot, kto vozvrashchal v Tashkent Koran Osmana.” *Zvezda Vostoka*, no. 1 (2007). <https://mytashkent.uz/2008/07/21/tot-kto-vozvrashchal-v-tashkent-koran-osmana/> (in Russian).
- Iofe, V.G. “Kрупную ученыю, талантливую организатор науки и образования.” *Istoriya povsednevnosti*, no. 2 (2018): 115–121 (in Russian).
- Kostetskiy, V.A. *Sud'ba cheloveka, posvyativshego zhizn' izucheniyu islama*. Tashkent: [S.n.], 2015 (in Russian).
- Lunin, B.V. “Po veleniyu serdtsa i razuma: A.E. Shmidt i yego nauchno-pedagogicheskaya deyatel'nost' v Tashkente,” *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane*, no. 8 (1970): 49–55.

Информация об авторе / Information about the author

Брежнева Светлана Николаевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина.

Svetlana N. Brezhneva, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Professor at the Department of Russian History of Leningrad State University named after A.S. Pushkin.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-3-720-725>

Рецензия / Book Review

**Мир историка: историографический сборник / редкол.:
В.П. Корзун (отв. ред.), С.П. Бычков (отв. ред.), Н.Н. Алеврас
и др. Вып. 12. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2019. 512 с.**

А.В. Сидоров (рецензент)

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
119192, Москва, Ломоносовский пр., д. 27, корп. 4; sidorov@spa.msu.ru

Korzun, V.P., Bychkov, S.P., and Alevras, N.N., eds., *Mir istorika: istoriograficheskiy sbornik* [The world of the historian: a historiographic collection]. Issue 12. Omsk: Omsk State University Publishing House, 2019. 512 p.

Alexander V. Sidorov (reviewer)

Lomonosov Moscow State University;
27 Lomonosovskiy Ave., bldg. 4, Moscow, 119192, Russia; sidorov@spa.msu.ru

Историография за постсоветский период пережила наиболее разительные изменения среди всех отраслей исторической науки. Старшие поколения российских историков помнят времена, когда образцом историографического исследования признавались книги, более напоминающие расширенные библиографии, чем исследования закономерностей исторического знания. Достаточно назвать хотя бы периодически выпускавшиеся сборники, посвященные результатам развития советской исторической науки за период от одного партийного съезда к другому. Крушение советской системы сделало наиболее актуальными в историографических исследованиях проблемы взаимосвязи науки и политики. На исходе XX века резко возросло количество работ, представлявших результаты осмысления влияния советской идеологической системы на развитие исторической науки. Однако внимание исключительно к политическо-идеологическому фактору в развитии науки привело не только к принижению значения научных исследований прошлого, но и к искажению внутренних механизмов развития исторического знания.

XXI век стал временем распространения многофакторного анализа развития исторической науки. Внимание исследователей начали привлекать самые различные аспекты научных представлений о прошлом, при этом акцент все более перемещается на личность историка как творца этих представлений. В центре

© Сидоров А.В., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

внимания – изучение научной повседневности и коммуникационных полей, локального исследовательского сообщества и семейных связей, гендерные и генерационные аспекты, культурные практики и исследовательские научные школы. Тем самым историография из науки об изучении результатов исторических исследований превратилась в науку о механизмах получения, бытования и транслирования исторического знания. Значительное расширение предметного поля историографии потребовало от исследователей новых методов и методик историографического исследования.

Этот переворот в историографии с полным правом можно назвать научной революцией. Как и всякая победившая революция, историографическая революция приводит к тому, что на первый план выдвигаются научные коллективы, оказавшиеся не только открытыми новым веяниям, но активно воплощающие их в своей научной работе. К числу последних следует отнести кафедру современной отечественной истории и историографии исторического факультета Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского, которая под руководством доктора исторических наук, профессора В.П. Корзун с 2005 г. регулярно выпускает историографические сборники «Мир историка», хорошо знакомые профессиональным историографам. В 2019 г. опубликован уже 12-й выпуск этого издания. Его публикация приурочена к юбилеям известных историков – профессоров Омского университета В.П. Корзун, В.Г. Рыженко и А.П. Толочко. Но, как отмечают сами издатели, им не хотелось превращать этот выпуск в «простой *Festschrift*». А потому основное внимание уделяется актуальным для российского научного сообщества проблемам гетерогенности исторической науки, которая выступает для авторов сборника как «некое сложное поле взаимодействия (взаимовлияния и борьбы) различных акторов с постоянно переконструируемыми в ходе этого взаимодействия дискурсами и ресурсами, с мейнстримом и периферией, мифами и подпольем» (С. 6).

Эта постановка проблемы выводит авторов сборника на вопросы развития региональных историографических исследований и школ, взаимодействие «центра» и «периферии» в исторической науке. Редколлегия сборника намеренно предельно заостряет эту проблему: «Имеет ли шансы локальная историографическая школа развиваться как самостоятельное явление в контексте отечественной науки, или лучшие ее представители неизбежно будут инкорпорированы в столичные круги, а остальные завязнут в воспроизведении однажды достигнутого?» (С. 6). Представляется, что сама постановка вопроса ведет к смешению двух взаимосвязанных, но разных понятий. С одной стороны, чисто «географический» аспект, игравший решающую роль в предшествовавшие годы, когда удаленность от центральных библиотек и архивов, активной столичной научной жизни оказывала определяющее влияние на характер научной работы исследователя. В современном мире с бурно развивающимися электронными технологиями подобная оторванность от научного процесса уходит в прошлое. Современный исследователь, не покидая свой родной город, получает возможность не только следить за развитием исследований по своей проблематике во всем мире, но и активно участвовать в обсуждении научных проблем. Однако все это в то же время может сделать глубоким «провинциалом» и столичного исследователя. И это второй аспект по-

ставленной редколлекцией сборника проблемы. Граница между «центром» и «провинцией» теперь не географическая. Она делит научное сообщество по способности проводить инновационные исследования, определяя перспективы развития науки в целом. «Воспроизведение достигнутого», как мягко выразились редакторы сборника, и есть та «периферия» науки, локализация которой не связана с географическим фактором.

Но вернемся к сборнику «Мир историка». Подготовленный и изданный в Омском университете, он объединяет исследователей Москвы и Санкт-Петербурга, Урала и Поволжья, Сибири и Карелии, других регионов России, а также Болгарии. Уже из этого факта становится понятно, что сборник является отнюдь не региональным. Об этом же свидетельствует представительство ведущих научных центров страны – Института российской истории РАН, Института всеобщей истории РАН, Архива РАН, НИУ «Высшая школа экономики», Института истории Сибирского отделения РАН, Казанского, Южного, Нижегородского, Челябинского и других государственных университетов. Это дает основание говорить не о «географической локализации», а о локализации научного пространства, превращающего кафедру Омского университета в ведущий центр историографических исследований страны.

Расширение историографического исследовательского поля приводит к постановке и решению таких трансдисциплинарных проблем, как, например, особенности генерационной трансляции интеллектуального наследия внутри одной семьи. В качестве объекта исследования в статье Н.Н. Алеврас выступают взаимоотношения отца и сына – А.С. и И.А. Лаппо-Данилевских. Опираясь на материалы монографического исследования В.П. Корзун «Профессорская семья: отец и сын Лаппо-Данилевские» (СПб.: Алетейя, 2011), автор статьи анализирует механизмы передачи «профессорской культуры» между представителями разных научных областей – отец-историк и сын-математик, выделяя особенности семейной коммуникации и передачи традиций интеллектуальной жизни.

Еще одним трансляционным институтом выступает высшая школа, обеспечивающая подготовку нового поколения научных исследователей. В сборнике этим вопросам посвящена статья Е.А. Вишленковой и К.А. Ильиной, в которой рассматриваются административный контроль и управление временем студентов и преподавателей университетов в первой половине XIX века. Большой интерес представляют данные о педагогической нагрузке профессуры в этот период. Например, в Московском университете профессор истории С.П. Шевырев в середине 1850-х гг. еженедельно имел 8 часов лекций, 6 часов преподавал «гимназические учебные предметы в зале Педагогического института и у себя на дому» и руководил практическими занятиями студентов (С. 95). По университетскому уставу 1863 г. ответственность за распределение нагрузки преподавателей передавалась от министерства советам университетов.

Особое внимание в сборнике уделено проблемам вклада «региональных» ученых в развитие исторической науки. Большой интерес представляет статья Л.П. Репиной, посвященная эволюции местной исторической памяти на примере английского историописания. Анализируя структурализацию локальной истории в кон-

тексте трансдисциплинарных исследований (переход от «истории графств» к «новой региональной истории»), Л.П. Репина характеризует действие механизмов формирования социальной и региональной идентичности в сфере истории. Автор статьи отмечает, что «в научных программах локальной и региональной истории (в том числе в case studies) превалирует контекстуальное мышление, которое во многом определяет лицо современной историографии, выступающей в единстве своих социальных и когнитивных функций» (С. 222).

В этой связи большой интерес вызывают представленные в сборнике результаты осмысления деятельности ведущих отечественных ученых, творчество которых развивалось в регионах России. Исследованию научной деятельности работавшего в Ростове-на-Дону А.П. Пронштейна посвящена статья А.В. Лубского. Автор отмечает, что в изучении развития источниковедения А.П. Пронштейн «постоянно ориентировался на современный его образ в качестве идеала источниковедческой деятельности, поэтому наибольшее внимание исследователя привлекли как раз те источниковедческие идеи, которые вписывались в этот идеал как его предшественницы» (С. 154). Анализ истории отечественного источниковедения приводит А.В. Лубского к выводу об условности и относительности того или иного способа трактовки современных источниковедческих проблем, «претендующего на то, чтобы быть универсальным и поэтому единственно правильным» (С. 164).

Проблеме формирования и репрезентации стереотипов представлений о провинциальном ученом посвящена статья А.А. Кузнецова. В ней анализируется сложившийся в науке образ (который автор статьи определяет как «миф») историка и деятеля нижегородского высшего образования С.И. Архангельского (1882–1958). Понимая под биографическим мифом «“сборку” исключительно положительных черт и качеств», автор статьи пытается проанализировать сложившийся миф об основателе историко-филологического факультета Нижегородского (Горьковского) государственного университета, раскрыть механизм его формирования (чему особо способствовали ученики С.И. Архангельского) и дальнейшего бытования. Разбирая основные элементы этого представления, А.А. Кузнецов пытается найти объяснения сложившегося представления о тех или иных личных качествах С.И. Архангельского. Например, его доброжелательность, ровность и сдержанность в отношении с людьми А.А. Кузнецов расценивает как «средство спасения от любых конфликтов», которыми была богата биография ученого. Автор приходит к заключению, что «миф играет тормозящую и искажающую исследовательское зрение роль», тогда как рассмотрение в динамике биографии и научного творчества С.И. Архангельского с учетом всех жизненных, повседневных обстоятельств «только усиливает впечатление о масштабности и величии им сделанного» (С. 128).

Проблемам соотношения развития отечественной и зарубежной историографии посвящена статья Г.П. Мягкова и Л.А. Сыченковой, в которой на примере анализа русской медиевистической культурологии дано осмысление проблем актуализации опыта отечественного научного наследия. Отмечая расхождение в научной литературе утверждения о периферийности российских исследований в этой области (С. 180, 182), авторы статьи на основе анализа творческой лаборатории П.М. Биццли и И.И. Иоффе приходят к выводу, что их процедуры исследования «предвосхити-

ли “иконологический” метод западных ученых. Поиски российских искусствоведов и медиевистов в области междисциплинарной методологии культурологического знания вполне сопоставимы с иконологическим методом Аби Варбурга, идеи которого в свою очередь получили развитие в трудах его более молодого современника и единомышленника Э. Панофского» (С. 201–202). Причины сложившегося положения в науке авторы видят в том, что «мало делается для популяризации и пропаганды отечественного историко-культурного наследия за рубежом. Для этого нужны переводы русских авторов и значительные средства» (С. 203–204). Сам по себе этот вывод достаточно тривиален и не в полной мере учитывает сложность и противоречивость процессов развития мировой научной мысли.

Особенностью современного этапа исторического знания является тенденция к антропологизации историографии, которая предполагает повышенный интерес к ремеслу историка и его личности. Содержанию антропологического подхода и связанных с ним эпистемологическим поискам в историографии посвящена статья З.А. Черканцевой. Автор статьи не сводит этот подход к простому сближению истории и антропологии, переносу на почву историографии антропологических методов. Вслед за К. Вульфом она считает необходимым «связать тематически и методически различные антропологические перспективы, учитывая их историчность и культурность» (Вульф К. *Антропология: История, культура, философия*. СПб.: СПбГУ, 2007. С. 88). «Не удивительно, – пишет З.А. Черканцева, – что традиционно мыслящие историки... продолжают работать в контексте этажности исторических планов (экономика, социум, политика, культура), где культура далеко не самое интересное. На этом фоне понимание предметной области истории историографии как истории исторической культуры, утвердившееся в отечественной науке, предстает настоящим прорывом на пути к обновлению представлений о мире прошлого и настоящего» (С. 253).

Этот антропологический прорыв проявляется в том числе в публикации все большего числа работ, имеющих трансдисциплинарный характер. В рецензируемом сборнике в этой связи следует отметить статью Л.А. Сидоровой, посвященную поэтическому творчеству Н.И. Кареева, и работу М.А. Мамонтовой, использующей, казалось бы, чисто социологические методы для характеристики взаимоотношений региональной власти и сообщества историков.

Доминирование антропологического подхода предопределяет проблематику второго раздела сборника: привлечение эго-документов в современном историографическом исследовании. Статья Н.П. Матхановой посвящена возможностям использования эпистолярно-мемуарного наследия историков как исторического источника для воссоздания их биографий. В статье О.В. Метель рассматривается проблема ограничений, накладываемых источниками личного происхождения, для изучения институциональной истории советской исторической науки в 1920–1930-е годы. Эпистолярным наследиям Г.П. Федотова и М.А. Коростовцева посвящены исследования А.В. Антощенко и С.Б. Криха.

Богат сборник и публикацией документальных материалов, большая часть которых связана с эпистолярным наследием: публикуются письма Г.П. Федотова, В.Д. Бонч-Бруевича, В.И. Авдиева, С.И. Архангельского, А.П. Мещерского,

А.В. Флоровского. Большой интерес для историографа представляет опубликованная рукопись Е.Ф. Максимовича «Н.М. Карамзин – С.М. Соловьев – В.О. Ключевский», рецензия Н.М. Никольского на монографию Р.Ю. Виппера, интервью с Е.А. Чиглинцевым и Г.П. Мягковым об историке античности А.С. Шофмане.

Конечно, некоторые выводы статей представленного сборника носят дискуссионный характер и вызовут возражения у специалистов по тем или иным проблемам. Но в целом сборник дает достаточно точное представление о состоянии современной историографии, а совокупность выпусков «Мира историков» отражает многие ключевые черты развития отечественной историографии первых двух десятилетий XXI века.

Рукопись поступила: 17 апреля 2019 г.

Submitted: 17 April 2019

Информация об авторе / Information about the author

Сидоров Александр Валентинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государственного и муниципального управления факультета государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Alexander V. Sidorov, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Professor, Head at the Department of History of State and Municipal Administration of Lomonosov Moscow State University.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

SUBMISSION GUIDELINES

Редакционная коллегия принимает к публикации рецензии объемом 10–12 тыс. знаков, статьи и историографические обзоры объемом от 40 до 60 тыс. знаков, включая подстраничные сноски и межсловные интервалы (пробелы) и без учета аннотаций и References, в формате MS Word с типом файла DOC. В редакцию должны быть направлены два файла.

Первый файл (под названием «ФИО автора_статья») должен содержать в себе статью без указания автора. Статья должна состоять из трех разделов: «Введение» (обоснование темы, определение цели и задач исследования, обзор источников и литературы (с обязательным анализом новейших зарубежных публикаций)), «Исследование проблемы» (делится на смысловые блоки, которым даются подзаголовки), «Выводы» (должны быть развернутыми; объем – не менее 0,5 страницы).

Ссылки на источники и литературу даются постранично с помощью продолжающихся номерных сносок на оригинальном языке опубликования.

Вторым файлом (под название «Доп. матер._ФИО автора») по электронному адресу корпоративной почты журнала направляются: *текст англоязычной аннотации* объемом не менее 240 и не более 260 слов и ее русскоязычный исходный текст; название статьи, ФИО автора, название организации и ее адрес на русском и английском языках; *информация об авторе* на русском языке с указанием страны и города проживания, ученой степени, ученого звания, места работы и должности; контактный e-mail.

Также в файле размещается библиографический список в латинизированной форме – “*References*”, который выстраивается в английском алфавите. При транслитерации необходимо использовать стандарт BSI (British Standard Institute, UK). Библиографическое оформление публикаций в этом списке отличается от оформления в подстраничных сносках и производится в соответствии с правилами “*Чикагского стиля цитирования*” (“Chicago Manual of Style”) в 17-й редакции в варианте “*Note and Bibliography System*”. При оформлении публикации необходимо указывать название издательства в транслитерированном варианте с обязательным добавлением слова Publ. (Press., если указывается типография). В случае его отсутствия ставить пометку [Б.и.], если цитируемая публикация на русском языке, или [S.n.], если цитируемая публикация на иностранном языке.

Файлы направляются по электронному адресу корпоративной почты журнала: rushistj@rudn.ru. Анонимный файл с рукописью должен быть дополнительно загружен на сайт журнала для проведения внешнего «слепого» рецензирования.

Более полную информацию о правилах оформления рукописи см. на сайте:

<http://journals.rudn.ru/russian-history>

Адрес электронной почты: rushistj@rudn.ru

ТЕМАТИЧЕСКИЙ ПОРТФЕЛЬ ЖУРНАЛА НА 2020 Г.**CALL FOR PAPERS FOR THE 2020 ANNUAL PROGRAM**

Жизнь наций СССР в 1920–1950-е гг.
<i>Прием статей до 1 ноября 2019 г. • Deadline for submissions: 1 November 2019</i>
В рамках данной проблематики предлагается обсудить различные аспекты национально-государственного устройства СССР в сталинский период с учетом изменения статуса территорий, характера взаимоотношений «центра и периферии», рассмотреть практики регулирования межнациональных отношений, статус и положение национальных элит, изменения в религиозно-национальной политике в послевоенный период, функционирование механизма государственного контроля за ее исполнением.
Народы СССР в годы Великой Отечественной войны: к 75-летию Победы
<i>Прием статей до 1 февраля 2020 г. • Deadline for submissions: 1 February 2020</i>
В рамках данной проблематики важно осветить вопросы, связанные с участием народов СССР в боевых действиях против фашизма, организации обороны и работе тыла; показать «человека войны» в микроистории и истории повседневности, раскрыть проблему ценностей, представлений, верований и традиций народов в условиях войны, механизм формирования героических символов, проявление религиозности и атеизма в боевой обстановке; проблемы депортации отдельных народов и их последствия. Предполагается специально осветить процесс эволюции исторической памяти о Великой Отечественной войне в советском и постсоветском обществе.
История юго-восточного фронта России
<i>Прием статей до 1 мая 2020 г. • Deadline for submissions: 1 May 2020</i>
Выпуск номера приурочен к 285-летию с момента первого основания города Оренбург (26 августа 1735 г.). В рамках предлагаемой проблематики предполагается обсудить вопросы, связанные с межкультурным взаимодействием на территории исторического Оренбургского края, игравшего в дореволюционный и советский периоды роль фронта в треугольнике «Русский мир – Башкирия – Казахская степь»; будут рассмотрены: история закрепления за Россией Башкирии и Казахской степи, феномен оренбургского и уральского казачества, политика по отношению к «иногородцам» и становление национальных интеллигенций, имперская и советская национальная политика в регионе, межкультурное взаимодействие в рамках освоения целины.
Этническое и конфессиональное многообразие России и СССР: восприятие властью и обществом
<i>Прием статей до 1 августа 2020 г. • Deadline for submissions: 1 August 2020</i>
Выпуск номера приурочен к 115-летию подписания указа о веротерпимости (17 апреля 1905 г.) и 30-летию принятия закона Верховным Советом СССР «О свободе совести и религиозных организациях» (1 октября 1990 г.). В рамках предлагаемой тематики могут быть рассмотрены различные направления этнической и конфессиональной политики власти в центре и на местах. Предполагается обсудить отношение русского общества к этническому многообразию страны, провести анализ восприятия интеллигенцией национальной и конфессиональной политики государства, провести реконструкцию идейных проектов решения национального вопроса, разработанных различными политическими силами России XX в.

